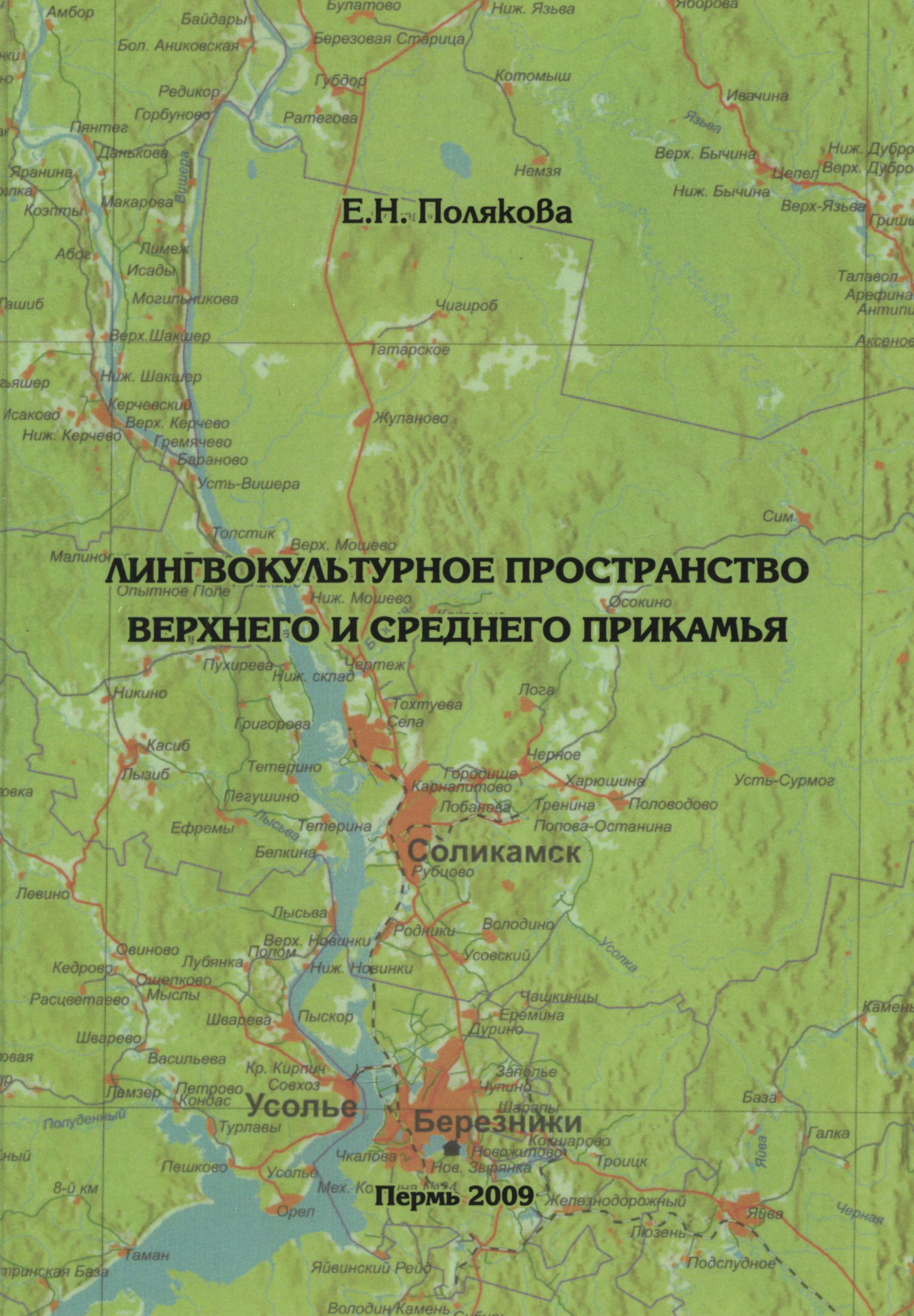


Е.Н. Полякова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Пермь 2009

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Е. Н. Полякова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Пермь 2009

УДК 81(470.53/531)(075.8)
ББК 81.2(2 Рос-4 Пер)я73
П54

Полякова, Е. Н.

П54 Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – 260 с.

ISBN 978–5–7944–1277–2

В пособии рассматриваются проблемы формирования и функционирования русской речи в Верхнем и Среднем Прикамье, связи русских говоров с коми-пермяцкими, лексика и ономастика края и отражение в них материальной и духовной культуры, происхождение и история отдельных слов (гляден, кекур, пока) и топонимов (Егошиха, Пермь, Слудка), работы по исследованию пермской лексики и ономастики, вопросы региональной лексикографии. Даны рекомендации для самостоятельной работы с материалами Интернета и печатной научной литературой по региональной лексикологии и ономастике, в частности, по данным пермских памятников письменности XVI–XVIII вв., говоров, просторечия и городской речи Прикамья.

Пособие предназначено студентам-филологам, изучающим курсы «Региональная лексикология и ономастика», а также «Русская диалектология», «Лингвистическое краеведение», спецкурсы по истории языка, этимологии, лексикологии и ономастике. Оно может быть также использовано научными работниками и преподавателями высшей и средней школы.

УДК 81(470.53/531)(075.8)
ББК 81.2(2 Рос-4 Пер)я73

Рецензенты: кафедра русского языка Пермского государственного педагогического университета; кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета Л. А. Белова

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Работа выполнена при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08–04–82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08–04–82408 «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края», № 08–04–82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 09–04–82402 а/У «Диалектный тематический словарь человека», № 09–04–82403 а/У «Фразеологический словарь русских говоров Пермского края».

ISBN 978–5–7944–1277–2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для реализации национально-регионального (вузовского) компонента в учебном плане специальности «Филология» специализации «Русский язык и литература» на филологическом факультете Пермского государственного университета изучается общий курс «Региональная лексикология и ономастика». Проблемы исторической и современной русской лексикологии, ономастики и отражения в них материальной и духовной культуры рассматриваются на материалах памятников письменности XVI–XVIII вв. и живой речи (говоров, городской речи) XX–XXI вв. Пермского региона, охватывающего Верхнее и Среднее Прикамье (Пермский край, включающий Коми-Пермяцкий автономный округ). Пермские данные сопоставляются с данными лексики и ономастики других регионов России.

Лингвокультурное пространство края включает в себя совокупность всех языковых единиц, обусловленных культурой региона и отражающих ее черты. Во многих случаях особенности культуры приводят к возникновению новых языковых единиц и к другим изменениям в языке. Поэтому для лингвиста, особенно для изучающего лексику и ономастику, важно учитывать культуру региона.

Так, условия хозяйствования в крае обусловили культуру подсечно-огневого земледелия, сведения леса на участках под пашню. Для этого лес на них *чертили*, *подчерчивали* деревья, т. е. вокруг ствола каждого дерева наносили топором *черты*, подрубая кору. Деревья высыхали, их выжигали, освобождая землю под посев зерновых. Учетывая особенности культуры земледелия в прошлом, можно понять, как в народной речи появилось слово *чертеж*, называющее участок под посев, и почему в Пермском крае были деревни с названием *Чертеж*. В свою очередь, изучение языка памятников письменности, говоров, просторечия позволяет выявить черты материальной и духовной культуры края. Таким образом, в исследовании как языка (в частности, лексики и ономастики), так и культуры необходимо обязательно иметь в виду их взаимосвязь, что и учитывалось при разработке представляемого пособия.

Чтобы обеспечить студентов материалами для самостоятельной работы, в 2006 г. было издано учебное пособие «Региональная лексикология и ономастика»[1], в котором представлены программа курса, список тем для самостоятельной работы и печатные материалы для ее выполнения – 35 научных статей автора пособия, опубликованных в разные годы в различных, иногда малотиражных изданиях, которые студентам сложно отыскивать.

В материалах пособия рассматривались многие вопросы: заселение региона и формирование на его территории русских говоров, взаимодействие их с другими языками, состав и закономерности развития лексики и онома-

---

[1] *Полякова Е. Н.* Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие / Перм. ун-т. Пермь, 2006.

стики края, методы их изучения, происхождение и история отдельных лексем и онома, связи апеллятивов и имен собственных, реконструкция исчезнувшей диалектной лексики по данным памятников письменности и ономастики, отражение особенностей материальной и духовной культуры жителей края в живой речи прошлых эпох и настоящего времени.

Однако уже после этого появились новые публикации результатов дальнейшего исследования лингвокультурного пространства Пермского края, которые целесообразно использовать в самостоятельной работе студентов. Эти публикации посвящены изучению формирования и функционирования русской речи Пермского края, связям лексики и ономастики с культурой, специфике отражения разговорно-бытовой речи в деловых памятниках XVI–XVIII вв., связям русских и коми-пермяцких говоров, отражению культуры в языке (культура питания, строительства в Прикамье), истории отдельных существовавших в прошлом в пермской речи апеллятивов (ср.: *гляден*, *прость*, *редрый*), топонимов края (*Ветлан*, *Долды*, *Дивий камень*) и города Перми (*Егошиха*, *Пермь*, *Слудка*) и т. д. Рассмотрены результаты изучения пермских материалов различными исследователями (работы А. С. Кривощековой-Гантман) и вопросы лексикографии, в частности описание топонимии Урала в «Лексиконе» В. Н. Татищева.

Считая, что при изучении курса студентам важно знать результаты исследований последних лет, мы представляем их в новом учебном пособии «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы», которое, с одной стороны, является продолжением и дополнением первого, но, с другой стороны, может быть использовано самостоятельно. Поэтому оно включает в себя кроме публикаций 25 статей автора пособия программу курса «Региональная лексикология и ономастика», темы самостоятельной работы и рекомендации для написания реферата.

Вместе с тем новое пособие существенно отличается от старого. В связи с реализацией Инновационной образовательной программы Пермского государственного университета «Формирование информационно-коммуникационной компетентности (ИКК) выпускников классического университета в соответствии с потребностями информационного общества» в пособие введен новый раздел, посвященный применению сведений Интернета в самостоятельной работе студентов. Современные условия опубликования результатов научных исследований не только в печатном, но и в электронном виде дают новые возможности. Поэтому в заданиях (темах) для самостоятельной работы представлены конкретные рекомендации к поиску в Интернете необходимых сведений и включению их в рефераты или доклады.

Рекомендуется обращение к наиболее информативным для самостоятельной работы студентов порталам и сайтам Интернета («Русский язык», «Центр развития русского языка», «Русское слово», «Архив петербургской русистики», «Ономастика России», «Матвеев – Топонимия Урала как па-

мятник языка и истории», «История фамилии» и др.), материалы которых помогут в разработке конкретной темы по региональной лексикологии или ономастике и дадут представление об отражении в Интернете обширных сведений по разным проблемам языкознания и культуры.

В связи с этим в пособии разработан раздел «Использование материалов Интернета в самостоятельной работе», а в списке тем для самостоятельного изучения обозначены рекомендуемые печатные и электронные материалы.

К сожалению, в настоящее время невозможно найти в Интернете большие тексты ко всем темам самостоятельной работы. Они есть по общим вопросам истории лексики, ономастики, культуры, а также по конкретным вопросам ономастики, но их недостаточно для разработки тем по лексикологии. Однако в темах, посвященных описанию лексики, могут быть использованы лексикографические материалы, представленные в Интернете: словари В. И. Даля, С. И. Ожегова, под редакцией Д. Н. Ушакова, словари современного русского языка, специальные словари (в частности географические), а также статьи о современной лексикографии, например, работа Е. И. Державиной и Ю. Н. Филипповича «Историко-лексикографические исследования и компьютер: На материале словаря русского языка XI–XVII вв.» в справочно-информационном портале «Русский язык». Уже сама возможность видеть сразу сведения о слове в различных лингвистических словарях, а также в «Большой советской энциклопедии» и «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона облегчает работу лингвиста.

Следует учитывать, что Интернет – очень динамичная система: в нее постоянно включаются новые материалы и, напротив, из нее по разным причинам удаляются некоторые сайты (или часть их). Это необходимо учитывать в самостоятельной работе. Вместе с тем весьма актуально то, что работа по поискам необходимых материалов позволяет студентам научиться ориентироваться в Интернете, увидеть, где можно найти данные по основному и по смежным вопросам, показывает, какая обширная лингвистическая литература выходит по тем или иным проблемам, учит работать с различными электронными словарями.

Историками языка, диалектологами, специалистами по разговорной речи города опубликовано большое количество исследований лексики и ономастики Прикамья в разных аспектах. Они могут быть использованы студентами как материалы для самостоятельной работы по курсу. В основном это статьи, наиболее полный перечень которых дан в библиографическом указателе «Этнический мир Прикамья»[2]. Но, к сожалению, они нередко недоступны для студентов, так как опубликованы в малотиражных сборниках, в разных городах, их трудно найти в библиотеках. В связи с этим и было подготовлено данное пособие.

---

[2] *Этнический* мир Прикамья: Библиограф. указатель / сост. Т. И. Быстрых. Пермь: Реал, 2003.

При подготовке к изданию в «Печатных материалах для самостоятельной работы» статей, опубликованных ранее в сборниках с разными правилами оформления ссылок, проведена унификация подачи ссылок для всех статей. В пособии 3 списка работ, ссылки на которые оформляются по-разному:

1) для работ, представленных в библиографическом списке, – в квадратных скобках фамилия автора (или название публикации), год издания и цитируемая страница, ср.: [Бахилина 1975: 48] или [На путях из земли Пермской 1989: 26];

2) для указанных в списке словарей, словников, справочников и картотек – в квадратных скобках аббревиатура названия (или фамилия автора), том или выпуск (для многотомных изданий), цитируемая страница: ср.: [СРНГ, 13, 61], или [Даль 4: 78], или [Прокошева: 96)]. Год издания не обозначается;

3) для указанных в списке источников – в квадратных скобках ***курсивом*** аббревиатура названия памятника (и места его хранения) или названия его публикации, том (для многотомных публикаций), лист рукописи или страница публикации), например: [*Ш 1:* 61] или [*КМ: 48*].

Таким образом, каждый из трех видов ссылок отличается от двух других либо указанием на год издания, либо указанием на том (выпуск) издания, либо подачей ссылки курсивом. Списки литературы и источников, представлены в конце пособия. Студенты могут использовать их при выполнении не только самостоятельной работы по курсу «Региональная лексикология и ономастика», но и при написании курсовых и других работ по лингвистическому краеведению, русской диалектологии (территориальной и социальной), истории русского языка, топонимике, истории антропонимии и другим дисциплинам.

В целом, пособие ориентирует студентов на поиски необходимых материалов в Интернете и на совмещение их с данными печатной научной литературы.

ПРОГРАММА КУРСА «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА (по материалам Пермского края)»

Курс «Региональная лексикология и ономастика» строится на данных региональных памятников письменности и живой речи (говоров и городской речи). В Пермском государственном университете курс разработан на материалах, зафиксированных в Пермском крае.

Цель преподавания курса – освещение проблем возникновения и истории нарицательной лексики, антропонимии и топонимии в регионе, проблем становления и функционирования лексики и ономастики русского языка (по материалам региона), связи языка и культуры, подготовка к изучению и преподаванию региональной лексики и ономастики в вузе и средней школе.

Задачи курса – освещение источников и процессов становления и функционирования лексики, антропонимии и топонимии края, изучение местного языкового богатства и отражение его в региональных и общерусских словарях и других источниках; анализ условий, особенностей и результатов взаимодействия разных языков в крае, региональной лексикографии, лингвогеографии, этимологии территориально ограниченных лексем и онома; рассмотрение проблем сбора, классификации и методов анализа регионального лексического и ономастического материала для дальнейшей разработки региональной лексикологии и ономастики как курса для преподавания в вузе и школе. Освещение отражения в языке материальной и духовной культуры края. Это определяет **актуальность** курса в процессе подготовки филологов, преподавателей русского языка.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Введение. Цель, задачи, предмет и объект курса. Терминология, используемая в курсе (регионализм, локализм, диалектизм, диалектное слово, территориальный диалект, городская речь, городское просторечие и др.). Основания выделения региона для лингвистических исследований. Аспекты изучения лексики и ономастики: этимологический, тематический, системный, исторический, стилистический, лексикографический, лингвогеографический, культурологический. Характеристика источников изучения региональной лексики и ономастики.

История региона как основание для его выделения и лингвистического изучения. Дорусская история Верхнего и Среднего Прикамья, роль лингвистики, археологии и этнографии в ее изучении. История заселения Прикамья и современное расселение различных народов на территории Пермской области.

История заселения Прикамья русскими: причины и пути переселения в Прикамье. Формирование русских пермских говоров, источники изучения этого процесса. Значение и объем определения «пермский» в лингвистических исследованиях XIX в. и XX в. Связи и отражение в языке культур разных народов Прикамья.

Состав лексики говоров. Общенародная лексика. Категория слов диалектно-просторечных. Место диалектных слов в говорах и городской речи. Количественное соотношение общенародных, диалектно-просторечных и диалектных слов в системе диалекта.

Региональная лексикография. Пермские лексические и ономастические словари. Русские диалектные словари, отмечающие лексику пометой «пермское».

Региональная лексика с точки зрения происхождения. Исконно русская лексика, восходящая к древнерусскому, праславянскому, а иногда и к праиндоевропейскому языкам. Новая русская лексика как результат развития словарного состава.

Заимствованная лексика. Заимствования в русский литературный язык (старославянские, западноевропейские, восточные), вошедшие в лексику говоров и просторечия. Фонетическая и грамматическая адаптация заимствований к диалектам и просторечию. Изменения в семантике заимствований. Местные заимствования (финно-угорские и тюркские) в лексике и ономастике. Отражение в лексике культурных связей народов Верхнего и Среднего Прикамья.

Динамические процессы в региональной лексике и их причины. Влияние социальных, экономических и культурных условий жизни на изменение словарного состава говоров и просторечия. Утрата лексики в связи с исчезновением реалий материальной и духовной культуры прошлого и реконструкция ее по данным исторических словарей и ономастики. Изменение значений слов в результате общественных, экономических перемен. Вхождение в говоры и просторечие новой лексики. Вытеснение общерусскими вариантами слов диалектной лексики. Образование в говорах новых слов в результате действия фонетических, словообразовательных, семантических процессов. Окказиональная лексика.

Исследование тематических и лексико-семантических групп слов, рядов синонимов. Работа в диалектологических экспедициях по вопросникам. Тематический принцип собирания лексики для «Лексического атласа русских народных говоров», анализ тематических групп названий предметов быта, хозяйственных орудий, реалий растительного, животного мира и т. д., принципы классификации лексики в тематических группах.

Изучение лексико-семантических групп слов для установления системных связей в лексике говоров и просторечия.

Анализ синонимических рядов слов памятников письменности и говоров, методика анализа гнезд однокоренных слов и их синонимов, ее значение для исследования динамики лексики.

Лингвогеографический подход к анализу тематических, лексико-семантических групп слов и синонимов.

Отражение истории и культуры в лексике Пермского края.

Диалектная лексика в городской речи. Терминология, методы выявления и исследования диалектизмов и локализмов, перспективы функционирования диалектной лексики в городской речи.

Антропонимия региона. Источники изучения истории региональной антропонимии: письменные памятники XVI–XX вв.: переписные документы (писцовые, переписные, дозорные книги, ревизские сказки, адреса-календари, телефонные справочники и др.), материалы диалектологических экспедиций, наблюдения над современными антропонимами в школах, на предприятиях.

Имена. Некалендарные и календарные имена XVI–XVIII вв. Вторичные (неполные, деминутивные, уменьшительные) имена, способы их образования. Новые имена (заимствования, новообразования). Отражение истории культуры в динамике именника.

Отчества. Формирование отчеств в регионе. Два типа отчеств (со словом «сын» и с «вичем»). История отчеств в регионе.

Прозвища. Официальный и неофициальный характер прозвищ в разные периоды истории края. Источники прозвищ. Роль прозвищ в формировании фамилий. Сфера употребления современных прозвищ. Значение изучения прозвищ, зафиксированных в памятниках письменности, для восстановления нарицательной лексики прошлых эпох. Роль прозвищ в реконструкции материальной и духовной культуры Пермского края.

Фамилии. Конец XVI–XVII в. как начальный период формирования фамилий в регионе. Источники формирования фамилий: некалендарные и календарные (полные и вторичные) имена; прозвища (оттопонимические, отэтнонимические, обзывные, метафорические и др.). Развитие региональных фамилий. Значение изучения фамилий для реконструкции нарицательной лексики и культуры прошлых эпох.

Структура антропонимов. Одночленные, составные (многочленные). Зависимость структуры антропонимов от стиля речи, жанра письменного текста, возраста именуемого. История становления современного официального антропонима и ее отражение в региональных текстах.

Региональная этнонимия. Этнонимы региона в разные периоды его истории (самоназвания и данные другим этносом названия). Этнонимы в памятниках письменности XVI–XIX вв. Официальные этнонимы. Этнонимы как источник прозвищ и фамилий.

Региональная топонимия. Терминология. История научной дисциплины – топонимики. Источники изучения топонимии: материалы топонимических и диалектологических экспедиций, географические справочники, карты, планы, списки населенных мест, словари.

Гидронимия региона. Языковые пласты Прикамья, определившие происхождение гидронимов [пермский (коми, удмуртский), угорский, тюркский, русский]. Способы образования русских и нерусских по происхождению гидронимов. Формантный метод их исследования. Роль гидронимии в образовании ойконимов и микротопонимов. Этимология отдельных гидронимов (Кама, Чусовая, Вишера, Кунгурка, Сылва и др.). Отражение истории и культуры края в гидронимии.

Ойконимия региона. Русские и нерусские по происхождению ойконимы. Источники образования ойконимов: топонимия (гидронимы, оронимы, микротопонимы); имена (полные, вторичные), прозвища, фамилии первопоселенцев; наименования церковных приходов, символов революции, советских праздников и др. Структура ойконимов в регионе. Этимология отдельных ойконимов (Пермь, Чердынь, Кудымкар, Лысьва, Оверята и др.). Исторические и культурные изменения в ойконимии. Отражение истории и культуры края в ойконимии.

Оронимия региона. Оронимия отрицательная (названия оврагов, ложбин, карстовых провалов, низких мест) и положительная (названия гор, возвышенностей, хребтов). Источники изучения. Происхождение орони-

мов Прикамья. Легенды о происхождении оронимов. Адаптация нерусских названий к русскому языку (фонетические изменения, кальки). Этимология отдельных оронимов (Урал, Полюд, Ветлан, Дивий Камень, Боец и др.). Отражение в оронимии истории и культуры разных народов региона.

Микротопонимия региона. Источники изучения микротопонимии (материалы экспедиций, землеустроительные планы, лоции и др.). Виды микротопонимов (названия водных потоков, болот, лугов, покосов, полей и т. д.). Источники их образования. Структура микротопонимов разных видов. Отражение материальной и духовной культуры в микротопонимии региона.

Урбанонимия. Именования улиц, площадей, переулков, магазинов, учреждений и других городских и сельских объектов. Культура урбанонимии в разные эпохи.

Роль топонимии в реконструкции утраченной нарицательной лексики (в частности диалектных слов) разных периодов функционирования в регионе. Значение реконструкции лексики для исследования культуры.

Лингвистическое краеведение в школе. Ознакомление школьников с научно-популярной и научной литературой по региональной лексике и ономастике. Организация занятий разных видов (спецкурсов, газет, бюллетеней, собирания языковых материалов, начальной их обработки, составления словников и словарей), подготовка к олимпиадам, конференциям, в которых могут быть использованы региональные лексические и ономастические материалы.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Ерофеева Е. В. Локализмы в литературной речи горожан: Учеб. пособие / Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова; Перм. ун-т. 2-е изд., исп. и доп. – Пермь, 2002.

Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: Учеб. пособие / Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. – Пермь, 2006.

Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение: Учеб. пособие для школьников / сост. В. И. Шенкман; науч. ред. Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2004.

Дополнительная

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – М.: Наука, 1979.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1973.

Матвеев А. К. Ономатология. – М.: Наука, 2006.

Матвеев А. К. Топонимия Урала: учеб. пособие / А. К. Матвеев. – Свердловск: УрГУ, 1985.

Михайлова Л. П. История края в народном слове: Русские говоры Карелии / Л. П. Михайлова; Карел. пед. ун-т. – Петрозаводск, 2004.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – М.: Наука, 1982.

Подюков И. А. Лингвистическое краеведение в школе: учеб. пособие / И. А. Подюков; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 1998.

Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: избр. труды / Е. Н. Полякова; Перм. ун-т – Пермь, 2002.

Полякова Е. Н. Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI – начала XVIII века): учеб. пособие к спецсеминару и спецкурсу / Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. – Пермь, 1990.

Прокошева К. Н. Очерк афористики Прикамья / К. Н. Прокошева // Лингвистическое краеведение Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1988.

Сироткина Т. А. Этнонимия Прикамья: учеб. пособие по спецкурсу / Т. А. Сироткина; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2004.

Скитова Ф. Л. Проблема взаимодействия литературного языка и народных говоров в обобщающих работах по диалектной лексикологии / Ф. Л. Скитова // Литературный язык и народная речь; Перм. ун-т. – Пермь, 1981.

Филин Ф. П. Диалектное слово и его границы // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982.

Этнический мир Прикамья: Библиограф. указатель / сост. Т. И. Быстрых. – Пермь: Реал, 2003. – Разделы: Этническая история Прикамья, с. 70–96; Русский язык. Говоры русских Прикамья, с. 164–183.

ПЕРМСКИЕ СЛОВАРИ

Лексические словари

Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Подюков И. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004.

Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области / Е. Н. Полякова. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1988.

Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2002.

Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. – СПб., 1869.2-е изд., стереотип. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое книж. изд-во, 2006.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф. Л. Скитовой. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2003. – Вып. 1–5. – Продолжающееся издание.

Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; Перм. пед. ин-т. Пермь, 1973.

Словарь пермских говоров / под. ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой: в 2 вып. – Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

Словарь пермских памятников XVI начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И. А. Подюков. – Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

Ономастические словари

Кривощеков И. Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии / И. Я. Кривощеков. – Пермь, 1914.

Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1983.

Полякова Е. Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков / Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005.

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии: в 2 т. / Н. К. Чупин. – Пермь, 1873–1887.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края / Е. Н. Шумилов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991.

Словари, содержащие пермскую лексику и ономастику

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1955.

Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». – СПб., 1858.

Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь / А. К. Матвеев. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1987.

Матвеев А. К. Географические названия Урала: топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008.

Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – СПб., 1966–2008. – Вып. 1–41. Продолжающееся издание.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИНТЕРНЕТА В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

Современная база для разработки учебных рефератов и докладов по вопросам региональной лексикологии и ономастики в последнее десятилетие существенно расширилась за счет материалов Интернета. В связи с этим задания для самостоятельной работы студентов предусматривают использование не только печатной продукции, но и данных электронной сети, что, с одной стороны, позволяет выработать технические навыки их поисков и учета, а с другой стороны, расширяет лингвистические сведения для написания текстов рефератов и докладов. Поэтому в настоящем пособии предлагаются пути поиска необходимых студентам данных.

Работа с региональным языковым материалом на примере Пермского края проводится на русском языке, так как посвящена исследованию данных русских говоров и просторечия на территории, преобладающая часть населения которой считает русский язык своим родным и практически все остальные жители им владеют и его используют. Данные Интернета в этой области представлены также на русском языке. Удобно использовать в работе с ними поисковую систему Yandex.

Одна из проблем поиска нужных материалов – определение того, где и как искать в Интернете обоснованные и научно проверенные данные, как предусмотреть, чтобы в рефераты не попали сведения из любительских околонаучных или антинаучных сочинений, которые, к сожалению, тоже присутствуют во Всемирной паутине.

В настоящее время разработаны надежные материалы по лексике и ономастике, и их целесообразно использовать в самостоятельной работе. Часть материалов, рекомендуемых для подготовки рефератов и докладов, представлена ниже в списке порталов и сайтов. Их поиск следует вести по следующим электронным адресам:

1. Информационно-справочный портал «Русский язык». – Грамота Ру.
http://www.gramota.ru
2. Портал «Центр развития русского языка».
http://www.ruscenter.ru

3. Сайт «Культура письменной речи».
http://www.gramma.ru
4. Портал «Русское слово».
http://www.ropryal.ru
5. Портал «Архив петербургской русистики».
http://www.ruthenia.ru/apr/index.htm
6. Русский филологический портал «Philology.Ru».
http://www.philology.ru
7. «Словари русского языка».
http://www.slovari.ru
8. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.
http://www.dahl.agava.ru
9. «Словарь устаревших и диалектных слов».
http://www.ctel.msk.ru/misc/day/dis.htm.
10. «Толковый словарь Ефремовой».
http://www.efremova.info
11. Программа «Этимология и история слов русского языка».
http://www/etymolog.ru
12. Сайт «Ономастика России».
http://www.onomastika.ru
13. Сайт «Информационно-исследовательский центр «История фамилии».
http://www.familii.ru
14. Сайт «Словарь русских фамилий».
http://www.rusfam.ru.
15. Сайт «Об именах и фамилиях».
http://www.imena.org.
16. Сайт «Чайкина – Женские имена (начало XVIII в.)».
http://www.rusfam.ru/?part=showart&fld=000&id=0011
17. Сайт «Матвеев – Топонимия Урала как памятник языка и истории».
http://www.philology.ru/linguistics1/matveev-0m
18. Сайт «Мухаева – Топонимия территории пермского говора татарского языка (юга Пермской области)».
http://barda-perm.narod/ru/kitaplar/toponimiya/
19. Каталог ресурсов «Языки народов России в Интернете».
http://www.peoples.org.ru
20. Сайт «Культурное наследие Прикамья».
www.heritage.perm.ru

Работа по лексикологии требует обращения к исследованиям в области различных лингвистических дисциплин: лексикологии, лексикографии, истории русского языка, истории русского литературного языка, этимологии и др. Особую роль в исследовании языкового материала играют разного рода лингвистические, энциклопедические и другие словари, часть которых

можно также найти в Интернете. Они находятся в различных порталах и на разных сайтах.

Так, на специальном лексикографическом сайте «Словари русского языка» (www.slovari.ru) представлены словари нарицательной лексики русского языка. Большой интерес пользователей Интернета вызывает программа «Вавилонская башня», разработанная под руководством блестящего лингвиста-этимолога С. А. Старостина (www.starling.ru). На нескольких сайтах помещен уникальный лингвистический труд В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка». Для поисков в нем сведений о каком-либо слове удобно использовать сайты www/vidahl.agava.ru или www.booksiye.ru/fulltext/dal/dall. Характеристики и тексты различных словарей можно получить на сайте www.boloto.info. Здесь присутствуют не только лингвистические, но и энциклопедические словари, в частности, «Большая советская энциклопедия» и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», в которых есть сведения для работы как по лексике, так и по ономастике.

Представленные в Интернете словари русского языка (www.boloto.info или JIPort) дают возможность показать историю слова в последние два столетия: от словаря В. И. Даля, впервые опубликованному в 60-е гг. XIX в., к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1941 гг.), далее к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова (вторая половина XX в.). И, наконец, для сопоставления можно использовать данные конца XX – начала XXI в. на сайте «Толковый словарь Ефремовой» (www.efremova.info), характеризующем 140 тысяч слов. Интересные данные представляет также сайт «Словарь устаревших и диалектных слов» (www.ctel.msk.ru/misc/day/dis.htm).

Имеющиеся в Интернете словари ономастической лексики не только позволяют изучать антропонимию и топонимию, но их материалы являются во многих случаях дополнением к материалам по нарицательной лексике, так как значительное количество имен собственных (дохристианских имен, фамилий, топонимов) восходит к словам нарицательным (словам, давшим прозвища; географическим терминам; названиям профессий и т. д.). Справку о русских фамилиях, отражающих эти данные, можно получить на сайте «Словарь русских фамилий» (www.rusfam.ru). Весьма содержателен для ономатологов постоянно обновляющийся сайт «История фамилии» (www.familii.ru). Его материалы подходят не только для изучения фамилий, а также давших фамилии топонимов, этнонимов и других имен собственных, но и для нарицательной лексики.

В Интернете достаточно хорошо представлены материалы для работы по ономастике. В них либо характеризуются, либо называются книги, статьи и словари, в которых исследованы имена собственные. Например, в портале Грамота Ру (http://www.gramota.ru) охарактеризован «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского, первое издание которого вышло еще в 1961 г. Он неоднократно переиздавался и продолжает быть актуаль-

ным до настоящего времени. Его материалы использованы для сопоставления во многих исследованиях русской антропонимии, а также при составлении последующих общерусских или региональных словарей имен.

Для выявления научной литературы по различным проблемам изучения имен собственных актуален постоянно обновляющийся сайт «Ономастика России» (http://www.onomastika.ru), в котором, во-первых, дана библиография по отдельным разделам ономастики: «Антропонимика», «Топонимика», «Теонимия», «Этнонимия», «Астронимика», «Литературная ономастика», «Занимательная ономастика». Во-вторых, на сайте имеются персоналии многих современных исследователей в области теоретической и прикладной ономастики с указанием их работ. Тем, кто ищет материалы других регионов для сопоставления с пермскими онома, нетрудно определить по персоналиям, какую территорию характеризуют имена собственные в работах того или иного ученого. Сведения об именах собственных можно получить также на сайте «Об именах и фамилиях» (www.imena.org).

Написание реферата или доклада предусматривает умение найти необходимый материал на сайтах, посвященных различным лингвистическим дисциплинам. Искать материалы этих дисциплин, а также дефиниции их названий и терминов можно в поисковой системе Yandex, задавая ей слово (термин) или словосочетание, которое надо истолковать.

Так, на вопросы по этимологии слов и методам ее установления можно найти ответы в надежных материалах программы, представленной Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Этимология и история слов в русском языке» (www.etymolog.ru). По другому электронному адресу – «Этимология» (www.etimologiya.ru) указана современная актуальная научная и учебная литература по этимологии, в частности, характеристика работы выдающегося этимолога В. Н. Топорова «Исследование по этимологии и семантике» (в 3 томах) и его статья: О некоторых теоретических аспектах этимологии //Этимология 1984. М., 1986. С. 205–211 (www.philology.ru/liguistics 1/toporov-86/htm). На сайте «Этимология» характеризуется также новая учебная литература [ср.: Введенская Л. А. Этимология: учеб. пособие. СПб., 2004] и научно-популярные книги о происхождении слов [ср.: Рут М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников. Екатеринбург, 2003].

Аналогичное отражение материалов можно найти и на других сайтах, посвященных отдельным лингвистическим дисциплинам: лексикологии, истории русского языка, истории русского литературного языка, русской диалектологии, топонимике, антропонимике и т. д.

Поиск сведений, необходимых для написания реферата или доклада, ведут и другими путями. Во-первых, их можно обнаружить, задавая системе Yandex фамилии (желательно с инициалами имен и отчеств) исследователей. Так, на задание «Матвеев А. К.» появляется информация о некоторых книгах ономатолога, члена-корреспондента РАН, профессора

А. К. Матвеева. Там же предоставляется возможность распечатки некоторых его статей, например, опубликованной в «Известиях Уральского государственного университета (Екатеринбург, 2001. – № 19. – С. 7–11), весьма актуальной для написания учебных работ по ономастике Прикамья статьи «Топонимия Урала как памятник языка и истории» (http://www.philology.ru/linguistics1/matveev-01/htm).

В Интернете периодически появляются авторефераты диссертаций. Зная, кто является автором, или название работы, или только ключевые (основные, организующие текст) слова из названия диссертации, можно обнаружить основной текст исследования. Ср. актуальный для изучения пермской ономастики автореферат диссертации З. А. Мухаевой «Топонимия территории пермского говора татарского языка (юга Пермской области)» (http://barda-perm.narod/ru/kitaplar/toponimiya/).

Искать в Интернете необходимый материал можно, по термину, по словосочетанию в названии или по названию интересующего вопроса. Так, на сочетание «женские имена» можно обнаружить статью профессора Ю. И. Чайкиной «Женские имена (начало XVIII в.)» (http://www.rusfam.ru/?part=showart&fld=000&id=0011).

Следует отметить, что для написания реферата или доклада по региональной лексике и ономастике следует использовать не только материалы лингвистических наук, но и сведения по истории и культуре региона. Например, для Пермского края актуален сайт «Культурное наследие Прикамья» (www.heritage.perm.ru).

Таким образом, пути поисков необходимого для самостоятельной работы материала различны. И при желании для подготовки реферата или доклада по заданной теме почти всегда можно обнаружить нужные сведения. Безусловно, идеальным является поиск материала, когда известен адрес его сайта. Поэтому, чтобы студентам было удобнее работать с данными Интернета, в списке тем для рефератов и докладов в тех случаях, когда есть необходимый электронный материал, наряду с пермскими печатными источниками указаны названия и адреса сайтов по конкретной теме в Интернете. К сожалению, пока не для всех тем рефератов там найден обширный материал, который возможно использовать в работе. Но Интернет – очень мобильный источник, в нем постоянно появляются новые сведения. И личный поиск студентом новых сведений по теме, а также отражение в работе этих сведений поощряется на зачете по курсу «Региональная лексикология и ономастика».

РЕКОМЕНДАЦИИ К НАПИСАНИЮ РЕФЕРАТА

При написании реферата необходимо следующее:

1. Обосновать актуальность выбранной темы.
2. Кратко охарактеризовать основные источники, используемые для подготовки реферата: а) печатные; б) представленные в Интернете.
3. Изложить содержание реферата.
4. Сопоставить пермские материалы с аналогичными непермскими, если они обнаружены.
5. Представить краткое заключение (вывод).
6. Дать список использованных печатных и электронных работ.

Реферат объемом 12–16 страниц следует печатать в Word'е, 14-м кеглем, через одинарный интервал.

ТЕМЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Темы для самостоятельной работы могут быть использованы не только для разработки рефератов, докладов и сообщений, но и для подготовки к устному зачету (собеседованию) по курсу «Региональная лексикология и ономастика».

После каждой темы в круглых скобках указаны номера статей, помещенных в разделе «Печатные материалы для самостоятельной работы». Их можно найти в оглавлении пособия и перед публикацией каждой статьи, например: (1.1) = статья «1.1. Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII–XVIII века)» или (3.6) = статья «3.6. Из истории слова пока (по данным лексики пермских и других русских памятников письменности)».

В квадратных скобках даны номера из списка порталов и сайтов Интернета, представленного в разделе «Использование материалов Интернета в самостоятельной работе», ср.: [12] = «12. Сайт "Ономастика России". http://www.onomastika.ru»; [20] = «20. Сайт "Культурное наследие Прикамья". www.heritage.perm.ru».

В ряде тем для самостоятельной работы данные Интернета отсутствуют.

ТЕМЫ

1. Формирование русской речи в Прикамье (1.1; 1.2; 3.4); [20].
2. Пути заселения Верхнего и Среднего Прикамья русскими. Следы древних новгородцев в Прикамье (1.1; 1.2; 6.2); [17].
3. Истоки русских говоров Пермского края (1.1; 1.2; 4.5).
4. Расселение русских на территории всего Верхнего и Среднего Прикамья (1.1; 1.2; 3.2; 5.3).
5. Дорусское население в Верхнем и Среднем Прикамье (1.1; 2.2); [17; 18; 19].

6. Источники заимствованной лексики в русской речи Прикамья (1.1; 2.2; 3.4); [19].

7. Коми заимствования в русской речи Пермского края (1.1; 2.2; 3.4; 6.1; 6.2); [19].

8. Адаптация к русской речи Прикамья коми лексики и ономастики (2.2; 5.4; 6.2).

9. Отражение культуры коми-пермяков в русских памятниках письменности и говорах Прикамья (2.2; 5.4; 6.2; 6.2).

10. Отражение в русской речи связей с тюркскими и угорскими языками по данным лексики и ономастики (1.1); [17; 18].

11. Отражение материальной культуры в лексике и ономастике Прикамья, заимствованной русской речью (2.2; 3.4; 5.4; 6.2; 6.2); [13; 19].

12. Методика разработки истории отдельных слов (по выбору) русской речи Прикамья (3.6; 4.1; 4.3; 4.4; 4.5); [11].

13. Исчезнувшие из русской речи Прикамья апеллятивы (4.3; 4.4); [17; 13; 11].

14. Отражение особенностей культуры Прикамья в тематической группе (по выбору) лексики (3.4; 3.5; 4.1); [8; 9].

15. Отражение культуры Прикамья в русской лексике построек (3.3; 3.5); [8; 9].

16. Отражение культуры питания в лексике и ономастике русской речи Прикамья (3.4); [8;9].

17. Отражение культуры в географической терминологии русской речи Прикамья (4.1; 4.2); [8; 9].

18. Значение исследования синонимов пермских памятников письменности для описания особенностей культуры (1.1; 3.3; 4.1).

19. Значение анализа групп однокоренных слов пермских памятников письменности для описания особенностей культуры края (4.1).

20. Значение русской системы словообразования для формирования новых слов (4.1; 4.3).

21. Роль делового языка XVII в. в развитии культуры Прикамья (1.1; 3.2; 3.3); [16].

22. Письменная речь в Прикамье XVII в., роль в ее развитии составителей документов разных жанров (1.1; 3.3).

23. Передача женской речи в пермских памятниках письменности XVII в. (3.2); [16].

24. Общерусская просторечная лексика в пермских памятниках письменности (1.1; 3.1; 3.4; 3.6); [8; 9].

25. Передача фонетических особенностей живой речи в пермских памятниках письменности XVII в. (1.1; 3.1; 3.2; 3.3).

26. Отражение в пермских памятниках письменности разговорной речи жителей Прикамья (1.1; 3.1; 3.2; 3.3).

27. Способы восстановления черт живой речи по данным памятников письменности Прикамья (3.2).

28. Различия в лексике между северными (чердынскими, соликамскими) и кунгурскими памятниками письменности и причины этих различий (1.1; 3.3).

29. Значение исследования лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. для истории культуры Верхнего и Среднего Прикамья (2.1; 3.4); [20].

30. Значение исследования пермских памятников XVI – начала XVIII в. для лексикологии Верхнего и Среднего Прикамья (1.1; 2.1; 3.3).

31. Значение исследования пермских памятников XVI – начала XVIII в. для ономатологии Верхнего и Среднего Прикамья (1.1; 4.4; 4.5); [12].

32. Антропонимия в пермских памятниках XVI–XVII вв. и ее роль в изучении истории русской антропонимии (2.2; 5.5; 6.1); [12; 16; 13].

33. Роль делового языка в развитии русской антропонимии (2.2; 3.3; 5.5; 6.1); [16].

34. Значение исследования пермских фамилий XVII–XVIII вв. для изучения культуры Верхнего и Среднего Прикамья (1.2; 2.2; 7.3); [12; 13].

35. Оттопонимическая ономастика и ее роль в изучении истории Верхнего и Среднего Прикамья (1.2; 2.2; 7.3); [12; 13; 17; 18].

36. История пермских фамилий и ее роль в изучении культуры края (1.2; 2.2; 7.3); [12; 13].

37. Значение прозвищ и фамилий XVI–XVIII вв. для изучения культуры Верхнего и Среднего Прикамья (3.4; 7.3); [12; 13].

38. Методика изучения истории пермской топонимии (2.2; 4.5).

39. Топонимия Урала в источниках XVI–XVIII вв. (5.1; 5.4); [17; 124 13].

40. Пермские гидронимы и способы их образования (1.1; 2.2; 5.2); [12; 17; 18].

41. Исследование пермских ойконимов и способов их образования (2.2); [12; 17; 18].

42. Древние топонимы города Перми их роль в изучении культуры Прикамья (4.5; 5.2); [12].

43. История названия города Перми и ее значение для изучения культуры Прикамья (1.2; 5.3); [12].

44. Значение исследования истории отдельного топонима (на выбор) для изучения топонимии края (1.1; 5.4; 6.2); [11; 12; 17].

45. Отражение диалектной лексики разных эпох в пермских словарях (7.1; 7.3); [7; 8; 9].

46. Значение электронных картотек лексических и ономастических словарей (7.2).

47. Виды словарей топонимов Верхнего и Среднего Прикамья (7.2); [7; 9].

48. Виды словарей антропонимов Верхнего и Среднего Прикамья (7.3); [12; 13].

49. Материалы словарей пермских фамилий и их роль в изучении культуры Верхнего и Среднего Прикамья (7.1; 7.3); [12; 13].

50. Материалы словарей пермских топонимов и их роль в изучении культуры Верхнего и Среднего Прикамья (7.1; 7.2); [12; 18].

ПЕЧАТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Формирование и функционирование русской речи Пермского края

1.1. РУССКАЯ РЕЧЬ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (XIII–XVIII века)[3]

Пермский край (в прошлом Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ) расположен в Верхнем и Среднем Прикамье. Он граничит на востоке со Свердловской областью, на юге с Башкортостаном, на западе с Удмуртией и Кировской областью, на севере с Республикой Коми. Территория края – 160,2 тыс. кв. км.

Реконструировать в деталях языковую ситуацию в Прикамье на протяжении нескольких столетий весьма сложно. Однако возможно установить основные источники и условия сложения и развития пермских говоров и просторечия, результаты отражения в речи взаимодействия русских с представителями других народов Прикамья, а также результаты влияния на разговорную речь письменной культуры – церковно-книжного и делового языка прошлых эпох. Все это в целом позволяет охарактеризовать особенности и динамику русской речи в Пермском крае в разные периоды его истории.

Материалом для рассмотрения поставленных проблем послужили прежде всего лингвистические источники – данные пермских говоров и памятников письменности (с XVI в.), причем в основном лексика и ономастика Прикамья, которые автор настоящей книги и его коллеги исследовали на протяжении полувека. Вместе с тем бесценными для данной работы оказались материалы и исследования по археологии, истории и этнографии края, без которых невозможно представление об его жителях и их разговорной речи.

Археологи отмечают, что человек появился на территории Прикамья еще в каменном веке, на протяжении многих тысячелетий здесь проходили пути различных племен и народов, но свидетельства об их языках, их речи не сохранились. Лишь топонимия дает некоторые сведения для лингвистических исследований, так как географические имена собственные, особенно гидронимы, живут иногда на протяжении столетий, а возможно, и тысячелетий.

Самым древним из сохранившихся гидронимов Пермского края является название основной реки – Кама. Существует немало версий его происхождения. Самой привлекательной представляется гипотеза, в соответст-

---

[3] *Полякова Е. Н.* Русская речь Пермского края в историческом аспекте // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (материалы и исследования) / Перм. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 1. С. 4–42.

вии с которой этот пермский гидроним рассматривается в ряду похожих названий рек: Кемь в Карелии, Кема и Кьяма в Вологодской области, Кама в бассейне Тавды (Свердловская область), Кама – притоки Конды (Тюменская область) и Оми (Новосибирская область). Эти гидронимы близки географическим апеллятивам, називающим реку, поток, течение, ср.: финское *кюми* 'поток, течение', тувинское *хем* 'река', *кам* – в Бухаре 'большой полноводный канал'. Видимо, в основе исследуемых гидронимов лежит очень древний географический термин со значением 'река', от которого и образованы названия рек в различных языках Евразии [Матвеев 1987: 87].

Для Прикамья эта гипотеза актуальна, так как, во-первых, она дает предположительный «перевод» основного гидронима Пермского края (Кама – 'Река') и, во-вторых, в какой-то мере очерчивает территорию, где возникали гидронимы с корнем *кам /кем*, – север Восточной Европы и Западной Сибири, области формирования финно-угорских языков.

Другие версии происхождения названия Кама скорее говорят не о его возникновении, а об осмыслении уже существовавшего гидронима, с которым сталкивались носители какого-либо языка тогда, когда старое значение слова им было неизвестно или утрачено, забыто. Например, для носителей обско-угорских диалектов Кама – 'Чистая река', так как там *кам* – 'чистый, прозрачный'. Для удмуртов Кама (Кам-Шур) – 'Длинная река', потому что у них *кам* – 'длинный', а *шур* – 'река, ручей'. Исследователи коми-пермяцкого языка, формировавшегося в бассейне Верхней Камы, сопоставляют гидроним с названием Комму (из *ком* 'человек' и *му* 'земля'), полагая, что название реки возникло из названия края, земли, где обитали коми [Кривощекова-Гантман 1973 б: 76–82].

Пермский край первоначально заселялся русскими с севера. Они шли на территорию, называемую Пермью Великой, через бассейн Вычегды, образующей вместе с Сухоной Северную Двину. Использовались разные пути проникновения в Прикамье: по левому притоку Вычегды – реке Нем – попадали на Немский (Бухонин) волок, ведущий к притоку Березовки, впадающей в Чусовское озеро. Из Чусовского озера шел прямой путь по рекам Вишерке, Колве, Вишере в Каму. О том, что он использовался на протяжении столетий, свидетельствуют историки. Полагают, что по этому пути прошло в 1472 г. войско Федора Пестрого, спустившегося на плотах до Искора и Чердыни [Кривощеков: 241]. В результате этого похода Пермь Великая официально стала частью Московского государства. В XVI в. этот волок упоминается в хорошо известном в Европе сочинении «Записки о Московских делах» немецкого дипломата Зигмунда Герберштейна, совершившего путешествие по России в 1517 и 1526 гг. [СИЭ 4: 256]. В писцовой книге 1623–1624 гг. по Перми Великой упоминается Немский волок, сданный в оброк крестьянину чердынского погоста (ныне село) Вильгорт Ивашке Сидорову сыну Бухонину (он же Бухоня), по прозвищу которого и получил название. Видимо, волок использовался постоянно, здесь прихо-

дилось расчищать дорогу в лесу и по болотам, и было выгодно взять его на оброк.

Другой путь с севера шел с левого притока Вычегды – Северной Кельтмы – на волок к Южной Кельтме – левому притоку Камы. В XVIII в. на этом пути между Северной и Южной Кельтмой был прорыт Ектерининский (он же Северо-Екатерининский) канал. После его сооружения стали реже пользоваться Немским (Бухониным) волоком. Однако впоследствии канал мало использовался и был заброшен.

Попадали в Прикамье и с Печоры: по ее притоку Волоснице на Печорский волок, с которого шел уже водный путь по рекам Вогулке, Еловке, Березовке в Чусовское озеро. Использовался и путь с Вятской земли, откуда попадали в Прикамье в основном по Каме, верховья которой находятся в современной Кировской области и Удмуртии, или по ее правым притокам.

Русскую речь в Верхнем Прикамье (Северном Прикамье) можно было услышать уже в XI–XII вв. Но в ту эпоху были только редкие посещения края русскими. Здесь появлялись отдельные группы (дружины) новгородцев, которых Северный Урал привлекал своим пушным богатством. Они приходили и уходили, а если кто-то и оставался на постоянное жительство, то это были лишь отдельные случаи, никак не влиявшие на языковую ситуацию в Пермском крае, на севере которого, куда прибывали русские, звучала финно-угорская речь местного населения, весьма редкого, но расселившегося на обширной территории.

Русское оседлое население появляется в Верхнем Прикамье в XIII–XIV вв., о чем свидетельствуют летописи и материалы археологических раскопок [Оборин 1968: 44]. В XV в. русские (новгородцы и двинцы – с Северной Двины) жили здесь в укрепленных городках (Анфалов городок, Искор, Покча, Чердынь, Урос). В 1430 г. в низовьях реки Усолки (ныне город Соликамск) вологодцами Калинниковыми была развернута добыча соли, в 1472 г. официально вошла в состав Русского государства Пермь Великая с центром Чердынь.

В XV–XVII вв. в Прикамье проникали преимущественно жители Русского Севера и верховьев Вятки, о чем свидетельствует антропонимия – в основном прозвища, возникшие на основе топонимов,

В XVI–XVII вв. активно продолжалась русская крестьянская колонизация севера Пермского края (современные Гайнский, Косинский, Кочевский, Чердынский, Соликамский и Красновишерский районы), с которого начиналось освоение русскими всего Верхнего и Среднего Прикамья, Кунгурского уезда, Осинской дороги (будущего уезда). И хотя в этот период в Пермский край приходили и жители центра России, и даже носители южно-русских говоров, однако основное население продолжало прибывать с Русского Севера, что сказалось на становлении диалектов не только Верхнего Прикамья, но и остальной территории Пермского края, так как на нее переселялись прежде всего жители Верхней Камы – носители сложившихся

чердынских и соликамских говоров – северно-русских в своей основе. Вместе с тем администрация Чердыни, Соли Камской, Кунгура формировалась в результате приезда сюда представителей Москвы, владевших деловым языком, о чем свидетельствуют памятники письменности. Это были воеводы, прибывавшие в Пермский край со своей канцелярией, писцы, дозорщики и переписчики, периодически учитывавшие податное население, стрельцы, позднее солдаты. Использование в Прикамье официального делового языка не могло не сказаться на языковой ситуации в крае. Определенную роль сыграл и церковно-книжный язык, которым владели представители церкви. Правда, на раннем этапе функционирования русской речи в Пермском крае влияние делового и церковно-книжного языка было незначительным.

В Прикамье русские оказались соседями финно-угорских (в северной части края) и тюркских народов (в южной части), с которыми вступали в различные связи. Финские языки в Прикамье XV–XVII вв. представлены в основном пермской группой. Коми-пермяцкий язык был распространен здесь в далеком прошлом на более широкой территории, чем в настоящее время. Об этом свидетельствует топонимия, например, гидронимы на -ва (Колва, Иньва, Обва, Гайва, Язьва, Лысьва, Ласьва, Урва, Сылва, Тулва и др.) и ойконимы -кар / -кор (Кудымкар, Пыскор), -горт (Вильгорт, Камгорт), -ыб / -об / – иб (Ныроб, Касиб). Памятники письменности говорят также о проживании в прошлом на верхней Каме нескольких коми-зырянских семей, а на юго-запад и юг территории Пермской области с XVI в. переселялись удмурты, в XVII в. они расселились по реке Буй и ее притокам. Кроме того, в XVI–XVII вв. на реку Сылву пришла с запада часть марийцев (черемисов) – носителей языка финской поволжской группы.

На северо-востоке и востоке края – на Верхней Вишере и в бассейне Чусовой – функционировали угорские, а именно мансийские (вогульские), диалекты.

Языки тюркской группы были представлены в южной части Пермского края татарскими и башкирскими диалектами. Башкиры расселились по рекам Тулва, Буй и Танып в XIII–XIV вв. Этнографы полагают, что «в Тулвинском бассейне башкиры частично ассимилировали местное финно-угорское население, а также приняли в свой состав тюркские группы ногайско-кипчакского происхождения» [Чагин 2002: 30], о чем свидетельствуют сохранившиеся ойконимы: Кипчак – деревня в Куединском районе, Нагаево – деревня в Кунгурском районе, а также микротопонимы (Нагаев лог, выходящий к Сылве, или в писцовой книге 1623 г. *Нагайская курья на реке Чусовой*). Ср. также пермские фамилии: *Крестьянин д. Валова Ивашко Яковлев сын Нагаев*, 1678 г.; *Крестьянин кунгурской деревни Осинцова Семен Исаков сын Нагаев*, 1782 г. [СПФ: 254]. Причем фамилия Нагаев появилась в начале XVII в. даже на севере края: *Крестьянин чердынской деревни Распопова Спирька Киприянов сын Нагаев*, 1623 г.; *Чердынец Федька*

Нагаев, 1683 г.; Крестьянин д. Язьва Федор Петров сын Нагаев, 1711 г. [там же].

На юго-востоке Пермского края с XVI в. шел процесс формирования сылвенско-иренских татар на основе коренного населения – остяков (манси и хантов) и пришлых тюркских племен (возможно, сибирских татар и тулвинских башкир).

Одновременно с русскими во второй половине XVI–XVII в. в южную часть Пермской области пришел мощный поток казанских татар, бежавших от крещения. В результате татарский язык и татарская культура распространились и среди башкир. Группы пермских татар к середине XVII в. расселились на Верхней и Нижней Мулянке.

Таким образом, на юге Пермского края русские соприкасались с носителями тюркских, в основном татарских, говоров.

Связи с иноязычным населением не могли не сказаться на особенностях формирующихся русских говоров Прикамья, особенно если учитывать, что характер связей с носителями других языков был различным на обширной территории края в разные эпохи.

Самые ранние русские говоры Пермского края складывались на основе речи новгородцев, приходивших в Северное Прикамье. Не существует каких-либо записей этой древней речи, но о том, что именно новгородцы приходили в Прикамье XI–XII вв. и здесь могла звучать их речь, свидетельствуют косвенные данные истории, археологии и топонимии. Во-первых, летописи зафиксировали некоторые даты (1092, 1187, 1193–94 гг.) походов новгородцев в Северное Предуралье – на Печору, в Югру, то есть на территорию, где проживали предки современных манси и хантов. В XII–XV вв. Югра – одна из колоний Новгорода [СИЭ 16: 767]. С Печоры новгородцы проникали на север Пермского края, на Колву и Вишеру по издревле существовавшему пути – Печорскому волоку. В бассейнах этих рек, судя по топонимам, также проживали угры.

Во-вторых, раскопки на Колве городища Искор свидетельствуют о наличии большого количества керамики, совпадавшей по различным показателям с древней новгородской керамикой [Оборин 1990: 59], то есть здесь в древности находились новгородцы.

В-третьих, о новгородских элементах говорят ономастика севера Пермского края и некоторые географические термины. Так, новгородцы могли принести сюда гидроним Вишера. Жившие в бассейне Вишеры – притока Камы манси называли реку словом Пасар (Пассар, Пассарья), коми – словом Висьӧр (Висер), русские освоили эти нерусские названия как Вишера под влиянием новгородских гидронимов: реки Большая Вишера и Малая Вишера образуют Вишеру, впадающую в Малый Волхов – рукав реки Волхова вблизи Новгорода.

Видимо, новгородцы принесли в Прикамье и географический термин *ильмень*, пришедший, по мнению И. Г. Добродомова [1966: 258–262], в

древнерусский язык через тюркские языки из греческого: термин возник из слова *лиман* 'морской залив, бухта'. С семантикой 'озеро' термин употребляется в русских донских, астраханских, самарских, уральских, воронежских, саратовских говорах [СРНГ 12: 186], то есть на территориях, где существовали контакты с тюркскими языками. Но в древности термин попал и в Новгород, где от него возник лимноним Ильмень, сменивший старое название озера – Илмерь, отмеченное в древнерусских летописях. В Прикамье нарицательное слово *ильмень* в значении 'озеро' принесено в древности скорее всего новгородцами, но в процессе функционирования в нем развилось новое значение – 'небольшое озеро в пойме реки, оставшееся после половодья': *Рыбу ловят в ильмени, озеро такое в пойме небольшое* (д.[4] Гувашер, Ил.); *Раньше был ильмень маленький, а от речки была бакалда* (д. Старая, Губ.).

Новгородцы могли оставить на севере Прикамья и другой термин – *прость* 'прямой мелководный проток', память о котором сохранилась как в новгородской топонимии, где так называт речку, впадающую в Волхов, и проток у деревни Взвад [НОС 9: 50], так и в северной пермской топонимии: Верхняя Прость (длина – 38 км), Нижняя Прость (около 40 км) – протоки в озера в Вишерку [Чагин 2004: 68].

В бассейне пермской Вишеры зафиксированы топонимы, связанные с новгородской антропонимией. Например, ороним Полюд (Камень Полюд на правом берегу Вишеры, высота – 527 м) имеет в основе известное в новгордских памятниках письменности мужское некалендарное имя Полюд [Ономастикон: 253], от которого в новгородской берестяной грамоте фиксируется даже женское прозвище: жена Полюда – Полюжая. Имя попало в Прикамье, дало прозвище Полюд, из которого позднее возникла фамилия, отмеченная сначала на севере Пермского края (*Чердынец Ивашка Тимофеев сын Полюдов*, 1623 г.; *Крестьянин деревни Красноперова на реке Колве Васька Фомин сын Полюдов*, 1623 г.), а затем распространившаяся в других районах пермского региона (*Житель деревни Нижне-Муллинская Сенька Денисов сын Полюдов*, 1647 г.; *Житель Пожвенского завода Лаврентей Харитонов сын Полюдов*, 1762 г.). Однако со временем слово Полюд как имя человека забыто, а о появлении оронима Камень Полюд сейчас рассказывает легенда о древнем богатыре Полюде, защищавшем Чердынь от нашествия врагов, идущих из-за Урала по Вишере. Основания для возникновения названия горы Полюд могли быть разными: либо на горе или около нее был сторожевой пост, возглавляемый человеком с таким именем, либо у горы было место (пункт), где принимали ясак (дань). Еще в XVII в. территория выше реки Морчан, которая впадает в Вишеру напротив горы Полюд, считалась принадлежащей вогулам (манси), платившим ясак. Ясак они могли отдавать на границе своей территории, у подножья горы. Имя возникло от нарицательного слова *полюд*, которым в древности, как пола-

---

[4] Здесь и далее д. – деревня.

гают, могли называть человека, собиравшего *полюдье* 'дань', на Вишере – ясак. Впрочем, в далеком прошлом человек по имени Полюд на берегу Вишеры мог выполнять обе функции: принимать ясак и возглявлять сторожевой пост (полученный ясак надо было охранять).

Однако старая новгородская речь на севере Пермского края была перекрыта впоследствии говорами, принесенными с Русского Севера. Обычно трудно устновить, что появилось в русской речи Прикамья именно от новгородцев, хотя есть и очевидное, например, цоканье принесено ими. Правда, оно реализуется по-разному в различных местах Пермского края, но это связано уже с дальнейшим освоением региона выходцами с других территорий и с воздействием финно-угорских языков.

Сопоставление лексики пермских и новгородских говоров XIX–XX вв., например, по данным географических апеллятивов, свидетельствует о многих различиях. Так, в Прикамье отсутствуют такие новгородские слова, как *грём* 'небольшое возвышение, кочка на болоте', 'кочковатое место', 'мелкий кустарник', 'непроходимый лес', а также однокоренные *гремок, грёмушек, грёмышек, гремочек, грёмочка, гремьё* [Васильев 2001: 138–143; НОС 2: 58], *дрябь* 'топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте' и однокоренные *дряб, дрябина, дрябля, дрябель, дрябище, дрябьё, дряблина, дребь* [Васильев 2001: 144–148: НОС 2: 106], *буклина, букловина* 'небольшой залив на озере, заводь' [Васильев 2001: 115], *вир, вирь, вирка* 'водоворот'(там же: 123), *жерло, жёрло, жерело, жерловина, журало* 'место истока реки из озера', 'русло ручья' [там же: 149], семантические диалектизмы *бёрдо* 'небольшой холм, возвышение', *вертун* 'водоворот' и многие другие. Вместе с тем в новгородских источниках нам не встретились пермские апеллятивы, известные в говорах Русского Севера: *боготь, бузун, быган, выморина, гляден, исада* и другие [Полякова 1988].

Дальнейшие развитие русской речи определяется активным процессом стихийной крестьянской колонизации края выходцами с Русского Севера, о чем свидетельствуют записи в писцовых и переписных книгах, составлявшихся в Прикамье, начиная с XVI в. Многие прозвища были образованы от северно-русских топонимов: от лимнонима Белое озеро (*Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын Белозер, 1647*[5]; *Крестьянин слободы Новое Усолье Тимошка Васильев сын Белозерец, 1647*), от гидронимов Вычегда (*Крестьянин деревни Харина Осташко Вычегжанин, 1579*), Вятка (*Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко Вятка, 1579; Крестьянин погоста Анисимов Сережка Пименов сын Вятчанин, 1623*), Двина (*Крестьянин слободы Новое Усолье Ивашка Иванов сын Потеряха Двинянин, 1647*), Мезень (*Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Меншач-*

[5] Материалы антропонимии взяты из писцовых книг по Перми Великой Ивана Яхонтова 1579 г. и Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. (Рукопись. Российская государственная библиотека, отдел рукописей, фонд 256, дело 308) и переписной книги Прокопья Козьмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых (Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87–146).

ко Степанов сын Мезенец, 1623), Пинега (*Крестьянин слободы Новое Усолье Левка Андреев сын Кубасов Пинежанин, 1647*), от ойконимов Вологда (*Крестьянин Чусовского городка Ивашко Карпов сын Вологда, 1647; Крестьянин деревни На Усть-Усьве Завьялко Григорьев сын Вологжанин, 1623*), Холмогоры / Колмогоры (*Крестьянин деревни Новая на роднике Максимко Михайлов сын Колмогорец, 1623*), Моржегоры (*Крестьянин деревни Чудское городище на реке Усолке Гаврило Денисов сын Моржегорец, 1623*), Тотьма (*Житель слободы Новое Усолье Самсонко Дмитриев сын Тотьмянин, 1647*) и т. д. От этих прозвищ затем возникали фамилии Белозеров, Белозерцов, Вяткин, Двинянинов, Мезенцев, Вологдин, Вологжанинов, Холмогоров, Колмогорцев и др.

Конечно, в основе многих ранних русских говоров на архангельской, вологодской и коми-зырянской территории тоже лежит звучавшая в VIII–XI вв. речь новгородцев [Чайкина 2004: 33]. Но она подверглась существенному воздействию функционировавших там прибалтийско-финских, северных финских, саамских, коми языков [там же: 29–32], из которых в складывающиеся русские говоры проникали и закреплялись различные фонетические, грамматические и лексические черты. Вместе с тем на Русский Север с X–XI вв. шли жители Ростово-Суздальского княжества, затем носители московской речи и жители других регионов Русского государства.

Памятники письменности XVI–XVII вв. дают представление об особенностях живой русской речи в Пермском крае не только в этот период, но и в предшествующий. Примером этого может быть характеристика одного из участков земли в документах разных лет, посвященных его купле-продаже и наследованию: *чертеж, а черчен тот чертеж Степаном, Пихтовой бабы мужем* [Ш 3: 201]. В этой характеристике каждое слово требует «перевода» на современный язык. На протяжении письменной истории Прикамья (XVI–XX вв.) и многие века до нее край был покрыт густыми лесами, в которых человеку с помощью подсечно-огневого земледелия приходилось отвоевывать у леса участки земли для посева хлебов. Чтобы освободить участок от деревьев, каждое из них *чертили* или *подчерчивали*, то есть топором наносили *черты* вокруг всего ствола, разрушая кору: *Чертеж против Березова острова над Камою, а* ***подчерчиван*** *вязник и осинник и всякий лес* (там же). Такие *подчерченные* деревья вымерзали зимой и высыхали, их выжигали и в еще теплую почву, удобренную золой, сеяли зерно. Участок *подчерченного* леса, поле на нем, а затем после истощения почвы место для покоса называли *чертежом*: *В том поле, в* ***чертеже****, полоса земли*; *Продал сенных покосов в* ***чертежах*** [СПП 6: 111]. В Прикамье существовали деревни с названием Чертеж в Ильинском, Кудымкарском, Соликамском районах, и сохранилось немало микротопонимов от этого слова: поле Чертежи (с. Карагай); поле Чертежи у д. Плотникова (д. Новая Каменка, Ил.) и др. Апеллятив *чертеж* сохранился в некоторых пермских говорах: ***Чертёж*** *– это лес очерчивали, который нужно было вырубать* (д.

Монастырка, Ос.); *В **чертеже** лес рубили. **Чертежи** уже сейчас не делают* (д. Романиха, Красновиш.).

Пихтовая баба (ее муж *чертил* участок леса) – женщина, мужем которой в прошлом был другой человек, его имя Пихта. Такого рода мужские некалендарные имена и прозвища были распространены в Прикамье, ср.: *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве **Елка** Елисеев*; *Крестьянин деревни На Шалашах Сенька Павлов сын **Сосна*** [СПП 6: 155, 181]. В древнерусском языке существовали женские антропонимы – прозвища, образованные как притяжательные прилагательные от имен или прозвищ мужей. Сначала их создавали с помощью суффикса -jь: Полюжая – жена Полюда, Завижая – жена Завида (dj > ž), Ярославляя – жена Ярослава (wj > wľ). Затем его вытеснил суффикс -ов: Радоковая – жена Радъка, Яновая – жена Яна. От имени Пихта возникло прозвище Пихтовая, в пермском памятнике оно уточняется словом *баба* (‘жена’). Пихта умер или «сошел» в другой край, в хозяйстве Пихтовой бабы появился новый муж, Степан, но участок, видимо, принадлежал ей, поэтому, говоря о Степане, который *чертил* на нем лес, называют его жену.

Прозвища женщин – притяжательные прилагательные от именований мужей с суффиксами -jь и -ов – в XVII в. сменяются новыми, образованными с суффиксом -иха: Терешиха – жена Тереши (Терентия), Наумиха – жена Наума, Ворониха – жена человека по имени Ворон или Ворона. Такие прозвища возникали в Прикамье и от нерусских имен: Апасиха – жена татарина Апасия. Так что в повторяемой на протяжении многих десятилетий характеристике участка, который *черчен Пихтовой бабы мужем*, сохраняется древний, устаревший к XVII в. антропоним.

В речь русских Пермского края пришли многие грамматические особенности древнерусского языка, сохранявшиеся в говорах до XX в., например, формы плюсквамперфекта (*Я вчерась **была топила** баню; **Была косила** траву; **Была ходила** в магазин*), формы двойственного числа творительного падежа, заместившие формы множественного числа, ср. ситуацию: бабушка говорит, глядя в окно: *Вон мужики с **батóгыма** идут*. Ее поправляет внучка, чувствуя реакцию сидящих тут же диалектологов и стараясь говорить правильно, вместе с тем сохранившая старое окончание двойственного числа: *Да что ты, бабушка: не с **батóгыма**, а с **батогóма***.

Была принесена в Прикамье древнерусская лексика, исчезнувшая впоследствии. Так, еще в XVII в. в чердынских документах фиксировались слова *редр* и *редрый* ‘красный (о масти крупного рогатого скота)’: *Мерин голуб да корова **редра***, 1635 г.; *Досталось корова **редрая** лыса, да другая корова **редрая**, да нетель **редрая**, да бычок **редрый** с лысиной*, 1645 г. [СПП 5: 37], причем позднее в кунгурских актах одна и та же корова названа и *редрой*, и чаще *красной*. Исчезло из живой речи древнее слово *дивий* ‘дикий’, сохранившееся в старых топонимах (см. ниже). Многие из старых слов утратили в живой речи Прикамья свои древние значения. Так, слово *леший* в значении ‘лесной’ [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 224] отмечается в перм-

ских памятниках только первой половины XVII в.: *Береги пустые, и леса дикие, и озерка **лешие**, и всякие угодья*, 1629 г. [СПП 3: 32]. Слово *жир* 'помещение в доме, в избе, в клети: этаж' зафиксировано в пермских памятниках письменности начала XVIII в.: *Двор: изба о два **жира** с сенми, а перед избою клеть о три **жира*** [СПП 2: 66]. Оно исчезло из русских говоров, но сохранилось в коми-пермяцком языке, куда попало из русского: *жыр* – 'комната; аудитория, помещение, класс (в школе)' [КПРС: 143].

На раннем этапе становления русских говоров в Северном Прикамье активным был процесс взаимодействия их с речью местного населения, преимущественно коми-пермяков, отчасти коми-зырян. Общению русских с коми способствовало их проживание по-соседству, нередко в одном населенном пункте, общая религия – православие, приобщение к которому коми начинается с XV в., возникновение многочисленных смешанных семей. Так как путь в Прикамье был тяжелым, трудным, сюда прибывали преимущественно мужчины, и жен они брали из местных коми семей или из уже сложившихся смешанных коми-русских семей, что приводило к билингвизму. Маленькие дети общались больше с матерью и прочно усваивали фонетические особенности ее языка. Поэтому в архаических русских говорах Чердынской земли на протяжении столетий, вплоть до XXI в. сохранялись коми-пермяцкие фонетические черты (чоканье, L среднее, близкий к коми-пермяцкому звук Ӧ, аффрикаты ДЗ и ДЖ).

Говоры прибывавших в Прикамье русских и их предков уже испытали на Русском Севере и в Перми Вычегодской (ныне Республика Коми) воздействие различных финских языков, о чем свидетельствуют многочисленные исследования и словари, в частности «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера», разработанные А. К. Матвеевым, Н. В. Кабининой, О. В. Мищенко и О. А. Теуш.

Из говоров Русского Севера в пермскую речь попала прибалтийско-финская по происхождению лексика. Так, в речи жителей края отмечаются слова *ватлать*, *ватолить* 'говорить о чем-либо незначительном' [СПГ 1: 78]: *Бывало, соберемся на крыльце да и **ватлаем*** (д. Таман, Ус.); *Ты чё опять **ватлашь**-то не то, чё надо* [с. Пянтег, Черд.]. Ср. финское *vatoa* 'болтать, пустословить', *vatuloida* 'говорить пустое', ливвиковское *vatuo* 'говорить вздор' (ФУСЗ: 65). Прибалтийско-финским по происхождению является принесенное в пермские говоры с Русского Севера слово *веньгать* 'плакать, жаловаться' (СПГ 1: 83): *Деньги дело наживное, об деньгах не **веньгай**, голова есть и ладно* (с. Черновское, Больш.). Ср. финское *vänkyä* 'плакать, реветь, стонать' [ФУСЗ: 81]. Такого же происхождения название коми-зырян – *зыряна*, *зыряне*. Для прибалтийских финнов они были людьми, живущими на краю их земли: в финском языке *syrjä*, в карельском *sürja*, в вепсском *sür'd'*, *sürj*, водском *sürjä* – 'край, сторона, бок' [ФУСЗ: 119–120].

Некоторые из таких принесенных в Прикамье слов не отмечаются в пермских диалектных словарях и говорах XX в., но в прошлом они явно

присутствовали здесь в русской речи, попали в прозвища, давшие фамилии и топонимы. Так, фамилия Вакорин (*Чердынец Яков Вакорин*, 1626 г.; *Крестьянин деревни на речке Лысьве Якимко Петров сын Вакорин*, 1682 г. [СПФ: 71]) и название бывшей в Кунгурском районе деревни Вакорино имеют в основе северно-русское слово *вакора* 'кривое малорослое дерево; суковатый обрубок дерева, пень, коряга', переносное 'невысокий, нестройный, неуклюжий человек' [СРНГ 4: 18], прибалтийско-финское по происхождению. Ср. финское *vekara* (*vekkara*) 'косо растущее дерево или сук дерева' [ФУСЗ: 52].

Прибалтийско-финскими заимствованиями были многие географические апеллятивы: *арай* 'сырое низкое кочковатое место; топкий участок болота', *вадья* 'лесное озеро; непроточное озеро'; *корба* 'овраг, заросший лесом; поросшая лесом часть высокого берега между оврагами, впадающими в реку', *лыва* 'естественная яма, постоянно наполненная водой'; *мендач* 'участок, поросший редким сосновым лесом', *мыза* 'ровная площадка на вершине возвышенности', *рям* 'густо заросшее место в лесу или на опушке', *суземье* 'глухой лес; поле, значительно удаленное от деревни, находящееся за глухим лесом' и др. [Полякова 1988].

Через говоры Русского Севера попадали в Прикамье и слова саамского языка: *пу́рга* 'глухой, непроходимый лес' (в саамском языке 'нижнее разветвление рогов над мордой оленя', в русских говорах развилось новое значение слова), *ропоча́жник* 'чащоба в лесу' (из слов *ропак*, *ропака* 'нагромождение льдов', 'куча камней'), *у́рот* 'лощина между горами, проход через горный хребет' (из слова *урт* 'столовая гора, выровненный массив, разделенный на плосковершинные параллельные гряды').

В говорах Русского Севера отмечается значительное число слов коми-зырянского происхождения, которые могли быть принесены переселенцами в Пермский край. Вместе с тем многие из этих слов употреблялись и в коми-пермяцком языке, и трудно определить, из какого именно источника они вошли в русские говоры Прикамья, тем более что коми-пермяцкий и коми-зырянский языки в древности были очень близки. Среди таких слов много географических апеллятивов: *ворга* 'дорога в лесу; проход в густом лесу между деревьями, где ставятся ловушки для зверей; прорытый проход для лодок в мелкой части реки', *гуран* 'яма, впадина, овраг', *ласта* 'заливаемый во время половодья луг в пойме реки или на берегу озера', *парма* 'возвышенность, покрытая лесом', *рочи* 'заливные луга', *челпан* 'гора округлой формы с высокими склонами' и др. В русских деловых памятниках XVII в. зафиксированы бытовые слова из языков коми: *позмог* 'мера сыпучих тел' (*Пшеницы семенной шесть **позмог** да на нем же, Пимене, взять муки* позмог *пшеничные*; *Ржи три **позмоги**, да хмелю полбезмена, да ячменю **позмог*** [СПП 4: 82]), *пелькиши* 'серьги' из коми слов *пель* 'ухо' и *кытш* 'кольцо' (*Судное дело...за украденные **пелькиши*** [СПП 4: 16]).

Носители русских говоров, переселяющиеся с вологодской и архангельской территорий, проходили в Северное Прикамье через бассейны Выче-

гды или Печоры, то есть через земли коми-зырян. Связь с ними (иногда она оказывалась весьма длительной) в какой-то мере подготавливала русских к общению с коми-пермяками и способствовала взаимодействию языков и заимствованиям из русского языка в коми-пермяцкий и, наоборот, из коми-пермяцкого в русский.

Однако коми заимствования (как и русские в коми-пермяцкой речи) переживали приспособление к принимающему языку. Это видно и по памятникам письменности, и по результатам адаптации коми слов в современных русских говорах и топонимии. Так, упомянутые выше *пелькиши* зафиксированы в памятниках XVII в. также в форме *пелькищи* (*Судное дело...за **пелькищи** серебряные в дватцати алтынех* [СПП 6: 16]). Сочетание КЫ было невозможно в русском языке и заменено КИ. Употребление рядом самостоятельных звуков Т и Ш (*кытш* 'кольцо'), обычное в коми языке, у русских приводило к возникновению аффрикаты Ч, но составители документов, пытаясь отразить коми произношение слова, которое они слышали, путались в его передаче и писали то Ш (*пелькиши*), то Щ (*пелькищи*).

Результаты адаптации коми слов наблюдаются в многочисленных русских топонимах коми происхождения. Так, в микротопонимии нередко использовались сложные названия со словами *ыджит* 'большой' и *учӧт* 'малый'. Однако начальное Ы и аффриката ДЖ не характерны для русского языка, и поэтому в слове *ыджит* происходили изменения. Например, в районе деревни Большие Долды появились названия полей Жеткерас (из *ыджит* и *керас* 'вырубка' – 'Большая вырубка'), Ожжитволь (из *ыджит* и *воль* 'росчисть; участок в лесу, расчищенный под пашню' – 'Большая росчисть'). В Усольском районе протекает речка Ижит-Шор (из *ыджит* и *шор* 'ручей, речка'). В XVII в. существовал починок, записанный русским писцом как Ижитпелев. Его название образовано из коми прозвища основателя Ыджит Пель 'Большое Ухо', давшего и фамилию Ижитпелев (*Крестьянин починка Ижитпелева на Кутузове враге* [овраге. – *Е. П.*] *Илюшка Якимов сын Ижитпелев*, 1623 г. – СПФ: 147). В слове *учӧт* в русском произношении Ӧ переходило в Е: Учет-Вож 'Малый приток'. Фамилии Учеткин (*Чердынец Ивашка Учеткин*, 1684 г.), Учеткиных (*Жительница Чердыни Анница Учеткиных*, 1680), Учетов (*Житель деревни У Болота на ключах Гурей Иванов сын Учетов*, 1762 г.) в настоящее время нередко связывают с русским словом *учёт* 'учитывание', хотя в действительности они восходят к прозвищам Учӧт, Учӧтка ('Малый') коми языка.

Фонетическая и грамматическая адаптация коми гидронимов в русских говорах подробно охарактеризована в работах А. С. Кривощековой-Гантман, в частности, в статье «Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов в Прикамье» [1966: 87–107]. Она подробно характеризует изменения при адаптпции гласных звуков коми-пермяцкого языка к русской фонетике: Ӧ > О или Е [Кӧс-Мыс (из *кӧс* 'сухой, мелкий' и *мыс* 'холм' – 'речка, протекающая по сухому холму') > Космоска, речка в Юсьвинском районе; Симӧта-Шор (*симӧта* 'с берестой' и *шор* – 'берестяной

ручей') > Симота-Шор; Кöч-Шор (*кöч* 'заяц' и *шор* – 'заячий ручей') > Коч-Шор; Льöмва (*льöм* 'черемуха' и *ва* 'река' – 'черемуховая река') > Лемва; Шöр-Вож (*шöр* 'средний' и *вож* 'приток' – 'средний приток') > Шер-Вож]; в начале слова и после мягких согласных Ы > И [Ыджит-Шор 'большой ручей' > Ижит-Шор; Чус-Йыв (*чус* 'быстрый, стремительный' и *йыв* 'вершина' – 'вершина (верховье) быстрого ручья') > Чус-Ив)]; Ы в топонимах Чердынского, Красновишерского и отчасти Соликамского районов в безударном положении > О [Нырыб (*ныр* 'нос' и *ыб* 'поле' – 'поле Носа') > Ныроб; Нылыб (*ныл* 'пихта' и *ыб* – 'пихта-поле') > Нылоб] и др.

В статье А. С. Кривощековой-Гантман охарактеризованы и изменения согласных звуков при адаптации гидронимов в русском языке: коми-пермяцкие С и С' > Ш [Висер или Висьöр > Вишера; Кисьöрт (*ки* 'камень' и *сьöрт* 'речная долина с густым еловым лесом' – 'каменистая долина реки с густым еловым лесом') > Кишерть]; аффриката ТШ > Ч или Ш [Потша-Шор (*потша* 'с жердью' и *шор* – 'ручей с жердью') > Поча-Шор; Катша-Шор (*катша* 'сорока' и *шор* – 'ручей Сороки') > Каша-Шор]; аффриката ДЖ > Ж или ДЗЬ [Джинтуй (*джин* 'половина' и *туй* 'дорога' – 'половина пути') > Жинтуй; Кöдж (*кöдж* 'хобот') > Кодзь]; аффриката ДЗ > ЗЬ, ДЗЬ или Ч [Видзöсь-ю (*видзöсь* 'луговой' и *ю* 'река' – 'луговая река') > Визесья; Тульвидз (*туль* 'бекас' и *видз* 'луг' – 'луг Бекаса') > Тульвич] и др.

Заимствования подвергались в русском языке и морфологическому освоению: исконные коми гидронимы с конечным формантом -ю 'река' по аналогии с русскими получили исход -я [Шуд'д'ю (*шуд* 'счастье' и *ю* – 'счастливая река') > Шудья; Урйу (*ур* 'белка' и *ю* – 'беличья река') > Урья; Вöрйу (*вöр* 'лес' и *ю* – 'лесная река') > Ворья]; к коми названию присоединялся русский гидронимический суффикс -к(а) [Искорка (от Искор – 'каменное городище'), Ныробка (от Ныроб 'поле Носа')]. Нередко к коми гидронимам прибавлялось русское определение: Черная Сюзьва, Белая Сюзьва, Осиновая Лопва, Средняя Сия, Южная Кельтма, Большой Сурмог, Талая Нытва и т. д. Отмечены случаи калькирования: Тагьящер (*тагья* 'хмелевой' и *шер* 'ручей' – 'хмелевой ручей') > Хмелевка.

Безусловно, эти и другие переходы при адаптации коми слов, описанные А. С. Кривощековой-Гантман, характерны не только для ономастики, но особенно ярко они проявились именно в ней.

Вместе с тем при изучении связей языков и вхождения коми слов в русские говоры необходимо учитывать не только фонетические и грамматические особенности адаптации, но и возможности принимающего языка, а также семантические изменения. Интересно в этом отношении появление русского названия длинной скалистой горы на правом берегу Колвы – Дивий Камень. В горе находится состоящая из многих гротов Дивья пещера. Обычно объясняют название Дивья (иногда произносят «Девья») исходя из русского языка и рассказывают трогательную легенду о взаимной любви некоей Девы и юноши Ветлана (Ветлан – скалистая гора на левом берегу Колвы). По легенде, река Колва не дала встретиться влюбленным, и от горя

Ветлан окаменел, а Дева бросилась со скалы в реку и погибла. Якобы в память об этом и назвали камень Девьим или Дивьим.

В прошлом в слове *дѢва* был звук Ѣ (ять), который в пермских говорах перед твердым согласным переходил в Е (*дева*), перед мягким – в И (*дивий*). Так что в языке какое-то отношение Дивьего Камня к слову *дева* ощущается. Даже в официальном тексте 1667 г. «*Расспросные речи чердынцев и пермян... о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде на северо-восток от Перми* (то есть от Чердыни)» читаем: *Есть де вверх Колвы-реки на пустых местех горы каменные прозванья им гора* ***Девья***, *гора Боец...* Однако следует учитывать, что скала находится на территории функционирования коми топонимов (например, поблизости камень Ветлан, название которого возникло из коми слова *ветлан* – 'дорога'). Такой крупный объект, как Дивий Камень, не мог до появления русских быть безымянным и скорее всего носил коми название. Полагаем, что в его основе могло быть слово с корнем *джив*, отмечаемом в коми-зырянских диалектных словах *дживгыны* 'плавно нестись (о лодке)', *дживъялны* 'кататься (на лодке)', *дживгинi* 'ехать медленно (по зимней дороге на санях)'. Название камня Дивий, видимо, было связано с названием камня Ветлан не только в легенде. Путь по реке между ними имел какое-то значение в древности (как удобный участок для проезда летом на лодке, а зимой на санях по прямому Ветланскому плесу) и был обозначен топонимами, связанными со значениями 'дорога' – 'ехать' – 'кататься'.

В русском языке коми аффрикате ДЖ мог соответствовть звук Д', и пришедшие в эти края русские могли воспринять *джив* как *див* (*дивий*) – известное в древнерусском языке слово со значением 'дикий, не освоенный, не заселенный' [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 243]. Места здесь действительно были мало освоенными. Слова *див(ий)* и *дик(ий)* восходят к праславянскому языку, где имели общий корень **dі* 'дикий', но разные расширители (суффиксы -v и -k). Оба употреблялись еще в XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 6: 127], но постепенно *див(ий)* уступает позиции слову *дик(ий)*, в XIX в. отмечается как церковное [СЦРЯ...] и старое [Даль 1: 435], а в XX столетии в словарях не зафиксировано. В древности, попав на Колву, русские приняли от коми слово с корнем *джив*, несколько изменив фонетику (ДЖ > Д'), и придали ему русское значение 'дикий'. Таким образом, результатом адаптации коми слова могло быть придание ему новой семантики, продиктованной русским языком.

Изучая проблему взаимодействия коми и русских говоров, приходится привлекать и данные истории и этнографии. Так, на Чердынской земле, на правом берегу старого русла (старицы) Камы в настоящее время расположена деревня Большие Долды, которая отмечена в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 г. как *деревня Долда на озере Долде*. Многочисленные микротопонимы, в частности, названия полей у этой деревни свидетельствуют о том, что в прошлом здесь проживали коми, ср.: Вэрдор 'край, опушка леса' (*вӧр* 'лесной' и *дор* 'край'), Дзюльган 'поле, где

растет пастушья сумка' (*дзюльган* 'пастушья сумка'), Каршутём 'оставленное, заросшее поле на городище или у городища' (*кар* 'городище' и *шутём* 'оставленное заросшее поле'), Керас 'поле на месте вырубленного леса' (*керас* 'вырубка'), Корзиб 'поле с твердой землей' (*корзьыны* 'твердеть' и *иб* < *ыб* 'поле') и др. Следовательно, и название деревни могло быть из коми слова. А. С. Кривощекова-Гантман предполагала, что оно восходит к коми-зырянскому диалектизму *далда* 'роща'. Но А под ударением (*да́лда*) не могло перейти в О (*до́лда*), то есть ойконим должен был возникнуть из какого-то другого слова. Если учесть этнографические данные, то можно связать название деревни с коми словом *долыд* 'ходкий, быстроходный (о лодке)'. Дело в том, что на старице (в писцовой книге озеро *Долда*) традиционно строили суда. В XIX – начале XX в. это было баржестроение [Кривощеков: 219], до этого сооружали *долдинские ладьи* (так они названы в царской грамоте 1669 г.), видимо, лодки изготовляли там и в далекие времена, возможно, до прихода русских. И испытывали суда в удобном для этого старом русле Камы, превратившемся в озеро. В заимствованном слове *до́лыд* был редуцирован и исчез заударный звук Ы, но вместе с тем появилось обычное для гидронимов (озеро имело выход в Каму) окончание -а.

Сохранение коми топонимов в Камско-Вишерско-Колвинском поречье и функционирование наряду с ними русских топонимов, зафиксированных в памятниках XVI в. (более ранние тексты не сохранились), свидетельствуют о взаимодействии языков в этом районе. Сейчас здесь проживает русское население, но долгое время сохранялись коми фонетические черты (например L среднее: *moLodой, koLokoLa, BoLoдя*), которые автору данной статьи приходилось наблюдать в Долдах в русских старообрядческих семьях в середине XX в. и участникам диалектологических экспедиций 2005–2006 гг.

Итак, север Пермского края, а именно Верхняя Кама и Камско-Вишерско-Колвинское поречье были территорией активного взаимодействия коми и русских говоров, приведшего к обогащению русской диалектной лексики коми словами и особенно коми топонимами. В связи с укреплением Московской государственности местные жители разного происхождения в течение длительного времени переходили на русских говоры и постепенно стали ощущать себя как русское население.

Взаимодействие языков по-разному реализовывалось в различных отделах лексики и ономастики. Там, где отражалась непосредственно связь живой речи русских и коми, хорошо сохранялись коми черты. В этом отношении весьма показательны топонимия и географические апеллятивы. Но в случае влияния официального, делового языка на живую речь коми слова нередко заменялись русскими кальками. Так, в 1579 г. в деревне Нырыб (позднее Ныроб) записан крестьянин Иванко Нос, далекий предок многочисленных Носовых в современном Ныробе и Чердынском районе. Ойконим Нырыб возник в коми языке (*ныр* 'нос' и *ыб* 'поле' – 'поле Носа, человека по прозвищу Нос'), он точно отражается в тексте писцовой книги. Но

антропоним – прозвище Ныр писец перевел на русский язык (Иванко Нос). Возможно, такой перевод в какой-то мере обусловлен стоявшим рядом христианским именем, используемом и русскими, и коми-пермяками в русской форме (Иванко < Иван < Иоанн).

Взаимодействие русского и коми-пермяцкого языка происходило почти на всей территории современного Пермского края, но результаты его были различны: к XX в. на территории Коми-Пермяцкого автономного округа сохранились различные коми-пермяцкие говоры, на Язьве – коми-язьвинский диалект, в остальных частях края утвердилась русская речь, впитавшая часть коми лексики и ономастики. Но и на этой территории в прошлом при переходе на русский язык долгое время существовало двуязычие и среди населения было много билингвов.

На северо-востоке края, в бассейне рек Вишера и Березовая (приток Колвы, впадающей в Вишеру), и на востоке, в верховьях Яйвы, Косьвы, Усьвы, Чусовой, Сылвы, русские встретились с вогулами (манси). Об этом свидетельствуют как исторические материалы, так и данные языка.

На средней и верхней Вишере обстановка была иной, нежели на территории проживания русских рядом с коми-пермяками в Камско-Вишерско-Колвинском поречье. Во-первых, кроме мансийских, на северо-востоке края присутствовали и коми диалекты, что отражено в вишерской топонимии.

Во-вторых, положение вогулов было иным, чем жителей Чердынской земли: они не были крестьянами, не облагались податью в виде государевой десятинной пашни, а платили ясак мехами, вели кочевой образ жизни: *Вишерские вогуличи...в одном месте юртами не живут, а живут, переходя по малым речкам, где кому добыча, зверю всякому и рыбе, то тут вогулечин живет и ночует, а иные вогуличи для соболиной добычи ходят в Сибирские места за Камень* [за Урал. – *Е. П.*], 1674 г. [*Ш 3: 1090*]. Если коми-пермяки с XV в. приобщаются к православию, то вогулы на Вишере были крещены только в XVIII в. Так, в сентябре 1751 г. в *деревне Сыпучей* (названа по расположению около высокого – около 90 м над поверхностью Вишеры – Сыпучего Камня) было крещено 123 вогула, кочевавших по Вишере (Кривощеков 1914: 700). Впоследствии там была построена церковь, и деревня стала селом Сыпучим (ныне Сыпучи). До принятия христианства вогулов приводили к присяге на коране: *Иноверцов Чердынского уезду вишерских ясашных вагулич в их вагульских житьях привесть на куране к шерти*, 1683 г. [*PC: 5*]. Однако до XX в. вогулы сохраняли свои языческие верования (например, культ коня [Чагин 2002: 21]).

В XVII в. граница владений вогулов по Вишере находилась в устье ее притока – реки Морчан (ныне Морчанка, около Красновишерска), выше по реке им принадлежали места рыбной ловли и охоты. На раннем этапе освоения Вишеры русскими население там было редким и не было таких условий для появления смешанных браков, для возникновения большого количества билингвов, какое отмечено в Чердынской земле, хотя появлялись

отдельные толмачи, знавшие и русский, и мансийский языки. Некоторые мансийские фонетические черты наблюдались в русских говорах на Верхней Вишере еще в 50-е гг. XX в., ср. «губной + j + гласный непереднего ряда»: *робјата*, *жеребјонок*, *топјат*, *ко времју* [Скитова 1962: 49]. Но они появились относительно поздно, при возникновении русских поселений в XVIII в.: Сыпучи, Писаное, Акчим и др.

В Камско-Вишерско-Колвинском поречье в результате тесных контактов с коми-пермяками и отчасти с коми-зырянами русскими были усвоены и хорошо сохранились вплоть до конца XX в. многочисленные коми топонимы. На средней и верхней Вишере картина иная: даже в XVII в. (более ранних записей по Вишере нет) большую часть топонимов составляли русские названия. Чердынско-Лозьвинский путь в Сибирь по Вишере и ее притокам до притоков Лозьвы на восточном склоне Урала был самым ранним (для русских, возможно, в XII–XV вв.) из всех путей в Сибирь, проходивших через Пермский край. Пути по Чусовой и по Бабиновской дороге от Соликамска до Верхотурья были освоены русскими позже, в XVI в.

Крупные объекты на Вишере (прежде всего береговые скалистые горы – камни большой высоты и протяженности), конечно, имевшие в прошлом мансийские и (или) коми названия, в XVII в. фиксируются в документах преимущественно с русскими топонимами. Так, в «Расспросных речах чердынцев» 1667 г. читаем: *В восточной стороне на пустых местех вверх по Вишере которая близко Чердыни прошла мимо Чердынский уезд есть де горы каменные. Прозванья им гора Сторожевая гора Велгур гора Лапина гора Сыпучая гора Писаная гора Ябрус гора Золотая гора Гостина гора Витряная гора Дироватая гора Чувал гора Короксорец. А те де горы близко вогульских юрт.* В этой записи только названия Ябрус, Велгур, Чувал и Короксорец являются заимствованными, все остальные (их значительно больше) – русскими. Они могли появиться как кальки нерусских названий, но могли быть даны и независимо от них по признакам, ярким качествам этих гор: около Сторожевой располагался сторожевой пост, по Сыпучей постоянно сыпался песок от выветривания, на Писаной сохранились писанцы – наскальные рисунки охрой, которые археологи датируют эпохой неолита и бронзы [САП: 31] и т. д.

О территории проживания в прошлом вогулов можно судить также по топонимам с корнем *вогул*, данных русскими: по гидронимам Вогулка (приток Еловки, впадающей в Березовку – приток Чусовского озера; приток Яйвы, впадающей слева в Камское водохранилище; приток Сылвы, впадающей в Чусовую; приток Няра, впадающего в Косьву – левый приток Камского водохранилища), Вогульская (приток Язьвы, впадающей в Вишеру), по ойконимам Вогулка, Вогул, Вогульская [Майданова 1962: 26], по оронимам (Вогульский Камень в хребте Белый Спой между реками Коспаш и Няр; Вогульский Камень в хребте Кваркуш).

Кроме того, о пребывании вогулов свидетельствуют «молебные» места, где совершались моления, религиозные обряды угров. Они отмечаются еще

в памятниках XVII в., их называют вогульскими и остяцкими: *По Сылвереке вверх до Молебного остяцкого камени бортные угодья*, 1623 г.; *Межа до Молебного врагу* [оврага], *а от Молебного врагу, от Шаквы-речки в гору*, 1670 г. [СПП 3: 64]; *А на левой стороне тое реки Бабки, вниз едучи, на левой стороне камень Молебный* [*Ш 3: 992*]. В современной топонимии сохранились оронимы, например, Молебный Камень между реками Большая Мойва в бассейне Вишеры и Вижай в Свердловской области – калька с мансийского Ялпынг-Нёр ‘Святой Камень’ [Матвеев 1990: 137], гидронимы (Молебная – приток Мойвы; Молёбка в бассейне Барды – притока Сылвы; Молёбная (Молёбка) – приток Сылвы), ойконимы (село Молёбка в Кишертском районе, деревни Молёбка и Верх-Молёбка в Березовском районе).

На территории южнее Чусовой носители угорских диалектов испытали воздействие тюркских племен. Эта часть Пермского края пережила историю разных языков и диалектов: пермских (ср. гидронимы Чусовая,Сылва, Шаква), угорских (остяки и вогулы), тюркских (ср. ойконимы Бердыкаево, Тебеняки). И когда русские в XVI–XVII вв. вступали в контакт с жителями юго-востока края, то, видимо, здесь звучали преимущественно тюркские говоры. В памятниках письменности нередко упоминаются толмачи, необходимые для общения с тюркоязычным населением: *Толмачил у сего допросу кунгурский татарского языку толмач Сергей Михайлов*, 1702 г.; *А толмачил у кабалы Мамай Турсубаев*, 1633 г.; *Толмачил татарин Рыс Ишметов*, 1705 г. [СПП 6: 22].

В результате, хотя русские и сталкивались на обширной территории с угроязычным населением, но условия их общения были таковы, что русские говоры получили мало угорской по происхождению лексики – редкие бытовые слова, например *пайва* ‘кузов из лыка или бересты с крышкой’: *Пайвы из бересты были; сшивают их и плетеные бывали: носили рыбу, носили грибы* (д. Осокино, Сол.) Слово считают пришедшим из мансийского языка [Фасмер 3: 188; Дмитриева 1988: 29]. Частично сохранились угорские топонимы, но многие были утрачены. А население с угорскими корнями было либо русифицировано, либо тюркизировано, либо переселилось за Урал.

Лингвистическая история южной части Пермского края (к югу от Чусовой и от современной Перми) была сложной. Пришедшие сюда в конце XVI в. русские соприкоснулись с носителями татарского языка. Но в прошлом (полагают, что с XIII в.) в бассейнах рек Тулва, Буй, Танып башкиры ассимилировали местных финно-угров, и свидетельства о существовании финских (пермских) говоров сохранились только в материалах археологических раскопок [Поляков 1973; 109], в легендах о чуди [Климов 1974; Кривощекова-Гантман 1974 б; Оборин 1974] и в топонимии (ср. гидроним Тулва). Башкирские диалекты впитывали языковые особенности других тюрков, например, сибирских татар или кипчакско-ногайских пришельцев. Затем в результате активного переселения в Среднее Прикамье казанских

татар их язык стал основным тюркским в южной части Пермского края. Но память о существовании здесь в прошлом других тюркских языков сохранилась в живой речи: современные пермские татарские говоры весьма отличаются от татарских казанских. Именно с такими складывающимися татарскими диалектами и соприкоснулись русские в XVI–XVII вв.

В этот период этническая и языковая картина южной части Пермского края была очень пестрой, но она довольно быстро менялась. Так, в писцовой книге 1623 г. читаем: *Всего сылвенских и иренских остяков и татар 67 юртов, да 4 юрты черемисских, да юрт мордовских людей, и в них остяков и татар 81 человек, да 4 человека черемисина, да мордвин* [*Ш 2: 255*]. В 1704 г. в Кунгурском уезде записано 213 марийских, 18 удмуртских и 8 чувашских семей, а в переписи 1719 г. удмурты и чуваши в Сылвенско-Иренском поречье уже не отмечены [Чагин 2002: 34].

Культурно-этнические черты и религия пермских татар отличались и отличаются от культуры и религии русских. Но так как русское население на юге Пермского края в XVII в. и позднее быстро растет (край был частью России, где делопроизводство велось на русском языке, и в XVIII в. появляются медеплавильные и железоделательные заводы с жителями, говорившими по-русски), то постепенно русский становится необходимым и для говорящих на татарском языке. Поэтому с XVII в. здесь обычным становится двуязычие, существующее и в настоящее время: в домашней неофициальной обстановке говорят по-татарски, а в школе изучают и татарский, и русский языки.

Вместе с тем памятники письменности XVII–XVIII вв. свидетельствуют о христианизации части татар, записи их в переписных документах с православными именами и об учитывании их как русских. О том, что далекими предками таких русских были носители тюркских языков, говорят их фамилии с тюркскими корнями: Бакшеев (*бакшей* – ‘писарь у татар’), Булатов (*булат* – ‘сорт стали’), Исламов, Кылосов (*кылыс* (*кылыч*) – ‘меч, сабля’), Чарусов (*чарус* / *чарыс* – ‘резвый, горячий (о лошади)’), Чебыкин (*чыбык* – ‘тонкая палочка, прут, розга’), Шириханов (*шир* – ‘лев’, *хан* – ‘правитель’) и др.

Такие же процессы возникновения двуязычия, билингвов шли на территории буйских удмуртов, пришедших в бассейн р. Буй в XVI–XVII вв., и марийцев, поселившихся в это же время на юго-востоке края, в основном на территории современного Суксунского района. Там до настоящего времени существует двуязычие.

Итак, русские говоры складываются в Пермском крае при взаимодействии их с финно-угорскими и тюркскими. Однако это взаимодействие было не везде одинаковым, о чем свидетельствуют письменные памятники. В документах южной части края, например кунгурских, тюркские слова употребляются только тогда, когда речь идет о татарских или башкирских предметах быта, одежды: мужская обувь *киндереки* из башкирского языка, ср. *киндер ойк* ‘холщевые чулки’, *бышымлы кынйырак* ‘опорки из шкуры

лошади мехом наружу с небольшим суконным или холщевым верхом' [Шитова 1968: 143, 177]; женский головной убор *кашпол* из башкирскир-ского *кашпау* или *кашмау* [там же: 150, 153]. Коми-пермяцкие слова (*сорд*, *пелькиши* и др.) фиксировались в памятниках безотносительно к национальным особенностям.

Однако следует заметить, что лексики местных языков в пермских памятниках XVI – начала XVIII в. отмечается очень мало, лишь отдельные слова. Русские говоры Прикамья формируются на основе русских же диалектов. В XVI–XVII вв. активно шли миграции извне и внутри Пермского края. В результате к концу XVII в. русские говоры складываются на территории всего края. Основа их – говоры севера Прикамья, преимущественно чердынские, а также соликамские.

В писцовых книгах XVII в. обычно отмечали, откуда приходили крестьяне. Так, в сельце Верх-Муллинском (ныне село Верхние Муллы рядом с городом Пермью) в 1623 и 1647 гг. записаны крестьяне, прибывшие из селений Чердынского уезда – Гайн, Кольчуга, Сумыча, с реки Обвы, а также с Русского Севера – с Северной Двины, Мезени, Пинеги, из Соли Вычегодской и с Вятки [*К: 121; Е: 98–99, 119*].

Антропонимия переписных документов и других памятников письменности дает возможность проследить, как шло расселение. Например, в деревне на реке Каме и на речке Егошихе (на этом месте впоследствии образован город Пермь) первыми жителями (в 1647 г.) были Брюхановы и Карнауховы, переселившиеся из сельца Верх-Муллинского. Однако ранее этим местом, видимо, владел Васька Дмитриев сын Егоша, записанный в 1623 г. как крестьянин деревни Нижне-Муллинской. От наименования Егоша возникло и название реки Егошихи.

Несмотря на крепкую северно-русскую (чердынскую и соликамскую) основу, отражающуюся во всех пермских говорах, в них есть и различия, вызванные разными обстоятельствами: конкретными диалектными источниками, временем возникновения, связями с нерусским населением. Это отражается в деловых текстах XVII – начала XVIII в.: в Чердыни *мыльня* – 'баня', в Кунгуре – 'изба для варки мыла'; в Чердыни хлеб хранили в *житницах* и *анбарах*, в Кунгуре – только в *анбарах*; в Чердыни и Соли Камской обычными были слова *родник* и *ключ*, в кунгурских – только *ключ* [Полякова 1979: 86–87]. Использование той или иной лексики могло зависеть и от особенностей района, в котором она утверждалась. Так, на Колве и особенно на Вишере использовался диалектный географический термин *степь* 'плоская среди лесов безлесная возвышенность', пришедший из архангельских говоров [Подвысоцкий: 163]. Со временем его значение на Вишере изменилось [Полякова 2004: 252] и *степью* стали называть заросшую густым лесом возвышенность, хребет на водоразделе: *<u>Степью</u> у нас наоборот называют: высокая, лесная, в виде горы с лесом; <u>Степь</u> – это возвышенность така, и леса темны, черны таки, хвойной породы; <u>Степь</u> – хребёт тут, называтся Волимска <u>степь</u>. Раз хребёт, так <u>степь</u> – лес ; Большая и*

Малая Ябруска бегут прямо с Ябрусской степи (д. Акчим, Красновиш.). В бассейнах других рек термин *степь* в этом значении не зафиксирован.

Точно так же на ограниченной территории (в районе Кизела, Гремячинска, близ границы со Свердловской областью) употреблялся другой географический апеллятив, сохранившийся в топонимах, – *спой* 'покрытый лесом водораздельный хребет, идущий параллельно другим таким же водораздельным хребтам': Белый Спой, Кедровый Спой, Рудянский Спой, Басковский Спой [Матвеев 1988: 15–17]. Употребление различных терминов (*степь* и *спой*) вызвано не только лингвистическими причинами, но и географическими особенностями территорий.

Описать разновидности русской разговорной речи в Пермском крае до середины XVI в. практически невозможно, так как нет письменных памятников, в которых отражались бы следы разновидностей речи. Безусловно, в основном русская речь была представлена крестьянскими говорами, которые звучали не только в деревнях, но и в складывающихся городах. Вместе с тем в городах возникла администрация, представители которой должны были пользоваться деловым языком. Существовали церкви и монастыри, проводились церковные обряды, так что были люди, знакомые с церковно-книжным языком, оказывавшем некоторое влияние и на живую речь. В крае развивались различные промыслы: солеварение, заготовка дров для него, постройка варниц, рассолоподъемных труб, ларей для накопления природного рассола, амбаров для хранения полученной соли, строительство судов для сплава соли и для других перевозок. Постоянно шли поиски руды, плавка металла, развивалось кузнечное дело.

Все это не могло не отразиться на языке – употреблялась специфическая, профессиональная лексика, терминология и фразеология, которые не были характерны для крестьянских говоров. Своя лексика была у охотников и рыбаков. Конечно, все это существовало, но характеризуя язык до середины XVI в., мы можем опираться только на факты истории и памятники более позднего периода, а также используя для сравнения исследования лексики Русского Севера, например «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» под редакцией Ю. И. Чайкиной, составленный лингвистами Вологодского педагогического университета.

Затем картина резко меняется: от конца XVI и особенно от XVII в. до нас дошло колоссальное количество деловых текстов, написанных в разных местах Пермского края. Они хранятся в архивах, музеях и библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Чердыни, Соликамска, Кунгура, в разных аспектах изучена их лексика и ономастика, составлены словари (СПП, СПФ), все это позволило охарактеризовать языковую ситуацию, сложившуюся в Прикамье в XVII в. [Полякова 1993].

Среди русского населения в Пермском крае в этот период существенно преобладало крестьянство. Антропонимы писцовых и переписных книг, а также документы сохранившихся с XVI–XVII вв. до наших дней архивов крестьян из чердынского погоста (селения с церковью) Цыдвы и соликам-

ской деревни Родники [Полякова 1965: 115] дают возможность проследить проживание нескольких поколений одной семьи в том или ином селении. Сложившиеся там говоры передавались из поколения в поколение.

Однако крестьяне проживали не только в починках, деревнях и погостах, но в то же время составляли часть населения городов, слобод, укрепленных городков и острожков, ср.: ***Крестьянин*** *города Кунгура Прохор Поздеев*, 1685 г.; ***Крестьянин*** *Соли Камской Климко Лыткин*, 1690 г.; ***Крестьянин*** *слободки Слудка на реке Каме Ивашко Кирилов сын Обанин*, 1623 г.; ***Крестьянин*** *Чусовского городка Аверкийко Володимеров сын Нечаев*, 1647 г.; ***Крестьянин*** *Сылвенского острожка Матюшка Лядов*, 1623 г. [СПФ].

Деревни экономически и административно были связаны с растущими городами, и говоры сельского населения питали речь жителей городов, тем более что источники их населения в основном были одними и теми же. Кунгурские деловые акты XVII в., в которых фиксировались показания крестьян и других представителей низшего социального слоя, свидетельствуют об употреблении диалектных слов в той же мере, в какой их использовало сельское население. Причем многие из них сохранились в речи кунгуряков до настоящего времени, и автору этих строк, в течение трех лет жившему в Кунгуре, постоянно приходилось их слышать: *мост* 'сени', *сенцы* 'сени', *лыва* 'лужа', *слуда* 'гора', *кыра* 'непослушный, упрямый человек' и др.

Вместе с тем языковая ситуация в городах оказывалась иной, чем в деревнях. Во-первых, состав жителей городов был более пестрым, чем в каждой их деревень. Здесь были выходцы не только с северно-русской территории, но и из центра, и с южно-русских земель. Правда, существенно преобладали бывшие жители Русского Севера, и основа складывающейся городской речи была близкой к говорам окружающих деревень. Во-вторых, в городах проживали люди различных социальных слоев и различных занятий: ремесленники, торговцы, плотники, работники солеварен, мыловары, стрельцы, солдаты, духовенство, представители администрации.

Все это приводило к тому, что потребности и возможности языкового общения создавали иную разновидность разговорной речи, нежели говоры деревень. В пермских городах постепенно складывалось койне [Филин 1981: 81] – городское просторечие, в котором проявлялись и диалектные черты. С одной стороны, оно имело северно-русскую основу, но, с другой стороны, было ориентировано на общерусские элементы. Например, в деловых текстах (челобитных, купчих, заемных, закладных, межевых и других актах), написанных в Соли Камской потомственными площадными подьячими, отмечаются северно-русские диалектные черты: Ѣ (ять) на месте И перед мягкими согласными (*на сивер*), Ш на месте Щ (*заимшик*), цоканье (*оцищение*) и др. Лексика складывающегося просторечия в целом была ориентирована на общерусские элементы, хотя в ней присутствовало дос-

таточно большое количество диалектизмов и профессиональных слов, и она была гораздо объемнее лексики каждого из крестьянских говоров.

При том, что население Прикамья в XVII в. было преимущественно неграмотным (в памятниках постоянно отмечаются приписки: *В* [такого-то] *место, что он грамоте не умеет* [такой-то] *руку приложил* [расписался]), здесь, как и в других частях государства, именно деловой язык играл существенную роль в формировании норм и официального письменного языка, и общерусского просторечия. Конечно, нельзя не учитывать, что в каждом регионе в просторечие проникали и местные диалектные черты.

Владеющие деловым языком в Прикамье XVII в. делятся на две категории. К первой относятся те, кто проживал здесь временно, будучи направленным на государеву службу. Это воеводы, члены их канцелярии (подьячие, писцы, дозорщики, переводчики), военные. По историческим материалам видно, что они прибывали в Прикамье на ограниченный срок и что перед этим служили в других местах. Так, дьяк в Чердыни в 1612–1615 гг. Иван Тимофеевич Митусов известен до этого как житель Москвы, подьячий в Кимрах. Чердынский подьячий 1620–1621 гг. Макар Внуков упоминается, кроме того, как подьячий в Кольском остроге и дьяк на Устюге; дозорщик Соли Камской в 1608–1609 гг. Ильин Второй – как писец Вязьмы, Рязанского уезда, подьячий на Белоозере [Веселовский 1975: 99, 217, 334–335]. Проживая на разных в диалектном отношении территориях, они ощущали местные особенности и общерусские языковые черты.

Они были руководителями канцелярий, редактировали со своими помощниками значительную долю документов, отправляемых из Прикамья в Москву и другие города. Именно при их участии, а также благодаря документам, прибывающим из Москвы, в частности Соборному Уложению 1649 г., поддерживались традиции делового языка, являвшегося функциональной разновидностью русского литературного языка того времени.

Следы редактирования лексики, в которых употреблявшиеся жителями Прикамья слова заменяются принятыми в московских документах, обнаруживаются во многих текстах. Так, слово *родник* воспринималось приехавшими либо как имя собственное и сохранялось в тексте (*Деревня Ныроб на речке на **Роднике**; Да в Соликамском уезде на речке на **Роднике** мельница* [Полякова 1972; 393]), либо как апеллятив и заменялось синонимом *ключ*. Географический термин *лог*, обычный в Прикамье, и его дериваты сохранялись только как имена собственные, а как апеллятивы заменялись словом *враг* 'овраг': *Деревня **Логова** на враге; Починок Верх-**Логовской** на враге*. Принятый в пермской речи апеллятив *камень* 'высокая скалистая гора' (***камень** Писаный, **камень** Дивий (Девий), **камень** Дыроватый*) заменялся словосочетанием *каменная гора* или словом *гора* (***Горы каменные**, а прозванья им: **гора** Писаная, **гора** Девья, **гора** Дироватая*).

Сначала именно в деловом языке утверждались многие слова, ставшие затем обычными в разговорной речи. Например, в пермских документах отмечаются слова с корнем *пах*: *пахать* 'возделывать хлеб; распахивать

землю для посева', *пашню пахать* 'возделывать хлеб, неся тягло', *пашенный крестьянин* 'крестьянин, занимающийся хлебопашеством, несущий тягло', *непашенный крестьянин* 'крестьянин, не занимающийся хлебопашеством' [Полякова 1979: 50–51]. Глагол *пахать* в Прикамье лишь во второй половине XVII в. начинает вытеснять древнерусский синоним *орать* 'пахать землю', который постепенно уходит из речи горожан, но до конца XX в. сохраняется в говорах: *Молодежь чаще говорит – пахать, а мы по старинке* ***орём*** (д. Тюлькино, Сол.); *Прежде говорили –* ***орать****. Куды-де сёдни ушли?* ***Орать****-де. А теперь уже всё перелаживается* [Акчим. сл. 3: 120]; *В июне, в первых числах, занимаемся за огород,* ***орём*** [там же]; *Не кажной* ***орёт****, да кажной хлеб жорёт* (пословица, там же). И хотя в речи старшего поколения сохранялись и глагол *орать*, и дериваты *оранина* 'пашня', *разорать* 'распахать', *разор* 'борозда между двумя неширокими полосами пашни' [СПГ 2: 267], *ораный* 'паханый' [Акчим. сл. 3: 119], школьники уже не знали этой лексики. Так, в Акчиме обширное поле далеко за деревней, именуемое стариками Ораниной, школьники называли Раниной, считая, что этот топоним возник от слова *равнина*, с которым они имели дело на уроках географии.

Ко второй категории владеющих деловым языком относились местные делопроизводители: площадные подьячие, служители судных изб и приказных палат, толмачи с финно-угорских и тюркских языков. Обычно они были уроженцами Пермского края, их семьи проживали в одних и тех же населенных пунктах на протяжении многих десятилетий. Так, Лазарко Аврамов сын Брагин известен как соликамский площадной подьячий с 1647 по 1661 г. Многие из составителей документов были близкими родственниками, ср.: Михаил Филиппов сын Колохматов (20–40-гг. XVII в.) и его сын Сенька Михайлов сын Колохматов (50-е гг.); Ивашко Савинов Никифоров и его брат Ганко Савинов Никифоров и т. д. [Полякова 1998: 6]. Не удивительно, что в составленных ими документах обнаруживаются местные диалектные черты, вместе с тем этих подьячих можно считать носителями складывающегося пермского просторечия на самом раннем его этапе.

Эти люди знали нормы делопроизводства и делового языка, о чем свидетельствуют многочисленные примеры редактирования текстов. В судебных делах есть необработанные челобитные и допросные сказки, в которых лексика Прикамья записывалась так, как ее произносили. Но в приговорах по тем же делам она обычно редактировалась: вместо слов диалектных, видимо, ощущавшихся знающими делопроизводство как сниженные, «простые», появлялась общерусская, нейтральная лексика. Ср.: *Три осмины муки* ***пшенисной*** (в допросных сказках) – *Три осмины муки* ***пшенишной*** (в приговоре); *В сжеге* ***меленки*** *своей-мутовки – Сожгли* ***мельницу****-мутовку; Ивашка Третьяков, он же по* ***назвищу*** *Добрая Корова – Иван* ***прозванием*** *Добрая Корова; Павел те* ***присушные*** *слова в стокан на пиво наговаривал – Чтоб другим, на то смотря,* ***приворотных*** *слов впредь наговаривать было неповадно; Холста, де, ей, Марье, на рукава не* ***суливала*** *–* ***Хотела****, де, она,*

*Онисья, ей, Марье, **дать** холста на рукава; Тое ево корову в **табуне** не дяржевать – Той коровы в **стаде** домовь не пригнали* [Полякова 1983: 91].

Редактирование хорошо представлено в текстах, написанных по переводам толмачей. В одном из кунгурских дел фиксируется несколько названий одной и той же реалии – марийского жилища: *вежа, юрта, изба, дом.* «Москвитин, табашной сборщик» Никита Ларионов сын Брагин в изветной челобитной сообщил, что *у черемисина Васки нашел в **юрте** два листа табаку.* Сам мариец (черемисин) Васька Кырынбаев сказал, что *стрелец Никифор подкинул к нему, Ваське, в **вежу** под войлок два листа черкаского табаку.* То же отмечаем в сообщении марийца Васьки Ямбыкеева: *Никифор Карелин подкинул в **веже** на полку под войлок табаку воровского.* Стрелец же Никифор Карелин показал, что *Васька Кырынбаев держит в **доме** своем черкаский табак.*

В описании другой ситуации читаем: *Утопшие мертвые тела принесли к **юртам***; *Их мертвые тела к **веже** принесли*; *Мертвые тела у **избы** он, Никита, видел.* Все документы записаны при участии переводчика: *Толмачил черемиской толмач Васька Иванов, новокрещен.* В тех случаях, когда записывались по переводу слова марийцев, их жилище называлось *вежей.* При записи показаний официального лица «табашного сборщика, москвитина» использовалось принятое в деловых документах название жилища нерусских народностей – *юрта.* Русский крестьянин и стрелец называют его *избой* и *домом.* В приговорах же по этим делам использовалось обычно слово *юрта.* Таким образом, в делопроизводстве отражается ситуация перевода текстов на русский язык: в них сохраняется нерусская лексика в показаниях нерусских, но заменяется русскими словами в показаниях русских и принятыми в официальной письменности – в приговорах.

Тексты XVII в. отражают не только состояние делового языка в Прикамье, но и многие особенности живой речи в Пермском крае. В документах передаются некоторые фонетические черты местной речи, так как в этот период в ряде случаев допускалось фонетическое написание (это было нормой приказного языка), ср.: *бестоварные телеги, зборные книги, женидьба, крык, молотчие люди, плавитца железо.* Воздействие живой речи зафиксировано и на морфологическом уровне: *Было два рубли; У товарыщев ево; В Лысвинском крежу копают руду железную; Около половины посаду; Взятье жемчюгу и иной серебряной рухляди.*

Однако наиболее ярко оно отражено в лексике, богато представленной в деловых текстах XVII в. Так, в Словаре пермских памятников (СПП) более десяти тысяч слов нарицательных, кроме того, апеллятивы проникали в ономастику. В приложении к словарю дано около тысячи прозвищ и некалендарных имен из слов нарицательных: *Барсук Михайлов*, *Иванко **Берсень*** (*берсень* – 'крыжовник'), ***Вакорь** Вакорев сын* (*вакорь* – 'поваленное старое дерево в лесу'), *Федька Данилов сын **Голда*** (*голда* – 'чрезмерно говорливый, надоедливый человек'), *Иван **Кокора*** (*кокора* – 'неповоротливый, неуклюжий или упрямый человек'), *Никитка Михайлов сын прозвищем*

Правда, Андрюшка ***Простокиша*** (*простокиша* – 'простокваша'). Апеллятивы XVII в. через прозвища вошли и в тысячи пермских фамилий [см. СПФ].

Около 20 % словаря памятников составляла деловая лексика и терминология (названия видов документов, должностей, учреждений, процессов делопроизводства), а также словосочетания, в которые входили и слова, обычные в делопроизводстве (*бессудная грамота, изветная челобитная, зазывная грамота, закладная кабала, кортомная запись, порядная запись, письменный голова, ратный голова, ссылочная грамота*), и нейтральная общерусская лексика, ср.: *Куды коса и топор ходила* (в формуле для обозначения границ сенокосный и разработанных лесных угодий): *Меж двор волочась, погибает голодною смертью* (*меж двор волочиться* – 'нищенствовать').

Вместе с тем в принятые словосочетания делового языка входила и диалектная лексика. В межевых, ободных, купчих, закладных и других грамотах при описании участков и их границ часто использовались словосочетания со словом *место* (*место болотное* вместо слова *болото, место боровое – бор* и т. д.), в которые попадала и территориально ограниченная лексика: *наволочное место, присадное место, согретное место, чертежное место, шутемное место*. В то же время при записи показаний жителей Прикамья употреблялись не словосочетания, а слова, от которых в словосочетаниях были образованы прилагательные: *Выменяли мы...сенные покосы – наволоки по речке Сурмугу* (*наволок* – 'пойменный заливной луг'); *Продал есми...пожню – присаду на Каме-реке* (*присада* – 'заросший травой низкий наносный берег'); *А межа тому Лаптеву лугу – согра* (*согра* – 'низменное, влажное, поросшее ельником угодье'); *Чертеж против Березова острова; Порозжей покос на шутеме* (*шутем* – 'оставленное поле, заросшее травой и кустами').

Деловой язык XVII в. испытывал сильное воздействие церковно-книжного языка. В документах есть лексика, называвшая церковные праздники (Радуница, Рождество), церковные должности (*архиерей, архиепископ, дьякон, епископ*), церковную и монастырскую утварь, книги и т. д. Из церковно-книжного языка пришли в документы сложные слова (*благолепие, благословение, благосостояние, благочиние, богодарственный, боголепный, богомерзкий, богоносный, богоотступник*), повлиявшие на развитие сложных слов в деловых текстах (*вышеименованный, вышеупомянутый, нижеписанный*).

В деловых документах монастырей иногда отмечаются отрывки текста, написанные с соблюдением норм церковно-книжной грамматики: *О них же божественный апостол извествует,* ***яко*** *око не* ***виде*** *и ухо не* ***слыша***. Церковно-книжная лексика (старославянская по происхождению) фиксируется в штампах деловых актов при упоминании государей (*Для своего государского многолетняго* ***здравия***), тогда как при описании действий или жите-

лей Прикамья используются русские слова (*Судницына вдова Федосьица...будет* ***здорова****, и привести ее, вдову Федосьицу, в Чердынь лично*).

Лексика церковно-книжного языка отчасти проникала и в разговорную речь жителей Пермского края. Так, если хронология делопроизводства XVI–XVII вв. включала официальные названия месяцев (***Сентября*** *в 1 день;* ***Декабря*** *в 19 день*), то народная хронология опиралась на церковный календарь: *Поспеть на Верхотурье по нынешнему по зимнему пути* ***в великий мясоед*** *до* ***масленицы*** *за две недели* (*мясоед* – 'рождестенский мясоед между праздником Рождества и великим постом' [Даль 2: 374]); *Продавал сало скотцкое топленое боевое вместо масла коровья на* ***сырной_неделе*** (*сырная неделя* – 'масляная неделя до великого поста [Даль 4: 376]). Отмечались либо недели церковного календаря, либо отдельные дни: *Сани и хомут покинул он, Костка, у него, Васьки, после* ***Введениева дни*** *вскоре; Вскоре после* ***Николина дни*** *осеннего променял...Евсютке кобылу карюю.* Сроки платежей долгов, платы за работу и т. д. обычно устанавливались к определенным дням: *До сроку до* ***Николина дни*** *вешняго* (9 мая по старому стилю); *До сроку до* ***Ильина дни*** бжия пророка (20 июля); *До сроку до* ***Семенова дни*** *летоначатца* (1 сентября, начало «бабьего лета»).

При обозначении времени в народную речь проникали элементы конфессионального языка: церковная лексика (*пророк*), сложные слова (*летоначатец, мясоед*), грамматические формы (*бож****ия*** *пророка, веш****няго***). Вместе с тем они адаптировались народной речью. Так, в пермских документах записано *До Семенова дни*, тогда как в официальных московских документах – *До Семеня дни* (то есть с использованием архаической формы притяжательного прилагательного *Семень*); в местных актах – *Рожество* (*Ево на срок поставить на Кунгуре на* ***Рожество***), в церковных и официальных оборотах – *Рождество* (*Пресвятыя Богородице присно деве Марии... упование всех христиан честнаго и славного ея* ***Рождества***). Таким образом, с одной стороны, народная речь обогащалась церковной лексикой, с другой стороны, она приспосабливала ее к своим языковым особенностям.

В деловых актах представлены многочисленные синонимические ряды слов, позволяющие выявить семантическую характеристику входящих в них слов. Например, в ряду *чада – дети – робята* слово *чада* присутствует в текстах, связанных с церковью (*Образ...князь Феодора и* ***чад*** *ево Давида и Констянтина, ярославских чюдотворцев*), синоним *дети* был нейтральным (*Были в стану* ***дети*** *ево*) и вместе с тем попал в деловую антропонимическую формулу (*Тот чертеж у нас ввопче с Сидором да с Дорофеем Степановыми* ***детьми*** *Иртеговыми*) и в деловое терминологическое словосочетание *дети боярские* 'низший разряд служилых людей' (*Писали к нам из Казани...***дети боярские** *и сотники стрелецкие*). В живой речи жителей Прикамья употреблялось слово *робята* и дериваты от него: *Она говорила: у Вахромия, де, Корнева не ведаю, пожар ли или ино что делатца – в сенях, де, огонь горит, пособи мне из моего дому* ***робят*** *моих вынести; Во дворех*

у них только малые ***робята****; Шубенко* ***робячее*** *маленькое*; *14 рубашек тонких муских и женских и* ***робячьих***.

В синонимическом ряду *пря – преka – ссора – здор* слова, обозначающие один процесс, различаются стилистически. *Пря* отмечается в монастырских деловых актах: *Была меж нами* ***пря*** *и вражба о мельнице монастырской*. Слова *прека* и *ссора* были нейтральными: *Примирилися есми меж собою Ларион да Микифор полюбовно, что у нас меж собою была* ***прека****; За что, де, он, Савка, и по какой* ***ссоре*** *ево, Федора, убил, про то, де, он, Андрюшка, не ведает*. Но *прека* отмечается в обработанных текстах (приговорах, мировых), а *ссора* – и в них, и при передаче живой речи. Слова *здор* и *здорить* отмечаются только в показаниях жителей Прикамья: *Филип Рязанов о приданом с Констянтином* ***здорил****, и в том* ***здоре*** *неведомо кто у них огонь угасил*.

Однако чаще в синонимических рядах присутствовали общерусская нейтральная лексика и просторечные или диалектные синонимы к ней: *пук* в обычном деловом тексте (*Товарную выпись положил...к таким же таможенным выписям в* ***пук***), а синоним *пучня* при описании бытовых предметов (*Для продажи тертого табаку берест* ***пучня***). Слово *кровь* было нейтральным (*Голова в дву местех прошибена, и, знать,* ***кровь*** *шла*), а синоним *руда* – сниженным и использовался преимущественно при описании крови животных (*Лошади померли не у их сена, и* ***руды****, де, никой у их сена не было*).

Анализ синонимических рядов позволил выявить просторечную и диалектную лексику, попавшую в тексты XVII в. Территориально ограниченная лексика представлена в пермских памятниках следующим образом: 2,1 % имен существительных, 0,8 % прилагательных, 0,3 % глаголов, наречий.

При изучении лексики русских говоров XX в. О. И. Блинова учитывает данные различных исследователей, показывающих, что территориально ограниченная лексика составляет небольшую часть словаря [Блинова 1973: 41–44]. Так, Л. И. Баранникова пишет, что при обычной записи текста в потоке речи в вологодских говорах фиксировали 3,2 – 2,1%, в курских 2,9 – 3,8 %, в саратовских 1,0 – 3,3 % диалектных слов [Баранникова 1967: 13]. Г. Г. Мельниченко, опираясь на данные ярославских говоров, полагает, что в говоре 96% составляет общенародная лексика [Мельниченко 1962: 5].

Безусловно, и в XVII в. в говорах преобладала общерусская лексика, поэтому не удивительно, что диалектизмы составляли в пермских деловых памятниках в количественном отношении незначительную часть словаря, хотя в живой речи Прикамья она была значительнее, чем в деловом языке. В текстах Пермского края диалектные слова хорошо представлены в тематических группах названий географических реалий (см. выше), предметов быта, характеристики скота, построек и т. д. Например, диалектных слов много среди названий предметов одежды и их частей: *шабур* 'род зипуна или балахона из домотканного холста' (***Шабур*** *холщовой, два* ***шабура*** *шиты шолком*), *дубас* 'сарафан из покрашенного домотканного холста с тонкими бретельками' (***Дубас*** *ветхой дубленой*), *верхница* 'сарафан из покра-

шенной (дубленой) ткани' (***Верхница** синяя ветхая*; *Снесла Марьица **верхницу**-дубленик*), *шушун* 'вид сарафана – платье без рукавов' (***Шушун** крашенинной, шушун мухоярный с пуговицы серебряными*), *барма* 'отделка по вороту (воротник) женского сарафана – платья без рукавов' (*Сарафан кумачной подержаной, по вороту обложен белой **бармой***), *ожерелок* 'меховой воротник' (*Шуба под крашениной овчинная, **ожерелок** бобровой*), *напушица* 'меховая отрочка шапки, одежды' (*Шапки овчинные черные с **напушицей** бобровой*), *головодец* 'девичий головной убор' (***Головодец** золотой*), *паворозы* 'ленты, завязки головного убора' (***Паворозы** от головодца*), *скуты* 'суконные онучи' (***Скуты** суконные белые*), *тюни* 'валяная обувь с пришивными суконными или холщовыми голенищами' (*С собою приносил **тюни**-валенцы овечьей шерсти*), *уледи* 'меховая обувь' (*Взял чулки, скуты, коты да **уледи***) и др. [Полякова 1977: 42–52]. Часть этих слов известна лишь в северно-русских говорах.

Сравнение пермских материалов с данными «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и словарями и исследованиями деловых памятников XVII в. различных районов России (работы Н. С. Бондарчук, Е. Н. Борисовой, А. Д. Васильева, С. С. Волкова, В. Я. Дерягина, А. И. Елизаровского, Л. А. Захаровой, Л. Я. Костючук, С. И. Коткова, Н. С. Котковой, О. С. Мжедьской, В. В. Палагиной, Л. Г. Панина, Ф. П. Сороколетова, Г. В. Судакова, Н. А. Цомакион, Ю. И. Чайкиной и др.) свидетельствуют о широком употреблении в текстах Прикамья, как и в других, лексики, которую в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. отмечали как общерусскую просторечную. При редактировании документов ее старались заменить нейтральной, не сниженной: вместо *сулить* – *обещать*, вместо *лукать* – *метывать* (*Она охоча палками **лукать***, но *Драниц в воду не **метывали***).

Употреблявшиеся в просторечии слова в документах использовались при описании различных сцен (*Седя на сединном пороге, драл лыка с **лутошек**; Из избы выставил двери **рычагом** и к себе унес; Украли у меня на Кунгуре из Засылвы-реки на лугу с **ужища** лошадь; Жених с невестою и с **приборяны** от него, Ярафия, из дому к церкви к венчанию ушли*), различных занятий (*Был в лесу, **лесовал**; Принесли то мясо, которое **молили*** [освящали.], *и того не знал, где у них была мольба*), при описании внешности людей (*Ивашко ростом высок, **чермен**, борода сечена, ус же завивает, нос невелик, **покляп***), особенностей скота (*Застрелил у меня лошадь мою – жеребца шерстью **на рыже чалого**; Жеребенок – кобылка **рыжечалая** – лонщынка*), реалий крестьянского хозяйства (*В том дворе два хлева, покрыты **драницами**; Ель, а на ней затесана **залазь** с одну сторону, с нижнюю*).

Общерусская лексика составляла основу словаря крестьянских говоров, которые, в свою очередь, были базой речи жителей растущих городов. Это позволяло сохранить русский язык как нечто целое и в Прикамье, и на всей обширной территории России, в частности в Сибири, отстоящей от центра на тысячи километров. В сохранении этого целого большую роль сыграл деловой язык XVII в.

В XVIII в. происходят существенные изменения в экономической и социальной жизни Пермского края. Если ранее как промысел здесь в основном было развито солеварение и связанные с ним занятия (заготовка дров, постройка судов для сплава соли по Каме и Волге до Нижнего Новгорода), то теперь в крае появляются государственные (Егошихинский, Мотовилихинский, Пыскорский, Висимский, Верхний и Нижний Юговские) и частные (Чермозский, Кизеловский, Хохловский, Полазнинский, Бисерский, Юго-Камский, Нытвенский, Архангело-Пашийский, Кусье-Александровский, Очерский, Добрянский, Кыновской, Пожевской и др.) промышленные комплексы: медеплавильные, железоделательные заводы и рудники [Мухин 1978: 8–9]. На обширной территории, где они располагались, находилась вотчина Строгановых – своего рода государство в государстве, возникшее в XVI в. Однако в XVIII в. часть их земель была выкуплена или конфискована государством для устройства заводов, часть в результате дробления, продажи и браков Строгановых стала принадлежать другим крупным собственникам и далее горнопромышленникам – Голицыну, Шаховскому, Всеволожскому, Лазареву.

Для организации предприятий требовались специалисты, и поэтому в Прикамье привлекаются люди из Москвы, Петербурга и других мест, где до этого уже начала развиваться промышленность, а также иноземцы. Это повлияло на развитие в Прикамье профессиональной горно-промышленной лексики, формирующейся из уже сложившейся в России, а также из привезенной иностранцами. Вместе с тем это способствовало развитию речи жителей складывающихся при заводах поселений, в которой преобладала всем понятная общерусская лексика.

В то же время на создаваемых заводах требовалась большая рабочая сила, чтобы ее обеспечить, проводилось переселение из деревень на заводы крепостных крестьян, о чем свидетельствуют ревизские сказки и другие документы XVIII в., хранящиеся в Государственном архиве Пермской области. Переселенцы приобщались к труду на заводах, овладевали новой для них профессиональной лексикой и использовали общерусские слова. Но они и их семьи не порывали с сельскохозсйственными работами (содержание огородов, скота), с традиционным крестьянским бытом, сохраняя свой старый лексикон.

Вместе с тем крепостных привлекали и к управлению, к работе в конторах, для чего было необходимо обучение прежде всего грамоте и деловому языку. Но нужны были и обученные рабочие и специалисты горного дела, и в 1721 г. по инициативе В. Н. Татищева на Урале (в частности в Кунгуре) были открыты первые арифметические (цифирные) школы горного ведомства. В 1735 г. такая школа появилась на Егошихинском заводе, в 1738 г. – в Пыскоре. В них обучали грамматике русского языка (словесная школа) и арифметике [Сафронова 1999: 214–215]. В 1786 г. в губернском городе Перми открылось Пермское главное народное училище, а в 1789 г. – малые народные училища в Кунгуре, Соликамске и Чердыни [Калинина 1999: 217].

Необходимы были образованные работники и в вотчине Строгановых, которые отправляли крепостных мальчиков – детей служителей и крестьян – для обучения в Пермское главное народное училище. В XVIII в. появилась школа в селе Ильинском – административном центре вотчины. В 1794 г. там было открыто народное училище, в двух классах которого обучали мальчиков чтению, Закону Божьему, арифметике и русской грамматике [Калинина 2005: 192–193]. У Строгановых существовал институт воспитанников – молодых выходцев из категории служащих, получавших образование в Санкт-Петербургской Строгановской школе, в высших учебных заведениях России и Европы. Все обучающиеся должны были в той или иной степени овладеть литературным языком того времени.

Главный город Пермского наместничества, а затем губернии был образован на месте Егошихинского завода в 1780 г., в 1781 г. указом, подписанным Екатериной II, ему было присвоено название Пермь. В 1792 г. в Перми начала работать типография, в которой в том же году была издана книга местного штаб-лекаря М. Л. Гамалея «О сибирской язве и о ея народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа». А в 1796 г. управляющий пермской типографией Петр Филиппов издал **первую в России** книгу о типографском деле «Подробное описание типографских должностей», в которой, помимо описания полиграфических действий, входило предназначенное для корректоров «Объяснение о правописании». Эта небольшая книга сохранилась в одном экземпляре и хранится в Российской государственной библиотеке в стальном сейфе, в коробочке, оклеенной изнутри байкой [Павлов 1980: 63–67].

В результате всех этих процессов речь жителей растущих городов и крупных сел приобретала новые черты. Она была ориентирована на общерусскую основу, хотя в ней могли сохраняться и черты старых говоров. Активно развивается просторечие, в которое попадает немало диалектных слов. В конце века небольшая часть населения городов приобщается к разговорной форме русского литературного языка

Следует отметить, что если речь жителей Пермского края, ее лексика в настоящее время изучена в достаточной степени, чтобы представить основные ее черты, то речь XVIII в. еще предстоит изучить подробно. Пока же сделаны лишь первые шаги в этом направлении: проанализирован большой антропонимический материал [Семыкин 1998; он же 1999; СПФ], начато изучение палеографии и лексики актов солеваренных предприятий [Чиркова 1999], палеографии и лексики документов Пыскорского медеплавильного завода [Браткова 2004]. И тем не менее очевидно, что в XVIII в. начали происходить те изменения, которые определили пути развития разговорной речи Прикамья в XIX в. – в эпоху существенных экономических и социальных изменений в крае и в эпоху становления в России современного русского литературного языка в его письменной и устной формах.

1.2. ЧЕРДЫНСКИЕ ГОВОРЫ[6]

Разработка диалектного словаря чердынских говоров Пермского края потребовала решения не только лексикографических задач, но и определения территории функционирования этих говоров, характеристики их истоков, времени возникновения и особенностей развития.

Чердынская земля с главным городом Чердынь как исторически сложившееся место существования исследуемых говоров не совпадает с территорией современного Чердынского района, расположенного на севере Пермского края в бассейнах впадающих в Каму рек Южная Кельтма, Пильва, Сумыч, Уролка, Вишера (в ее нижнем течении) с притоком Колва и притоком последней – рекой Березовой. В разное время административное районирование Пермского края было различным, территория Чердынского района то сокращалась, то расширялась. Так, в 60-е годы XX столетия к Чердынскому сельскому району относили бо'льшую часть современного Красновишерского района, до этого, наоборот, из Чердынского выделялся Ныробский район и т. д. Существовавший ранее, до 20-е гг. XX в., Чердынский уезд был очень большим и включал в себя северную часть современного Коми-Пермяцкого автономного округа и часть верхнего течения Печоры. С XVII по XIX в. границы уезда тоже неоднократно менялись.

Таким образом, определяя территорию распространения чердынских говоров, нельзя исходить из административно-территориального деления Пермского края (до 2006 г. области). Установить ее возможно только в результате изучения истории формирования и функционирования русской речи в Пермском крае. Поэтому обратимся к истории заселения русскими его северной части – бывшего Чердынского уезда и прилегающей к нему территории.

К сожалению, не сохранилось источников, по которым можно было бы с точностью установить время появления в Верхнем Прикамье носителей русского языка и их поселения здесь. Однако некоторые материалы говорят о возможности посещения его новгородцами еще в XI–XII вв. с военной и торговой целью – для вывоза ценных мехов, которыми был богат Урал.

Лаврентьевская летопись свидетельствует о том, что в 1092 г. новгородец Гюрята Рогович, один из бояр или крупных купцов, отправил в поход ушкуйников (дружинников на ушкуях – ладьях с веслами) «*в Печору, людие яже суть дань дающие Новугороду*», а оттуда – в Югру, т. е. в места, где проживали угры – предки современных манси. «*Югра же людье, есть язык нем, и соседят с самоядью на полуночных странах*» [ПСРЛ 1: 234–235], т. е. язык югры был непонятен («*нем*») в отличие от языка жителей Печоры (скорее всего, предков коми-зырян), дававших дань Новгороду. Известны походы на Северное Приуралье в 1187 г., на югру в 1193–1194 гг.

---

[6] *Полякова Е. Н.* Чердынские говоры // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (Материалы и исследования); Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 2.

Путь новгородцев шел по рекам и волокам: из Новгорода через Белозерье на Вычегду или на Мезень, по притокам которых они попадали на левые притоки Печоры. Но по притокам Вычегды и с Печоры можно было выйти и в бассейн Камы. История Пермского края говорит о том, что заселение его русскими начиналось именно с севера, через Вычегду.

С глубокой древности было известно несколько путей, связывающих Вычегду с Верхней Камой. Наиболее известными являются два из них: 1) по притоку Вычегды Северной Кельтме на волок, ведущий к Джуричу, впадающему в Южную Кельтму – приток Камы; в XVIII в. на этом волоке был сооружен Северо-Екатерининский канал; 2) по притоку Вычегды Нему на волок, идущий к притоку Березовки, впадающей в Чусовское озеро, и далее по Вишерке, Колве, Вишере в Каму; волок на этом пути назывался Немским (по реке) или Бухониным по именованию жителя чердынского погоста Вильгорта Ивана Сидорова сына Бухони, взявшего его на оброк в первой четверти XVII в. [Кривощеков: 241]. В XVI в. этот волок упоминается в хорошо известном в Европе сочинении «Записки о московских делах» немецкого дипломата Зигмунда Герберштейна, совершившего путешествие по России в 1517 и 1526 гг. [СИЭ 4: 256].

Древним был и путь с Печоры: из ее притока Волосницы на волок, ведущий к реке Вогулке, которая впадает в Еловку – приток Березовки, далее в Чусовское озеро, связанное реками с Камой [Кривощеков: 241]. Этот волок вплоть до XX в. активно использовался чердынцами, направляющимися для рыбной ловли на правые притоки Печеры – Щугор и Илыч; сложности пешего перехода и перевода лошадей с возами по этому четырехкилометровому переходу хорошо описаны Д. Н. Маминым-Сибиряком [1978: 10] в рассказе «Зимовье на Студеной».

На Верхнюю Каму русские попадали и с севера Вятской земли, через Кай-городок. Все пути с Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области) и с вычегодской территории, где жили коми-зыряне, активно использовались для переселения русских с севера на Верхнюю Каму.

В XI–XIII вв. русские еще не создавали в Приуралье оседлых поселений, на Верхней Каме постоянное население могло появиться в XIV–XV вв. Имеются косвенные свидетельства пребывания древних новгородцев в этом регионе. Так, при раскопках в бассейне Колвы Искорского городища, на котором совместно проживали коми-пермяки и русские, археологами обнаружены следы русской гончарной посуды, составлявшей 51,8 % всей найденной здесь керамики. Причем самые ранние горшки имеют аналогии с керамикой древнего Новгорода [Оборин 1990: 72–73].

Есть и данные ономастики, говорящие о проникновении в Прикамье новгородцев. Так, вблизи современного города Красновишерска находится гора Полюд, в названии которой сохранилось древнерусское слово. Оно могло быть именем человека, возглавлявшего сторожевой пост для защиты Нижней Вишеры и Чердыни от нападения вогулов (манси). Такое имя встречается в новгородских памятниках письменности, ср.: «*Полюдъ Кос-*

*нятиничъ, Новгородецъ, 1140 г..., **Полюдъ**, Новгородец, 1215, 1224.., **Полюд**, Новгородский боярин, 1268*» [СДЛСИ: 24]. Но слово *полюд* могло быть и именем нарицательным – названием должности человека, собирающего дань, ср. древнерусское слово *полюдие* '1) дань, подать, собиравшаяся с княжеских вассалов, 2) объезд для собирания дани, подати' [СДЯ 7: 115].

Возможно, в Прикамье возник топоним, называвший место сбора дани – «*полюд*» на берегу Вишеры, у подножья горы. Дело в том, что в памятниках письменности устье реки Морчан (ныне Морчанка), впадающей слева в Вишеру, напротив горы Полюд, отмечается как граница хозяйственных интересов русских (по Вишере ниже Морчана) и вогулов (выше Морчана). Это место вполне могло использоваться для их встреч, для получения дани (*полюда*) и торговых сделок. А самым главным его ориентиром была гора, получившая по месту сбора дани древнерусское название Полюд и сохранившая его до наших дней. Видимо, древние новгородцы принесли в Прикамье и гидроним Вишера (а также Вишерка – приток Колвы), ср. название реки Вишеры в бассейне Волхова, на Новгородской земле.

Вместе с тем не новгородский диалект стал основной базой формирования русских говоров Верхнего Прикамья, о чем говорят результаты сопоставления актуальной лексики живой речи, например, новгородских и пермских географических апеллятивов, т. е. имен нарицательных, называвших географические реалии. Многие новгородские диалектизмы отсутствуют в Пермском крае: *грём* 'небольшое возвышение, кочка на болоте', 'кочковатое место', 'мелкий кустарник', 'непроходимый лес', а также однокоренные слова *гремок, грёмушек, грёмышек, гремочек, гремьё*; *дрябь* 'топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте' и однокоренные *дряб, дрябина, дрябля, дрябель, дрябище, дрябьё дряблина, дребь*; *буклина, букловина* 'небольшой залив на озере, заводь'; *вир, вирь, вирка* 'водоворот'; *жерло, жёрло, жерело, жерловина, журало* 'место истока реки из озера', 'русло ручья' и т. д. [Васильев 2001; НОС]. В то же время в новгородских диалектных материалах не отмечены пермские апеллятивы *боготь* 'омут, подводная яма', *бузун* 'топкое глубокое место на болоте', *быган* 'склон горы, постоянно обдуваемый северным ветром', *выморина* 'постоянное сырое место на лугу, в поле', *исада* 'часть берега реки, удобная для причаливания лодок, судов' и др. [СГТ]. Об этом же свидетельствует и история края.

Впервые Верхнее Прикамье упоминается в русских источниках с именованием «*Пермь Великая, глаголемая Чусовая*» в 1397 г. в «Житии Стефана Пермского». Житие написано в стиле «плетения словес» замечательным писателем-монахом Епифанием Премудрым, знавшим Стефана как просветителя древних коми-зырян, который составил азбуку коми языка, перевел на него некоторые священные православные тексты, написал их этой азбукой и, проповедуя на коми языке, обращал в христианство коми-зырян на Вычегде и ее притоке Выми. Бассейн Вычегды тогда называли Пермью, почему Стефан и получил прозвание Пермский; в современном Пермском

крае он не был, но здесь во второй половине XV в. была продолжена начатая им христианизация коми.

Обычно считают, что в части названия Перми Великой «*глаголемая Чусовая*» имеется в виду современная река Чусовая. Однако, скорее всего, в тексте Епифания зафиксировано название, связанное с Чусовским (в памятниках только *Чусовым*) озером. На пути к городу Чердыни с Печоры и с Немского волока все письменные источники отмечают только русские названия рек: Еловка, Березовка (впадает в *Чусовое* озеро), Вишерка (вытекает из него и впадает в Колву). Как назывались эти реки до появления здесь русских, когда этим путем пользовались финноязычные коми и угроязычные вогулы, неизвестно. Полагаем, что и Березовка, и Вишерка (или обе вместе), связанные с озером, и могли называться *Чусовой*, упомянутой в «Житии Стефана Пермского», что впоследствии сохранилось только в названии *Чусового* озера. Таким образом, *Пермь Великая, глаголемая Чусовая* – это Чердынская земля.

Территория Перми Великой первоначально посещалась для сбора дани новгородцами. Но на Верхнее Прикамье претендовала и Москва. Еще в 1177 г. владимиро-суздальская дружина вниз по Волге через волжских булгар проникает в низовья Камы. В XII–XIII вв. владимиро-суздальцы обеспечивают себе позиции для проникновения в Верхнее Прикамье с севера – обосновываются в устье реки Юг (бассейн Северной Двины), построив там в 1173 г. городок Гляден, а в 1212 г. рядом с ним город Усть-Юг (Великий Устюг), от которого легко было выйти на Вычегду, а по ее притокам в притоки Камы. В 1220 г. владимиро-суздальский князь по этому пути из Усть-Юга попал в верховья Камы и спустился по ней. В 1333 г. новгородцы вынуждены были дать на дань Вычегду и Печору московскому князю. В 1472 г. в результате осады Новгорода в отказной грамоте новгородцы уступили Москве «*Пермь Пинежскую, Мезенскую, Важскую и Пермь Великую*». В том же году в результате похода князя Федора Пестрого и взятия им Чердыни Пермь Великая окончательно вошла в состав Русского государства и подчинилась Москве. Ее связи с Новгородом были прерваны.

Вместе с тем с XV в. усиливается приток населения в Прикамье с Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области), о чем свидетельствует ономастика, а именно оттопонимические прозвища и образующиеся от них с конца XVI в. семейные именования, переходящие в XVII в. в фамилии. Складывающиеся фамилии зафиксированы в писцовых и переписных книгах, а также в других документах, ср.: «*Крестьянин деревни Шайтанова Антипка Иванов сын **Варзугин***», [*КЧ: 65 об.*] – именование по реке Варзуге, впадающей в Белое море; «*Чердынец Якушко **Двинин***» [*РСЧ 5: 91*], «*Крестьянин Нового Усолья Ивашка Иванов сын Потеряха **Двинянин***» [*Е: 87*] – по реке Северной Двине; «*Чердынец Ивашко **Вагин***» [*РСЧ 5: 71*], «*Крестьянин погоста Вильгорт Кирилко **Важанин***» [*РСЧ 5: 37 об.*], «*Житель погоста Губдор Яков Кирилов сын **Важенинов***» [*Ч: 108*] – по притоку Северной Двины Ваге; «*Крестьянин деревни Уролка Матюшка*

Тимофеев сыг ***Югов***» [*КЧ: 121*], «*Чердынец Кузька* ***Южаков***» [*РСЧ 4: 16*], «*Житель Рядикорского погоста Игнашка* ***Южанинов***» [*РСЧ 3: 33*], «*Чердынец Авраам Тимофеев сын* ***Южитинов***» [*Ч: 118 об.*] – по реке Юг бассейна Северной Двины; «*Крестьянин деревни Харина Осташко* ***Вычегжанин***» [*Я: 26 об.*] – по реке Вычегде; «*Крестьянин деревни Усть-Вишера Осип Григорьев сын* ***Вилягжанинов***» [*СЧ: 162*], «*Житель Соли Камской Афанасий Трофимов сын* ***Виляженинов***» [*КСГ: 73*] – по притоку Вычегды Виледи; «*Чердынец Якушко* ***Мезенин***» [*РСЧ 5: 131*], «*Житель погоста Вильгорт Меншичко Степанов сын* ***Мезенец***» [*РСЧ 4: 88 об.*], «*Чердынец Логинко* ***Мезенцов***» [*РСЧ 4: 36*] – по реке Мезени; «*Житель погоста Чигимер Архип Кондратьев сын* ***Пинягин***» [*СЧ: 113*], «*Житель погоста Кольчуг Поликарп Иванов сын* ***Пиняженин***» [*СЧ: 22*], «*Житель Усолья Камского Ивашка Трофимов сын* ***Пенежанин***» [*К: 154 об.*], «*Крестьянин деревни Тагъяшер Родион Денисов сын* ***Пенежских***» [*Ч: 86 об.*] – по реке Пинеге.

Этот список можно существенно увеличить, включив в него прозвища и фамилии XVI–XVIII вв., образованные от других топонимов Русского Севера: *Белослудец, Вологжанинов, Каргополов, Каргопольцев, Кивокурцев, Кокшаров, Колмогоров, Лалетин, Матигоров, Моржегорец, Онегов, Паластров, Подвинцев, Поморцев, Пустозерцев, Сысолетин, Сысольцов, Сухонцев, Тотьмянин, Устьцилемов, Устьянец, Устюгов, Устюжанинов, Шолонцев* и др. Подробно о них см.: «Словарь пермских фамилий» [СПФ].

Переселялись в Прикамье и жители Вятки (ср.: *Вяткин, Вятчанинов, Малмыженин*), Поволжья (*Костромин, Костромитин, Нижегородцев, Низовец, Тверитинов, Углецких, Ярославцев*), центра (*Володимерцов, Москвин, Москвитин, Суздальцев*) и юга России того времени (*Калугин, Рязанцев*), приходили люди и из-за Урала (*Тагильцев, Тобольников, Тунгускин, Якутов*) [СПФ].

Однако большинство переселенцев на север Пермского края, особенно в XV – начале XVII в., шло с Русского Севера, именно их речь явилась основой складывающихся в Прикамье говоров. Поэтому в пермской лексике находим много общего с архангельской и вологодской лексикой.

Территорию Перми Великой в прошлом, когда здесь формировались ранние русские говоры, можно установить, опираясь на памятники письменности, прежде всего на переписные документы, в которых отмечали жителей (мужчин) всех населенных пунктов. В 1579 г. Пермь Великая была переписана в писцовой книге Ивана Яхонтова, которая дошла до нас в списках [Я] и публикации [Шишонко, 1881, 82–86], правда, в последней много опечаток. В книге переписаны город Чердынь, «пригород» Усолье Камское (будущий Соликамск), погосты (села с церковью) и относящиеся к ним деревни, починки (преимущественно однодворные), а также займища (участки, занятые с хозяйственными целями).

В Усольском уезде погостов не было (религиозным центром было само Усолье Камское), но в писцовой книге здесь зафиксировано 23 деревни, 11

починков, 3 займища. Среди них деревни Боровая (будущий Боровск, ныне микрорайон Соликамска), деревни Зырянова, Кочергина, Кулакова, Усова, Черная, Чертеж, сохранившиеся до XXI столетия. Добыча соли из природных рассолов на реке Боровой и в низовьях реки Усолки, в устье которой возникает Усолье Камское (Соликамск), велась вологодскими посадскими людьми Калиниковыми еще в 1430 г.

Чердынский уезд занимал очень большую территорию и делился на четыре стана: Окологородный, Верхний, Нижный и Отхожий. К Окологородному стану, в котором значилось 2 погоста (Покча и Онисимов), 13 деревень и 8 починков, относились земли, близкие к городу Чердыни. На современной карте из них сохранилось только село Покча, в списках второй половины XX в. значились деревни Анисимова (бывший Онисимов), Блинова, Вотская, Кушпелева.

Верхний стан располагался относительно Чердыни вверх по Колве и частично вверх по Каме. В него входило 4 погоста (Вильгорт, Искор, Янидор, Кульчуг), 20 деревень и 4 починка. Из старых топонимов на современной карте есть все бывшие названия погостов, а также Ныроба (ныне поселок), села Камгорта, деревни Долды (Малые). Во второй половине XX в. существовали также упомянутые в писцовой книге деревни Бигичи, Цыдва, Янидор, Озга Меньшая и Озга Большая (Очга Жикина и Очга Кошелева), Ужгинская, Сумыч.

Нижний стан шел вниз по Колве, Каме, Вишере: 3 погоста (Губдор, Пянтег, Редикор), 28 деревень, 3 починка. До XXI в. дошли все погосты (ныне села) и деревни Анбор (ныне Амбор), Арефина, Аристова, Верхняя Мошева, Нижняя Мошева, Верхний Шакшер, Нижний Шакшер, Вильва, Зелва, Кондратьева, Коэпты, Лимеж, Могильникова, Немзя, Остяцкая, Сартакова, Толстик, Урол Сухой, Урол Средний, Усть-Уролка, Язьва.

В отхожий стан входили 3 погоста (Гайна – ныне Гайны, Ныров – ныне Коса, Обва – ныне Ильинский), 20 деревень и 3 починка. Они были расположены далеко от Чердыни: на Обве (Обва, Кривая Наволока, Федорова), Яйве (Романова, Нижнее Поле), Косьве (Выльгорт), в современном Коми-Пермяцком автономном округе на реках Каме (Гайна), Косе (Нижняя Коса, Ныров), Лупье (Очга), Иньве (Кудымкар, Купрос, Туманская), Куве (Кува), Юсьве. Но с ними существовали административные и другие связи Чердыни.

В писцовой книге 1579 г. определяются границы Перми Великой на ее главных реках: «*В Чердынском уезде вверх по речке Колве озеро Чусовое в длину на 10 верст а поперег 5 верст озеро Вакишт озеро Кимшер озеро Лимеж в длину по три версты а поперег по версте... Река Вишера от Камы вверх по Вишере до Морчана... Кама от речки Порыша вниз по Каме до погоста Мошева*» [*Я: 44–44 об.*].

Очерченные выше земли Перми Великой и составляли территорию формирования в Верхнем Прикамье **чердынских говоров** на диалектной базе Русского Севера. К югу от Перми Великой располагались вотчины

именитых людей Строгановых. Складывающиеся там русские говоры также имели севернорусскую основу, потому что, во-первых, до вотчин доходил поток переселенцев с Русского Севера, во-вторых, туда в XVI–XVII вв. активно переселялись чердынцы. Но в Строгановские вотчины попадало и много переселенцев с Вятки и из других земель России, что не могло не сказаться на возникающих там говорах, в деталях отличающихся от чердынских.

Следующая писцовая книга, составленная Михаилом Кайсаровым в 1623–1624 гг., свидетельствует об активной стихийной крестьянской колонизации Прикамья за прошедшие полстолетия, о росте населения в Перми Великой, о появлении здесь большого числа новых починков и деревень, но границы ее территории оставались прежними.

Вместе с тем правительство было заинтересовано в освоении новых земель на Западном Урале. Так, в 1667 г. составлялись «*Расспросные речи чердынцев и пермян* [коми-пермяков] *по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и о проч. на северо-восток от Перми*», т. е. от Чердыни. В основном в них сообщались географические названия, ср.: «*В северной стороне на пустом месте есть де река малая прозванием Березовка* [ныне Березовая] *а та де река немногорыбна рыбы де в ней имеются мелкие харюзи лини а при той де Березовке-реке есть на пустых местех горы каменные пустые а прозванье им – гора Мулыск, гора Кырниш, гора Дироватая гора Яранкор гора Пасынок*» [*РР: 4*] или «*В восточной стороне на пустых местех вверх по Вишере-реке которая близко Чердыни прошла мимо Чердынский уезд есть де горы каменные. Прозванья им гора Сторожевая гора Велгур гора Лапина гора Сыпучая гора Писаная гора Ябрус гора Золотая гора Гостина гора Витряная гора Чувал гора Короксорец... А те де горы близко вогульских юрт*» [*РР: 5–6*].

Подобные записи свидетельствуют о том, что земли на северо-восток и восток по Верхней Колве, Березовой, Средней и Верхней Вишере были известны в XVII в. (в основном охотникам), но постоянного русского населения там не было. Эта территория заселяется с XVIII в., главным образом носителями чердынских говоров. Так, жители деревни Акчим на Вишере рассказывали составителям полного Акчимского словаря [Акчим. сл.], что она была основана выходцами из чердынского села Анисимова.

Итак, к Чердынской земле постепенно присоединяются новые территории по Верхней Колве, Березовой, Вишере. Вместе с тем в результате истории развития Пермского края и его хозяйства от нее отходят Соликамский и часть Усольского района, правобережье Камы в пределах Коми-Пермяцкого автономного округа, а также к Строгановским вотчинам земли по реке Обве. Таким образом сейчас можно говорить как о **чердынских** о говорах Гайнского Чердынского, Красновишерского и северной части Косинского (по Каме) и Усольского (бассейн Уролки) районов.

Они складывались на большой территории, на которую приходили в основном выходцы с Русского Севера, но, судя по оттопонимическим про-

звищам и фамилиям (см. выше), они шли из разных его мест (с Северной Двины, Пинеги, Мезени, Вычегды, из Вологды, Тотьмы и т. д.), т. е. изначально в говорах Чердынской земли могли быть различия, что отмечали лингвисты в середине XX в. [Скитова 1962: 45–46]. Впервые к разработке классификации говоров Перми Великой обратилась в 60-е гг. XX в. К. А. Федорова. Анализируя термины родства, она выявила различие в их употреблении в разных местах, например: сестру жены называли в Гайнском районе *свестя*, в бассейне Нижней Вишеры, в междуречье Камы и Вишеры и на Колве – *свесья*, в говорах Юрлинского района (Коми-Пермяцкий автономный округ), соликамских и далее на восток – *свояченица* и *своячина* [Федорова 1964: 87]. Исследовав эти и другие термины родства и свойства (*братан*, *братанник*, *братский*, *братуха*, *братаница*, *дочи*, *дочерь*, *золовка*, *золовица*, *сестряна*, *сестрянка*, *сеструха*, *свекрова*, *свекровка*, *свекруха*, *свекровушка*, *свекровица* и др.), она устанавливает пять групп говоров на территории бывшей Чердынской земли:

1) гайнские (говоры Гайнского района);

2) нижневишерско-колвинские (в населенных пунктах на Нижней Вишере, в междуречье Камы и Вишеры, по Колве);

3) юрлинские (в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа);

4) соликамские (по обоим берегам Камы от устья Вишеры на севере, примерно, до г. Соликамска на юге);

5) вишерско-язьвенские говоры (в бассейне Средней Вишеры, по Верхней Вишере и по реке Язьве – притоку Вишеры) [там же: 89].

Развитие чердынских говоров по сравнению с другими на территории Пермского края проходило в особых условиях. Во-первых, чердынские говоры были самыми ранними в Прикамье. Памятники письменности свидетельствуют о проникновении на Чердынскую землю древнерусской лексики, сохраняющейся до сих пор (ср.: *орать* 'пахать', *оранина* 'пашня') или впоследствии исчезнувшей из живой речи. Например, в документах XVII в. отмечается утраченное впоследствии название масти крупного рогатого скота *редрый* 'красный; красно-желтый, рыжий» [СлРЯ XI–XVII вв. 22: 132]: «*Мне досталось корова* ***редрая*** *лыса да другая корова* ***редрая*** *да нетель* ***редрая*** *да бычок* ***редрой*** *с лысиной*» [*Уд: 239*]. Сохранялись в чердынских говорах и некоторые древнерусские грамматические особенности речи, ср.: двойственное число (в творительном падеже *рукама*, *ногама* вместо *руками*, *ногами*), плюсквамперфект (*была косила траву*, *была ходила в магазин*), инфинитив с дополнением – существительным женского рода в именительном падеже (*топить баня*, *трава косить*) и др.

Во-вторых, пришедшие с Русского Севера селились в Перми Великой рядом с коми-пермяками, завязывали с ними хозяйственные связи, узнавали от них названия местности (апеллятивы и топонимы), в результате чего в складывающихся русских говорах появлялись коми заимствования в лексике (*бýждом* 'обвалившийся, осыпавшийся берег', *вад* 'озеро', *шутём*

'заброшенное, заросшее травой и кустарником поле') и ономастике (Ветлан, Маэг, Цидва, Чердынь). Прибывавшие мужчины брали в жены коми-пермячек, т. е. возникали двуязычные семьи, в которых дети усваивали фонетику от матери, потому что общение с ней на 1–2-м году жизни, когда формируется речь ребенка, было большим, чем с отцом. До сих пор в русских чердынских говорах звучат некоторые звуки коми языка, например, l – «л среднее», ср. запись речи жительницы Чердынского района Н. Г. Андрюковой: «*Родilась я в тридцатом году в январе, второго января, деревня Чашшына. У нас тогда быlа Molотовская обlасть. На давдцать первом году я ушlа взамуж*» [Русинова 2007: 38].

В-третьих, развитие Чердынской земли в социальном и экономическим отношении оказалось иным, чем развитие других районов Пермского края. Эта земля не знала крепостного права, носители чердынских говоров были государственными крестьянами. Поэтому здесь не было такого переселения жителей, какое отмечается в вотчинах Строгановых и других владениях крепостников. На протяжении многих столетий чердынцы занимались земледелием, скотоводством, заготовкой и сплавом леса для солеварен и для строительства, охотой, рыбной ловлей. Сюда, иногда в отдаленную от Чердыни местность (на Верхнюю Колву), переселялись многие старообрядцы, сохранявшие свой уклад на протяжении столетий.

С XVIII в. в Пермском крае возникали государственные и частные медеплавильные и железоделательные заводы [Мухин: 1978 5–7], к которым приписывали и в которые переселяли крестьян из разных владений Пермского края, что приводило к смешению отдельных говоров. Однако это не коснулось Чердынской земли, на которой не было таких заводов и в основном сохранялась старая система хозяйствования.

Осталась Чердынь и в стороне от основных путей, которые проходили в XIX–XX вв. из европейской части России в Зауралье. На севере Пермского края нет железных дорог, крупный водный транспорт, идущий вверх по Каме, доходил лишь до устья Вишеры и далее шел по ней к современному Красновишерску, не заходя в Чердынь. Но в то же время Кама, Вишера, Колва в Чердынской земле традиционно играли большую роль как транспортные пути для небольших судов и лодок, так как сложный рельеф местности и суровые погодные условия препятствовали развитию хороших наземных дорог.

Чердынская земля на протяжении многих столетий была местом ссылки, и первым ссыльным, о котором нам известно по памятникам письменности, был дядя будущего первого царя династии Романовых Михаила Федоровича, боярин Михаил Никитич, скончавшийся в «яме», т. е. в подземном срубе, куда он был брошен в 1601 г. по приказу Бориса Годунова. Сюда ссылали «раскулаченных» крестьян с конца 20-х гг. XX в. В 30-е гг. край стал местом лагерей для политических и других заключенных. Часть из них оставалась после заключения сначала «на поселении», а потом и навсегда,

что имело значение для общественного развития, но практически почти никак не сказалось на судьбе чердынских говоров.

К настоящему времени очень изменились условия жизни на Чердынской земле. В результате закрытия так называемых «неперспективных» населенных пунктов исчезли многие деревни, их жители разъехались в более крупные поселения. Например, нет на современной карте деревни Акчим, памятником которой остались словарь [Акчим. сл.] и его картотека. Памятником старой культуры становится и картотека Чердынского словаря, хотя до настоящего времени продолжается сбор материала для него в сохранившихся населенных пунктах.

Другой стала экономическая, производственная жизнь, прекратили свое существование многие прежние хозяйственные мероприятия: подготовка лесных участков под пашню, вспашка земли сохой или сабаном, выращивание и домашняя обработка льна, изготовление домашних тканей, старинной одежды и т. д. Изменились или утрачены многие старинные обряды. Вместе с этим забывалась связанная с ними лексика. Современные деревенские бабушки, с которыми чаще всего встречаются диалектологи, учили в школе современный русский литературный язык, слушают радио, смотрят телевизор, в их речь проникают новые слова, хотя они сохраняют в основе свой старый говор. У них большой запас пассивной лексики, которую они вспоминают, рассказывая о прежней жизни.

Раньше Чердынь, казалось, находилась так далеко от центра края, Перми, куда можно было попасть либо самолетом, либо надо было не один день спускаться на речном транспорте по Колве, Вишере и Каме, либо добираться сначала в Соликамск к железной дороге, а уж оттуда в Пермь. Теперь же по хорошей асфальтированной дороге и по мостам через реки всего за пять часов можно пройти такой долгий в прошлом путь.

Все это меняет жизнь и изменяет живую речь жителей севера Пермского края.

Подводя итоги, еще раз отметим, что Пермь Великая – Чердынская земля оказалась территорией, на которой в XIV–XV вв. на основе севернорусской речи возникали самые ранние русские говоры Пермского края. Условия жизни способствовали долгому существованию этих архаических говоров, данные которых были зафиксированы диалектологическими экспедициями 50–70-х гг. XX в. И даже сейчас, несмотря на быстро меняющуюся жизнь, сохраняются многие их черты и значительная часть старой лексики. Ее фиксация и изучение необходимы, так как существенно дополняют диалектную картину и европейских, и зауральских говоров России, ибо находились на пути между Европой и Сибирью.

2. Исследования лексики и ономастики Пермского региона

2.1. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА[7]

Пермские памятники письменности известны со второй половины XVI в. К ним относятся деловые документы, написанные в Пермском крае, а также отрывки из пермских памятников, процитированные в московских деловых актах (например, в раздельной грамоте именитых людей Строгановых 1629 г.). Отмечается большое разнообразие видов (жанров) текстов XVI – начала XVIII в., а именно, документы переписные (писцовые, переписные, дозорные книги), имущественные (купчие, заемные, закладные, отводные, межевые), судебные (челобитные, допросные сказки, мировые, приговоры), административные (расписные списки, памяти, указы, отсылки, подорожные), церковные деловые акты, частные деловые письма и др.

Сохранились в основном рукописи, написанные скорописью, но часть документов опубликована в работах В. Н. Берха, А. А. Дмитриева, В. Н. Шишонко, А. Титова, Г. Спасского, В. Удинцева, П. С. Богословского, А. А. Горбуновой, Е. Н. Поляковой. Бóльшая часть пермских текстов изучаемого периода хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (СПИИ РАН). Документы находятся также в хранилищах Перми, Кунгура, Чердыни и Соликамска. Пермские памятники письменности явились основой исследований по истории Прикамья и Западной Сибири XVI–XVIII вв. (ср. работы А. А. Введенского, Н. В. Устюгова, А. А. Преображенского, В. А. Оборина и многих других историков).

Лингвистическое исследование пермских памятников началось в середине XX вв. Доцентом Пермского педагогического института А. А. Горбуновой в 50-е гг. была опубликована, проанализирована и описана в аспекте палеографии соликамская грамота 1668 г. [Горбунова 1956: 12–19]. Палеографическое и лингвистическое исследование текста этой грамоты послужило основой ее кандидатской диссертации.

С 60-е гг. лингвистическое изучение пермских памятников провидится в Пермском государственном университете автором этого пособия. Нельзя сказать, что оно началось целенаправленно, по определенной системе, что ставились какие-то конкретные задачи, формулировалась определенная цель.

Тогда изучение памятников Прикамья представляло собой скорее хобби, а не официальную и обязательную деятельность. Дело в том, что, работая лаборантом словарного кабинета при кафедре русского языка и общего

---

[7] *Полякова Е. Н.* Итоги и перспективы лингвистического изучения пермских памятников письменности XVI – начала XVIII века // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч. конф.; Перм. пед. ун-т. Пермь, 2007. С. 238–246.

языкознания, я была также аспирантом (заочно) при Уральском государственном университете (Екатеринбург), исследовала палеографию и язык шадринской рукописи XVII в., хранящейся в Перми. Вся эта нагрузка, диалектологические экспедиции, домашние дела не позволяли серьезно заняться еще чем-либо. Когда в 1964 г. перешла на преподавательскую работу, нагрузка еще увеличилась, так как пришлось разрабатывать почти все кафедральные курсы (молодым обычно доставалось то, что не входило в поручение опытных преподавателей).

Кроме того, тогда работа с памятниками не представляла особого интереса для кафедры, основными направлениями которой были стилистика научных текстов и Акчимский словарь. Однако на кафедре молодыми учеными, будущими докторами, разрабатывались и другие темы: Л. В. Сахарным проблемы психолингвистики, Л. Н. Мурзиным проблемы дериватологии и т. д. Продолжалась работа и с пермскими памятниками. Кстати, общение на кафедре, где реализовывались столь разные научные интересы, многое дало каждому из ее членов.

Время шло, была защищена кандидатская диссертация, я прошла через всесоюзный семинар по ономастике, организованный В. А. Никоновым, так как кафедре нужен был ономатолог, и в конце 60-х гг. памятники Прикамья стали главным объектом моих исследований, были включены в план научной работы кафедры. Проводились археографические экспедиции со студентами (например в Чердынский музей), копировались (преимущественно вручную) пермские тексты, хранящиеся в Москве и Санкт-Петербурге, так как не было другой возможности заполучить необходимый для работы материал. Отмечу, что копирование документов, особенно судебных текстов, где часто цитировались показания жителей Прикамья без всякой обработки, позволило очень хорошо, как бы изнутри, почувствовать язык того времени. Изучались отдельные тексты, отдельные слова, отдельные группы лексики, ономастика, выявлялись проблемы, решение которых было необходимо для описания языка пермских памятников письменности.

Это описание было актуальным, так как позволяло характеризовать язык изучаемого периода с позиций региональных памятников и решать проблему статуса делового языка XVII в. Вместе с тем необходимо было и изучение зафиксированных в памятниках письменности элементов живой речи Прикамья, связанного, с одной стороны, с центром государства, а с другой, – с говорами европейской части России (в основном ее севера). Через Прикамье шло русское население в Сибирь, связи пермских и сибирских говоров несомненны, так что результаты изучения пермских текстов актуальны и для истории сибирских диалектов.

Вместе со мной на протяжении долгих лет пермские тексты исследовали дипломники (В. Ф. Новиков, М. А. Палехова, Л. В. Панина, Т. М. Разумова и многие другие), есть публикации подготовленных с ними статей. Затем ряды молодых коллег пополнили аспиранты, которые либо защитили диссертации по пермским памятникам XVII в. (например, доценты Перм-

ского педагогического университета Л. А. Белова, Н. В. Медведева), либо использовали их материалы. В результате оказалось, что сделано в области изучения пермских памятников письменности XVI – начала XVIII в. немало.

Работа шла в общем русле исследований языка региональных текстов других регионов России. Если в конце 40-х – 50-х гг. лингвисты анализировали главным образом палеографию, фонетику и грамматику деловых актов, то в 60-е и особенно в 70-е гг. обращаются к изучению их лексики. Так, лексику архангельских памятников исследовал И. А. Елизаровский, вологодских – Ю. И. Чайкина, смоленских – Е. Н. Борисова, южнорусских – С. И. Котков, воронежских – В. И. Хитрова, мангазейских – Н. А. Цомакион, томских – В. В. Палагина и Л. А. Захарова.

Начиналась работа с пермскими памятниками с практического описания двух коллекций свитков, хранящихся в Пермском и Кунгурском краеведческих музеях, по предложению этих музеев [Полякова 1964: 161–166; она же 1965: 107–115], а также с публикаций некоторых соликамских текстов. Однако с конца 60-х гг. ведется анализ лексики в широком смысле, т. е. и слов нарицательных, и имен собственных (ономастики).

Работа велась по двум направлениям. Во-первых, анализировались в разных аспектах отдельные слова: *жир* 'отдельное помещение в избе; этаж'), *костер* ('укладка бревен; мера леса (бревен)', *редрый* ('масть крупного рогатого скота: красный, рыжий') и др. Особое внимание было сосредоточено на географических терминах, употреблявшихся в живой речи жителей Прикамья XVII в. и сохранившихся в пермских диалектах до настоящего времени (*отнога* 'боковая протока из озера в реку', *согра* 'болото, поросшее лесом', *степь* 'возвышенность, поросшая густым, непроходимым лесом' и др.). Вся работа по отдельным словам велась с использованием пермских, севернорусских, сибирских и других диалектных материалов и общерусской лексики. Нередко приходилось выходить на этимологию, чтобы понять путь развития слова, формирования его семантики к XVII в. и далее. Особенно большое внимание этимологии уделялось при анализе топонимов (например, *Кекур*, *Кокуй*) и фамилий (*Брынцов, Бузырев, Вакорев, Ваулин, Вежливцов, Вечтомов, Воропаев, Кондырев, Калдырев* и др.).

Во-вторых, шли поиски оптимального пути исследования больших пластов лексики (более 10 тыс. слов) и ономастики (6 тыс. фамилий, 2/5 которых имеет в основе слова нарицательные; тысячи топонимов). Для характеристики лексики использовалось традиционное изучение тематических групп (наименования имущества; названия предметов одежды; цветообозначения; этнонимы; названия растений; лексика говорения; слова с семантикой 'женщина', 'жена'; географические термины) и синонимических рядов (слова *метать*, *бросать*, *лукать*; слова с семантикой 'сообщать устно', наречия времени и т. д.). Связанные общей семантикой слова (и словосочетания) рассматривались в системе (например все обозначения времен года).

Для анализа лексики в динамике (рассматривался материал большого периода – XV–XVIII вв.) был разработан метод анализа однокоренных слов и их синонимов (например, слов с корнем *пах/паш*; слова с корнем *вор* и др.). Для каждой группы слов с определенным корнем составлялась таблица, в которой по горизонтали учитывались категориальные признаки слов, располагались все части речи с изучаемым корнем, а по вертикали – семантика, значения слов. Возникала сетка, в которой какая-то часть клеток оставалась пустой. Затем таблица заполнялась синонимами (так, к словам с корнем *вор* в пермских памятниках отмечались слова с корнем *тат(ь)*; к словам с корнем *пах/паш* – слова с корнем *ор*). Нередко именно синонимы заполняли пустующие клетки.

В результате оказывалось возможным решить несколько вопросов: 1) выяснить причины движения в лексической группе. Так, слова с корнем *вор* возобладали над лексикой с *тать*, потому что последняя уже не имела глагола, а глагол в системе лексике играл очень важную роль: слова *воровать*, *воровывать* 'красть' употреблялись в пермских памятниках, а *татити*, *таити* в этом значении не отмечаются; 2) выявить различия в лексике делового языка и живой речи (слова с *пах/паш* в деловом языке, с *ор* – в живой речи); 3) показать особенности редактирования местных деловых текстов и воздействие лексики делового языка (в основном общерусской) на словарь живой речи (ср. вытеснение слов с корнем *ор* лексикой с *пах/паш*).

Использование названных и других методов исследования лексики памятников письменности позволило решать вопросы формировании русских говоров Пермского края и начала становления пермского просторечия, установить языковые причины развития лексики, выявить лексические диалектизмы Пермского края, показать связи русских говоров с нерусскими в Прикамье, дать характеристику стилистического своеобразия памятников, редактирования деловых документов и др.

Когда было предложено оформить результаты исследования лексики пермских памятников письменности в виде докторской диссертации, то оказалось, что задуманное первоначально описание истории диалектной лексики имеет гораздо меньше материала, чем хотелось бы (диалектная лексика в пермских текстах XVI – начала XVIII в. составляла менее 2 % от всего словника), тогда как вся лексика в целом дала возможность на этом самом подвижном уровне языка решить вопрос о статусе делового языка XVII в. как функциональной разновидности русского литературного языка (его народно-литературного типа). Параллельно исследовалась и диалектная лексика.

В итоге, кроме решения ряда теоретических вопросов, было подготовлено около 100 публикаций результатов исследования различных слов и групп слов. Однако вся лексика не могла попасть в печать, а хотелось бы, чтобы все выявленные слова, зафиксированные в пермских памятниках,

стали достоянием исследователей языка текстов русской письменности, истории русских говоров и различных лексикологических проблем.

Это можно было сделать только в словарях. Словарная работа по памятникам была задумана еще в 70-е гг. В 1972 г. вышла скромная книжечка на 3 печатных листа «Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века» [Материалы 1972]. Она положила начало пермской исторической лексикографии. Затем пермские материалы готовились для «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII вв.], в котором были опубликованы в 7–15 выпусках. Однако вся пермская лексика не могла попасть в него. И поэтому было решено подготовить к печати «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СПП] (70 п. л.; более 10 тыс. слов). В настоящее время материалы этого словаря полностью вводятся в создаваемый под редакцией О. С. Мжельской «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» [СОРЯМР] со ссылками на выпуски пермского словаря.

Материалы пермских памятников дали возможность подготовить еще ряд пермских исторических лексикографических изданий, в частности «Словаря пермских фамилий» [СПФ] (он написан по материалам XVI–XVIII вв., по ряду причин это указано не в заглавии, а во введении к словарю; объем – 30 п. л., описано 5,5 тыс. фамилий). По диалектным материалам XX в. составлен «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» [СГТ] (21,2 п. л.; более 1,5 тыс. слов), в словарные статьи которого включены цитаты из памятников, если они встретились в изученных текстах. Вышел в свет «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII вв.» [СИ], в котором рассмотрены разные формы календарных и некалендарных имен, (22 п. л., более 1900 словарных статей). Материалы памятников учитываются в разрабатываемом в настоящее время «Словаре топонимов Пермского края».

Таковы итоги. Каковы перспективы изучения языка пермских памятников? Какие задачи представляются самыми актуальными? Эти задачи можно рассмотреть с различных позиций, рассмотрим их с позиции историка языка – лексиколога и лексикографа.

Представляются основными на данном этапе две начальные задачи, стоящие перед историками языка: 1) накопление доступных для работы в разных аспектах материалов памятников прошлых столетий (практически до начала XX в.); 2) подготовка кадров для такой работы.

Хорошая текстовая база позволит рассматривать язык документов в различных аспектах, анализировать особенности его фонетики и грамматики и, безусловно, многое даст для пермской исторической лексикологии, лексикографии и ономастики. Поэтому нужны поиски и обработка еще не введенных в научный оборот памятников. Так, в малой степени исследованы в настоящее время деловые тексты пермских монастырей и церквей, в которых отражается взаимодействие деловой речи, церковно-книжного языка и пермских говоров.

Для нашего региона необходимо дальнейшее выявление материала из пермских документов XVII–XVIII вв., хранящихся в РГАДА (ср. Фонд Строгановых, Дела старой разборки, монастырские деловые документы и др.) и хранящихся в Государственном архиве Пермского края, где хорошо представлены тексты различных документов XVIII–XIX вв. Предварительное обращение к ним показало, что они содержат прекрасный материал не только для исторической лексикологии, но и для исторической диалектологии.

Чтобы материал стал достоянием исследователей языка в разных аспектах, целесообразна публикация пермских памятников письменности XVII–XVIII и даже XIX вв. Такая работа в XXI-м столетии уже начата: в 2006 г. вышла из печати книга «А про то барону Строганову ведомо было… Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв.», составленная кандидатами филологических наук, доцентами Пермского педагогического университета Л. А. Беловой и Соликамского педагогического института Н. В. Логуновой и Л. Л. Мазитовой [А про то барону Строганову]. В ней хорошо представлены 70 рукописных текстов деловой и частной переписки. В публикации сохранены все необходимые буквы кириллицы, утраченные в настоящее время, дана точная адресация каждого акта. В приложении помещены копии скорописных текстов. Такое начало публикации рукописных памятников следует всячески приветствовать.

Вместе с тем впоследствии хорошо бы опираться на все принципы публикации, разработанные в секторе источниковедения Института русского языка АН в 60–70 гг. под руководством С. И. Коткова и реализуемые во многих современных изданиях региональных документов, например, челябинских коллег под руководством Л. А. Глинкиной [Лингвистическое краеведение… 2000; Челябинская старина 2005], тюменского ученого О. В. Трофимовой [Памятники тюменской деловой письменности… 2002] и др. Имеется в виду необходимость при публикации текста разработки списков слов нарицательных и имен собственных, зафиксированных в документе, с указанием адреса слова в тексте. Это осложняет работу публикаторов, но в то же время позволяет создать основательную базу для исследования и описания лексики и ономастики памятников.

Для лексикологических исследований памятников и составления словарей необходимы надежные картотеки; в карточках должны быть большие тексты, так как именно они дают возможность наиболее полно выявить особенности семантики слова. Современные технические средства в корне изменили подготовку картотек, которые ранее были преимущественно рукописными. Использование компьютера очень ускоряет создание лексических и ономастических картотек, так как позволяет молниеносно размножать карточки с определенным текстом и адресом его в региональных памятниках. Остается только менять заглавное слово в каждой из карточек и помещать ее в электронную картотеку, которую (или часть которой) всегда возможно превратить в печатный текст.

Для этой работы необходимы кадры, которые формируются в вузах из студентов, специализирующихся по истории языка и диалектологии. Подготовка их – серьезная проблема в настоящее время, так как во многих вузах (например в Пермском государственном университете) по разным причинам (и независимо от желания факультета) идет упорное сокращение курсов специализации, подготовка филологов в ряде случаев ставится на поток и теряет индивидуализацию. К тому же работа по исторической лексикологии требует затраты большого времени и сил, что не всегда привлекает современных молодых людей. И тем не менее там, где ведется работа по исторической лексикологии и лексикографии, где преподаватели умеют показать ее привлекательные стороны, исследуются памятники и разрабатываются словари.

Не буду останавливаться на конкретных вопросах исследования и описания словаря текстов региона разных эпох, так как материалы памятников Пермского края позволяют рассматривать практически все актуальные проблемы исторической лексикологии, отражения в языке особенностей истории и культуры Прикамья, взаимодействия разных языков в крае, становления пермских говоров, просторечия, ономастики, характера функционирования делового языка в регионе, историю слов и различных групп слов, разрабатывать методы и методики их анализа.

Прошлые эпохи оставили колоссальное количество текстов, написанных на разных территориях России (в частности в Пермском крае), они разбросаны по различным архивам, музеям, библиотекам разных городов страны. И дальнейшее изучение их лингвистами – благородная цель.

2.2. ИССЛЕДОВАНИЯ А. С. КРИВОЩЕКОВОЙ-ГАНТМАН В ОБЛАСТИ ОНОМАСТИКИ[8]

Верхнее и Среднее Прикамье в разные эпохи было территорией взаимодействия финно-угорских, тюркских и индоевропейских языков, что нашло отражение в ономастике. Об этом свидетельствуют топонимия и антропонимия Пермского края, к изучению отдельных фактов которых обращаются исследователи XIX – начала XX в. В публикациях Н. К. Чупина, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриева, И. Я. Кривощекова, А. Ф. Теплоухова и других исследователей находятся этюды по отдельным онома, а иногда и по ряду связанных формально (например, одинаковыми формантами) или семантически имен собственных. Причины этого кроются как в стремлении установить происхождение тех или иных названий, так и в попытках объяснить с использованием ономастического материала ход истории Прикамья, ее этапов. Однако состояние этимологии и ономастики (как науки) в тот пе-

---

[8] *Полякова Е. Н.* Исследования А. С. Кривощековой-Гантман в области ономастики // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2006. С. 23–29.

риод еще не позволяло широко развернуть исследование пермских имен собственных.

Системное изучение топонимии и антропонимии края оказалось возможным во второй половине XX в. И основоположником планомерного, системного исследования коми топонимии и антропонимии Прикамья, их развития, отражения в них результатов взаимодействия разных языков явилась А. С. Кривощекова-Гантман – выдающийся ученый, в трудах которого представлен колоссальный материал, проанализированный на самом высоком уровне развития науки, и выводы, актуальные для лингвистов, историков, географов, этнографов и представителей других наук.

Главным предметом ее исследования была ономастика общепермского и коми-пермяцкого происхождения. Что же позволило Антонине Семеновне достичь замечательных результатов анализа коми топонимов и антропонимов, представленных в публикациях? – На наш взгляд, три обстоятельства. Во-первых, она знала коми-пермяцкий язык и изнутри как его носитель, и как ученый – финно-угровед; во-вторых, А. С. прошла школу Ленинградского университета, школу замечательного финно-угроведа, профессора Д. В. Бубриха; и, в-третьих, – сама жизнь А. С. как ученого, **постоянно** занятого решением поставленных научных проблем, требующая четкой организации исследования, умения выявлять и решать основные вопросы и, наконец, колоссального трудолюбия. А. С. сама собирала материал для исследования из всех возможных источников: из писцовых и переписных книг XVI–XVII вв., ревизских сказок XVIII в., списков населенных мест разных столетий, атласов, карт, землеустроительных планов и, что особенно важно, – из записей **живой речи** жителей Коми-Пермяцкого автономного округа, сделанных в организованных ею экспедициях. И вместе с тем она организовывала сбор ономастических данных студентами, которые у нее обучались. Но эти материалы она тщательно выверяла. Поэтому у всех ее ономастических работ есть надежная база.

А. С. шла классическим путем исследователя, постоянно обнаруживая новые вопросы, решение которых было необходимо для освещения поставленной проблемы, и решая эти вопросы.

Уже в ранних ее работах, посвященных анализу гидронимии, а также в одной из ономастических статей о названиях населенных пунктов, то есть ойконимии («Географические названия Коми-Пермяцкого округа» – доклад 1963 г., публикация 1964 г. [Кривощекова-Гантман 1964]), был поставлен вопрос о **системном** изучении имен собственных. В них представлена четкая классификация гидронимов и ойконимов по формантам (гидронимов на *-ва*, – Иньва, Сюзьва, на *-вож* и др.; ойконимов на *-кар* – Кудымкар, *-горт* – Вильгорт, *-ыб* – Вильыб и т. д.), выявлены заимствованные форманты (*-шор*, *-пальник* и др.), поставлен вопрос о необходимости учета результатов взаимодействия языков в Прикамье, о необходимости исторического подхода к анализу топонимов.

А. С. всегда учитывала исторические обстоятельства формирования и функционирования имен собственных, в ее работах развитие топонимии постоянно связывается с развитием археологических культур (ананьинской – эпохи существования общепермского языка, гляденовской – начальной эпохи формирования коми-пермяцкого народа и его языка – и последующих культур). Она связывалась с пермскими археологами, искала в их работах ответы на вопросы древней истории Прикамья. Отражение связи топонимии с историей мы находим и в научных публикациях А. С., и в ее обобщающих научно-популярных книгах «Откуда эти названия?» [Кривощекова-Гантман 1973 б] и «Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем» [ГНВП]. – Это вплоть до настоящего времени лучшие, научно обоснованные книги по топонимии Прикамья.

Самыми древними топонимами на территории Прикамья, как и других регионов России, являются гидронимы – названия рек, речек, ручьев. А. С. собирает пермскую гидронимию из различных источников, анализирует этимологию гидронимов, опираясь на метод выявления формантов разных по происхождению (общефинно-угорских, общепермских, коми-пермяцких). Она определяет территорию функционирования финно-угорских гидронимов (не только Коми-Пермяцкий округ, но и все Верхнее, а также Среднее Прикамье, ср.: в южной части края коми гидронимы Сылва, Тулва), учитывает результаты взаимодействия разных языков в Пермском крае (например, архаизацию и вытеснение пермского термина *юг* 'речка, ручей' тюркским заимствованием *шор* / *шер*), показывает связи гидронимии с названиями древних родов (Сюзьва – 'река рода Филина', Мойва – 'река рода Бобра') и решает ряд других вопросов коми гидронимии.

Очень большое внимание А. С. уделяет ойконимии, этот материал в то время был наиболее доступным для ономатологов, так как сохранился в письменных источниках, открытых для использования, – в списках населенных мест Пермской губернии (1869 – 1910 гг.), а затем Уральской области (1928 г.). Анализируя их, А. С. сталкивается с новыми лингвистическими проблемами, которые не обходит, а последовательно решает.

Так, в состав ойконимии входят многие названия населенных пунктов, образованные от географических терминов, то есть апеллятивов. И А. С. обращается к изучению этой нарицательной коми-пермяцкой лексики. В нескольких статьях [Кривощекова-Гантман 1967; она же 1974 а] она рассматривает в разных аспектах географическую лексику, проникшую в топонимию: 1) в историческом, показывая термины общефинно-угорские (*вад* 'лесное озеро', *йир* 'озеро'), общепермские (*нырд* 'излучина', *нюр* 'болото') и собственно коми-пермяцкие; 2) в словообразовательном (например, учитывая суффиксы родовых названий: -ин – *баддяин*); 3) в лексикографическом (в каждой исследовательской статье представлен словарь рассмотренных географических терминов) и т. д. Впоследствии лексикографи-

ческие материалы по географической терминологии были введены ею в «Коми-пермяцко-русский словарь» [КПРС].

Многие ойконимы возникли на основе гидронимов, а так как и Коми-Пермяцкий округ, и все Верхнее и Среднее Прикамье – очень богатый реками край, то здесь оказалось множество гидронимов, и значительная часть их (особенно названий крупных рек) – коми происхождения. А. С. показывает способы образования ойконимов из гидронимов: нередко название реки прямо переходило на самый большой (и обычно самый ранний) населенный пункт на ней (ср.: Вильва, Гайва, Шаква), в других случаях от гидронима был образован микротопоним (например, поле Шорыб 'поле у ручья'), перешедший затем в ойконимию.

Значительная часть коми-пермяцкой топонимии дошла до нас только в русских источниках, она испытала воздействие русского языка, и А. С. изучает особенности адаптации русским языком коми-пермяцких гидронимов и других топонимов [Кривощекова-Гантман 1966: 87–106]. Ею выявлены особенности фонетического, морфологического, синтаксического приспособления коми-пермяцких слов русским языком, показаны русские кальки, а также результаты народной этимологии, например: из коми топонима Перна-Ты (где *перна* – 'крест на шее', *ты* – 'озеро') возник топоним Пернатый. Следует отметить, что наблюдения А. С. над адаптацией коми топонимов в русским языке оказываются актуальными не только для финно-угроведения, так как нередко позволяют увидеть в топониме затемненное коми слово, но и для русистов, в частности для составителей русского «Чердынского словаря обиходной лексики», который в настоящее время разрабатывают ученые Пермского государственного университета. В нем иногда отражается измененная лексика коми происхождения: *зазиргать* 'заболтаться', *дзуток* 'поросёнок', *дюдькать* 'подзывать свиней', *зазяркать* 'заикаться' и др.

Значительная часть пермских ойконимов, а также микротопонимов (названия лугов, полей, лесов и др.) возникла от имен, индивидуальных прозвищ, фамилий, родовых прозваний первопоселенцев, основателей населенных пунктов. Глубокое исследование ойконимов было невозможно без подробного анализа антропонимов, давших топонимы. В связи с этим А. С. обратилась к разработке коми-пермяцкой антропонимии.

Она изучает фамилии, в основе которых лежат коми имена и прозвища, причем начинает с исследования самых ранних зафиксированных фамилий. Так, в работе «Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения» [Кривощекова-Гантман 1973 в: 76–86] она анализирует материалы писцовых, переписных книг и ревизских сказок (XVI–XVIII вв.), сравнивая зафиксированную в них антропонимию с современной коми-пермяцкой лексикой. В результате охарактеризованы этапы развития коми-пермяцких имен: 1) древние имена из слов нарицательных (названий животных, растений, птиц, рыб, насекомых, названий физических и нравственных особенностей людей и т. д.); 2) имена, оформленные формантом -ег /-ог (Жунег из *жунь*

'снегирь', Гачег из *гач* 'бобр', Иртег из *йирк кай* 'кулик' – от них фамилии Жунегов, Гачегов, Иртегов); 3) имена соседних народов (угров, удмуртов, тюрков, русских), адаптированные коми-пермяцким языком. Интересно в этом плане исследование А. С. имен с общепермскими суффиксами -ег/-ог [Кривощекова-Гантман 1976: 91–94], которые рассмотрены в историческом аспекте, с учетом связей пермских языков с тюркскими и скифо-сарматскими.

В связи с принятием коми-пермяками христианства и вместе с ним календарных русифицированных полных и деминутивных имен в работах А. С. рассматриваются пути адаптации их в коми-пермяцком языке, возникновение новых форм и участие их в формировании фамилий. Коми антропонимия детально изучена ею не только с точки зрения развития ономастики вообще и пермской ономастики (выявления ее закономерностей и особенностей развития), но и как источник истории языка, его носителей, истории Прикамья [Кривощекова-Гантман 1972: 248–253]. На основе изучения ономастики А. С. показывает, что древним населением Верхнего и Среднего Прикамья было пермское население – предки современных коми-пермяков (а не угры, как, например, опираясь на фамилии и географические названия, считал А. Ф. Теплоухов), что существуют связи ономастики Пермского края с топонимией Чепцы и Вятки, а также Республики Коми [Кривощекова-Гантман 1973 а: 20–37].

А. С. была прекрасным организатором научного сообщества. Для исследователя очень важна научная среда, обсуждение и оценка интересующих его проблем. Поэтому А. С. принимала самое активное участие в работе научных ономастических конференций разного ранга, проводимых в Санкт-Петербурге (1965 г. и др.), Москве и других городах. Так, с 1969 г. выдающимся ономатологом России В. А. Никоновым были организованы постоянные конференции «Ономастика Поволжья», в работе которых (в Горьком, Саранске, Пензе) участвовала А. С. Однако исследовательская ономастическая аура была необходима постоянно, и А. С. организует в Перми совместную работу группы ученых разных специальностей, имеющих выход на ономастику. В ней принимали участие научные работники Пермского государственного университета: географы С. Ф. Николаев, Ю. Г. Вылежнев, Н. И. Нешатаев, К. Г. Бутырина, историки (и археологи) В. А. Оборин, Ю. А. Поляков, этнограф (тогда еще студент, а ныне профессор, заведующий кафедрой древней истории России) Г. Н. Чагин, лингвист Е. Н. Полякова, а также краеведы. Группа выросла в секцию топонимики и транскрипции Пермского отдела Географического общества СССР.

А. С. организовывала научные совещания в пределах работы этой секции. Так, ею была проведена очень интересная конференция о чуди – древнем финно-язычном племени (или племенах), с этнонимом которого связана топонимия и антропонимия севера европейской части России, а также Пермского края. Проблема чуди постоянно возрождается в среде исследователей, появляются новые представления, к сожалению, иногда абсолютно

не обоснованные, например отнесение чуди к ариям (то есть носителям индоевропейского языка [ср.: Истомина 2005]). Можно рекомендовать обращаться и сейчас к материалам организованной А. С. в 1973 г. конференции, в которых эта проблема рассмотрена с позиций историков, лингвистов, фольклористов. Они опубликованы в первом сборнике «Вопросы лингвистического краеведения Прикамья» (1974 г.), организатором, редактором которого и автором одной из статей была А. С. [Кривощекова-Гантман 1974 б; 132–141].

У нее была мечта – создать общими силами ученых разных специальностей топонимическую картотеку Пермского края, на основе которой все бы могли вести глубокие топонимические исследования. Однако условия нашей работы и очень разные интересы в топонимике представителей различных наук не позволили осуществить это предприятие. Следует отметить, что топонимическая секция работала только благодаря объединяющей нас роли и энергии А. С., в 80-е гг. секция прекратила свою работу.

А. С. заботилась о популяризации ономастических знаний (например, в периодической печати), считала необходимым обязательно дать студентам – будущим учителям (и особенно студентам коми отделения, с которыми она постоянно работала) реальные и точные знания о пермской ономастике, поэтому писала ономастические статьи и на русском, и на коми-пермяцком языках [Кривощекова-Гантман 1977: 33–41]. Она организовала издание двух первых сборников, в которых проблемы пермской ономастики рассматривались учеными разных специальностей (лингвистами, историками, археологами, фольклористами, а также краеведами): «Языки и ономастика Прикамья» и «Вопросы лингвистического краеведения Прикамья», дальнейшие издания последнего позднее получили название «Лингвистическое краеведение Прикамья» и дали толчок к организации в Пермском педагогическом университете проводимой раз в 2 года конференции «Проблемы лингвистического краеведения».

Исследование ономастики Пермского края продолжается: публикуются новые словари, научные статьи, защищены диссертации по вопросам топонимии и антропонимии края, в частности учеными Пермского государственного педагогического университета О. В. Гордеевой, Т. А. Сироткиной, Н. В. Медведевой, М. В. Богачевой. Оно будет продолжено и дальше, но всегда отсчет будет вестись от того, что было сделано А. С.

Она опубликовала много работ, посвященных различным проблемам языкознания вообще и финно-угорского языкознания в частности. Но даже если бы она не написала половину «Коми-пермяцко-русского словаря», учебников по коми-пермяцкому языку для вузов и школы и многих работ по его исследованию, а сделала бы только то, что представлено в ее ономастических трудах, которые теперь, к счастью, собраны и изданы вновь в двух томах [Кривощекова-Гантман 2006 а: т. 1; она же 2006 б: т. 2], то и тогда ее имя навсегда осталось бы среди имен замечательных, крупных ученых второй половины XX в.

3. Лексика пермских памятников письменности и отражение в ней материальной и духовной культуры

3.1. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ РАЗГОВОРНО-БЫТОВОЙ РЕЧИ В ПЕРМСКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА[9]

В деловых памятниках Пермского края конца XVI – начала XVIII в. (в основном в документах XVII в.) зафиксировано большое количество текстов, отражающих бытовую речь жителей Прикамья. Характер передачи устной речи в деловых актах на протяжении всего изучаемого периода одинаков, он определен правилами составления судебных документов, в которых показания истцов, ответчиков, свидетелей передавались либо без всякой обработки (особенно в черновиках), либо (чаще) редактировались составителями челобитных, допросных сказок, приговоров в соответствии с нормами делового языка.

Так, в 1678 г. в челобитной, написанной по словам истца – крестьянина погоста Цыдвы Чердынского уезда, практически почти полностью сохраняется его рассказ о событии: *Та Андреева дочь Евдокейка ко мне, сироте,*[10] *полезла окном передным из спередизбья татем, а изба была заперта на круке ис нутрену сторону, было круком и замком сничным заперто. И та Евдокейка стала отпирати голбец. И я, сирота, пришел домой, и окошко перед избою отперто, стало поло. И в окошко захлянул, и в ызбе ходит Андреева дочь, лизет в голбец. И я, сирота, послал Герасима по десятского, по Луку Селкова, а сам пошел заставать вора в ызбе. И тот Лука пришел тотчас и с сыном Савкою. И я, сирота, полез в ызбу, одва окошком попал. И та Евдокейка бросилася утти в окошко в задное, и я, сирота, захватил тут ее, в окошке, и за ноги ее схватил. И в то время люди набежали, как она, Евдокейка, в окошке закрычала: Фотей, де, отпусти, де, меня, Евдокейку, не я, де, крала тебя, сестра моя, Танька, и мы, де, пропажу твою принесем, де, всю к тебе назад.*

В тексте сохранены особенности живой речи чердынских жителей: И на месте «ять» под ударением перед мягким согласным (*лизет*), начальное О в соответствии с церковно-славянским Е (*одва*), Ы в глаголе *закрычала*, окончание –ЫМ, -ОЕ в прилагательных после Н (*окном передным, в окошко в задное*), краткие прилагательные в функции определения (*ис нутрену сторону*), возвратная частица -СЯ без редукции (*бросилася*), предлог ПО в соответствии с ЗА (*послал по десятского, по Луку Селкова*), диалектная лексика (*голбец, спередизбье*), диалектная семантика общерусских слов (*окошко*

[9] *Полякова Е. Н.* Особенности отражения разговорно-бытовой речи в пермских деловых памятниках XVI – начала XVIII века // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9: По материалам Междунар. науч. конф.: межвуз. сб. науч. тр.; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 209–213.

[10] Знаки препинания введены автором статьи, в памятнике они отсутствуют.

*стало пол*o, то есть 'распахнуто, открыто'), диалектное управление (*не я, де, тебя крала*; в данном случае *красть* – 'обворовывать кого-либо').

Однако в памятнике чувствуется и влияние писца, составлявшего документ и вводившего в текст принятые в деловом языке уточнения: слово *сирота* (5 раз в таком маленьком отрывке), подчеркивающее обращение потерпевшего с жалобой к вышестоящему (*я, сирота*; *ко мне, сироте*), уточняющее указательное местоимение (*та Евдокейка*; *тот Лука*), имя, уточняющее личное местоимение (*она, Евдокейка, закрычала*; *отпусти, де, меня, Евдокейку*), частица ДЕ 'дескать, мол', включенная в прямую речь (*Фотей, де, отпусти, де, меня, Евдокейку, не я, де, крала тебя*), принятое в деловом языке именование по отцу (*Андреева дочь*). Исключение из текста этих характерных для делового языка XVII в. элементов позволяет реконструировать в данном отрывке, во-первых, повествовательную речь потерпевшего, рассказывающего о событии, и, во-вторых, эмоциональную прямую речь виновницы происшествия.

Непосредственная передача живой речи (обычно небольшой отрывок нередко весьма эмоциональных подлинных слов говорящего, записанный без обработки писцом) в документах несколько отличается от передачи значительного текста – повествования, рассказа жителя Прикамья о каком-либо бытовом событии.

Живая речь хорошо передается при записи слов от первого лица: *Осип говорил: Ваши дети черту служат, а не государю; Я в те поры в лесу был, лесовал; Били меня и увечили полиньем и ослопьем, и за спину Офонасей зубом ел насмерть.* Вместе с тем в отрывки такой прямой речи писцы постоянно вводили частицу ДЕ, подчеркивая тем самым, что передают чужие слова: *Говорила, де: У Вахромия, де, Корнева, не ведаю, пожар или ино что делатца, в сенях, де, огонь горит, пособи, де, мне из моего дому робят моих вынести; Осип говорил ему, Елфиму: Хоша де тебя и досмерти убью, знатна, де, тебе цена; Говорил: Дочь ево, девка, была на мосту, и она, де, охоча палками лукать; Говорил: Плавил, де, то железо в горну и искаржевал из барашков* [*барашек* – 'кусок руды']. Эта частица присутствует и в записи подлинных слов – показаний говорившего (*Говорил, де, похвальные речи: Тю по, де, князь новобрачной и княгиня новобрачья пива, де, не дадут, с тю, дет, они долго и поживут*), и в решении по тому же делу, где эти слова несколько редактируются (*Дементей Новоселов, как пошли они к венцу, похвальные речи говорил: только, де, князь новобрачной и княгиня пива ему, Дементию, не дадут, столько, де, они и поживут*).

В текстах с прямой речью сохраняются характерные для нее в XVII в. вводные слова *знать, буде*: *Правая рука повыше ладони, знать, маленько проткнуто; На рже толоки* [следы, вытоптанные на траве] *конные, знать, столочено от поскотины; В дву местех был огород пол* [изгородь открытая, дырявая], *и скот, знать, ходил; Тех денег ему не дал, только, де, угрожает, буде, де, оговорить.* Здесь отражается синтаксис живой речи, для которого были свойственны бессоюзные придаточные предложения: *Соль варят в 5 варницах, а в 6 не варят: цирен худ* [*цирен* – 'большая сковорода,

на которой вываривают соль из природного соляного рассола']. При редактировании появляется союз (*для того что* *цирен худ*). В записях показаний жителей Прикамья без изменений передаются сниженные общерусские, а также диалектные слова и значения (*К* ***путаным*** *лошадям приходили*; *Корову в* ***табуне*** *не дярживать*; ***присушные*** *слова в стокан на пиво наговаривал; сваи били и соломою* ***заметали***), которые в официальных приговорах по делам старались заменять общерусскими нейтральными словами или словосочетаниями (*Нашли дву лошадей* ***стреноженых****; Корова из* ***скотцкого стада*** *бежала*; *Чтоб* ***приворотных*** *слов впредь наговаривать было неповадно*; *Сваи били и соломою* ***завалили***).

Именно передача подлинных слов участников судебных процессов позволила сохранить в памятниках письменности многие исчезнувшие впоследствии слова или значения: *Седло крыто красной кожей, приступы* [стремена] *железные*; *Жених с невестою и с приборяны* [участниками свадебной процессии] *из дому к церкви к венчанию ушли*; *Два перс(т)ня серебряные с теремками* [выпуклыми украшениями]; *Аника Детлев на той свадьбе был в вежливцах* [в качестве колдуна, оберегавшего молодых от порчи].

Вместе с тем в текстах обнаруживается совмещение прямой речи от первого лица со словами составителя документа, писавшего о говорившем в третьем лице и использовавшего союз *что*: *И закричал он, Андрей,* ***что отдам, де,*** *бой, а буде хто на бой не йдет, и тот бы отходил от двора прочь.*

Стремление писцов отражать в текстах сложившиеся к концу XVI–XVII в. нормы делового языка приводило к обработке показаний жителей Пермского края, что вызывало постоянные уточнения сказанного разными способами. Для этого использовались антропонимы, уточняющие личные местоимения (*И она, де,* ***Мавра****, тот стокан приняв, пила; Поп Стефан, взяв ее,* ***Марину****, из избы вон вывел*), указательные местоимения (*За* ***тою*** *овцою* ***та*** *ево, Козмина, собака гонялась...и видяла* ***тоя*** *ж деревни Аксинья, а как схвативши* ***тое*** *овцу мою, Никитину, и ела; И* ***ту****, де, он рыбу ловил, ездя по реке Иргине, сырпом*), прилагательные, обозначающие цвет предмета, который мог иметь только такой цвет (*кумач красный*), или принадлежность предмета женщине, хотя он был только женским (*кокошник женский, сарафан женский*[11]), ср.: *Унесла девять аршин* ***кумачю красного****;* ***Сарафан женской кумачной красной****, подклад холщовой, с пуговицы и с круживом мишурным; Восмь очелей* ***кокошников женских****, шитых шелками.* Все это создает избыточность текста, обычную для делового письма, но отсутствующую в прямой речи, не обработанной составителем документа.

Для живой речи было характерно употребление уменьшительных и уменьшительно-ласкательных существительных: *Под тою* ***полянкою присадка****, косят на ней сено; Межа с северу от ево, Иванова, соляного анбара по* ***улочке****; Мне ж досталося пожня Сосунихинская и с* ***лоскутками*** *на Крымкаре; И по той* ***речке лужки*** *и наволоки сенные – покосы по обе сто-*

---

[11] Мужской сарафан, с которого начиналось шествие по Московской Руси вида одежды с этим названием, уже ушел в прошлое.

роны; Ивану достался за городом ***анбарец****, что стоит в зарядье*. Однако в челобитных даже при передаче показаний жителей Прикамья использовались в соответствии с правилами составления документов уменьшительно-уничижительные существительные: ***Клетишко*** *об одном жиру (жир* – 'отдельное помещение в избе, клети; этаж'), *да посторонний* ***онбаришко****, да* ***овинишко****; От правежу стрелецких денег и от служеб нырыбские* ***крестьянишка*** *и* ***бобылишка*** *розбрелись врозь в ыные городы*.

Многие географические термины живой речи в обработанных деловых текстах заменялись словосочетаниями, образованными из прилагательного от этого термина и слова *место*: вместо *согра – согрятное место* (*На то* ***согрятное место*** *дед и отец ево выпущали и он летним временем также выпущает конской и рогатой скот*), вместо *наволок* и *мокредь – наволочное и мокрое место* (*На левой стороне подле Бабку-речку* ***наволошных и мокрых мест*** *и зарослых озерок с полверсты*), вместо *присада – присадное место* (*Мельницу, что на переборце поставлена ниже мосту на* ***присадном месте***). Безусловно, в каких-то случаях словосочетание со словом *место* могли употреблять и в живой речи (в черновых документах), но не в таком количестве, как это представлено в отредактированных текстах: *боровое место, дубровное место, смочное место, степное место, чертежное место, шутемное место* и т. д.

Характерным именно для делового языка изучаемой эпохи является использование уже сложившихся деепричастий в качестве сказуемого, обозначавшего действие, предшествующее основному действию: *Григорий и Семен, огнем, де,* ***зажетчи*** *лучину, его, Тита, пытали, жгли; Герасим,* ***выскоча*** *из стороны з деревиною, и сестру мою, девицу Анну, с ног зшиб; Федор прозвищем Кулыч,* ***пришед*** *в конное стадо в лугу, бил меня, сироту, батогом и уздою;* ***Будучи*** *пониж деревни Леку,* ***обсиля*** *водою, нанесло нас на езовой завод, а на том езовом заводе в то время караулу никово не было*. В показаниях, не обработанных писцами, таким деепричастиям соответствуют глаголы.

Эти и другие способы редактирования текстов, передающих живую речь, отмечаются не только в пермских, но практически во всех деловых памятниках России конца XVI – и всего XVII в. С одной стороны, это свидетельствует о сложившихся, устоявшихся правилах передачи разгворно-бытовой речи в юридических, а также административных актах того времени и позволяет рассматривать стилистические особенности делового языка. С другой стороны, зная правила редактирования текстов писцами и снимая следы обработки прямой речи, возможно «очистить» от него повествование жителей края и, таким образом, обратиться к исследованию именно того, что было в их рассказах. Это особенно важно при изучении лексики памятников письменности, так как дает возможность стилистически характеризовать исследуемые слова – отделить то, что было характерно для делового языка, от фактов пермских (и других) говоров и складывающегося просторечия, которое именно в XVI–XVII вв. начинает формироваться в Прикамье.

3.2. О РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦ КУНГУРСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА[12]

Изучение речи жителей Пермского края (ранее Пермской губернии, Пермской области) прошлых эпох актуально как для истории русского языка и этимологии, так и для рассмотрения социолингвистических проблем на историческом материале эпох, отстоящих от нашего времени.

Существует обширный материал пермских памятников письменности XVI–XVIII вв., изученный в аспектах исторической лексикологии, лексикографии и ономастики. По результатам лексикологического и ономастического исследований созданы исторические словари пермской лексики и ономастики [СПП; СПФ], позволяющие при сопоставлении их данных с материалами современных пермских диалектных словарей [Акчим. сл.; СГСРПО; СПГ] рассматривать многие вопросы этимологии слов, их функционирования в прошлом, а также развития лексики и ономастики пермских говоров и просторечия.

Вместе с тем материалы пермских памятников письменности, за редким исключением [Полякова 2005: 85–95], почти не рассматривались в социолингвистическом аспекте, хотя они могут дать интересные наблюдения в этом плане и объяснить некоторые черты современной речи жителей Прикамья. Так, исследователи пермских говоров второй половины XX в. обращали внимание на особенности употребления лексики людьми разных возрастов, разных занятий, а также носителями говоров – мужчинами или женщинами. Наблюдения над записями показаний мужчин и женщин показали, что причины различия в использовании ими лексики уходят в далекое прошлое. Попытаемся показать это на материалах юридических документов, написанных в городе Кунгуре в 1668–1710 гг.

Кунгурские памятники выбраны для исследования неслучайно. Во-первых, они содержат большой материал – значительное количество судебных и административных дел, отражающих речь местных жителей. Особенную ценность для лингвистов представляют уголовные дела, в которых передаются слова истцов (в челобитных), ответчиков (в допросных сказках), свидетелей (в расспросных речах). Во-вторых, несмотря на некоторую обработку, характерную для деловых актов, именно в судебных документах прямая речь жителей города Кунгура и деревень, относящихся к нему деревень, нередко передается без всяких изменений или почти без изменений.

Русские проникали в Сылвенско-Иренское поречье (современный Кунгур стоит на Сылве при впадении в нее Ирени), по-видимому, еще в конце XVI в., но их говоры начинают складываться здесь в XVII в. В писцовой книге Ивана Яхонтова 1579 г. эти места названы еще «пустыми», то есть не заселенными русскими. Документы же XVII вв. свидетельствуют о процес-

---

[12] *Полякова Е. Н.* О речи жительниц Кунгурского уезда Пермского края в XVII – начале XVIII века // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. статей; Перм. ун-т. Пермь, 2006. Вып. 8. С. 9–15.

се освоения бассейна Сылвы старцами соликамских Вознесенского и Пыскорского монастырей и беглыми крестьянами, прибывающими с севера Пермского края (из Чердыни, Соли Камской и вотчин Строгановых), из Поморья и с Русского Севера (современные Архангельская и Вологодская области), а также с запада – с Вятки, из Костромы, Твери [Преображенский 1956]. Основой складывающихся кунгурских диалектов стали говоры севера Пермского края, Русского Севера и Вятки, хотя в процессе развития в XVIII–XIX вв. в них проникали и черты других говоров. В XVII – начале XVIII в. речь основной части населения города Кунгура (крестьян) практически не отличалась от речи жителей относящихся к нему деревень.

В 1647 г. соликамским воеводой Прокопием Елизаровым было переписано население первого Кунгура – острожка, построенного на реке Кунгуре (ныне Кунгурка) при впадении ее в Ирень. В 1662 г. он был разорен и сожжен во время нападения башкир. В 1663 г. Кунгур возрождается, но уже на новом, более удобном месте – на высоком мысу в устье Ирени. На территории уезда появляются острожки, села (погосты) и деревни, население которых оставило память о своей речи в кунгурских документах второй половины XVII – начала XVIII в. (*КА, КЗСИ, КСАУ*), использованных в качестве материала в настоящем исследовании.

Речь девушек и женщин – жительниц Кунгурского уезда – передавалась в документах значительно реже, чем речь мужчин, что связано с социальными условиями. Девушка была абсолютно зависима во всех отношениях от отца или от братьев (если не было отца), замужняя женщина – от мужа или свекра. Относительно независимой становилась вдова, о чем свидетельствуют записи в писцовых и переписных книгах XVII в. Обычно женщин, девушек и девочек в них не учитывали вообще, так как податями, определявшимися по этим книгам, облагались только лица мужского пола любого возраста (от новорожденных мальчиков до глубоких стариков), например, по переписи 1649 г. «*На Кунгуре на посаде из вотчины Спаса-Пыскорского монастыря крестьяне. Двор Елександрик Петров сын Макидонко с детьми с Федькою да с Микулкою да с Мишкою да с Маркелком. Двор Оксенко Микитин сын Ларионов с детьми с Бориском да с Ермолкою да со Власком да с Климком да с племянниками с Евтихейком да с Гаврилком Семеновыми детьми Ларионова*» [*ПП: 503*].

Поэтому в переписях населения хорошо представлены мужские антропонимы, но крайне редко отмечаются женские. Записывали при переписи лишь вдов, которые становились владелицами дворов (хозяйств) и должны были платить подати за сыновей и мужчин, числящихся в хозяйстве в качестве работников. Например, в Чусовском городке в 1647 г. «*Двор вдова Марьица Емльянова дочь а Даниловская жена у нее дети Митька да Петрушка Даниловы дети, у нее же подворник Аверкийко Володимеров сын Нечаев*» [*Е: 96*]; в сельце Верх-Мулинском в том же году «*Двор вдова Домница Ивановская жена Чахлова у нее дети Евсевийко да Кононко*» [*Е: 99*]; в городе Кунгуре в 1685 г. «*Двор вдова Катерина Яковлева дочь Терентье-*

ва жена Аристова у нее подсоседник Василей Феофилактов сын Ростовшыков, у него сын Тит 8 лет» [*КА: 54*].

Вместе с тем женщины находились под защитой мужчин, и обычно иски, челобитные по поводу угрозы, обиды, оскорбления, нанесенного женщине, составлялись от имени мужчины по словам женщины, которую он защищал. Сам челобитчик свидетелем событий не был и передавал их со слов потерпевшей, например своей сестры: «*Евдокея Иванова дочь Фотия Васильева жена да Иванова жена Сонина а имя ей пропамятовал Яковлева дочь шли из села Предтеченского от праздника домовь в деревню Кокуй а с ними шла сестра моя девица Анна Васильева дочь. И будучи от села Тихоновского да к деревне Кокую на дороге на лугу в наволоке у большого острова близ Ирени-реки кунгурец села Тихоновского Гарасим Люкодуев обвив у себя голову травою для того чтоб ево не узнали и выскоча из стороны з деревиною сестру мою девицу Анну с ног зшиб и угрожал ея зарезати ножем и взял у нее грабежем сарафан кумачной подержанной по вороту обложен белою бармою*» [*КЗСИ: 435*].

В таком тексте женская речь скрыта за словами челобитчика и штампами делового языка: антропонимическими формулами (ср. «*Евдокея Иванова дочь Фотия Васильева жена Сонина*»), постоянными уточнениями («*сестру мою девицу Анну*») и т. д.

Однако в расспросных речах и допросных сказках, когда опрашивали потерпевших, обидчиц или свидетельниц событий, приводились непосредственно слова женщин, лишь иногда перебиваемые частицей *де*, свидетельствующей о передаче прямой речи, союзом делового языка *для того что*, а также некоторыми повторениями и уточнениями, например: «*Елфимья...говорила де* ***у Вахромия*** *де* ***Корнева*** *не ведаю* ***пожар или ино что делатца в сенях*** *де* ***огонь горит. Пособи*** *де* ***мне*** *из моего дому* ***робят_мне моих вынести... И она*** *де Акилина* ***к ней в дом пошла и взяли*** *де* ***было они*** *Акилина с нею Елфимьей* ***ее*** *Елфимьевых* ***робят и хотели*** *де* ***было нести вон и неведомо какой человек к той избе пришед хотел*** *де* ***их застрелить_из лука. И они*** *де* ***заперлись в тое избу и крычать*** *де* ***не смели*** *для того что де* ***в том дому никово*** *мужеска полу* ***не было а подворника*** *де* ***своего_она*** *Акилина* ***не збудила для того что*** *де она* ***Елфимья про пожар сказывала_не в доме но на двор, а ис того дому назад идти домой она не смела***» [*КЗСИ: 114*].

Сняв наслоения делового языка, можно выделить (см. выше в тексте полужирным) слова женщин, включенные в документ. В них отражаются некоторые особенности кунгурских говоров (ср.: *ино, делатца*, *пособи*, *робят*, *взяли было*, *крычать*, *не збудила*, *сказывала* и др.).

По фонетическим и грамматическим чертам речь жительниц Кунгурского уезда практически не отличается от речи мужчин, зафиксированной в кунгурских актах. Но разница в положении, в занятиях женщин и мужчин обусловила некоторые различия в лексике их речи.

Работа, общественные обязанности, торговые дела, извоз и другие поездки приводили к общению мужчин с бóльшим количеством людей разных социальных слоев – носителей различных говоров, чем общение женщин, замкнутых в рамках своей семьи, родни, близких соседей. В кунгурских актах немало отрывков, свидетельствующих о поездках мужчин не только по Прикамью, но и за его пределами, в частности в Сибирь в качестве проводников или на Ирбитскую ярмарку, например: «*Подговаривал он нас, сирот твоих бежать в Сибирь и хотел провести прямою дорогою и от того имал по четыре гривны с человека*» [*КА: 32*]; «*Лукьян Феоктистов...посылал меня Семена Чистякова в Сибирь на Ирбитцкую ярманку с товаром своим торговать*» [*КСАУ: 96*]; «*Китайку де тюневую и самцу купил на Ирбицкой ярмонке про свой домовой обиход*» [*КСАУ: 229*].

Лексика речи женщин позволяет увидеть, каковы были их хозяйственные обязанности, помимо домашних забот (уход за детьми, готовка еды, уборка и т. д.). Женщины отдавали много времени уходу за скотом и птицей. Так, зафиксированные в памятниках тяжбы говорят о разведении ими кур, индюков (индейских куриц), гусей: «*Крала де она Анисья у темной Марьи Исаковой жены пять **куриц** и сало топленое да круп бурак*» [*КЗСИ, 843*], «*Сулил он Андрей ему Исаку хмелю мешек да **индейских куриц** гнездо а те де ево Андреевы слова слышала мачеха ево Исакова Катерина*» [*КЗСИ: 1005*]. В различных памятниках XVII в. исследователям пока встретилось слово *индейка*, в них отмечаются лишь словосочетания *индейские (индийские) куры*, *индейские курята* [СлРЯ XI–XVII вв. 6: 235], в пермских документах отмечено только словосочетание *индейские курицы*. Следует отметить, что в современных говорах Прикамья обычно употребляют форму множественно числа *курицы*, как и в XVII в.

Иногда в делах о пропаже птицы или высиживаемых яиц находится несколько актов. Так, в деле 1704 г. есть показания и потерпевшей, и ответчицы, и свидетелей. В челобитье записано: «*Марфа Ананьина дочь а Козмина жена Нефедьева приходила ко мне в дом... и украла у меня из-под трех **гусих** пять яиц. И те яйца выняли у нее Марфы лицом того ж села при десятнике Родионе Федорове да при понятом Иване Евсееве ис-под ея **гусихи**. А тех моих **гусих** яйца запарены а ея Марфины **гусихи** яйца свежие. И в то время моих **гусих** гнезда попортились*». Ответчица сообщила: «*Пяти яиц ис-под трех **гусих** она Марфа не имывала... И те де яйца выняли ис-под **гусихи** ея Марфины **гусихи***» [*КЗСИ: 408*].

В отличие от слова литературного языка *гусыня* [ССРЛЯ 3: 505] старое название *гусиха* сохраняется в современных пермских говорах: «***Гусиха** сколько накладет яичков, то девять, то четырнадцать, сама садится весной; **гусиха** убежит ежели, дак будет порча, порченые яички*» [СПГ 1: 195].

В пермских памятниках фиксируются синонимы *поросенок* и *веприк*, причем последнее употреблялось гораздо реже, чем слово *поросенок*. В записях же показаний женщин обычным было название *веприк*: «*Ефросиньица сказала... Будучи де в том селе в доме своем полез де к ней в сенцы **ве-***

***прик** небольшой пестрой а чей де тот **веприк** был того де она Ефросиньица не ведает и стал де у нее в сенях рожь есть. И она де Ефросиньица от того хлеба ударила и зашибла. И взяв де нож того **веприка** заколола и спрятала де к себе во двор*» [*КЗСИ: 116*]. В современных говорах сохранилось слово *веприк* [СРНГ 4: 119], в Прикамье отмечается также лексема *веперёк*: «Веперька купила...маленькой, дак веперёк, а большой, дак ясно, считатся веперь» [СПГ 1: 83].

Женским занятием были подготовка обработка льна, шерсти, прядение и ткачество. Причем прядением и ткачеством приходилось заниматься не только для себя, для семьи, но и зарабатывать, выполнять чужие заказы. Об этом, например, свидетельствует кунгурский документ 1706 г.: «*Отдано было кунгурцу деревни Шубины Ивана Терентьева прядена суконного выткати сукно и выткала жена его из того моего прядена двадцать четыре аршина сукна а найма ряжено от тканья гривна*» [*КЗСИ: 56*].

Лексика прядения и ткачества употреблялась преимущественно женщинами. Так, в кунгурском документе в женской речи отмечается словосочетание *сновать кросна*: «*Марфа приходила ко мне в дом **сновать кросна***» [*КЗСИ: 408*]. *Кросна* – ткацкий стан [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 74], *Сновать* – 'прокладывать (на кроснах) основу, т. е. продольные нити будущей ткани' [СлРЯ XI–XVII вв. 25: 266]. Словосочетание *сновать* (или *techno основать*) *кросна*, попало даже в пермских фольклор: «*Заставляла свекровушка Работу работать – Трои **кросна основать**, Трои тонененькие, Волоконненькие*» [СРНГ 15: 283]. Оба слова сохранились в Прикамье в речи женщин, которые и сейчас ткут на ткацком стане (обычно половики).

Точно так же преимущественно в женской речи звучали названия предметов домашнего быта, одежды и ее частей: «*Соломийка Тимофеева дочь Ивашкова жена в росросе сказала. Тому недели за две пришел де к ней ко двору малой а как зовут и чей а принес к ней **павороз*** [ленты] *шелковые и дал ей в закладе в копеешном колаче*» [*КА: 11*]; «*Говорила она Марфа сыну моему Лаврентию такие речи. Стал де ты Лаврентей носить на себе **синие_штаны*** [из крашеной ткани, дорогие] *как де зарубил отец твой Филипп лошадь мою*» [*КЗСИ: 456*].

Названия женской одежды были более разнообразными, чем мужской [Полякова 1977: 42–52]: *Сарафан кумачной красной, подклад холщовой, с пуговицы и с круживом мишурным*» [*КЗСИ: 814*]; «*Сарафан кумачной подержанной, по вороту обложен белою бармою*» [*КЗСИ: 435*]; «*Дубас ветхой дубленой*» [*КСАУ: 698*]; «*Верхница – дубленник новой*» [*КСАУ: 698*], «*Две верхницы желтые*» [*КСАУ: 281*]; «*Шупка женска, мех хорьковой*» [*КЗСИ: 121*]; «*Покрали шупку женску мерлушчатую под крашениной, пух бобровой*» [*КЗСИ: 1001*]; «*Шуба да подубрусник*» [*КА: 162*]; «*Два кокошник женских простых лазоревого байбереку не шитых*» [*КСАУ: 229*] и т. д. Виды одежды с течением столетий менялись, но тем не менее до конца XX в. сохранялась часть старой одежды и отмечены в диалектных словарях многие старые названия: *дубас*, *верхница*, *подубрусник*, *кокошник* и др.

В кунгурских документах содержатся тексты о колдовстве, отравлении, порче, т. е. вызывании болезни, и вместе с тем о лечении, избавлении от заболеваний. Интересно, что порчей, вызыванием болезни, «присушиванием» занимались, судя по уголовным делам, мужчины: «*Наговорил он Павел в стокане на пиво присушныые слова, и то де пиво в стокане... велел поднесть Ненше Исаковой дочере. И то де пиво она Ненила ей Мавре поднесла а что де он Павел те присушные слова в стокан на пиво наговаривал про тое де она Ненила не знала*» [*КСАУ: 125*]; «*Взял он Дементей меня в доме своем в клеть и в клете поил меня вином и я ис посуды вина допить не мог и он Дементей ис той посуды остаток вина вылил на пол. И после того явилась на мне немочь на нутре тайная порча... икотная порча, а как я иктал и вне ума... И в той икотной порче мнительно мне на него ж Дементия и от той икотной порчи и ныне я вне ума*» [*КЗСИ: 1018*].

Защищали от порчи, насылания болезни обычно тоже мужчины, например вежливцы – колдуны на свадьбах: «*Аника Детлев на той свадьбе у него Родиона был в* ***вежливцах****. А для обороны де с собою чтоб ево Родиона и жену ево сторонние люди не испортили имал громовую стрелу да святую траву*» [*КЗСИ: 523*].

Вместе с тем памятники сообщают, что лечили от различных заболеваний преимущественно женщины. В связи с этим в документах в женской речи отмечаются названия болезней (например, *волосцы*, *сердечная болезнь*) и средств лечения (*перелойная трава*): «*Болела левая нога а болезнь в ней* ***волосцы****... Татарка Марфа Кураскова жена Кучукова взялась у той ноги болезнь изличить и сказала что та болезнь впредь не будет и личила а за лечбу взяла полтину денег да лошадь кобылу шерстью саврасую ценою в полтора рубли... И ныне у меня у той ноги болезнь объявилась и болит и тем она татарка меня обманула*» [*КЗСИ: 655*]; «*Дала де она Марфа ей Мавре* ***перелойной травы от сердечной болезни*** *и ту де траву она Мавра ела*» [*КСАУ: 125*]. Правда, траву женщины использовали и как отраву. В том же документе читаем: «*Дала она Марфа ей Мавре неведомо какой травы немногое число. И той де травой по ея Марфину велению хотела она Мавра мужа своего Семена стравить до смерти*».

Так как исследуемые кунгурские акты посвящены преимущественно уголовным делам, в них нередко зафиксировано оскорбление бранью, которая сопровождала ссоры, драки или звучала сама по себе. Описания брани показывают, что существовало различие в употреблении бранных слов мужчинами и женщинами. Мужчины использовали обычно мат: «*Матерь мою вдову Анну всякою неподобною матерною бранью бранил*» [*КЗСИ: 500*]; «*Он Андрея Чюгайнова не бивал только де они меж собою матерною бранью бранились*» [*КСАУ: 106*]. Иногда составители документов прямо или описательно передавали бранные слова. В деловом языке использовали даже специальное словосочетание, называвшее людей, которых бранят матом, – *такие матери*: «*Тихонов Прокофей из двора отца своего с топором вышел и бранил де ево Климента всячески неподобно и говорил де отцу*

своему и братьям: Не пущайте де таких матерей, ко двору идут такие матери обыскивать» [*КСАУ: 652*].

Лексика женской брани, зафиксированной в кунгурских актах, отличалась от мужской: «*Кунгурца посадцкого жильца Саввы Белоуса жена ево Анна пришедчи бранила всякою неподобною бранию и называла меня собакою и тем меня обесчестила*» [*КЗСИ, 442*]. В ней отсутствовал (возможно, преимущественно отсутствовал) мат. Но само обзывание человека *собакою* было, видимо, более жестким, чем в настоящее время. Среди пермских деловых памятников имеется несколько таких, в которых обращались в суд именно по поводу обзывания *собакой* (правда, иногда наряду с другими бранными словами), ср. в чердынском окументе 1686 г.: «*Судное дело Ромашка Игнатьевых с сереговцом с Артюшкою Алиным в бесчестье что де называл собакою и хуже вогулетина*» [РСЧ а: 16].

Итак, исследование документов второй половины XVII – начала XVIII в. свидетельствует о некотором различии в употреблении лексики женщинами и мужчинами, обусловленном их общественным положением и занятиями. Это различие существовало на протяжении ряда столетий и, несмотря на кардинальные социальные преобразования в России XX в., изменившие положение женщин, сказывается и на употреблении лексики в современных пермских, в частности кунгурских, говорах и городском просторечии.

3.3. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПЕРМСКОГО ПИСАРЯ XVII ВЕКА[13]

Речь русских жителей Пермского края имеет глубокие исторические корни, о чем свидетельствует сопоставление результатов многочисленных исследований пермских говоров, городского просторечия и бытовой речи горожан, владеющих литературным русским языком, с материалами пермских памятников письменности XVI–XVII вв. К сожалению, изучать особенности бытовой речи жителей Прикамья прошлых эпох сложно, так как ее элементы включены в тексты делового языка. Вместе с тем от XVII в. до нас дошли именно деловые памятники Пермского края, и, анализируя их, приходится специально устанавливать, что пришло в них из живой речи, а что могло быть привнесено в документы их составителями, владеющими общерусским деловым языком того времéни, или явилось результатом использования принятых в делопроизводстве штампов, клише. Снятие результатов редактирования текстов [Полякова 2005 а: 209–213] позволяет представить особенности живой речи, функционировавшей в крае.

Кто же такой *пермский писарь* XVII в., сохранивший в письменности для исследователей XX–XXI вв. черты разговорной речи своих современ-

---

[13] *Полякова Е. Н.* Речевой портрет пермского писаря XVII века // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 7: Динамика языковых ситуаций: сб. статей; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 85–96.

ников, и какой могла быть его собственная речь? Прежде чем отвечать на эти вопросы, определим, что понимается в данной статье под словами *пермский* и *писарь*.

Сначала об определении *пермский*. Города Перми в XVII в. еще не было, лишь в 1723 г. возникает Егошихинский медеплавильный завод, на месте которого значительно позже – в 1780 г. – основан губернский город, названный в 1781 г. Пермью. Но в XVI–XVII вв. была обжита русскими по существу вся территория современного Пермского края. На севере существовала обширная Пермь Великая, административным центром которой был город Чердынь, южнее находилась Соль Камская с центром в Усолье (старом) – ныне город Соликамск. В конце XVI–XVII в. на территории современного города Перми и Пермского района находились русские поселения: с XVI в. *сельцо Никольское на речке Муловке* – ныне примыкающее к городу Перми село Верхние Муллы; в 1647 г. в переписной книге Прокопия Елизарова отмечены *деревня на реке Каме и на речке Егошихе, деревня на реке Каме и на речке Гайве* и многие другие на месте современного города или в его окрестностях. В конце XVI в. впервые описана *Ново-Никольская слобода в устье р. Тулвы* (современный город Оса). В XVII в. возник город Кунгур и многие русские поселения юго-восточной части современного Пермского края. Значительная часть его территории от Соли Камской на севере и до Кунгура, а по Каме до устья реки Ашап – на юге входила в вотчины именитых людей Строгановых.

Начиная с Перми Великой XIV в. земли Верхнего и Среднего Прикамья называли пермскими. Пермской назвали образованную здесь в XVIII в. губернию, от именования которой и был образован ойконим ее главного города.

И везде в крупных поселениях края велось делопроизводство, составлялись документы разных жанров, характерных для ведения административных и юридических дел того времени. Несмотря на постоянные пожары, на военные действия, бунты, революционные события, приводившие к уничтожению большого количества деловых текстов прошлых эпох, многие из них дошли до нашего времени, хранятся в архивах, музеях, библиотеках разных городов России и дают возможность представить особенности истории, культуры и языка Пермского края. Говоря о речи *пермского писаря* XVII в., мы имеем в виду речь составителей документов, постоянно или длительное время проживавших на **всей территории Пермского края.**

Создатели пермских документов XVII в. были людьми разного социального положения, различной культуры, образования, что отражалось на языке составленных ими текстов.

Значительная часть документов Пермского края написана дьяками и подьячими, приезжавшими из Москвы для учета населения в *писцовых, переписных* и *дозорных* книгах, для составления различных актов, направляемых в столицу, например, *расспросных речей* о неизвестных территориях к северу и востоку от Перми Великой, то есть от Чердыни. Делопроизводство

в России XVI–XVII вв. было централизованным, дьяки, писцы, дозорщики назначались Москвой и не были постоянными жителями одной провинции [Хабургаев 1969: 110]. Так было и в Прикамье. О постоянном перемещении этих людей свидетельствуют данные исторических памятников, систематизированные в виде словаря в работе С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие XV–XVII веков». Например, из нее узнаем, что дьяк в Чердыни в 1612–1615 гг. Иван Тимофеевич Митусов известен до этого как житель Москвы и подьячий в Кимрах. Чердынский подьячий 1620–1621 гг. Макар Внуков упоминается, кроме того, как подьячий в Кольском остроге и дьяк на Устюге; дозорщик Соли Камской в 1608–1609 гг. Ильин Второй – как писец Вязьмы, Рязанского уезда, подьячий на Белоозере. Переписчик в Кунгуре в 1678–79 гг. Петр Ахматов до этого служил в Москве и на Дону; подьячий в Чердыни в 1626 г. Яков Осипович Бутримов был подьячим в Москве и сыщиком в Сибири и т. д. [Веселовский 1975: 37, 75, 99, 217, 334–335]. Они были руководителями канцелярий, редактировали значительную часть документов, отправляемых из Пермского края в Москву или другие города. Благодаря им и их помощникам в значительной степени поддерживались традиции делового письма на территории всей России.

Эти люди, а также воеводы, которых обычно перемещали на новые места через каждые два-три года, и их делопроизводители, переезжавшие вместе с воеводами, владели, хотя и в разной степени, общерусским деловым языком XVII в. и складывающимся общерусским просторечием. Проживая в различных местах России, они слышали речь их жителей, выделяли диалектизмы и обычно в текстах своих документов заменяли их, а также сниженные (по их мнению) просторечные слова общерусской или принятой в Москве нейтральной лексикой. Примеры этого представлены в писцовых книгах и расспросных речах о неизвестных территориях. Так, в писцовой книге Михаила Кайсарова 1623–24 гг. обычный для Прикамья географический термин *лог* последовательно заменяется синонимом *враг* 'овраг' при сохранении корня *лог* в топонимах: *починок Логовской на **враге**, деревня Верх-Логова на **враге*** [*Ш 2: 154*]. В расспросных речах 1667 г. вместо местного пермского географического термина *камень*, называвшего высокие скалистые горы и тянущиеся на протяжении сотен метров обрывистые скалистые берега высотой до 50–90 м., используется слово *гора* или словосочетание *каменная гора*: «*В восточной стороне на пустых местех вверх по Вишере-реке которая близко Чердыни прошла мимо Чердынский уезд есть де **горы каменные** прозванья им **гора** Сторожевая **гора** Велгур **гора** Лапина **гора** Сыпучая **гора** Писаная*... [*РР: 5*].

Если диалектное слово называло какой-либо особый объект, его вынуждены были сохранять в писцовых книгах, например, при описании карстовых ям в Кунгурском уезде, которые назывались диалектным словом *курган*, видимо, возникшим в русских говорах из коми слова *гуран* 'естественная яма, наполненная водой': «*Межа... от столба на две ямы – на глубокие **курганы**, а от **курганов** до борти до Егитовой, что стоит на меже*

[*Ш 2: 254*]. Тем не менее присланных в Прикамье на время Москвой составителей официальных документов нельзя причислить к пермским писарям, хотя и в их текстах отражаются отдельные особенности пермской речи.

Кого же можно считать *пермскими писарями* XVII в.? Полагаем, постоянных жителей Пермского края, проживавших в нем на протяжении десятилетий, родившихся здесь, оставивших деловые тексты местного значения, то есть предназначенные для внутреннего употребления в крае. Таких текстов великое множество: челобитные, допросные сказки, очные ставки, общие ссылки, приговоры, мировые, купчие, закладные, кабальные, проезжие, ободные, межевые, вкладные, поручные и другие грамоты, выписки из таможенных и других книг, частные деловые письма. Эти документы составлялись местными писчими дьячками и площадными подьячими – жителями городов и погостов (сел), а также церковными дьячками, о чем свидетельствуют пометы составителей актов. Деловые документы писали и в монастырях, причем в монастырских текстах отражается обычный деловой язык России и лишь в отдельных случаях вклиниваются цитаты из богослужебных книг или лексика церковно-книжного языка. Иногда писали тексты и грамотные крестьяне.

Свидетельством того, что авторы документов проживали в Прикамье постоянно и длительное время или даже родились здесь, являются записи в писцовых, переписных и дозорных книгах разных лет, а также собственные подписи и пометы на документах, сделанные жителями Прикамья. Особенно интересны в этом отношении записи на актах из некоторых семейных архивов крестьян или солепромышленников. Так, в Чердынском краеведческом музее хранятся семейные имущественные документы крестьян чердынского погоста Цыдвы Афанасьевых, Девятковых и других, составленные в XVI–XVIII вв. Часть их была опубликована еще в начале XX в. [*Уд: 233–251*], но большая доля представлена в настоящее время только рукописями – свитками. Лексика этих актов полностью включена в «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» (СПП). На рукописях купчих, заемных, закладных, духовных и других актов оставлены записи о составителях (*Купчую писал Оничко Пошехонов*). Некоторыми из них написано большое количество документов (*Никита Тархов сын Головин*; *Степан Пушников*). Профессия писаря передавалась из поколения в поколение, и нередко авторами актов были члены одной семьи (*Федька Иванов сын Зворыгин*; *Степан Федотов сын Зворыгин, Первушка Зворыгин*). Писали документы и не профессиональные составители актов, а просто грамотные люди (*Степанко Григорьев с Цыдвы – церковный дьячок*; *Крестьянишко Фот(ь)ка Офонасьевых с Цыдвы*).

В Пермском и Кунгурском краеведческих музеях, а также в Пермской областной библиотеке хранятся документы крестьян Иртеговых из Половодовского стана Соли Камской и соликамских солепромышленников Ростовщиковых и Елисеевых. Эти акты составлены городскими площадными подьячими, которые оставили свои подписи и пометы, свидетельствующие

о датах написания документов и о времени работы их авторов. Так, *Лазарко Аврамов сын Брагин* известен как соликамский площадной подьячий длительный период: с 1647 по 1661 г. Многие из составителей документов, видимо, были родственниками, ср.: *Михаил Филиппов Колохматов*, 1624–1628 гг. (отец), и *Сенька Михайлов Колохматов*, 1659 г. (сын); братья *Ивашко Савинов Никифиров*, 1700–1702 гг., и *Ганко Савинов Никифиров*, 1700 г. Их семьи проживали в Соли Камской многие десятилетия, и не удивительно, что в написанных ими документах обнаруживаются местные диалектные черты.

Пометы оставлены и на многочисленных кунгурских документах, частично опубликованных в XIX в. [КА], но в основном сохранившихся в виде рукописей в большом количестве в Российском государственном архиве древних актов и изучавшихся в связи с анализом пермской лексики XVI – начала XVIII в. [Полякова 1979; 1983 а]. Изучение помет и подписей составителей документов и созданных ими текстов дает возможность представить речевые особенности пермских писчих дьячков и площадных подьячих – жителей Чердыни, Соли Камской и Кунгура, а также выявить в их речи общее и различия.

Анализ документов свидетельствует о знании писарями сложившихся в XVII в. правил передачи в деловом письме фонетических и морфологических особенностей русской речи. Так, обычным было отражение ассимиляции ряда звуков по глухости-звонкости (*полкрушки, ис той посуды, зблюденье, збор, згореть*), диссимиляция (*хто, нихто, мяхкий*), упрощение групп согласных (*зораный, здор, здорить* вместо *взоранный, вздор, вздорить*), передача твердой аффрикаты Ц на основе сочетания ТС, в котором Т из глагола, а С из возвратного местоимения СЯ (*с ворами не знатца, сыщетца про то, попортитца, понадобитца*), сочетания ШН из ЧН (*со встошную сторону, заплешный мастер*), написание буквы В в местоимении *его* и окончании *-его* в прилагательных (*ево дела*; *ево, Ивашку, велеть допросить*; *шелку красново*), отражение протетического В на месте зияния в заимствованных словах (*жеребец ковур*, *Левонтей*), союзов *куды* и *покуды* в старой форме и т. д. Все это свидетельствовало об особенностях реального живого произношения и вместе с тем было допустимо в деловых текстах разных территорий России. Частичное соблюдение фонетического принципа написания в XVII в. было не отклонением от нормы, а нормой делового языка.

Вместе с тем, несмотря на довольно хорошую грамотность писарей, в исследуемых памятниках разных районов отмечаются диалектные черты, характерные для всех говоров Пермского края, так как практически у них одни истоки. Так, в документах и Чердыни, и Соли Камской, и Кунгура отражается произношение И на месте «ять» перед мягким согласным звуком (*Та межа установлена с* ***сиверную*** *строну на полдень*; *То поле со встоку по* ***ричке*** *Цыдовке*; *Шуба* ***билья*** *хрептовая*; ***Сини*** *и погреб*; *Били меня и увечили* ***полиньем***; *Опаливал свои дрова и обивал около* ***полинниц*** *обухом*; *Межи*

тому месту... з запада Яриных по межнику, а межник ***обсичен***; *В ызбе ходит Андреева дочь,* ***лизет*** *в голбец; Потравили* ***сияного*** *гороху; Сколько рыбы накупим, в* ***артиль*** *класть* и т. д.). Эта черта фиксируется и в настоящее время в значительной части говоров края и сохраняется в речи части носителей городского просторечия.

Аффриката Щ произносилась как согласный Ш твердый (***Товарыш*** *ево Васька; Мы,* ***заимшык*** *и* ***заимшыца***; *Писал по велению соликамского* ***россылшика***; *На том прудище с нашими мельничными* *<u>артилшики</u>* *мельницу построят;* ***Одворише***; *Место* ***одворишное***). Составители документов, в речи которых существовала эта особенность, иногда писали букву Щ вместо Ш (*Та пожня вверх по Колве-реке* ***выще*** *Бубыла-речьки; Ныробских* ***крестьянищек*** *и* ***бобылищек***; *А* ***болщи*** *де того у него уловной рыбы и икры нет*), Ы после Щ (*Который из нас учьнет* ***деловщык*** *бити челом*), У после СШ, передающем этимологическое Щ (*В реке Иргине, в езу, поимал 9 колод харьезов и* ***сшук***).

Реже и главным образом в северных (чердынских и соликамских) текстах отмечаются случаи отражения цоканья (*Чертеж... Онания чертил и* ***прицыщал***, *а кругом того чертежу черной лес; А* ***пошедцы*** *говорили так*), причем они зафиксированы даже в формулах актов (*Во* ***оцыщение*** *той своей пожни от всяких крепостей яз, Петр*), хотя чаще формулы записаны в соответствии с нормой делового языка (*В отводе и в* ***очищении*** *тому огоротцу от прежних крепостей и подписок яз, продавец*). В чердынских записях встречаются отдельные случаи отражения чоканья (*Писал по велению соликамского россылшика Василья* ***Клепичина*** вместо *Клепицына*), а также следы утраты аффрикатой Ч затвора и произнесение на ее месте Щ (*Нам впредь дел не* ***защинати***; *На тот* ***сщин*** *взяти на государя 20 рублев денег*).

В редких случаях отмечаются и другие диалектные особенности, существующие в современных пермских говорах. Так, в памятниках сохраняется начальное О в соответствии с церковно-книжным Е (*Я, сирота, полез в ызбу,* ***одва*** *окошком попал*), что наблюдается и в XX в.: «*В село по хлеб бегала да* ***одва-одвашеньки*** *пришла, ноги не держат; С лошадью чё-то сделалось –* ***одвашечки*** *я её дотянула*» [СПГ 2: 33]. Иногда появляется взрывной Т между звуками С и Р в начале слова (*Деньги заплатить сего же году на* ***строке*** *на Николин день безо всяких оговорок; На тот* ***строк*** *тех денег не заплачю; Перед избой на клетных* ***струбах*** *начевал подворник его; Избные плашинные сосновые ветхие* ***струбы***), что зафиксировано и в современных пермских говорах: «*Жила по* ***строкам*** *у богатых; Баба всё по* ***строкам*** *ходила, скоко раз у меня дрова лаживала*» [СПГ 2: 409], «***Струб*** *сплошной сперва сделают;* ***Струбы*** *были, а больше ничего в избе не было, не оплотничена она была*» [СПГ 2: 410].

Возможно, написание в отдельных случаях буквы К вместо Х (*Тех нашивок с ним не* ***коронила***; *Нашивки де он* ***скоронил*** *в тес*) свидетельствует о воздействии коми-пермяцких или коми-зырянских говоров, в которых не было звука Х: *коромина* ‘хоромина’ [КПРС: 185], *корошӧй* ‘хороший’, *кра-*

питны 'храпеть' [ССКЗД: 165, 174]. Впрочем, такая замена Х звуком К в слове *хоронить* отмечается и в других русских говорах: новгородских, нижегородских, владимирских, тверских, ярославских, костромских, вятских, свердловских, рязанских, московских, тамбовских [СРНГ 14: 364]. В них звук К на месте Х тоже мог появиться под воздействием каких-либо субстратных диалектов.

В памятниках отмечаются, хотя и очень редко, другие фонетические особенности, сохранившиеся в современных пермских говорах, например, в словах *крук* 'крюк' (*Изба была заперта на* ***круке***; *Андрей у меня, сироты, у избных дверей обухом изломал пробой и* ***крук*** *и замок сничной с нутреную сторону*), *крык* 'крик', *крычать* 'кричать' (*По знаку знатно, что сноху свою бьет, и* ***крык*** *по голосу женской; Евдокейка в окошке* ***закрычала***). Ср. в говоре деревни Акчим Пермской области: «*Убьёшша! Вот бы* ***крыку-то*** *поднялося. На всякие голоса так бы и занелися*; *В Сыпучах вместо* ***крыкни*** *кого-нибудь говорят: гаркни его* [Акчим. сл. 2: 86]. В полных прилагательных звук Н перед окончанием сохранял твердость (*Межа той пашне с* ***нижную*** *сторону с Григорием Михайловым сыном*; *Те речи Евдокейкины слышали многие* ***сторонные*** *люди*; *Она полезла окном* ***передным*** *из спередизбья; Евдокейка бросилася утти в окошко в* ***задное***), что нередко отмечается в современных пермских говорах и просторечии.

Несмотря на то, что все названные диалектные черты отражены относительно редко (в некоторых случаях единицы, в других – два-три десятка приведенных примеров выбраны из нескольких сотен актов), они свидетельствуют о существовании фонетических особенностей, характерных для севернорусских говоров, отмечаемых и сейчас в живой речи жителей Прикамья. И вместе с тем они говорят о знании писарями норм, сложившихся в деловом языке, и о стремлении избегать различных нарушений. Наиболее последовательны составители документов в передаче норм морфологии. Здесь встречаются весьма редкие случаи сохранения каких-либо архаических форм, доживших в пермских говорах до настоящего времени, например, фиксация окончаний двойственного числа (*Поделилися промежу собою полюбовно... пожнями и* ***дворыма***; *Буде у кого та земля в продаже или в закладе, очищать мне, продавцу,* ***своима денгама***).

Наиболее ярко воздействие живой речи на деловые тексты проявилось в лексике. Если по данным фонетики трудно определить территориальные различия речи писарей в пределах Пермского края и почти совсем невозможно выявить особенности речи представителей разных социальных групп, то лексика документов позволяет это сделать.

«Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» (материалы до 1710 г.) включает словарные статьи на 10 тысяч слов нарицательных, а также без толкования значений более 1000 прозвищ, возникших преимущественно на основе апеллятивов. Безусловно, каждый писарь XVII в. не пользовался всей лексикой показанной в словаре, хотя потенциально мог ею владеть. Различия в употреблении лексики составителями текстов по-

зволяют представить территориальные и социальные ограничения ее применения.

Более близкими между собой по лексике являются чердынские и соликамские памятники (Верхнее Прикамье), несколько отличаются от них кунгурские и осинские (Среднее Прикамье). Эти отличия проявляются, во-первых, в употреблении отдельных диалектных слов только на одной территории: только в кунгурских – *верхница* и *дубленник* 'род женского сарафана' (*Взяли **верхницу** – **дубленник** новой, цена 4 алтына*; ***Верхница** синяя ветхая*), *барма* 'отделка сарафана по вороту' (*Взял у нее грабежом сарафан кумачной подержаной, по вороту обложен белой **бармой***); *коклюшки* 'кружева' (*Рубашка женская тонкая с **коклюшками** нитными*); только в чердынских и соликамских – *отнога* 'узкий залив, ответвление озера' (*Досталось Ивану ж в вопчей земле в поскотине озерко Долгое и с **отногою**, и с истоком, а исток падет в Каму*), *ласта* 'заливаемый берег озера' (*Подписал пожню свою подле Редикорское озеро... в межах со встоку по черной **ласте***), *холуй* 'старое имущество' (*Досталась... сенничишка старая и с **холуем***). В Чердыни и Соли Камской хлеб хранили в *житницах* (*Хлеб измолотить и в **житницу** отвезти*), в Кунгуре – в *анбарах* (*У того двора **анбар** с пристеном, и в том анбаре четверть пшеницы яровой*).

Во-вторых, некоторые слова употреблялись в Верхнем и Среднем Прикамье в разных значениях: *мыльня* в чердынских актах – 'баня' (*Кому лучится **мыльни** истопить для рождения или для боля*, то есть 'для роженицы или для больного'), в кунгурских – 'изба для варки мыла' (*У того дворя изба, баня да **мыльня***). На севере края *вежа* – 'легкое хозяйственное неотапливаемое строение' (*Изба старая да два сенника с подклетом да **вежа** с погребом*), на юге – 'жилая постройка нерусских' (*В **вежу** де черемисину Васке Кырынбаеву кунгурской стрелец Никифор Корелин табаку черкаского на полок под войлок подкинул*).

В-третьих, принесенные с севера в Кунгур слова в деловых актах редактировались. Так, в Чердыни крупный рогатый скот красной масти называли *редрым* (*Досталась корова лыса **редрая**, да нетель **редрая**, да бычок **редрой** же*), в Кунгуре это слово встречается исключительно в показаниях отдельных, видимо, переселившихся сюда крестьян, а в решении по делу составителем документа заменяется словом *красный* (*Кусейко крал быка **красного***; *Корова **красная**, белохрептая*).

По-видимому, все составители документов знали диалектную лексику, употребляли ее в разговорной речи, записывали в показаниях жителей Прикамья, но в приговорах по делам нередко заменяли общерусскими словами. Однако представители разных социальных групп пользовались лексикой по-разному.

Все проанализированные тексты (несколько тысяч актов) написаны только мужчинами. В тех случаях, когда купчая, закладная, вкладная или другой документ составлялся от имени вдовы, его и писали и за нее подписывали только мужчины. Женщины Пермского края в XVII в. были негра-

мотными, а при передаче их устной речи в показаниях очень ярко отражается говор (*Акилина говорила де: У Вахромия де Корнева не ведаю пожар или ино что делатца в сенях де огонь горит, пособи мне из моего дому робят моих вынести*).

Лексика речи мужчин Прикамья должна была отличаться от лексики женщин, так как значительная часть занятий была только мужским делом (ямская гоньба, поездки на Печору через Печорский волок для ловли рыбы в ее притоках, длительные походы на зимнюю охоту, строительство изб, солеварен, церквей, осуществление деловых связей, составление документов и т. д.). Они пользовались такой профессиональной лексикой, какая не была нужна в общении женщин. Кроме того, общение мужчин с большим кругом людей способствовало обогащению их языка.

Однако речь отдельных социальных групп грамотных мужчин, записывавших тексты, не была одинаковой. В городах в XVII в. только зарождались основы просторечия, говорили там практически так же, как в окружающих деревнях, используя и диалектную лексику. Но, судя по документам, речь составителей текстов из разных социальных групп имела свои особенности, о чем свидетельствует исследование синонимических рядов слов (СР), зафиксированных в актах.

Так, церковники в челобитных и других деловых актах использовали преимущественно нейтральную лексику, а иногда и высокую. Например, в СР *здор – ссора – прека – пря* для них оказывались актуальными *пря* и *ссора* (*Была меж нами **пря** и вражба о мельнице монастырской*), в СР *чада – дети – робята* – актуальными были слова *чада* (при разговоре об иконах) и *дети*. Диалектные слова они использовали только при фиксации географических терминов и топонимов, что было необходимо в деловых актах.

В текстах площадных подьячих и писчих дьячков фиксируются слова *прека* и *ссора* (*Помирилися есми меж собою Ларион да Микифор, что у нас меж собою была **прека***), и *дети*. Диалектизмы и сниженные слова (*назвище, присушные слова*) здесь представлены главным образом в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей, в приговорах их заменяют общерусскими, нейтральными (*прозвище, приворотные слова*).

В документах, написанных грамотными крестьянами (или со слов крестьян), используются слова *здор* и *ссора* (*Констянтин де у него, Антона, в приданом просил расписку, и от того де у них меж собою учинился **здор**; Стенька ево, Юрьку, держал за руки, и про тое де **ссору** ведает Еремка Гаврилов*). Здесь гораздо больше диалектных слов.

Стремление использовать нейтральную общерусскую лексику обнаруживается в документах, составленных по словам толмачей (устных переводчиков), переводивших с коми-пермяцкого, татарского или марийского языков. Так, в одном из кунгурских дел рассказывается о событиях в марийской деревне и используются в качестве названия жилища марийцев четыре синонима: *вежа, юрта, дом* и *изба*. Слово *вежа* пишут при передаче (по словам толмача) речи марийцев, *изба* – речи русских свидетелей, *дом* –

в показаниях московского стрельца и *юрта* – в решении по делу, в котором писарь старался соблюдать обычные нормы деловой лексики. Составители документов хорошо чувствовали сферу употребления разных синонимов, что должно было отражаться и на их устной речи.

В результате исследования употребления в пермских памятниках большого количества СР [Полякова 1977а] выявляются особенности использования слов различных сфер функционирования составителями деловых текстов.

Итак, пермские писари XVII в. были представителями разных социальных слоев, грамотными людьми, владевшими говорами своей местности и складывающимся не без участия говоров просторечием в растущих городах. Они, безусловно, употребляли в живой речи диалектную и общерусскую сниженную лексику, но в то же время владели нормами делового языка, а некоторые и нормами церковного языка. В зависимости от выучки – уровня знания этих норм и от ситуации, в которой звучала их речь, они могли использовать и диалектизмы, и общерусские слова, а иногда даже слова высокого стиля. Но возможности для обращения к ним, как показывает деловая письменность, были различными у представителей разных социальных групп.

3.4. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI–XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). Статья первая[14]

Духовная и материальная культура Пермского края описана этнографами, историками, путешественниками, составителями словарей преимущественно по материалам XIX–XX вв. [Белицер 1958; Гайдамашко 2007; Кирьянов 2007; Кривощеков 1914; На путях из земли Пермской 1989; Чагин 1991; Чагин 1993; Чагин 2002 а; Чагин 2002 б и др.]. Вместе с тем лексика (апеллятивы) и ономастика пермских рукописных и опубликованных деловых памятников второй половины XVI – начала XVIII в. дают возможность представить многие предметы быта и черты культуры жителей Пермского края в этот период истории Верхнего и Среднего Прикамья. Вместе с тем изучение особенностей материальной культуры позволяет полнее охарактеризовать определенные тематические группы лексики, семантику составляющих их слов, ономастику региона, черты формирующихся здесь говоров и складывающегося просторечия XVII–XVIII вв.

В статье представлены результаты анализа части материалов (тематическая группа «Питание: продукты растительного происхождения»), которые характеризуют хозяйственную жизнь Прикамья в далеком прошлом. Мы

---

[14] *Полякова Е. Н.* Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология; Перм. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 1.

рассматриваем эту работу как начало цикла статей о культуре жителей Пермского края в XVI – начале XVIII в., реконструируемой по данным языка.

Основным источником исследования явилась лексика пермских административных, судебных, имущественных и других документов, составленных в соответствии с узуальной нормой делового языка допетровской эпохи, которая продолжала действовать в Прикамье и в начале XVIII в. (до 1710 г.), а иногда и далее. В деловых актах отражена живая речь в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей, а также при назывании предметов быта в различных описях имущества и при характеристике хозяйственных и других действий. Это привело к передаче на письме не только общерусской нейтральной лексики, но и сниженной, просторечной и диалектной.

К изучению привлечены также материалы переписных актов XVI – конца XVIII в. (писцовые, переписные, дозорные книги, ревизские сказки), фиксирующие большое количество некалендарных имен, прозвищ и образованных на их базе фамилий жителей Пермского края. Основой этих именований являлись апеллятивы – слова нарицательные. Ономастика переписей послужила источником восстановления лексики, употреблявшейся в живой речи, но не попадавшей в тексты документов. Реконструированная лексика нередко характеризует такие детали быта, которые не описаны в памятниках апеллятивами.

Основным источником пермской ономастики послужили те же документы, какие дали свод исследуемой лексики. Пермская лексика и ономастика представлена в составленных автором данной статьи «Словаре пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СПП] и «Словаре пермских фамилий» [СПФ], а также в картотеках этих словарей.

Семантика исследуемой лексики устанавливается обычно на основе контекста, в котором употреблено анализируемое слово. Для уточнения значения слов проводится также сопоставление с материалами этнографических исследований и современных пермских [Акчим. сл.; СГТ; СПГ; СРГКПО] и других диалектных словарей, в частности обобщающего «Словаря русских народных говоров» [СРНГ], в котором использована помета *Перм.* – 'пермское' для характеристики лексики Верхнего и Среднего Прикамья. Особое внимание уделяется данным диалектных словарей говоров Русского Севера [АОС, СГРС], явившихся источником живой речи Прикамья, а также среднеуральских говоров [СРГСУ, СРГСУ-Д], генетически связанных с пермскими.

Большую часть населения Пермского края в XVI – начале XVIII в. составляли крестьяне, государственные в Перми Великой, Соли Камской, Кунгурском и Осинском уездах и относящиеся к владениям именитых людей Строгановых. Крестьяне проживали в деревнях, погостах (селах), городках и острожках, в формирующихся в XVI–XVII вв. городах Чердыни, Усолье Камском (Соли Камской), Кунгуре. Быт других жителей городов

(ремесленников, служителей церкви, подьячих, писчих дьячков, купцов, стрельцов (позднее солдат) и иных групп населения почти не отличался от быта крестьян. И бытовая лексика практически для всего населения была общей.

Русская речь могла звучать в Пермском крае с XII–XIV вв. В XV в. Пермь Великая входит в состав Московского государства, к концу XVII в. на территории Прикамья, судя по переписям и исследованиям историков, преобладало русское население. Вместе с тем русские проживали здесь в контакте с коми и шло активное взаимодействие русской речи с коми-пермяцкой, о чем свидетельствуют слова финно-угорского происхождения в русских текстах XVI–XVII вв. [Полякова 2008] и говорах XIX–XX вв. [Полякова 2009]. Взаимодействие привело к обогащению лексики каждого из языков, особенно в области бытовой лексики.

В питании жителей Пермского края XVI–XVIII вв. существенную роль играли продукты из выращиваемых здесь же зерновых культур. Еще до появления русских в Прикамье существовало подсечное земледелие, которое у коми-пермяков имело относительно высокий уровень, о чем свидетельствуют исследования историков и этнографов [На путях из земли Пермской 1989: 92], а также топонимия Перми Великой. Так, в чердынских памятниках XVII–XVIII вв. отмечаются коми-пермяцкие географические названия, содержащие в своем составе формант *-ыб* (*-иб*, *-еб*) из слова *ыб* 'поле; засеваемое поле': *Касиб* 'Поле Кошки', *Катасыб* 'Поле на склоне', *Лызиб* 'Хвойное поле', *Нияиб* 'Поле у лиственницы', *Ураеб* 'Беличье поле'. Ср.: «*Земля на **Курсибе** на мысу*» [*Уд: 237*], «*Досталось на **Ния(и)бе** треть полосы... Пожня под **Ния(и)бом***» [*ЧМ 2561: 3*], «*Шутем* [15] *званием на **Ураебе***» [*ЧМ* 2558: 5], «*Шутем званием на **Бастрыбе***» [*ЧМ 2558: 13*], «*Пожня*[16] *на **Катасыбе***» [*Уд: 237*]. Некоторые из названий полей перешли в ойконимы расположенных рядом поселений: деревни *Нырыб* 'Поле Носа', *Ручиб* 'Поле Лисы' [*Я: 24, 29*], *Вилиб* 'Новое поле', *Ижиб* 'Поле Овцы' [*КЧ: 77, 80*] и другие.

Вместе с тем с приходом русских шло дальнейшее развитие земледелия: переход к трехполью, к регулированию удобрения и т. д. Появлялись и русские названия угодий со словами *поле* (*Большое поле*, *Дубовое поле*, *Кляпово поле*, *Мягкое поле*, *Култаево поле*), многие из которых также дали ойконимы, ср.: деревни *Большое Поле, Мягкое Поле, Дубовое, Кляпово, Култаево* [*Пермская область 1963: 447–475*].

Земледелие в Прикамье было сопряжено с постоянным отвоевыванием пахотной земли у леса. Приходилось разрабатывать *чертежи* – участки, на которых был сведен лес. Чтобы освободить от деревьев участок под пашню, на нем *чертили* лес, т. е. *подчерчивали* каждое дерево, нанося черты ударом топора и разрушая кору вокруг всего ствола, ср: «***Чертеж** против*

---

[15] Шутем – оставленное поле, заросшее травой и кустарником.

[16] Пожня – место покоса, заготовки сена.

Березова острова над Камою а ***подчерчиван*** *вязник и осинник и всякий лес»* [*Ш 3: 201*], «***Чертил*** *отец мой... лес для пахоты в Кунгурском уезде на Большом поле»* [*КЗСИ: 475*]; «***Чертил*** *мое займище Григориево на Бубыльской дороге со встоку Онания* ***чертил*** *и прицыщал*[17]» [*Уд: 238*].

На таком *подчерченном* участке деревья высыхали, вымерзали, их сжигали и засевали землю, иногда бросая зерна в еще теплую золу, что сокращало период созревания растений. В первый год урожай на таком участке был очень высоким, но затем он снижался, через 5–7 лет поле оставляли незасеянным, т. е. оно уходило в перелог[18], становился шутемом.

Чертежи были распространены на территории и Верхнего, и Среднего Прикамья, их русское название *чертеж* укрепилось и в коми-пермяцком языке [КПРС: 533], вытеснив во многих местах коми синонимы *тыла* и *воль*. В Пермском крае возникали деревни с названием *Чертеж* [СГТ: 400], первая из которых отмечена Иваном Яхонтовым на реке Боровой в писцовой книге по Перми Великой 1579 г. [*Я: 10 об.*]. Сохранилось много микротопонимов, образованных от термина *чертеж*: луг Чертеж в селе Вильгорт, поле Чертеж на реке Уролка, поле Чертежи у села Карагай и т. д.

Земледелие было осложнено не только большими затратами труда на подготовку участков, но и суровым климатом, особенно на севере края, в Перми Великой. Сохранилось несколько документов из Ныроба (старое название – Нырыб), в которых жители просят отменить подати: «*У нас место украйное Подкаменное*[19] *самое студеное хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы*» [*Ш 3: 791*]. Тем не менее в XVI–XVIII вв. зерновые растили по всему краю и слово *хлеб* постоянно попадало в документы.

Земледельческая лексика в Перми Великой складывалась на основе говоров Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области), так как именно оттуда шел основной поток крестьянской миграции в Верхнее Прикамье. Об этом свидетельствуют многочисленные пермские прозвища, а затем возникшие на их базе фамилии: *Белослудец* – переселенец из Белой Слуды на Северной Двине, *Вологжанин* – из Вологды, *Двинянин* – с Северной Двины, *Колмогоров* – из Холмогор, *Мезенец* – с реки Мезени, *Пинежанин*, *Пенягин* – с реки Пинеги и т. д. [СПФ].

В Прикамье XVI–XVII вв., как и на Русском Севере, лексика, обозначающая вспахивание земли, была образована от глагола *орать* 'пахать землю': *оранина*, *ораный*, *оранье*, *взораный*, *взорать*, *переарывать*. Ср.: «*В их чертежах явилось старой* ***оранины*** *и вновь* ***взорано*** *по смете переездов десять*» [*КЗСИ: 439*]; «*Подал челобитную я сирота твой Васька на него*

---

[17] Прицыщать – очищать от пней.

[18] Перелог – участок ранее возделываемой земли, оставленный без вспашки, залежь.

[19] Место украйное Подкаменное – расположенное на окраине России XVI–XVII вв. около Камня, т. е. около Уральских гор.

Ивашка в насильстве в ***оранье*** *в перемене… и тою* ***ораною*** *землею владеть мне Ваське»* [*КЗСИ: 2*]; «*По речке Кызгану* ***взораных*** *земель, что* ***взорали*** *кунгурцы»* [*КЗСИ: 439*]; «*В земли после сего друг к другу не вступатца... и меж не* ***переарывать***» [*КМ: 66*].

Глагол *пахать* пришел в Прикамье с деловым языком в официальных текстах, где употреблялся в оборотах *пашню пахать* 'владеть пашенной землей и платить подати в соответствии с этим владением', *пашенный крестьянин* 'владелец земли под посев', *беспашенный* (*непашенный*) *крестьянин* 'лицо, не владеющее пахотной землей', *хлеб пахать* 'выращивать зерновые', ср.: «*Говорил он Федька что де он половничает и* ***хлеб пашет*** *исполу*» [Полякова 1979: 54]. Семантика глагола *пахать* хорошо видна в отрывке из кунгурского акта 1687 г.: «***Пахать*** *исполу: посеяти нам исполшиком*[20] *вешнего севу ярового всякого хлеба 10 переездов... и тот хлеб нам исполшиком five... никакого хлеба не обронить и скотом не стравить и под снег не пустить и в клады складть сухо и в кладях тот хлеб обгородить*» [*КА: 130*]. Таким образом, *пахать* в данном тексте означает 'вырастить хлеб, собрать его, сберечь от потравы скотом, от мороза, сложить в клади, которые следовало обгородить'.

В живой речи жителей Прикамья у глагола *пахать* лишь постепенно утверждается значение 'взрыхлять землю под посев'. Он вытесняет синоним *орать*, хотя последний употребляется в речи старшего поколения в сельской местности до настоящего времени [Акчим. сл. 3: 120; СПГ 2: 47: СРГКПО: 171].

Все названия зерновых культур в пермских памятниках являются общерусскими. Общим названием для них было слово *хлеб*, вместе с тем оно зафиксировано с разной семантикой. Хлебом называли 1) зерновые культуры (рожь, пшеницу, овес, ячмень) на корню: «*Потравили скотом своим насевного моего* ***хлеба*** *в бору ржи... и пшеницы озимовой без четверти сороковой переезд*» [*КЗСИ*: *444*]; 2) сжатые зерновые культуры: «*Досматривал на поле... сжатого немолоченого* ***хлеба*** *ржи в кладе... и* ***хлеб*** *на овине насажен»* [*КЗСИ: 814*]; 3) зерно: «*В клети* ***хлеба*** *ржи четверик да овса два четверика*» [*КСАУ: 123*]; 4) выпеченный хлеб: «*Покрали у меня неведомые воровские люди на поле из стану мешок холщевый с* ***хлебом*** *печеным*» [*КЗСИ: 159*]; 5) одна штука (буханка, каравай) испеченного хлеба: «*Он де Федор ему Конану на дорогу дал два* ***хлеба*** *ярушников*» [*КЗСИ: 797*].

Многозначным является и образованное от него прилагательное *хлебный*, отмечаемое в сочетании с различными существительными, ср.: *хлебный извоз, хлебный недород, хлебная потрава, хлебное жалованье, хлебные запасы, хлебный бус, хлебное вино, хлебная пахота, хлебный анбар, хлебные полки, хлебные магазины, хлебный струг, хлебная квашня, хлебная память* (документ) и др. [СПП 6: 81].

[20] Испольщик – работающий на кого-либо за половину урожая.

В Прикамье выращивали такие зерновые культуры, как рожь, пшеница, ячмень и овес: «*А как бог подаст и та нам* ***рожь*** *пожати вместе*» [*Уд: 237*]; «*Он истец ему Еремке семенного* ***хлеба ржаного****... не давал*» [*КА: 136*]; «*Пахать и сеять* ***орженой*** *и яровой* ***хлеб***» [*КА: 150*]; «*Потравили скотом насевного моего хлеба...* ***пшеницы*** *озимовой 2 четверти*» [*КЗСИ: 444*]; «*Репишо засеять* ***ячменем***» [*КМ: 37*]; «*У меня Михаила Бабинова полтора переезда* ***овса*** *съели по смете 5 овинов*» [*КЗСИ: 328*].

Климатические условия Перми Великой требовали посева наряду с яровыми озимых культур, и в деловых документах с помощью слов *озимовой*, *озимый*, *озимое*, *озимь* и *яровой*, *яровое*, *ярица* постоянно уточняется, о каких зерновых идет речь. Озимой культурой была рожь, противопоставляемая в документах остальным, яровым культурам: «*Того хлеба моей половины* ***ржи*** *20 четвертей да* ***ярового*** *хлеба ярицы ячмени и овса 16 четвертей*» [*КА*: *135*]; «*На монастырской земле монастырских семян сеять* ***озимого*** *ржи по мере а* ***ярового*** *овса и ячмени по две меры*» [*ГКЭ 17: 11261*]. Рожь называли *озимью* и *ржаной озимью*: «*Насевной* ***озими*** *и пшеницы озимовой переезда з два*» [*КЗСИ: 121*]; «*Досматривал на поле... насевной* ***ржаной озими*** *пеезда з два*» [*КЗСИ: 814*]. Однако в памятниках отмечается и *озимая, озимовая пшеница*: «*Потравили у меня... на поле насевного нежатого хлеба переезд ржи да переезд* ***пшеницы озимовой***» [*КСАУ: 201*]; «*В кладях с овин* ***ярицы*** *с овин* ***озимой*** *пшеницы*» [*КЗСИ: 121*]. *Ярица* в последнем тексте противопоставлена *озимой пшенице*. *Ярицей* называли яровую пшеницу в отличие от других яровых культур: «*В клети хлеба... ржи четверик* ***ярицы*** *полтретья четверика ячмени полтора четверика*» [*КА: 4*]; «*Ярового хлеба* ***ярицы*** *ячмени и овса 16 четвертей*» [там же]; «*На поле в кладях с овин* ***ярицы*** *с овин озимой пшеницы*» [*КЗСИ*: *121*].

Изредка пшеницу в пермских текстах характеризовали как *летнюю* или *зимовую*: «*Овина з два ячмени с овин пшеницы* ***летней***» [*КЗСИ: 121*]; «*Насевного хлеба пшеницы* ***зимовые*** *по смете четыре овина*» [*КСАУ: 204*]. Слово *зимовой* в таком употреблении (*зимовая рожь*) отмечается в других русских памятниках и в историко-лингвистическом словаре [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 391], но слово *летний* в характеристике хлеба не встретилось в других памятниках и отсутствует в этом словаре. Вместе с тем оба слова отмечаются в говорах XIX–XX вв. [СРНГ 3: 279; СРНГ 17: 18]. Это дает основание считать слова *летней* и *зимовой* в характеристике зерновых попавшими в пермские тексты из живой речи, из говоров. При редактировании документов писцы обычно заменяли их принятыми в деловом языке словами *яровой* и *озимой*.

Посев яровых называли словосочетанием *вешний сев* или словом *вешная*: «*Посеяти нам исполшиком* ***вешнего севу*** *ярового всякого хлеба 10 переездов сороковых*» [*КА*: 130]; «*Прежний муж ея Федосьицын на ево Ефремкове лошаде* ***вешную*** *сеял*» [*КА: 125*]. В пермских говорах XIX–XX вв. в таком значении отмечается слово *вёшна* [СПГ 1: 94].

Зерновые в Прикамье XVI – начала XVIII в. мололи на мельницах разного вида: «*Да тое ж деревни Сереговы* ***мельницы колотовки*** *на ручью*» [*К: 61*]; «*Сожгли у меня* ***мельницу мутовку*** *на речке Березовке*» [*КСАУ: 1009*]; «***Мельница*** *на ручью* ***мутовочная*** *мелет хлеб*» [*АПМ: 61 об.*]; «*На той речке на Толыче ему Богдану поставить* ***мельницу мутовчатую***» [*Ш 2: 164*]; «*Посадцкого человека Андрея Клестова на речке на Черной* ***мельница немецкое колесо***» [*Я: 6*].

В писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. помимо населенных пунктов отдельно отмечаются как поселения мельницы: «*Да на реке ж на Усолке 2* ***мельницы*** *колесныя а оброку с них три рубли*» [*К: 140*]. Обслуживали мельницу *мельник* и *засыпка* 'работник на мельнице, подносящий мешки с зерном и засыпающий зерно для помола': «*Двор монастырской где живет мельник и засыпка*» [*АПМ: 167*]. Слово *засыпка* дало фамилию Засыпкин и сохраняется в пермских говорах до настоящего времени: «*Мельник был и* ***засыпка. Засыпка*** *он как помощник, он примет зерно, он сосчитат*» [СРГКПО: 105].

В пермских материалах много текстов, в которых упоминаются продукты, полученные из злаковых культур (*мука, крупа, толокно, солод*) и используемые для приготовления пищи. Чаще всего упоминается *мука*: «*Унесли с той мельницы два четверика* ***муки ржаной*** *неведомо хто*» [*ЧА: 144*]; «*В мешках три осмины* ***муки пшенишной****... згорело в мешках три осмины* ***муки пшенисной***» [*КЗСИ: 1009*]; «*Четверть* ***муки овсяной****... осмина* ***муки яшной***» [*КСАУ: 698*].

В процессе работы на мельнице появлялась мучная пыль – *бус*, который собирали и использовали как муку: «*Привели в Чердынскую приказную избу... с поличным з* ***бусом*** *хлебным Офонку да Пантелейка Розепиных*» [*Ар. к. 6: 1421*]; «*Привод... с покраденным хлебным* ***бусом*** *Петрушки Игумнова*» [РСЧ 8: 44]. Это слово отмечается в диалектных словарях пермских говоров XX в.: «*В войну-то зерна мало было, так мы когда его молотили, весь* ***бус****, пыль мучную, со стенок сметали, дак потом хлеб пекли из нее*» [СПГ 1: 67]; «*Раньше хлеб-от пекли, сеяли муку – дык полным-полно на стенках* ***бусу****-то насадится*» [Акчим. сл. 1: 101]. От него образованы синоним *бусенец* и глагол *бусить* 'распространяться в виде мельчайшей пыли' [там же]. Из русских говоров Прикамья слово попало в коми-пермяцкий язык: *бус* 'мельничная пыль' [КПРС: 47].

До настоящего времени слово *бус* не найдено в русских памятниках других территории России. Оно не зафиксировано в «Словаре русского языка XI–XVII веков», а в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» отмечено только по чердынским документам [СОРЯМР 1: 310]. Оно является диалектным в настоящее время [Архипенкова 2007: 71]: в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано только в вятских, пермских и сибирских диалектах, в которых отмечаются также образованные от *бус* 'мучная пыль' синонимы *бусок* и *бусь* [СРНГ 3: 307, 308], слова *бусиха* 'мельница', *бусовик* 'сторож на мельнице, заметаю-

щий и хранящий мучную пыль' [СРНГ 3: 302, 305], словосочетания *бусовитое сито* и *бусовое сито* [СРНГ 3: 306].

Источником исследуемого слова в Прикамье были говоры Русского Севера (архангельские), в которых зафиксированы *бус, бусица, бусок* 'мучная пыль', *бусак* 'ковш для пива', *бусник* и *бусовик* 'хлебное изделие из мучных высевок или отходов от помола' или 'пирог из гороховой муки', *бусной* 'предназначенный для муки' [АОС 2: 185–187; СГРС 1: 226, 229].

В Пермском крае широко использовались ячневая (из ячменя) крупа и овсяное толокно: «*В том анбаре запечатано... полосмины* ***круп яшных***» [*КА: 262*]; «*У него Якова на Кунгуре в дому хлеба пшеницы и ржи и муки ржаной и* ***круп яшных***» [*КЗСИ: 358*]; «*Да вместо* ***круп*** *и* ***толокна*** *дватцеть две четверти ржи*» [*Ар. к. 3: 933*].

В приготовлении пищи и напитков использовался *солод*, полученный из проращенных, высушенных и размолотых семян злаков: «*Осмина муки яшной полосмины* ***солоду*** *немолотого*» [*КСАУ: 698*]; «*Полторы осмины* ***солоду*** *молотого*» [*РГАДА 829: 1001*]. В памятниках упоминаются *солодовни*, в которых проращивали семена, и процесс изготовления солода – *солодорощение*: «*Да за монастырем же* ***солодовня*** *ростят в ней хлеб на монастырский обиход на квас*» [*АПМ: 61 об.*]; «*Всяких мелких промыслов квасу сусла масла конопляного и коровья ветчинного сала* ***солодорощения***... *на откуп не давати*» [*АПМ: 158*].

В XVI – начале XVIII в. мерой сыпучих тел, в частности муки, круп, толокна, молотого солода, была *кадь* [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 13]. В пермских памятниках, когда идет речь о зерне, обычно фиксируются части этой меры – *третник, четверть, четверик, четь, осмина* или их части: «*За 307* ***четвертей*** *с* ***полуосминою*** *и за* ***полчетверика*** *и за малый* ***третник*** *круп и толокна*» [*Ш 3: 489*]; «*В том анбаре* ***четверть*** *пшеницы яровой*» [*КЗСИ: 128*]; «***Осмина*** *муки яшной*» [*КСАУ: 698*]; «*3* ***осмины*** *овса* ***полосмины*** *пшеницы* ***полосмины*** *круп ячных*» [*КА: 252*]; «***Полполполчетверик*** *муки ржаной*» [*Ш 2: 441*].

Но на севере Пермского края в середине XVII в. для измерения муки и круп использовали такую меру сыпучих тел, как *позмог*: «*Пшеницы же семенной 6* ***позмог*** *да на нем же Пимене взяти муки* ***позмог*** *пшеничные*» [*Уд: 237*]; «*Ржи три* ***позмоги*** *да хмелю полбезмена да ячменю* ***позмог***» [*Уд*: *238*]. Все случаи употребления этого слова записаны от жителей чердынского погоста Цыдвы.

В этом же значении слово отмечается лишь в одном из северных русских актов: «*Собрали крупы и толокна... обоего пополам, в вес в государев железной* ***позмог***... *Всякая четь мука и крупы и толокна в вес в государев железной* ***позмог*** *в пять пуд* [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 118].

Вместе с тем в пермских текстах 1623 г. оно встречается и в совершенно ином значении – как географический термин или топоним: «*Пожня на усть речки Усолки, а межа от Усолки-речки, от Лиханкины пожни, с нижную сторону от* ***Позмога*** *да с нижную ж сторону от Панкратовские*

пожни». Попытки установить этимологию слова *позмог*, найти однокоренные слова в каких-либо источниках привели пока только к обнаружению в коми-зырянском (удорском) говоре глагола *позмӧгасьсьыны* 'застрять, задержаться где-либо' [ССКЗД: 290]. Эта семантика глагола дает возможность рассматривать как связанные два разных значения слова *позмог* в пермских текстах: 1) емкость, в которой остается (застревает) при измерении часть сыпучих тел; определенное количество, мера сыпучих тел; 2) то, в чем застревает (утопает, увязает) кто-либо, т. е. топкое место. Их связывает общая сема 'застревать'. По-видимому, слово *позмог* коми происхождения.

Обычно заимствованные русскими в XVI–XVII вв. коми слова отмечаются в настоящее время и в коми-пермяцких, и в коми-зырянских говорах: *шором*[21], *шутем* и др. Слово *позмог*, судя по источникам исследования, либо попало к русским из коми-зырянского языка, либо существовало в прошлом и в коми-пермяцких, однако со временем исчезло.

В пермских памятниках XVII – начала XVIII в. представлены названия пищи, приготовленной из продуктов, полученных из зерновых. Хлеб округлой формы называли *колачем*: «*Паворозы* [ленты] *ему дала выняв из пристена татарка девка Кулпика и говорила она ему чтоб он шел и заложил на* ***колачех***... *принес к ней паворозы шелковые и дал ей в закладе в копеешном* ***колаче***» [*КА: 10*].

Другое название такого хлеба – *челпан*: «*Взял два* ***челпана*** *хлеба*» [*КСАУ*: *566*]; «*Несла* ***челпан*** *хлеба*» [*КСАУ: 708*]. Это слово было распространено на широкой территории в Пермском крае и сохранилось в современных русских говорах: «***Челпаны*** *на руках помесишь, потреплешь и на доску... Оне все из оржаной муки*» [СПГ 2: 524]; «*Раньше* ***челпаны*** *из пшенисной муки пекли, счас хоть из какой... К жениху-то невесту везут, ей дают от жениха-то родители хлеб-****челпан***» [СРГКПО: 258]. Слово заимствовано из коми-пермяцкого языка (*човпан* 'каравай' [КПРС: 540]), отмечается в коми-зырянских говорах (*чӧвпан*, *чӧлпан* 'каравай, коврига' [ССКЗД: 417]) и, возможно, восходит к прапермскому языку [КЭСКЯ: 310].

Существовали и другие названия печеных или жареных хлебных изделий. К сожалению, они не попали в тексты как слова нарицательные, но об употреблении их свидетельствует ономастика. В XVI–XVII вв. появлялись прозвища людей метафорического характера, возникшие в результате сравнения человека с каким-либо предметом. Многие из них легли в основу формирующихся в этот период семейных именований – фамилий. В основе пермских фамилий оказалось немало «хлебных» именований, либо данных полным людям, либо образованных в каких-то особых ситуациях, связанных с хлебными изделиями. Ср. зафиксированные в пермских памятниках фамилии Алябышев, Блинов, Житнухин, Житнушкин, Капустников, Каты-

---

[21] Шором – скирда, кладь хлеба.

шев, Ковригин, Короваев, Козулин, Колобов, Кулебакин, Левашов, Лепехин, Лепешкин, Мякишев, Мяконькин, Мякотников, Оладнев, Пирогов, Пирожков, Пресняков, Прянишников, Пшенишников, Пыжов, Репников, Ситников, Соковнин, Сыромолотных, Шаньгин, Ягодников [СПФ].

Апеллятивы, ставшие основой этих фамилий, употребляются в пермских говорах до настоящего времени. Часть их называла печеный, обычно круглый хлеб разной величины, ср.: *алябыш* – «***Алябыши*** *из солоду замешаны в печи испекены... Я тебе привезла два* ***алябышка*** *на квас*» [СПГ 1: 10]; *катыш* 'колобок' [СРНГ 13: 137]; *коврига* – «*Ныне ведь* ***ковригами*** *хлеб-от продают, в магазинах-то, и стряпать не надо бабам*» [СПГ 1: 399]; *коровай* 'каравай'; *мякиш* 'булка' [СРНГ 19: 78]; *мяконьки* 'хлеб из мелко смолотой муки' – «*Стала* ***мяконьки*** *катать, по сусекам собирать*» [СПГ 1: 534]; *мякотник* 'хлеб из ржаной или овсяной муки' [СРНГ 19: 80]; *пресняк* 'печеное изделие из пресного теста' [СРНГ 31: 93]; *пшеничник* – «*На праздник* ***пшеничники*** *пекли. Пшеница-то белая, а белый хлеб только ко празднику пекли*» [СПГ 2: 250]; *ситник* 'хлеб из просеянной ячменной муки' [СРНГ 37: 354]. Из теста и пекли, и жарили *блины*, *оладьи*, *лепешки*. Готовили к праздникам *пряники* и *козули*, *козулечки* 'рождественское печенье в виде фигурок животных' – «***Козулечки*** *настряпают – и рога, и хвостик, и ножки выстряпают*» [СПГ 1: 401].

Пекли пироги и пирожки с разной начинкой, ср.: *пирог*, *лепеха* 'пирог' [СРНГ 16: 362]. Название пирога зависело от названия его начинки, ср.: *капустник* 'пирог с капустой' – «*Я люблю* ***капустники****, стряпаем их частенько. Свежую капусту изрубишь, кипятком заваришь, отожмешь горесть-ту, сметанки добавишь; тесто изладишь*» [СПГ 1: 377]; *репник* (*рипник*) 'пирог с репой' – «*Поешь тироги-****рипники****. Правда масло замерзло на них уже*» [СПГ 2: 289]; *соковой пирог* 'пирог, испеченный из теста, замешанного на «соке» – осадках перетопленного сливочного масла' – «***Соковые*** *пироги хорошие, вкусные*» [Акчим. сл. 5: 113], *соковина* 'пирог с конопляным семенем' – *Вкусная* ***соковина*** *ноне вышла* [СРГСУ 6: 38].

Неудачный пирог или другое мучное изделие называли *кулебакой*: «***Кулебака*** *– которой не удастся хлеб-от. Пирог сёдни у меня кулебака вышел*» [СПГ 1: 449]. Такой хлеб получался иногда из *сыромолотой* (сыромолотной) муки, т. е. полученной без предварительной сушки зерна в овине – «*Сейчас почему хлеб плохой? Потому что мука-то* ***сыромолотная***» [СПГ 2: 430].

Пекли *пыжи* – пирожки из смеси различной муки [СРНГ 33: 187], пирожки с ягодами – *леваши*, *левашки* [СРНГ 16: 306], шаньги с кашей, ягодами, творогом: *житнуха* 'ватрушка из ячменной муки' [СРНГ 9: 192]; *шаньга* 'печеное изделие в виде ватрушки или лепешки': «*Налевка для шанег быват... из каши, из заспы*» [СПГ 2: 541]; *ягодник* 'шаньга ягодная': «***Ягодник*** *стряпали, ростреплешь тесто на жаровнике, польешь ягодами, вареньем. То же самое звали шаньга ягодная*» [СПГ 2: 570].

В пермских памятниках упоминаются некоторые предметы, используемые при подготовке теста и изделий из него: *сельница* 'деревянный лоток, на который сеют муку и на котором раскатывают тесто', *сито, квашня, решето*: «*Посуды две кади* ***сельница сито квашня***» [*КЗСИ: 358*]; *блинная сковорода*: «*В онбаре ... топор дроворубный* ***сковорода блинная***» [*КЗСИ: 123*].

Фамилии XVI–XVIII вв. (*Колобов*, *Опарин*, *Пирожников*, *Сподобин*) в результате их сопоставления с данными диалектов XIX–XX вв. дают возможность реконструировать названия предметов и продуктов для подготовки хлебных изделий и дополнить список лексики XVI–XVIII вв.: *опара* 'закваска для теста': «*У нас на огороде все как на* ***опаре*** *киснет – добрая земля*» [СПГ 2: 43]; *колоб* 'ком, скатанный из теста' [СРГСУ 2: 38]; *пирожник* 'скалка для раскатывания теста': «*Раскатывают тесто* ***пирожником***. ***Пирожник*** *делается из дерева, ручки маленьки, тонкие, чтобы держатся было ладом, а в середине толстый, чтоб раскатывать можно*» [Акчим. сл. 4: 45]; *сподоба* 'сдоба, молоко, масло, яйца и т. п., добавляемые в тесто для вкуса' [СРГСУ-Д: 515].

Фамилии Лапшин и Пельменев [СПФ: 210, 286] свидетельствуют об употреблении пищи из вареного теста (*лапша*, *пельмень*). Заимствование из коми-пермяцкого языка *пельмень*, образованное из слов *пель* 'ухо' и *нянь* 'хлеб' («хлеб в виде уха»), подверглось при вхождении в русские говоры Прикамья фонетическим изменениям. В части *нянь* Н > М, а гласный А после мягкого согласного под ударением перед мягким согласным перешел в Е, как в русских диалектных словах *грезь* (из *грязь*), *опеть* (из *опять*). Однако в XVII–XVIII вв. процесс адаптации слова *пельнянь*, видимо, еще не завершился: в пермской ономастике отмечается и фамилия Пельленев [СПФ: 286]. Слово *пельмень* еще не утвердилось в русском языке, его не отмечает «Словарь русского языка XI–XVII вв.». Не исключено, что пермская (кунгурская) фамилия Пельменев, записанная в 1686 г. («*Житель города Кунгура Федотко* ***Пельменев***» [*КА: 117*]), является самой ранней фиксацией основы слова *пельмень* в русской письменности.

Пельмени с древности были распространены в Прикамье, они были удобной пищей для охотников, зимой уходивших на промысел надолго и далеко. Можно было быстро растопить на костре снег в котелке (*котлике*: «***Котлик*** *медной ветхой красной меди*» [*КЗСИ: 814*]) и сварить пельмени, которые были сытной пищей из хлеба и мяса одновременно.

Однако, судя по исследованиям материалов XIX–XX вв. [Чагин 1991: 77] и современному приготовлению пельменей в Прикамье, их делали не только с мясом, но и с рыбой, капустой, редькой, репой, грибами, творогом. Видимо, так было и в XVI–XVIII вв.

Крупы (в памятниках, преимущественно ячневая) использовались для приготовления каш. Однако словом *каша* называли не только пищу, сваренную из крупы, но и продукты питания в целом (преимущественно крупы и муку): «*Где ему старцу жить построить келью и* ***кашу*** *и одежду и*

питие давать ему им земским старостам с мирскими людьми» [*Ш* 5_1: *222*].

В памятниках отмечается слово *кашевар* 'повар' («*До Перми генваря с числа найму три рубля дватцать алтын с денгою послом по четыре денги человеку **кашеваром** их по три денги человеку на день*» [*Ар. к. 2: 708*]) и фамилии Кашев, Кашин, Кашкин, Кашеваров [СПФ: 160], Густокашин [СПФ: 108] и прозвище Мерзлая Каша: «*Крестьянин деревни За Осиновым Федька Иванов сын **Мерзлые Каши***» [*Е*: *123*].

Фамилия Саламатов [СПП: 314] свидетельствует об употреблении каши из муки, ср.: *саламата* 'жидкий кисель, мучная каша, болтушка': «*Пойдука **саламату** заварю*» [СПГ 2: 314]. Фамилия Сальников [СПФ: 333] могла быть образована из многозначного слова *сальник*, одно из значений которого ('овсяная каша с маслом или с салом') отмечено в архангельских и вологодских говорах [СРНГ 36: 68], с которыми связана русская речь Перми Великой.

С мукой или крупой могли варить жидкое кушанье (род супа): *року* (ср. пермскую фамилию Рокин) 'похлебку с крупой' или 'похлебку из ржаной муки с рыбой' [СРНГ 35: 3], *репню* (ср. Репнин) 'похлебку из рубленой репы с крупой или мукой' [СРНГ 35: 72], *бебеню* (ср. Бебенин) 'жидкое кушанье из солода' [СРНГ 2: 168]. Эти названия не зафиксированы в современных пермских говорах, но они отмечаются в других севернорусских источниках.

Распространенным кушаньем была *тюря* (ср. пермскую фамилиюТюрин [СПФ: 388]) 'хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью; хлебная окрошка на квасу, ино с луком' [Даль 4: 451].

Возникшие в Прикамье фамилии Кулагин и Сырчиков [СПФ: 202, 368] говорят о приготовлении в XVI–XVIII вв. изделий из муки или крупы с яйцами, сметаной и другими продуктами, ср. в современных пермских говорах: *кулага* 'тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами)': «***Кулага** – это замешают просяной солод, не шибко густо; иногда клюкву бросят*» [СПГ 1: 448]; *сырчик* 'мучное изделие в виде шариков из творога, яиц, сметаны' [СРГКПО: 235]. Однако слово *сырчик* называло в коми говорах птицу трясогузку и могло попасть в пермскую антропонимию в этом значении.

Лексика и ономастика памятников донесли до нас только часть названий различной пищи из муки и крупы, но и эта часть свидетельствует о широком употреблении злаковых культур. Они играли существенную роль и в приготовлении напитков (*кваса*, *гущи*, *браги*, *пива*, *вина*).

Большое место в питании жителей Пермского края XVI–XVIII вв. занимали огородные культуры. В исследуемый период еще не был известен картофель, главными овощами, судя по лексике, были капуста и репа. В документах обычно отмечаются *огороды* (чаще *огородцы*) – *капустники* и *конопляники*: «*Два огорода один огород **конопленик** а другой **капусник***» [*КМ: 1*]; «*У того двора с подгорья огородец **капусник***» [*КМ: 15*]; «*Подпи-*

сал яз Прокопей ему Григорью на Цыдве погосте огородец ***коноплянию***» [*Уд*: *244*].

Конопля была важна в хозяйстве, так как давала волокна для грубого холста («*Два конца холсту* ***конопляного*** *мерою 28 аршин*» [*КЗСИ: 786*]), а также конопляное семя и конопляное масло, используемые в пище: «*Купити масла коровьяго и* ***конопляного***» [*Ш 2: 285*].

Большие площади – *репища* были засеяны репой: «*Да мне ж Семену досталось* ***репище*** *под двором в межах с сиверу и з западу круг того* ***репища*** *гсдрвы улицы*» [*ЧМ 2561: 37*]. Репы выращивали много: «*Искал судом я сирота ваш на нем Сеньке за потравленной свой хлеб и за* ***репу*** *пяти рублев 28 алтын*» [*КА: 65*].

Апеллятивы *капуста* и *репа* становились прозвищами, давшими пермские фамилии Капустин, Капустников, Репин, Репнин, Репнинов, Репняков [СПФ: 156, 320, 321]. Словом *капустник* называли не только огород под капустой, но и пирог с капустой (см. выше). Отмечаются в документах Прикамья слово *редька* («*И в том огородце сеяна общая* ***ретка***» [ПКМ: 127]) и фамилии Редькин, Редькиных [СПФ: 321], а также фамилия Кушманов из коми-пермяцкого названия редьки *кушман* [КПРС: 207]. Видимо, выращивали в Прикамье и брюкву, которая, судя по фамилиям Калюшев, Колегин, Ланкин [СПФ: 155, 173], могла иметь несколько названий: *калюша*, *ланка* и *колега* (или *калега*, как в настоящее время). Ср.: в пермских говорах XIX–XX вв. *колега* [СРНГ 14: 122], в других русских диалектах: *калюшка* [СРНГ 13:10], *ланка* [СРНГ 16: 255]. Пермские фамилии Печеницын и Печенкин [СПФ: 292, 293] образованы от прозвищ из слов *печеница* и *печенка*, которыми называли печеные репу и брюкву [СРНГ 26: 347, 349]. До настоящего времени сохранилось в говорах Прикамья название *паренки* 'пареные в печи репа, брюква, морковь' (ср. фамилию XVII в. Паренкин [СПФ: 282]): «***Парёнки*** *есть всякие. Репу на* ***парёнки*** *сушили: соломы в печку настелют, на солому репы накладут, вместе с корой, и печку замажут, с утра до утра*» [СПГ 2: 75].

В прошлом широко употреблялся в пищу горох: «*Будучи де на Мяхком поле созвал де он Савка ево Сидорку* ***горох*** *молотить*» [*КЗСИ: 121*].

В пермских документах зафиксированы прозвища Огурец и Чеснок, свидетельствующие о выращивании соответствующих растений: «*Житель Усолья Камского Фед(ь)ка* ***Огурец***» [*КС*: *156 об.*], «*Крестьянин починка На Горе на реке Чусовой Федька Андронов сын* ***Чеснок***» [*Е: 134*].

Однако не все названия огородных растений попали в исследованные пермские памятники или в прозвища и фамилии. Так, не упоминаются морковь и лук, хотя сопоставление пермских материалов с другими источниками свидетельствует об их употреблении в прошлом.

В Пермском крае всегда подспорьем в питании были грибы и ягоды, названия которых, к сожалению, не представлены в пермских памятниках как апеллятивы, но отмечаются как основа прозвищ и фамилий. Так, об использовании грибов могут свидетельствовать пермские фамилии XVI–

XVIII вв. Грибов, Боровиков, Быков, Вогненкин, Еловиков, Кульбиков, Масленников, Матрехин, Пыжев, Синевин, Синягин [СПФ]. Приведем результаты сопоставления их с данными диалектных словарей, позволяющих установить, от названий каких грибов образованы антропонимы. Часть названий грибов существует в современных пермских говорах и приводится в словарях.

Бык 'гриб валуй': «***Быки**, оне всех первее растут из соленых-то грибов; оне горькие, их мочить надо; мало скрасна, кругленькие, низенькие*» [СПГ 1: 71].

Еловик – в одних местах (Чердынский район) так называют белый гриб: «*У нас белые-то грибы **еловиками** зовут*» [СПГ 1: 247]. В других (Соликамский район) – гриб рыжик: «***Еловик** есть, рыжик, токо жарим его; он растет около ёлочек, около маленьких. Одне рыжики боровые, а другие рыжики – **еловики**: **еловики** не мочат, токо заваривают*» [там же].

Кульбик 'гриб валуй': «*У нас боле быками зовут эти грибы, а которы опять говорят **кульбики**... В прошло лето совсем ни одного гриба не принесла, только **кульбиков** насолила*» [СПГ 1: 450].

Масленник 'гриб масленок': «*Идти по-за полю, немного в стороне **масленники** и растут... **Масленник** – тожё сухопутной гриб, его сушат; он жёлтенькой ли чё ли, оболочка у его верхняя снимается, она слизкая*» [СПГ 1: 507].

Другие слова, реконструируемые по фамилиям, хотя и не попали в пермские источники XVI–XVIII вв. как апеллятивы, также, могли называть в прошлом виды грибов в Прикамье, так как отмечаются в севернорусских говорах.

Боровик 'гриб подосиновик' или 'гриб рыжик': «*У **боровика** головушка красная, растёт под осиной*; *Рыжики, которы на борах растут, **боровики***» [СГРС 1: 154].

Пыж 'гриб дождевик' [СРНГ 33: 187].

Матрехи 'вид грибов'; *матрешка* 'гриб свинушка тонкая': «*А **матрешки**, они широки и они черны. Я новеньку **матрешку** сорвала, белу, ядрену*» [СРНГ 18: 36].

Иногда диалектные названия грибов близки основам пермских фамилий (Вогненкин, Синевин [СПФ: 82, 347]).

Вогненец 'гриб волнушка': «*Раньше **вогненцы** белые были, щас ничего не стало*» [СГРС 2: 135].

Синявка 'гриб сыроежка': «*Из **синявок** губницу варят. Синявки и солить можно*» [СРНГ 37: 341].

Однако можно лишь предполагать, что фамилии Пыжев, Матрехин, Вогненкин, Синевин образованы от прозвищ из названий грибов. Слова, давшие фамилии, могли иметь в пермских говорах и другие значения.

Названия ягод тоже не попадали в тексты деловых памятников как апеллятивы, но отмечаются в Прикамье XVI–XVIII вв. как основы прозвищ (Берсень, Малина) и фамилий (Жаравихин, Морошкин, Смородинин, Чер-

ницын). Ср.: *берсень* 'крыжовник': «*Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко **Берсень***» [*Я*: *34 об.*]; *малина*: «*Крестьянин дервни Советная Петр прозванием **Малина***» [*КЗСИ*: *1031*]; *жаравиха* 'клюква': «*Крестьянин деревни Усть-Уролка Иван Пантелеев сын **Жаравихин***» [*Ч*: *65*]; *морошка*: «*Чердынец Ивашко **Морошкин***» [*РСЧ 4*: *89*]; *смородина*: «*На мельнице на речке Пыскорке помольщик Сенька **Смородинин***» [*Е 1*: *12 об.*]; *черница* 'черника': «*Беспашенный крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Анисимко **Черницын***» [*Я*: *22.*].

Использовались также плоды черемухи и шиповника, ср.: *Черемхин* от *черемха* 'черемуха' – «*Чердынец Тереха **Черемхин***» [*Я*: *13 об.*]; *Шипицин* от *шипица* 'шиповник' – «*Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Петрушка Петров сын **Шипицын***» [*КЧ*: *104*].

Ягоды употребляли в свежем виде, в виде *наченки* 'начинки' или *налевки* 'заливки' в печеных изделиях и заготовляли впрок, о чем может свидетельствовать слово *леваш* (ср. фамилию Левашов [*К*: *193*]. В севернорусских говорах *леваш* – 'род смоквы или сухого варенья, приготовляемого из протертых ягод (редко с добавлением сахара или меда), высушенных на специальных досках (на солнце или в печи) в виде тонкого листа' [СРНГ 16: 306].

Использовали и орехи, ср. прозвище Орех: «*Игнашко Семенов сын **Орех** с сыном Савкою*» [*К*: *141*]. Это могли быть кедровые орехи, кедры росли в Верхнем Прикамье: «*Веретея от Сергиева камени и от **кедра** вниз по Каме*» [*Ш 2*: *304*].

В пермских памятниках нет специальных текстов, посвященных описанию питания в крае. Однако изучение многочисленных фрагментов деловых актов разных жанров способствовало выявлению названий употреблявшихся в Прикамье продуктов питания и видов приготовленной из них пищи. Рассмотрение лексики в контекстах памятников и в сопоставлении с материалами историко-лингвистических и диалектных словарей позволило установить семантику выявленных слов и представить тематическую группу лексики «Питание: пища из продуктов растительного происхождения», а также характеризуемую ею область быта русских жителей Пермского края. Анализ языкового материала показывает, что питание в XVI – начале XVIII в. было основано на продуктах, полученных из растений, выращенных в Прикамье.

Сопоставление полученных материалов XVI – начала XVIII в. с описанием этнографами данных второй половины XVIII–XX в. свидетельствует о последовательном развитии быта русских в Прикамье, о сохранении многих навыков, традиций в питании на протяжении ряда столетий, о связях Прикамья и Русского Севера в этой области быта. Это актуально как для этнографии, так и для истории языка, т. е. для описания отражения культуры и истории в лексике и ономастике Пермского края.

Вместе с тем исследование языка памятников письменности в этнографическом аспекте дает возможность охарактеризовать некоторые особен-

ности лексики тематической группы «Питание» и связанной с нею ономастики. Так, названия злаковых культур представлено общерусскими словами; в то же время среди названий приготовленной пищи достаточно много диалектизмов (*алябыш*, *мякиш*, *рипник* и др.), реконструированных по данным ономастики. Диалектная лексика Прикамья XVI–XVIII вв. совпадает с данными других севернорусских говоров, кроме того, содержит заимствования из коми-пермяцкого языка (*кушман*, *пельмень*, *челпан*), что свидетельствует о тесных бытовых связях народов Пермского края.

В следующей статье будут рассмотрены лексика и ономастика пермских памятников, отражающие мясной, молочный и рыбный стол жителей Пермского края, и представлены общие выводы о культуре питания в Прикамье XVI–XVIII вв.

3.5. ПЕРВЫЕ ДОМА НА ЕГОШИХЕ (по данным лексики памятников XVII века)[22]

Город Пермь ведет свое начало от поселка Егошихинского медеплавильного завода, возникшего в 1723 г. на левом берегу реки Егошихи – левого притока Камы. Однако русское поселение на Егошихе существовало задолго до этого. Первое упоминание о реке и поселении на ней находим в переписной книге по вотчинам Строгановых 1647 г.: «*Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем двор Власко Федотов сын Карнаухов*» [*Е: 102*] и «*Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем крестьян: двор Сергейко Павлов сын Брюханов, у него дети: Климко да Ивашко*» [*Е: 124*]. Обитатели починка были выходцами из Верхних Муллов, о чем свидетельствуют зафиксированный в писцовой книге 1623 г. антропоним проживавшего там отца Брюханова – «*пищальник Павлик Кузмин сын Брюхан*» [*К: 121*] и отмеченные в 1647 г. именования старших братьев Карнаухова «*Елисейко Федотов сын Карнаухов, Сенька Федотов сын Карнаухов, Ивашко Федотов сын Карнаухов и Никитка Федотов сын Карнаухов*» [*Е: 99*]). Починок «*на реке Каме и на речке Егошихе*» с таким же названием, как в 1647 г., записан в переписной книге Бельского 1678 г. [*Б: 208 об.*]. Тогда в нем было уже 7 дворов, 4 из которых принадлежали Брюхановым: «*Демка да Яранка Ивановы дети Брюхановы... Ларька Дементьев сын Брюханов... Ивашко Сергиев сын Брюханов*». Современные жители Перми – Карнауховы и Брюхановы [*Список 1980: 247, 78, 79*], возможно, ведут свой род от Власки Карнаухова и Сергейки Брюханова.

Вместе с тем топоним Егошиха возник гораздо раньше и называл не только реку, но и угодья на ее берегах по имени хозяйствовавшего здесь

[22] *Полякова Е. Н.* Первые дома на Егошихе (по данным лексики пермских памятников XVII века) // Пермский дом в истории и культуре края: материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина. Пермь, 2008. С. 29–34.

человека. Предположительно, им мог быть либо Дмитрий Егоша' (с ударением на последнем слоге) в первой четверти XVII в., либо его отец Егоша' в конце XVI – начале XVII в. Слово Егоша' – это некалендарное имя или прозвище, образованное от нарицательного существительного *егоша'* – диалектизма со значением ‘егоза’. В русском языке на протяжении веков употреблялись параллельно глагол *егози'ть* ‘не сидеть спокойно на месте; вертеться, суетиться’, существительное *егоза'* и абсолютные синонимы к ним *егоши'ть* и *егоша'* [СРНГ 8: 318].

Дмитрий Егоша был связан с территорией, которую в XVII в. называли «*Муллами*» и центром которой было «*Сельцо Никольское на реке на Каме и на речке на Муловке, а в нем церковь деревяна клецки во имя Николы Чудотворца*» [*К: 119*] или *Верхние Муллы*. Сын Дмитрия Егоши «*Васька Дмитриев сын Егоша*» в 1623 г. проживал в Нижних Муллах [*К: 122*], а внук «*Бориско Васильев сын Егошин*» – в Верхних Муллах [*Е: 100*].

Муллы (общее название бассейна Верхней Мулянки и Нижней Мулянки – левых притоков Камы) заселялись в основном выходцами с Русского Севера и из Перми Великой – Чердынской земли (ныне Гайнский, Чердынский, Косинский, Соликамский, Красновишерский районы Пермского края), о чем свидетельствуют именования жителей в переписных документах: *Вологжанин, Двинянин, Мезенец, Пеняженин, Устюжанин; из Кульчуга, из Анбора, из Гаен, из Губдора, из Сумыча, из Уролки, с Верх-Уролки* и др. [*Е: 119–122*]. Они принесли на Муллы не только свой говор, но и свою духовную и материальную культуру, свое умение строить жилища и хозяйственные дворы.

Мы не знаем точно, в каких домах жили обитатели починка на Егошихе в 1647 г. С тех пор прошло более трех с половиной столетий, и нигде в Пермском крае не сохранились крестьянские дома XVII в. Однако письменные памятники того времени донесли до нас сведения о жилищах в Перми Великой. Зная о сохранении традиций переселенцами оттуда на Муллы и опираясь на имеющуюся в памятниках лексику, мы можем представить дома XVII в., построенные на Егошихе.

До появления починка Егошиху могли использовать как место охоты, рыбной ловли и заготовки сена. В такой ситуации для временного пребывания строили обычно небольшие избушки: «*Приехали де на большой дороге в ызбушку*», «*Избушка плотбищная*» [СПП 2: 119]. Однако в 1647 г. (вероятно, гораздо раньше, но после переписи 1623 г.) на Егошихе уже существовали дворы с постоянными домами. Что же они могли собой представлять?

Слова *дом* и *домишко* в Прикамье XVII в. употреблялись как общее название жилища при уточнении вида постройки: «*Нашел он Иван в дому в ызбе в голбце... рухлядь*», «*Воровские люди в домишке в нашем в избе оставили 4 шапки своих*» [СПП 2: 37]. Называли *домом* также членов одной семьи и домочадцев: «*Мясо де ел краденое со всем своим домом*» [там же]. Кроме того, слово *дом* входило в состав словосочетаний, обозначавших уч-

реждения, общественные заведения: *воеводский дом, архиерейский дом, убогий дом*. Названием же постройки для жилья, независимо от ее величины, обычно было слово *изба*. В избах и жили Карнауховы и Брюхановы на Егошихе.

Избы в XVII в. строили по-разному. Существовали избы *поземые* (*наземные*) и *на змостье* (*взмостье*): «*Во дворе хоромов изба поземая а против избы сенцы и з банею*» [СПП 2: 117], «*Во дворе хоромов изба на змостье да сенник на подклете*» [СПП 2: 112], «*Во дворе хоромов изба на взмостье другая изба наземная*» [СПП 1:81]. *Изба на взмостье* (а также *клеть* – 'холодная срубная постройка, используемая для хранения продуктов или имущества) в отличие от *поземой* имела фундамент в виде врытых в землю столбов, на которые ставился сруб (*струб*) из бревен или плах: «*Перед избой на клетных струбах начевал подворник ево*», «*Избные плашинные сосновые ветхие струбы*» [СПП 5: 182]. Избы и клети в Прикамье чаще были *облыми*, т. е. построенными из бревен *в обло*: «*Переписал... двор ево избу сосновую облую*», «*Дворового строенья изба елева облая и сенцы перед избою клеть елева ж облая*» [СПП 3: 135]. Но строили избы и из плах, т. е. из половин расколотых вдоль бревен: «*Изба плашинная сосновая*» [СПП 4: 44].

В переписных документах *двором* называется облагаемая податью административная единица, но обычно она соответствовала реально существовавшему двору – *хоромам* (*строенью*), включавшим жилую избу и хозяйственные постройки. Первые дворы и дома на Егошихе строили, по-видимому, самым простым способом (*избы поземые облые*), так как в починке было мало мужчин и он находился довольно далеко от Муллов. Вряд ли оттуда могло приходить много помощников для строительства изб и дворов, но плотники, видимо, прибывали, если сами жители починка на Егошихе не владели плотничьим ремеслом и орудиями: «*Пократчи из дома моего плотнишную снасть топоры и долота и напарьи*» [СПП 4:46].

В срубе настилался пол («*Дементей ис той посуды остаток вина вылил на пол*» [СПП 4: 91], под которым находилось подполье – *голбец*, используемый для хранения продуктов и сохранения в тайне вещей: «*Евдокейка стала отпирати голбецъ*» [СПП 3: 194], «*И полез де он пономарь в голбец один... и вынес де ис того голбца холста*» [СПП 1: 143]. Между потолком и кровлей находилась *поветь* (чердак): «*Ларка Костарев покрал у меня из двора с повети шубу овчинную*» [СПП 4: 52].

В избе прорезались проемы для двери, которая крепко запиралась на ночь («*Изба была заперта на круке ис нутрену сторону было круком и замком сничным заперто*» [СПП 5:125]), и окон, причем основные окна находились в *спередизбье*, т. е. на стороне дома, выходившей на улицу: «*Евдокейка ко мне сироте полезла окном передным из спередизбья*» [СПП 4: 93]. Кроме того, прорезали заднее окно («*Евдокейка бросилася утти в окошко въ задное*» [СПП 4: 157]), которое могло служить и волоковым окном для выхода дыма из избы, топящейся по-черному, т. е. не имеющей

печной трубы. Однако чаще делалось специальное окно, которое в Прикамье называли либо *дымным* («*Козма ушел из-за караулу дымным окном*» [СПП 2: 52]) либо *верхним*, что свидетельствует о его расположении: «*Судницын у них ушел из избы верхним окном*» [СПП 6: 52]. Делались узкие окна и в подполье, и в клети: «*У них де в голбце окна большие*» [СПП 1: 142]. Все окна закрывались досками: «*Окно де у избы... отбили*» [СПП 3: 155], «*Подмостили де ко клетному ево окну и оконную доску резали ножом*» [СПП 3: 157]. Оконницы в избе затягивались высушенным пузырем животных (для пропуска света) [СлРЯ XI–XVII вв. 21: 43], но в непогоду и на ночь от дикого зверя и лихого человека закрывались досками (ставнями). Так что в XVII в. вряд ли можно было увидеть в темное время суток на Егошихе «старинных окон негасимый свет». Внутри изба обычно освещалась горящей лучиной («*Семен... огнем де зажетчи лучину*» [СПП 3: 41]).

К избе пристраивали *сени* или *сенцы*, через которые входили в избу: «*Во дворе хоромов изба поземая а против избы сенцы*» [СПП 2: 117]. На протяжении веков в Прикамье бытовали 3 слова, называвших это сооружение: *сени*, *сенцы* и *мост*. Дело в том, что почти у каждого домохозяина существовала *клеть* для хранения имущества и запасов. Ходить из избы в клеть в сырое и холодное время (по грязи или снегу) было неудобно, поэтому между ними строился переход (*мост*): «*Мужа в доме своем на мосту сонного обухом убила*» [СПП 3: 68]. Этот переход обшивали досками или брусом («*Изба облая слева против избы на погребу клеть о два жира и с сенцы брусчатые*» [СПП 1: 57]), и он превращался в *сени*: «*Нестера в сенях своих убила обухом до смерти и покинули де в сенцах своих под мост*» [там же].

К сеням больших изб пристраивалось крыльцо: «*Столкнул де ево... с крыльца... из дому Ивана Кручинина*» [СПП 3: 21]. Но к небольшим избам делался только *порог*: «*В обедное время седя на ... пороге драл лыка с лутошек*» [СПП 4: 120].

Внутри избы сооружались *полати* («*Он... в дому упал с полатей и умре скоропостижною смертию*» [СПП 4:92]) и *печь* обычно без трубы, т. е. избы топились преимущественно по-черному, а дым выходил через дымное или верхнее окно. Сооружалась печь на каменной основе, стоящей на земле. Летом для приготовления пищи использовали печь, поставленную за пределами двора: «*Для хлебного печенья делали б печи от хором далече*» [СПП 4: 34]. За пределами двора находилась и *баня*.

В деревнях и починках существовало натуральное хозяйство, для ведения которого нужен скот. Поэтому в крестьянском дворе сооружались постройки для содержания скота: *стая* («*Запер лошадь свою в стаю...на обыск давался в мыльне и в скоцкой стае обыскивать*» [СПП 5: 166]), *хлев* («*Сенница большая и с хлевом*» [СПП 6: 81]). Для хранения сена использовались *сенник*, *сенница* или *поветь*, находящиеся над разными постройками: «*Во дворе хоромов изба на змостье да сенник на подклете*», «*Подле избу сарай на стае да сенница на хлеве*» [СПП 5: 89]. Сено с земли наверх в

сенник поднимали прямо на волокушах по специально построенному въезду – *мосту*: «*Сенник с подклетью да два сарая с мосты и з столбами*» [СПП 3: 68]. Портящиеся продукты хранили в *погребе*: «*Клеть на погребе*», «*Анбар над погребом*» [СПП 4: 57].

В крестьянской усадьбе очень важным местом был двор, в нем велись различные домашние и хозяйственные работы, играли дети. Он охранялся от посторонних людей, от диких зверей (медведей, волков, лис). Часть двора была огорожена избой и примыкавшими к ней хозяйственными постройками, открытую же часть защищали *заплотом* – оградой из вертикально поставленных бревен: «*Изба с клетью и з заплоты елевые*», «*От их же дворового заплоту*» [СПП 2: 92]. Въезжали во двор через ворота: «*У двора моего ворота растворили... и скот из двора выпустили*» [СПП 1: 104].

Кровля (слово *крыша* в XVII в. не употреблялось) возводилась либо над каждой постройкой, либо целиком над всем двором – избой и хозяйственными сооружениями вместе: «*Посторонь избы... половина сарая и с поветьми и с хлевами и с кровлею*» [СПП 3: 18].

Вероятно, начинался каждый двор в починке на Егошихе с построек, которые можно было возвести относительно быстро и малыми силами: изба поземая, клеть, необходимые сооружения для скота и хранения сена и инвентаря. Но в Прикамье в XVII – начале XVIII в. строили и большие избы (и клети): изба с горницей на подклете («*Хором на той земле горница и с подклетом и сени с подсением*» [СПП 4: 65]), из двух отдельных помещений или двух этажей («*Двор: изба о два жира с сенми а перед избою клеть о три жира*» [СПП 2: 66)], «*Клеть елевая ж о дву жирах в исподнем жиру кудели мятой нечищеной льну и конопля десяток з дватцать...в нижней клети дватцать восмь четвертей овса*» [СПП 2: 137]). В избах ставились печи с трубой, т. е. они топились по-белому («*Нашел у него Кирила в белой горнице на печи за трубою вина*» [СПП 1: 29]), появлялись окна со стеклом («*Оконница стекольчата*» [СПП 5: 166]), отгораживались хозяйственные помещения – чуланы («*Чюланы, что в сенях*», «*Вынесши медную трубу ис чулана в сени*» [СПП 6: 122], «*Да мне ж Андрею жить у него под печью в казенке* [чулане в подклете]» [СПП 2: 144]. Конечно, это были дома состоятельных людей, но при этом в деловых документах, которыми мы располагаем, все они назывались избами. Видимо, и на Егошихе к концу XVII в. появлялись новые избы и дворы, напоминающие большие крестьянские усадьбы XX в.

Прошли столетия. Совсем другие жилища строят теперь на Егошихе, и только памятники письменности напоминают нам о первых русских домах на берегу этой реки.

3.6. ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *ПОКА* (по данным лексики пермских и других русских памятников письменности)[23]

Обращение к теме статьи вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, исследованием лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в., в которых отмечаются синонимы *покаместа*, *покамест*, *покаместь* и *по коих мест*, во-вторых, интересом к происхождению слова *пока*, употребляемого в современной речи при прощании. Мы слышим его от близких людей в конце личной встречи или разговора по телефону, оно является одним из ранних в речи современного ребенка, которого учат, прощаясь, махать ручкой уходящим и при этом в такт маханию произносят *пока* или *пока-пока*. Оно является синонимом выражения *до свидания*, но не абсолютным синонимом, так как имеет свои стилистические и семантические особенности.

Стилистические черты «прощального» слова *пока* проявляются в том, что оно ограничено в употреблении, не используется в официальной речи, в общении с малознакомыми людьми, с представителями старшего поколения, с начальством. В этих случаях уместно *до свидания*. В 1939 г. в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово *пока* характеризуется как новое, просторечное и фамильярное [ТСРЯ 3: 489]; в 1960 г. в академическом «Словаре современного русского литературного языка» – только как просторечное [ССРЛЯ 10: 827]. Сейчас оно присутствует в разговорной речи людей, говорящих на литературном языке, хотя оттенок некоторой просторечности в нем присутствует. Вместе с тем ощущается и некая семантическая особенность слова *пока*: оно подразумевает прощание не надолго, только на время, на весьма ограниченный срок, тогда как в выражении *до свидания* нет такого ограничения времени, *свидание* может состояться очень нескоро или даже не состояться вообще.

Как возникло новое для XX в. «прощальное» *пока*? Обычно в каждом знаменательном слове мы чувствуем его корень, но попробуйте определить корень слова *пока*. Вряд ли это удастся без знания истории русского языка или использования этимологических и других словарей. Впрочем, в словарях содержатся разные справки о его происхождении.

Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера рассматривается происхождение наречия и союза *пока* 'пока; до тех пор, пока', а также диалектного *поки*, украинского *поки*, белорусского *покі*, древнепольского *poky*, польского *poki* «из **po-* и вин.-им. мн. ср. р. **-ka* от *кой*, *кто* или **-ky* – вин. мн. м. и ж.» [Фасмер 3: 304]. Практически о том же пишет М. Э. Рут: «Общеславянское образование на основе сочетания *по ка*, где *по* – предлог, а *ка* – форма вин. пад. мн. числа древнего местоимения *ко*

[23] *Полякова Е. Н.* Из истории слова ПОКА (по данным лексики пермских и других русских памятников письменности) // Лингвистические чтения – 2009. Цикл 5 / Прикам. социал. ин-т. Пермь:, 2009.

(того же корня, что *кто*, но в отличие от него изменявшееся по родам)» [ЭСРЯШ 2003: 312].

Но как из предлога и местоимения в значении 'кто' или 'какой' возникло наречие, а затем и временной союз *пока*, по этим данным не очень ясно. Вместе с тем древнеславянские неличные местоимения, по наблюдениям исследователей, сближались с прилагательными и функционировали в предложении в основном как определения [Кузнецов 1953: 126; Хабургаев 1974: 212]. Таким было и местоимение **kъ* (муж. р.), **ka* (жен. р.), **ko* (ср. р.), выступавшее в словосочетании как определение к еще одному его члену – слову **město* (ныне *место*). Об этом свидетельствуют памятники письменности и этимологические справки ряда словарей: «*Пока* из *по-каместа*, т. е. *кая места*» [Преображенский 1: 335]; «*Пока*, наречие [из *покамест*, а это из *по ка места́* 'по какое время']» [ТСРЯ 3: 488].

Слово *место* обычно отражает представление о пространстве, тогда как возникшие из словосочетания *по ка места* наречие *пока* и союз *пока* в современном русском языке передают значение времени, ср.: 1) наречие – 'в течение некоторого времени, на некоторое время' («*Я* ***пока*** *подожду*»); 'до поры, до времени' («*Григорий Иванович вместе с Сашей жил* ***пока*** *в избенке, ожидая, когда отстроят земскую больницу*»); 'тем временем' («*Двум раненым офицерам привели извозчика, и они тотчас уехали. Ушел и адъютант. А солдаты* ***пока*** *оставались на пристани*»); 'вначале, какое-то время' («***Пока*** *докладчик ничего не прибавлял от себя. Он излагал только факты*»); 'в данный момент, сейчас' («*В Первомайском* ***пока*** *только один коммунист – Бортников*»); просторечное 'до свидания' («*Было слышно, как гость надевал калоши и хвалил квартиру. Потом сказал: – Ну,* ***пока***. *–* ***Пока***, *– ответил Геннадий. Дверь хлопнула*»); 2) союз временной – 'в то время как, в течение того времени как; когда' («*Профессор недовольно ворчит,* ***пока*** *его умные глаза пытливо пробегают по небу*», 'до того времени как' (обычно с отрицанием *не*) («*За что бедная девка просидела в чулане,* ***пока*** *мы не воротились?*») [ССРЛЯ 10: 826, 827].

Обращение к русским (в частности к пермским) памятникам письменности позволяет понять, как из словосочетания *по ка места* могли появиться наречие и союз со значением времени (*покаместа*, *покаместъ*, *покаместь*) и затем развиться «прощальное» слово *пока*.

В пермских памятниках слово *покаместа* отмечается иногда при передаче пространственных представлений: «*С верхнего конца пожни за Каму-реку на верхний конец бору в гору ему Ивану* ***покаместа*** *мочно и всякие угодья ему по правой стороне*» [*Ш 2: 295*]. Но преимущественно оно употреблялось как наречие времени 'сейчас, в данный момент' и временной союз 'до тех пор пока', ср.: как союз – «*Ис того анбара меня Василья не высылати* ***покаместа*** *продастся*» [*КСГ: 35 об.*] и как наречие – «*По Сурмугу вверх по обе стороны наволочки* ***покаместа*** *не косить*» [*КМ: 52*].

Точно так же наречие и союз *покаместа* использовались и в других русских памятниках письменности, ср.: как наречие – «*А* ***покаместа*** *послы*

в Томском побудут» [Томск. сл.: 198]; как союз «*А до тех мест **покаместа** королевна к вам пристава своего пришлет велено нам у вас быти в приставов место*» [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 147]. Причем в текстах XVII в. отмечаются отдельные случаи написания *по ка места* в три слова: «*И послушание его цесареву величеству а до тех мест **по ка места** прямые мужесково полу колена будут*» [*Вести: 18*].

Чаще, чем *покаместа*, в пермских памятниках фиксируется союз *покамест* с разной семантикой: 'в течение того времени, как' – «*Подписали мы заимщики вотчину свою... **покамест** мы заимщики владеем суречищами*» [*КЗСИ: 183*]; 'до тех пор когда' – «*Окопать их в землю живых а быть им Евдокиице и Акилинице в земле до тех пор, **покамест** они умрут*» [*КЗСИ: 121*]; 'до тех пор пока' – «*Чтоб из тех городов, в которых учинилось поветрие, посадских и из уезда уездных людей в те городы и в уезды в здоровые места не пропускали, **покамест** то дело утолится*» [*КА: 48*].

Как союз слово *покамест* широко распространено в памятниках XVI–XVIII вв. на различных территориях России, ср.: «*Всякие де подати платить стану, **покамест** мочь моя*» [*Владимир. пам.: 88*], «*А **покамест** де дощаник воды наливался и они де судовые снасти, парус и две свиньи свинцу снесли на берег*» [Том. сл.: 198], «*Жили они все четверо в Кайгородке, **покамест** на Каме-реке лед вскрылся и водополье миновалось*» [Сибир. сл.: 113].

В пермских документах XVII в. зафиксирован и вариант временного союза – *покаместь*: «***Покаместь** они заимщики владеют суречищами, рыба ловить и хмель драть*» [*КЗСИ: 270*], «*Пахать на него три годы... **покаместь** за ним те ево ссудныя денги побудут*» [*КА: 144*]. Он употреблялся и в текстах документов других территорий: «*Указ Бугдыхана таков, что ево Игнатья отпустить не велено никуды, **покаместь** не будет ему отпуску*» [Сибир. сл.: 113], «*Жалованья не давать, **покаместь** вылечут ибо оная болезнь не от поветрия*» [*Моск. письм.: 24*].

В некоторых документах при употреблении союзов есть прямое указание на категорию времени с использованием слов *до тех пор* или *время*: «*Не выезжать из моей деревни **до тех пор, покаместь** вы прежнее свое намерение положили*» [*Моск. письм.: 28*], «*Ты б им велел на тот хлеб отвесть в Кузмодемьянску порозжей житницы на **время, покамест** они житницы поставят*» [*Грамотки: 21*].

В непермских текстах отмечается также вариант союза – *покаместо*: «*А **покаместо** де они в Китайском государстве жили, и в то время лошадей и верблюдов кормили китайского же царя кормом*» [Сибир. сл.: 113]. В документах, составленных в Прикамье, такая форма союза не встретилась.

Вместе с тем в пермских (соликамских) памятниках письменности отмечается словосочетание *по коих мест* в значении 'в течение того времени, как': «*Владеть тою пожнею ему Александру и до выкупа и трава снимать на себя **по коих мест** за мною заимщиком деньги побудут*» [*КСГ: 79*];

«Сена привозить *по вся годы по зимнему пути и до выкупа* ***по коих мест*** *за мною заимщиком заемные денги побудут*» [*КМ: 8*].

По коих мест является вариантом словосочетания *по ка мест*. В последнем использовано древнерусское местоимение *ко* (из **ko*); в форме ср. р. мн. числа вин. п. – это *ка* (из **ka*). В союзе же *по коих мест* присутствует более позднее местоимение *кое*. В далеком прошлом на основе старых местоимений *kъ (муж. р.), *ka (жен. р.), *ko (ср. р.) в результате присоединения к ним указательных местомений *jь (муж. р.), *ja (жен. р.), *je (ср. р.) возникли новые формы, из которых выросли в древнерусском языке местоимения *кой, кая, кое*. Следы такого местоимения муж. р. *кой* сохранилась в выражении (*на*) *кой черт* [Кузнецов 1953: 126], в местоимениях *кое-кто, кое-что*. А следы местоимения ср. р. мн. ч. вин. п. находим в обороте *по коих мест*.

Пермское *по коих мест* употреблялось редко и отмечается лишь в памятниках одной территории – в Соли Камской. Но оно важно для нашего исследования, так как его структура совпадает со структурой оборота *по ка места* и оно позволяет понять принцип образования последнего.

Все варианты наречия и временного союза сохраняются в русских говорах XIX–XX вв. В пермских говорах это слова *покамест, покаместь* [Акчим. сл. 4: 185, 80]. На других русских территориях зафиксированы также слова *покам, покаме, покамево, покамес, покаместа, покамесь, покамеся покамича, покамыча* [СРНГ 28: 367]. В говорах Среднего Урала отмечаются формы *покаль, покале, поколь, покуль* [СРГСУ 4: 74, 77; СРГСУ-Д: 431, 432].

Анализ приведенных в статье, а также оставшихся за ее пределами материалов позволяет представить путь появления и развития слова *пока*. В древнерусском (а, возможно, еще и в праславянском) языке возникли словосочетание *по ка место* и образования от него, определявшие пространство, границу какой-либо территории. С такой семантикой они нередко отмечались еще в памятниках XVI–XVII вв., о чем свидетельствуют словарные материалы: «*А* ***покаместа*** *речка Непложа, потаместа и Борисоглебская владычня земля*», 1567 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 147]; «*Преж де сего писцы мерили мордве по та места ж,* ***покаместа*** *ныне межа стала*» XVII в. [там же]; «*Дал есми в дом Святого Спаса... свою вотчинную пустошь селище Спасское... со всем* ***покамест*** *плуг ходил и коса*», XVI в. [там же]; «*Смотрел где поставить с Верхотурья в Туринском остроге в Ермолаеве волости... роспрашивал,* ***покаместь*** *Ермолаеве волости грань*», 1640 г. [Сибир. сл.: 113].

Обозначения места и пространства (форм существования материи) оказываются связанными в языке, что отражается на развитии отдельных слов и выражений. Ср.: в XX в. в речи появляется новая семантика выражения *всю дорогу*. Если раньше оно имело только пространственное значение (диктовалось словом *дорога*), то теперь возникло временное значение: *всю дорогу* – ‘постоянно, все время, всегда’; «В кино всю дорогу кашлял, всем

надоел». Аналогично в прошлом в слове *покаместа* и однокоренных словах наряду с семантикой места вырабатывается семантика времени, которая, судя по памятникам письменности XVI–XVII вв., реализуется в этот период чаще, чем пространственная.

Однако в наречии времени и временном союзе *покаместа* сначала присутствует часть *место*, основной ролью которой в языке остается обозначение территории, пространства. И оно «мешает» отражению времени. В результате оно либо редуцируется (*покам*, *покаме*, *покамес*, *покамесь*), либо изменяется (*покамево*, *покамича*, *покамыча*), либо в наречии и союзе из *покаместа* часть *места* исчезает совсем и остается только *пока*.

Фиксация в письменных текстах слова *пока* начинается только в XVIII в. По данным «Словаря современного русского литературного языка» оно отмечается в 1731 г. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» (Вейсманнов Лексикон) и в 1771 г. в «Российском целлариусе, или этимологическом российском лексиконе, изданном Ф. Гелтергофом» [ССРЛЯ 10: 828]. В качестве наречия времени в XX в. оно отмечалось в словосочетаниях *пока до свидания* или *пока будь здоров* [ТСРЯ 3: 489], где значение слова *пока* – 'всегда; все время'. Но и эти «прощальные» словосочетания редуцируются в результате действия экономии произносительных усилий, и остается от них только слово *пока*, широко употребляющееся сейчас при прощании.

4. Лексика русских говоров Пермского региона и отражение в ней материальной и духовной культуры

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ И ПРОСТОРЕЧИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ (названия оврагов и природных ям)[24]

В Прикамье на протяжении многих лет в процессе диалектологической практики студентов филологического факультета проводился сбор географической лексики (апеллятивов и топонимов), функционирующей в русских говорах и городском просторечии. В этой работе приняли участие студенты дневного и заочного отделений, проживающие на различных территориях Пермского края. По общей для всех программе было обследовано более 250 населенных пунктов разных районов края и выявлено около 1200 нарицательных слов, которые принято считать народными географическими терминами, а именно названиями природных объектов, имеющих четкие территориальные границы, отличающихся от окружающих объектов и служащих ориентиром при описании угодий, земельных

---

[24] *Полякова Е. Н.* Диалектные апеллятивы в русских говорах и просторечии Пермского края (названия оврагов и природных ям // Вестник Пермского университета. Филология / Перм. ун-т. Пермь, 2006. Вып. 3. С. 98–109.

участков. В собранном материале оказались диалектные слова, семантические диалектизмы и общерусская лексика. Исследование отдельных тематических, лексико-семантических групп и синонимических рядов выявленных апеллятивов, сопоставление их с данными пермских памятников письменности XVI –XVIII вв., а также с материалами непермских говоров и русского литературного языка позволили установить некоторые особенности формирования, функционирования и развития географической лексики в Прикамье.

В обширном Пермском крае находятся очень разные с точки зрения физической географии территории: леса, степные участки, луга, болота, реки, озера, горы, низины, долины. Эти объекты и их части получали названия-апеллятивы, в которых отразились не только внешние особенности реалий, но и в большей мере – характер говора, в котором они появлялись и развивались.

Так как Пермский край расположен на территории, очень разной по рельефу (равнины, предгорья и горы), то в речи его жителей значительное место занимает лексика рельефа – орографические термины. Особенное внимание всегда привлекали названия хорошо видимых возвышенностей всякого рода, обычно служащих ориентиром при описании местности, – положительные орографические термины: *боец, бугрина, веретея, веретик, грива, гряда, камень, каравашек, кекур, лабия, мыщелка, носок, парма, рёлка, слуда, увал, челпан, шолом, шоломень* и др. Их изучение показало, что в Прикамье шли различные процессы в лексике: появлялись новые слова, их дериваты, уходила из обращения устаревшая лексика, развивались новые значения принесенных сюда диалектных и общерусских географических апеллятивов и т. д. Например, в диалектном севернорусском слове *степь* ‘плоская среди лесов безлесная возвышенность’ [Подвысоцкий: 163], ‘горы, лишенные леса на вершине’ [Мурзаев: 522] в вишерских говорах возникло значение ‘возвышенность на водоразделе, покрытая густым, непроходимым лесом’ [Полякова, 2004: 251–259]: *«Раньше были степи – лес густой, не пройдёшь»; «Ябрусска степь здесь, там нигде нихто не бывал в ей, там леса только, потому и назвали степью»; «Волимска степь – хребет такой, разделяет Волим и Ваю, один лес там»; «Волимска степь большая, там лес непроходимый»* (д. Акчим, Красновиш.). В общерусском слове *камень* под влиянием коми и мансийских слов *из* и *нер* со значением ‘камень, высокая скалистая гора’ на Северном Урале и в Верхнем Прикамье развилась новая семантика: *камень* – ‘высокая скалистая гора’.

Не меньшего внимания лингвистов заслуживают и отрицательные орографические термины – названия оврагов и природных ям, которые не так заметны внешне, как возвышенности, горы, но доставляют немало затруднений в хозяйственной жизни и в устройстве дорог. Поэтому в народной речи функционируют многочисленные названия этих объектов.

Самыми распространенными названиями оврага в говорах и просторечии Прикамья являются общерусские слова *лог* и *овраг* со значением ‘глу-

бокая длинная впадина на земной поверхности', входящие в настоящее время в лексику литературного языка. Ср. в пермских говорах: «*Там лог большой, крутой, кругом лога ивняг растёт*» (с. Кишерть, Киш.); «*В двух километрах от Филипповки тянутся Князьи лога, в честь богатого князя. Это углублённые места, созданные природой*» (д. Филипповка, Кун.); «*В этом логу вода по пояс бежит*» (д. Комары, Вер.); «*Я лонись бегала за малиной, так ведь удивилась: какой овраг размыло в горе за прудом*» (с. Калиновка, Черн.); «*Овраг был большой, глинистый. Ево каждо лето размыват, и ета вода бежит в реку Сылву*» (д. Морозково, Сук.); «*Возле нашей деревни выше огородов овраг глубокий*» (с. Лузино, Ныт.).

Казалось бы, они являются абсолютными синонимами. Но никогда при сборе материала не объясняли диалектологам значение слова *овраг* с помощью слова *лог*, в то время как *лог* и его дериваты характеризуются информантами с помощью слова *овраг* или его дериватов: «*В Большом логу – в овраге – весной вода скопится, шумит лог*» (с. Родники, Сол.); «*Тут логотина – небольшой, но длинный овраг*» (с. Плеханово, Кун.); «*Поток идёт весной или после дождя: выбило ямку – вот и овражек, мы их логами зовём*» (с. Бор, Сук.). Причина этого заключается в истории слов *лог* и *овраг* в русских говорах Прикамья, которые начинают формироваться в XIV–XV вв. на севере края, на территории современных Гайнского, Чердынского, Косинского и части Красновишерского районов, называемой тогда Пермью Великой [Полякова, 1998].

Самыми первыми пришедшими сюда русскими были новгородцы (XII–XIII вв.), но, видимо, их было относительно немного, а в XVI–XVII вв. идет активная крестьянская колонизация Прикамья выходцами с Русского Севера (с территории современных Архангельской и Вологодской областей), о чем свидетельствуют материалы историков, данные пермских говоров и складывающаяся здесь антропонимия – оттопонимические прозвища (Вологда, Вологжанин, Колмогор, Колмогорец, Матигорец, Мезенец, Пинега, Пинежанин, Сухонец, Кивакурец и др.). Так что в основе говоров Северного Прикамья оказываются преимущественно диалекты Русского Севера. Именно с ними пришел на Западный Урал апеллятив *лог*.

Он фиксируется в пермских памятниках письменности: «*Вверх Беркутова логу, а по-русски Глубокий лог... пустого борового лесу сосняка на три версты*», 1654 г.; «*Полоса земли с Пермяковыми в межах по логу со встоку*», 1692 г. [СПП 3: 37]. Отмечается и дериват *ложок*: «*От тех граней по тому Глубокому логу вверх на иве, за малым ложком вновь же на березе учинена грань*», 1674 г. [СПП 3: 38]. Нередко апеллятив входит в словосочетания – микротопонимы: Беркутов лог, Большой лог, Дикий лог, Каменный лог, Кладбищной лог, Кочебахтин лог, Черемховый лог и др. Вместе с тем в отредактированных официальных документах, предназначенных для посылки в Москву, в отдельных случаях наряду со словом *лог* присутствует и его синоним *враг* ('овраг'): «*Подле Шакву-речку, по-за речке, по логу, а по Шакве-речке вверх по врагу*»; «*А Сылвенской земле межа... речкою*

Мечкою с устья до вершины, до Глубокова врагу... а сверх Глубокова врагу...к вершине Черемхова логу и Черемховым логом по граням же к Шакверечке и Шаквою вниз... на Усть-Шаквинскаго логу», 1674 г. [*Ш 3: 300, 1030*]. Слово *враг* 'овраг' в пермских микротопонимах XVI–XVIII вв. отсутствует.

Такая же картина наблюдается и в современной пермской микротопонимии: существуют сотни микротопонимов со словом *лог*: ср., например, зафиксированные в книге Г. Н. Чагина «Пермь Великая в топонимических доказательствах» названия логов (Кедров лог, Котковый лог, Малый лог, Медвежий лог, Паленый лог, Родников лог, Романов лог, Сосновый лог, Чудин лог), полей (Анфалов лог, За логом, За логом над Белозерьем, За Грязным логом, Парахин лог), лугов (Тараканихин лог, У Дурного логу и т. д.). И нет ни одного микротопонима со словами *враг* или *овраг*.

Слово *лог* было настолько распространенным в русской речи Прикамья, что стало заимствованием в функционирующих здесь коми-пермяцком языке [КПРС: 225] и коми-язьвинском диалекте [Лыткин 1961: 140], тогда как апеллятивы *овраг* или *враг* в них отсутствуют.

Термин *лог* явился основой многих пермских ойконимов – названий деревень, частично сохранившихся до нашего времени: Большой Лог (Куд.), Широкий Лог (Черн.), Лога (Сол.), Логовата (Черд.), Логовая (Ос.), Логовка (Кун.), Ложки (Перм.). Слово *овраг* в ойконимы, как и в микротопонимы, в Прикамье не попало. В XVII в. составители писцовых книг, направленные в Пермь Великую Москвой и соблюдавшие нормы делового языка, нередко использовали апеллятив *враг* ('овраг') в соответствии с местным *лог*, описывая деревни, находящиеся у логов, причем в ойконимах этих деревень слово *лог* или его дериваты писцы вынуждены были сохранять, так как изменять топоним в документах было нельзя. Поэтому в писцовой книге Михаила Кайсарова 1623 – 1624 гг. появились такие записи: «*Починок Логовской на враге*» или «*Деревня Верх-Логова на враге, а в ней три двора* [*Ш 2: 173*].

Употребление в Прикамье в XVII в. и позднее апеллятивов *лог* и *враг* отражало особенности появления и функционирования этих слов в русском языке. Лексема *лог* была исконно русской, славянской, связанной с глаголом *лежать*: *log – 'лежание', 'лежка', 'логово' [ЭССЯ 15: 248]. Развитие семантики в слове *лог* могло идти следующим образом: 'лежание' > 'логово (зверя)' > 'место, где находилось логово' > 'место в овраге, где находилось логово' > 'овраг'. Автору данной статьи известны ситуации, в которых местом обитания (логова) медведей были именно крутые, заросшие лесом лога (д. Бутыры, Доб.; с. Обвинск, Кар.).

Традиция употребления в русском языке апеллятива *лог* начиная с XII в. [Срезневский 1902: 42] отмечается историческими словарями: *Лог – 'лог, лощина'* [СДЯ 4: 423; ПЦСС 1: 286]; *Лог – 'широкий овраг с пологими склонами'* [СлРЯ XI–XVII вв. 8: 269; СлРЯ XVIII вв. 11: 214].

Вместе с тем этот апеллятив носителями русского литературного языка воспринимался до середины XX в. как диалектный. В словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935 – 1940 гг.) *лог* в значении 'широкий овраг' отмечен как областное слово [ТСРЯ 2: 82], а в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 1957 г. слово уже не имеет помет, т. е. подается как лексема литературного языка. Именно поэтому при составлении полного «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» этот апеллятив не попал в основную, диалектную, часть словаря, а дан в приложении, где помещены слова, присутствующие и в акчимском говоре, и в литературном языке.

Этимология слова *овраг* окончательно не установлена, хотя и существуют различные гипотезы его происхождения в русском языке [Фасмер 3: 155]. Наиболее приемлемым представляется предположение о заимствовании его из какого-то тюркского языка, возможно, из чувашского *varak* 'овраг, долина' или *var* 'овраг, долина'. Первоначально оно звучало как *враг*, в такой форме отмечается в русских памятниках с XIV в. [СлРЯ XI–XVII вв. 3: 93]. Не исключено, что в его окончательном оформлении и распространении сыграло роль внешнее совпадение со словом *враг* 'ворог, враждебный', так как овраги действительно были врагами крестьянского хозяйства.

Сначала слово *враг* распространилось в южнорусских и центральных говорах, где, видимо, вытеснило апеллятив *лог*, затем закрепилось в литературном языке. Московские писцы принесли его в официальную письменность Прикамья, далее это слово начинают употреблять местные составители документов, а затем оно постепенно распространяется в пермских говорах. Но носители говоров до сих пор воспринимают его как слово литературного языка. Именно поэтому информанты объясняют студентам-диалектологам значение апеллятива *лог* с помощью слова *овраг*, так как считают последнее более понятным образованным людям. Начальный звук «о» фиксируется в слове *овраг* в русских памятниках письменности с XV в. [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 227], а в пермских деловых текстах с XVII вв. [СПП 3: 146]. Однако в пермских говорах перед начальным «о» в отдельных случаях развивается звук «в» (ср.: *ольха* > *вольха*, *острый* > *вострый*), в результате чего появилось слово *вовраг*: *Она, Заразила*[25] *ета, праямо над вовразом большим* (г. Усолье).

Судьба апеллятивов *лог*, *враг*, *овраг* в Прикамье напоминает историю многих общерусских слов, например, *орать* – *пахать*: *пахать* (как и *враг* / *овраг*) пришло сюда с официальным деловым языком и постепенно вытеснило слово *орать* [Полякова 1979: 48–57], хотя старшее поколение носителей говоров глагол *орать* знает и иногда употребляет. На устойчивости слова *лог* в живой речи, видимо, сказалось его закрепление в многочисленных топонимах края.

---

[25] Деревня Заразилы.

Географический термин *враг* в старой форме используется в современных пермских говорах крайне редко: «*По ляжбовине вода шла на враг*» (д. Черная, Краснокам.). Чаще отмечается апеллятив *вражек*: «*Заричь вражек есть – меж горами-то глубоко место*» (д. Щипа, Бар.); «*Вражек – это маленький овраг*» (с. Ерзовка, Част.); «*Там небольшой вражек – топкое место*» (д. Лобаново, Сол.); «*Пройдёшь вражек, начнётся буерак*» (д. Шахарово, Сук.). Зафиксированы также слова *вражочек* и *вражина*: «*Тут много маленьких вражочков*» (г. Верещагино); «*Вражина – это большой где-то ров такой же*» (с. Камгорт, Черд.). Чаще используется слово *овражек*: «*Овражки попадаются небольшие, но очень длинные*» (с. Паинцы, Лыс.); «*Недалеко от реки за овражком большая вымоина*» (д. Мартьяновка, Перм.). Однако по количеству случаев употребления все слова с корнем *враг* значительно уступают словам с корнем *лог*.

Среди дериватов апеллятивов *лог, враг, овраг* самыми распространенными являются слова *ложок* и *ложочек*: «*Ложок маленький переходит в большой лог*» (с. Кишерть, Киш.); «*Тут ещё рядом есть ложок маленький, логом не назовёшь, в его вечно вода сбегала*» (с. Обвинск, Кар.); «*Большого логу-то нет, а ложки есть, просто сырые ложбины есть*» (с. Оверята, Краснокамск). Отмечаются также диалектные слова *логотина, логотинка, логотиночка*: «*Этта с горы и оттуль с горы – это логотина. В середине-то лог называется. И логотину логом зовут*» (Верхнее Мошево, Сол.); «*Тут логотина – небольшой, но длинный овраг*» (с. Плеханово, Кун.); «*Низменнось там така, логотина*; *Чурки́ с той и с другой стороны, а она вдалась туда вроде балочки – вот и логотина*; *У каждой логотинки есть название своё; Они у самой логотиночки живут*» (д. Акчим, Красновиш.). И очень распространены в говорах и просторечии общерусские слова *ложбина* и *ложбинка*, причем говорящие обычно подчеркивают, что ложбина отличается от лога, и никогда не используют для ее характеристики слово *овраг*: «*Ложбина, как и лог, только лог-от глубже, шире, да и склоны у него покруче*» (пос. Ныроб, Черд.); «*Лог – длинная, крутая яма, ложбина более пологая*» (г. Верещагино); «*Пересекёшь етот сосняк по ложбине – ето концовка, устье лога*» (с. Обвинск, Кар.); «*В ложбинках низенько, там трава высокая растёт*» (д. Новая Каменка, Ил.); «*И ходят они по ложбинкам и буграм до самого вечера*» (с. Ашап, Орд.). В пермских говорах зафиксированы также диалектизмы *ложбень, ложботина, ложботинка, ложготина*: «*Там ложбень – это маленький ложок*» (пос. Новые Ляды, Перм.); «*Ложботина-то какая большая*» (с. Фоки, Чайк.); «*Вчерась в ложботинку по ягоды-то ходили*» (с. Черновское, Больш.); «*Изба-то у нас ниже стояла, из ложготины пятью домкратами перетаскивали*» [СПГ 1: 485].

В значении ‘овраг’ иногда употребляется общерусское слово *лощина*: «*Что логом идёшь, что лощиной*» (д. Комары, Вер.). Однако чаще в пермских говорах этот апеллятив фиксируется с другой семантикой: 1) ‘низменная часть между возвышенностями’ – «*По лощине надо идти, меж холма-*

ми» (д. Кукушкино, Больш.); 2) 'низкое болотистое место' – «*Когда коровы-то у нас были, так мы боялись пускать их за лощину. Там много их тонуло*» (д. Дворцовая Слудка, Перм.); 3) 'яма, впадина на берегу с водой после половодья' – «*Река размоет – лощины появятся, как жара они пересохнут, а иные так с водой и останутся*» (с. Орда, Орд.).

Установить отнесенность диалектизмов с корнем *лог / лож* лишь к какому-то одному району или населенному пункту не представляется возможным: они обычны для всей территории Пермского края.

В пермских материалах отмечаются в некоторых случаях слова *ляга, ляжбина, ляжбинка, ляжка* в значении 'лог, овраг': «*Тут недалеко ляга лежит посреди поля, ето такой лог посреди поля*» (д. Савенки, Вер.); «*Идёшь – и попадет маленький ложок, называли лягой*» (с. Паль, Ос.); «*Вдоль рички встретятся ляжбинки – маленькие такие овражки*» (с. Обвинск, Кар.); «*Ляга или ляжка – это маленький овражек, который отходит от большого оврага*» (с. Юсьва, Юс.). Апеллятив *ляга* попал в некоторые микротопонимы: ср. название луга около д. Ксенофонтово (Черд.) – *На устье Ляги* [Чагин 2004: 80]. Но преимущественно географический термин *ляга* и однокоренные слова *ляжка, ляжбина, ляжбинка* называют не лог / овраг, а вытянутое в длину низкое сырое место между возвышенностями, буграми: «*Ляга – низкое покосное угодье между двумя буграми*» (д. Комары, Вер.); «*Ляжбина – это низкое место, с одной стороны угор, с другой – склон*» (с. Оверята, г. Краснокамск). В пермских говорах основная сема в словах с корнем *ляг / ляж* (*ляга, ляготина, ляжбина, ляжбинка, ляжбовина, ляжина, ляжка, ляжица*) – обычно 'сырость, сырое место': «*Напрямки не пройдёшь – ляги разлились*» (д. Красный Яр, Киш.); «*Такая ляга большая, проехать нельзя: шибко топучее место*» (с. Родники, Сол.); «*В лягу весной ходят купаться – в ляжке вода остаётся от весеннего половодья, прогревается быстро*» (с. Кишерть, Киш.); «*У нас на покосе ляготина, вода высыхает только в очень жаркое лето*» (с. Бор, Сук.); «*Ляжбины на лугу, вода в етих ляжбинах, не косили там*» (с. Романово, Ус.); «*Ляжбовина – как желобок, по ней раньше-то вода шла на враг*» (д. Черная, г. Краснокамск); «*В огороде сколь времени в ляжине лыва была. Как зайдёт в ляжину вода весной, так и стоит*» (с. Кишерть, Киш.); «*В этой ляжке вода всё лето не просыхает*» (д. Комары, Вер.).

Еще одним синонимом к слову *лог* в говорах и просторечии Прикамья является слово *буерак*: «*Возле дорог небольшие овражки и есть буераки*» (с. Орда, Орд.); «*Весной в Сухой очень большой буерак вымыло, мост пришлось выше перенести*» (д. Змеевка, Час.); «*Повыше пасеки буерак есть – сухой овраг*» (с. Аспа, Уин.). Местность, изрытую оврагами, называют *буерачником*: «*Тут буераков мелких не счесть. Одно слово – буерачник*» (д. Старая, Лыс.).

Однако чаще в Пермском крае словом *буерак* называют не овраг, а непроходимое место в лесу, в овраге, занятое поваленными деревьями: «*И ямы, и деревья там друг на дружку навалены – такой буерак, чёрт ногу*

сломит» (д. Кукушкино, Больш.); «*Лесины, которые навалены у малинника, зовут буераком*» (с. Бор, Сук.); «*Буерак – в лесу непроходимые места, завалы, ветроломы*» (д. Лябово, Доб.) «*В Гремячий лог спустишься, там одни буераки – место непроходимое, дикое*» (д. Турбино, Перм.).

Слово *буерак* в русском языке считают тюркским заимствованием. Ср. в «Опыте словаря тюркских наречий»: *ба'ир* 'косогор, холм, бугор', *бајыр* 'холм' [Радлов 4: 1424, 1469], туркменское *bujrat* [ТСРЯ 1: 199]. М. Фасмер отмечает турецкое *bajyr* 'склон, обрыв, холм, поросший деревьями', а также монгольское *bügerag*, калмыцкое *böräg* '(маленький) песчаный холм' [Фасмер 1: 231]. В русских памятниках слово фиксируется с XV в. [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 348] и распространено в разных формах: *буерак*, *байрак*, *боярак*, *буярак* [СОРЯМР 1: 255; СлРЯ XVIII в. 1: 128, 156]. В дефинициях этих слов XV–XVIII вв. обычно указываются 'овраг', 'рытвина', 'размытая ложбина'. В русском языке в результате метонимии в заимствованиях вырабатываются новые значения: 'холм' > 'склон холма' > 'склон' > 'склон оврага' > 'овраг'.

Значение 'овраг' было основным у русского слова *буерак*, принесенном в Прикамье. Но в говорах оно развивается: 'овраг' > 'непроходимый овраг' > 'непроходимое место' > 'непроходимое место, заваленное деревьями'. В лесном краю мест, заваленных сломанными бурей деревьями, много, и такое значение слова в пермских говорах становится актуальным. Развитие семантики слова подтверждают и данные «Словаря русских народных говоров»: с пометой «пермское» отмечаются такие его значения, как 'овраг', 'крутой, глубокий овраг', 'местность, изрезанная оврагами', 'вырытая половодьем яма, провал', 'ложбина, рытвина', 'впадина в крутом берегу реки' и др. [СРНГ 3: 251]. Однако для пермских говоров в этом словаре не было отмечено слово *буерак* в значениях 'непроходимое место', 'непроходимое место, заваленное деревьями'.

Словари литературного языка XX в. по-разному определяют сферу функционирования апеллятива *буерак*. В «Толковом словаре русского языка» 1935 г. под редакцией Д. Н. Ушакова он отмечается как областной: 'небольшой овраг, размытая ложбина' [ТСРЯ 1: 199]. В академическом «Словаре современного русского литературного языка» 1950 г. слово не имеет помет: 'углубление между двумя возвышенными местами; обрывистая глубокая промоина; небольшой овраг' (ССРЛЯ 1: 671]. В новом «Словаре современного русского литературного языка» 1991 г. отмечается как разговорное: 'глубокая обрывистая промоина; овраг' [ССРЛЯ 2 1: 802]. Эти данные свидетельствуют о постепенном движении его из народной речи в литературный язык и вместе с тем о сохранении в разговорной речи.

В то же время в русских говорах Пермского края активно употребляются диалектные слова *баерак*, *байрак*, *байдарак*. Основная их семантика – 'овраг': «*У Клющиков лог глубокий, баераком называют*» (с. Верх-Давыдовка, Ос.); «*Раньше этот баерак был небольшой, через дощечку ходили, через 36 лет стал овраг огромный*» (д. Монастырка, Ос.); «*Байрак –*

это сухой овраг, местность, изрытая природою» (с. Плеханово, Кун.); «*Байрак в смех называли глубокие лога, порой непроходимые лога, тожно косили*» (д. Лябово, Доб.); «*Лешак бросил в байрак-от, байдарак – одно и тоже*» (д. Чудиново, Ныт.).

Словом *байрак* называют и участок, покрытый поваленным лесом, пнями, сучьями: «*Деревья навалены, обрывистое место у логу – байрак*» (с. Паль, Ос.); «*Ишо за Стишатами в лесу байрак есть, ето непроходимый лес, где конча и краю нет*» (д. Савенки, Вер.); «*Байрак в лесу, где сучья, трудно пройти. Байрак – замусоренное место в лесу*» (с. Ерзовка, Част.), а также естественные ямы на поверхности, нередко заросшие кустарником: «*Байраки там есть – ямы большие, заросшие кустарником. Ни зайти, ни выйти, трактор как-то туда залетел*» (д. Щипа, Бар.); «*Там одни байраки, скотину плохо пасти*» (д. Полянки, Ос.). Ямы, воронки, появившиеся в результате действия карста, в говорах называют еще словом *байдарак* и дериватами от него. Например, около г. Кунгура, в междуречье Сылвы и Шаквы, на северо-западной окраине Ледяной горы, в которой находится широко известная Кунгурская ледяная пещера, расположено урочище Байдарашки (*байдарак* + суффикс -к(а) > *байдарачка* > множественное число *байдарачки* > *байдарашки*). Здесь отмечается максимальная для Прикамья интенсивность карстовых воронок: до тысячи на 1 кв. км. [БППК: 363].

Термины *буерак*, *баерак* (*боерак*), *байрак* попали в микротопонимию Прикамья, ср.: Романов(ский) боярак, он же Романов(ский) лог [Чагин 2004: 75]. Но они не стали основой ойконимов, что свидетельствует о меньшей значимости их в русской речи, чем слова *лог*.

Эти апеллятивы могли проникнуть в пермские говоры различными путями. Так, слово *буерак* 'овраг' вряд ли пришло в Прикамье с Русского Севера. Среди всех диалектных словарей Русского Севера [Подвысоцкий, АОС, СВГ, СГРС], с которым связано становление русской речи в Пермском крае, это слово отмечено лишь в вологодских в значении 'яма в реке' [СГРС 1: 203], 'вырытая половодьем яма' [СРНГ 3: 251].

Вряд ли его могли принести на Урал в древности новгородцы, так как в их говорах [НОС 1: 96] оно должно было появиться после прихода новгородцев в Северное Прикамье (XII–XIII вв.). Скорее всего, слово проникло в Пермь Великую с носителями соседних, вятских говоров, в которых им называли небольшой овраг, ложбину, а также крутой обрывистый берег [ОСВГ 1: 122]. Однако оно могло попасть на Западный Урал и с речью жителей Средней России, но позднее, чем слово *лог*. В исследованных пермских памятниках письменности XVI – начала XVIII в. [СПП] апеллятив *буерак* не встречается, так как либо еще не был в тот период в употреблении, либо уже проник в речь жителей Перми Великой, но воспринимался составителями деловых текстов как сниженный, местный, и они его избегали. Апеллятивы *баерак (боерак), байрак* также могли быть принесены в Пермский край носителями среднерусских и даже южнорусских говоров

[СРНГ 2: 57], которые появились в Прикамье позже, чем жители Русского Севера или Вятки.

Со значением 'овраг' в пермских говорах фиксируется апеллятив *балка*: «*Балка – тоже лог, есть лога пологие, а этот крутой, называют – балка*» (с. Буб, Сив.); «*За нашим селом во какая балка, овражище*» (с. Орда, Орд.); «*Балка по звозу была, промоина, ручьи бежат, и получается обрывистая балка*» (д. Лябово, Доб.). Вместе с тем здесь *балкой* называют пологую ложбину, в которую переходит крутой лог: «*Дальше балка начинается, то есть лог в более низкое место выходит*» (с. Кишерть, Киш.); «*Балка навроде лог: пологое длинное место с кустами*» (с. Плеханово, Кун.); «*Мы сегодня косили в балке, это равнина, хорошее место*» (п. Пожва, Юс.).

Слово отмечается в разных районах Пермского края, но анализ текстов показывает, что жители Прикамья считают его пришедшим: *Балка – украинское слово, тоже вроде логов* (с. Оверята, г. Краснокамск); *Слово балка у нас не в обиходе, овраги – говорят* (с. Ашап, Орд.). В записях диалектологов оно встречается чаще в рассуждениях о рельефе местности, в описаниях информантами оврагов, хотя иногда присутствует и в спонтанной речи и даже попало в ойконимы: в 1905 г. в Соликамском уезде существовала деревня Балка [СНМПГ: 336)].

В «Словаре русских народных говоров» географический апеллятив *балка* 'долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи' отмечается в южнорусских диалектах (донских, воронежских, рязанских) [СРНГ 2: 82]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935) слово *балка* 'длинный овраг, лощина (в южной степной полосе СССР)' и в академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1950) *балка* 'небольшой овраг с ручейком на дне; высохшее русло реки' имеют помету «областное» [ТСРЯ 1: 82; ССРЛЯ 1: 256]. Но новый словарь русского литературного языка [ССРЛЯ 2 1: 311] помещает его без помет, т. е. как общерусское слово, относящееся и к лексике литературного языка.

Апеллятив *балка* попал в русскую речь Прикамья относительно поздно: он не встречается в пермских памятниках XVII–XVIII вв. В говоры он пришел с переселенцами с юга, из центра России и, возможно, с Вятки [ОСВГ 1: 47].

Реже, чем проанализированные апеллятивы, отмечается в пермских говорах слово *падун* 'овраг': «*Падун – это небольшой овраг*» (г. Верещагино); «*Попался нам падун, перейти его мы не могли*» (п. Майкор, Куд.). В современных пермских говорах зафиксировано несколько значений апеллятива *падун*, тяготеющих к разным семантическим центрам. Во-первых, слово *падун* связано со старым значением глагола *падать* 'впадать, втекать в реку, озеро, море', фиксируемым в разных памятниках письменности, ср.: «*На Донском проливе, где Дон падает в море*», 1625 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 14: 117]. Таким образом, *падун* – 'приток' [там же: 120]. В этом значении апеллятив встречается в пермских памятниках с XVII в.: «*Помирилися есми...о спорной своей вотчине и о той речке о Кунгуре и с падунами*»,

1636 г.; «*Взял он, Лаврушка, на оброк рыбную ловлю Печорский падун – реку Илыч на пять годов*», 1640 г. [СПП 4: 8]. То же находим и в записях современных пермских говоров: «*Падун – это есть приток реки*» (д. Большое Сидорово, Куд.); «*Небольшие речушки – падуны в реку впадают. Весной падунов много, потому что ручьи в реку течь начинают*» (с. Романово, Ус.).

В пермских, как и в других русских памятниках, *падуном* называли овраг, потому что он, как и река, «падает» – впадает в реку или же в другой, обычно большой овраг: «*Межа...вверх того врагу до падун того врагу, а с падун того врагу на их монастырскую межу*», 1694 г., и ручей, текущий по оврагу: «*От разсох логом по падуну вверх*», 1674 г. [СПП 4: 8].

Во-вторых, слово *падун* связано с глаголом *падать* 'низвергаться с высоты' и называет водопад. Это и водопад на суше: «*На падун ходили, с возвышенности падают ручьи*» (д. Кленовая, Част.); «*Падун – ключ падает, и так называют его – падун*» (Закамск, г. Пермь), и падение воды на пороге в реке: «*Река течёт, за мостом падать начинает, с метр вышиной, наверное, будет. Это падун*» (д. Кашкара, Ос.). Как название водопада слово *падун* не попало ни в пермские, ни в другие памятники письменности, но в русских говорах и текстах XVI–XVII вв. есть это слово с семантикой 'порог на реке': «*Прошли есмя межу...на островок, на Шали-реки падун, от падуна на Кополматку*», 1505 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 14: 120].

Апеллятив *падун* 'овраг' сохранился только в говорах, в частности в пермских, в то время как глагол *падать* в значении 'впадать, втекать (о реке)' отмечен в XX в. как просторечный и устаревший [ССРЛЯ 9: 22].

В обширной картотеке географических апеллятивов пермских говоров и просторечия всего один раз зафиксировано слово *вертеп*, видимо, в значении 'овраг', однако с неясным контекстом: «*Что у нас за места – горы да вертепы*» (с. Редикор, Черд.). Составители «Словаря русских народных говоров», возможно, имея какие-то сведения, кроме заключенных в этом тексте (например, учитывая отмечающиеся на севере Пермского края колебания в роде в некоторых словах: *берлог – берлога*), определили его как слово женского рода и поместили в словаре с этой же цитатой, но под словом *вертепа* [СРНГ 4: 15].

Однако в этом же словаре с пометой «пермское» в Осинском районе с семантикой 'большой овраг с непроходимым кустарником, лесом' и 'возвышенность, холм с логами' представлено слово мужского рода *вертеп* (там же). Со значениями 'ямистое, неровное место' и 'воронка, водоворот в реке' лексема *вертеп* зафиксирована в Архангельской области [СГРС 2: 64]. Если учитывать, что чердынские говоры, в одном из которых выявлено это слово в Прикамье, генетически связаны с речью жителей Русского Севера, то можно утверждать, что именно апеллятив *вертеп* (не *вертепа*) в качестве географического термина употреблялся на севере Пермского края (в Чердынском районе), как и в его южной части – в осинских говорах. К этому следует добавить, что термин *вертепа* отмечается в украин-

ских говорах [Мурзаев: 117], а на севере Прикамья нет никаких следов украинизмов.

Есть случаи окказионального употребления в качестве названия оврагов отдельных редких слов. Такими являются слово *корба* и дериват *корбишка*, обозначающие поросшую обычно еловым лесом часть высокого берега между оврагами, которые впадают в реку, и сами эти овраги: «*В корбе лучше не охотиться, а как пустишь собаку, тут и косого хватишь*» (д. Старая, Лыс.); «*Корбишки, они как холмы оголённые, их сейчас видно, а раньше были лесом заросшие. По ягоды ходили, на этих корбишках собирали землянигу*» (г. Усолье). Апеллятив *корба* отмечается в новгородских памятниках с XIV в., в архангельских – с XVII в.: «*И перешед сухую корбу, по край нивища ворги старые признаки тесы есть, и вновь положили тесы*» [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 306]. Он сохранился в новгородских говорах со значениями ‘кочковатое, заболоченное место’ и ‘ небольшой сосновый лес, растущий в моховом болоте’ [НОС 4: 109], в архангельских, карельских и вологодских говорах – со значениями ‘густо заросшее место в лесу (часто в ельнике на болоте)’, ‘ложбина, густо, заросшая ельником’ [СРНГ 14: 311].

Слово *корба* попало в русский язык из прибалтийско-финских диалектов, ср.: карельское korbi – ‘ложбина, поросшая дремучим лесом’ [Фасмер 2: 322]. Новгородцами или жителями Русского Севера оно было принесено в Прикамье, где развивалось семантически и стало называть не только ложбины (лога), поросшие лесом, но и высокие места между этими ложбинами. Однако слово почти ушло из пермских говоров. Его не отмечает как пермское «Словарь русских народных говоров», нет его и в диалектных словарях Прикамья [СПГ; Акчим. сл.].

Среди слов с редкой фиксацией в картотеке пермских апеллятивов отмечаются географические термины *западина* и *впадина*, называющие небольшие овраги: «*По западинам ельник густой растёт. На западинах воды много, там земля круто вниз идёт, падает словно*» (г. Пермь); «*За впадиной будет вырубка*» (г. Верещагино). Однако чаще слово *впадина* обозначает природные ямы: «*Поле-то неровное, впадины на ём*» (д. Новая Каменка, Ил.); «*Впадина – яма большущая, за Истекаевкой впадины были, боялись их*» (д. Морозково, Сук.); «*Впадины быстро трава затягивает*» (д. Моргуново, Сук.). Слово актуально для карстовых районов, где бывают провалы, существует много карстовых воронок, иногда занятых водой, иногда заросших лесом.

В официальном языке пермских памятников XVII в. карстовые провалы, воронки называли обычно словосочетаниями *самородная яма, провальная яма*: «*Межа... от ямы к Шаквинскому другому падуну на самородную же долгую яму... а от тех зарослых ям на водяную самородную яму*», 1686 г. [СПП 5: 64]; «*От тех граней прямо через поле на сосну и на провальную яму*», 1670 г. [СПП 4: 198]; «*Прямо до самородныя ямы, что в том Глубоком логу, а против тое провальныя ямы осина*», 1674 г. (там же).

В писцовой книге Михаила Кайсарова по Перми Великой 1623–1624 гг. зафиксировано название природной ямы – *курган*: «*Межа от березы до глубокие ямы на малые три ямы...а от столба на две ямы – на глубокие курганы, а от курганов до борти до Егитовой*» [*Ш 2: 254*]. Именование глубокой ямы с водой *курган* существует в архангельских и вологодских говорах: «*Курган – глубоко место, кругло*» [СРНГ 16: 115], с которыми связаны происхождением пермские говоры. В архангельских оно обозначает яму с водой на месте старицы, глубокое место в реке, ручье, окно воды в болоте [Гусева 1971: 88; она же 1972: 126]. Апеллятив *курган* 'яма на дне реки' фиксируется в русских говорах Республики Коми [СРНГ 16: 115]. Можно предположить, что русский диалектизм *курган* 'яма' возник из коми слова *гуран* 'яма, углубление' [ССКЗД: 93], 'яма, место карстового провала' [КПРС: 110].

В коми лексикографии отмечена отнесенность апеллятива *гуран* к разговорной речи [РКС: 775] и показана многозначность этого слова: 'яма', 'рытвина, ухаб', 'низина', 'впадина', 'овраг', 'глазница' [КРС: 177]. Однако главной семой во всех случаях является 'углубление'. Термин считают древним в коми языках, имеющим допермский корень [КЭСКЯ: 83]. В русском языке произошло сближение слова *гуран* с заимствованием из тюркских языков [Фасмер 2: 424] *курган* 'холм', не очень характерным для севернорусских говоров.

Географы отмечали слово *курган* 'яма, яма с водой' на территории Прикамья, однако при сборе материала для картотеки географических апеллятивов оно в русских говорах нам не встретилось, так как, видимо, было редким и со временем ушло из живой речи.

В настоящее время для названия природных ям на суше и карстовых провалов в Пермском крае обычно употребляют слова *яма* и, чаще, *воронка*: «*У пещёры шибко много ям, оне как воронки*» (д. Филипповка, Кун.); «*На Казаковой горе в результате провала грунта образовались воронки*» (с. Орда, Орд.); «*Ветер сдувает весь снег в карстовые воронки*» (г. Кунгур); «*Воронки у нас – впадины, некоторые такие большие, что даже ёлка стоит внизу, а её не видно*» (д. Майдан, Ос.); «*В нашей местности нет воронок, а за Иренью их много*» (с. Ашап, Орд.). Используются также слова *впадина, обвал, провал, провалина, провалиха*: «*Обваливалось в землю, делается воронка, обвал получается, в обвалах-то вода*» (п. Ильича, Кун.); «*У нас обвалы глубокие, дна не видно*» (д. Зуевка, Окт.); «*Как-то в провал попал, насилу выбрался*» (д. Старая, Лыс.); «*Бельё полоскать ходим на провал, там земля обвалилась и стала яма*» (д. Тураевка, Окт.); «*За водой всё на провалину ходим, яма была, начала проваливаться*» (с. Кишерть, Киш.); «*В провалинах долго снег лежит, осерёд лета стаивает*» (д. Зуевка, Окт.); «*Вот у нас были провалихи, в провалиху камень бросают*» (п. Сылва, Перм.); «*Провалихи есть – карстовые места в Кунгурском районе, у нас их нет*» (г. Оханск).

Итак, рассмотрено более 50 слов, относящихся к лексико-семантическим группам «овраг» и «природная яма». Изучение материалов позволяет высказать ряд положений о происхождении, функционировании и развитии части географической лексики в речи жителей Прикамья, о месте ее в русском языке в разные периоды.

Названия оврагов попали в русскую речь Пермского края разными путями. Самое раннее слово *лог* пришло из говоров Русского Севера, как и апеллятивы *ложбина*, *ляга*, *падун*, *корба*, название природной ямы *курган*. Ряд из них зафиксирован в пермских памятниках XVI – начала XVIII в. Позднее из вятских говоров и из центра России вместе с деловым языком появились в Прикамье слова *буерак* и *байрак*. Еще позже, возможно, во второй половине XIX в. – диалектное слово *балка*, которое в настоящее время считается общерусским. Постепенному обогащению пермских говоров новыми словами способствовало переселение на Западный Урал в XIX–XX вв. жителей разных территорий России (в частности, западных и южных) и воздействие на живую речь в прошлом делового языка, впитавшего московскую лексику, а в конце XIX–XX в. влияние литературного языка.

Несмотря на то что в Пермском крае русские говоры складывались при взаимодействии с функционирующими здесь коми и тюркскими языками, они не восприняли местных слов в рассматриваемых группах лексики. Так, тюркское заимствование *буерак* / *байрак* принесено из центра России, финское *корба* и образованное из коми слова *курган* ‘яма’ – с Русского Севера. В то же время в коми-пермяцкий язык пришло русское слово *лог*.

Следы местных иноязычных апеллятивов отмечаются только в микротопонимии. Например, в Осинском районе, где рядом с русскими жили и живут пермские татары (башкиро-татары), у деревни Пещеры между двумя горами находится большой, очень крутой и узкий, заросший еловым лесом овраг, впадающий в реку Тулву. У него два названия: Большой лог и Капчаг / Копчаг. Видимо, в основе топонима Капчаг находится тюркский апеллятив со значением ‘овраг’. Ср. в тюркских языках *капчагай* ‘скалистое ущелье, теснина в горах, каньон’ [Мурзаев: 253], *капшагай* ‘тонкий, узкий’ [Радлов 2: 432]. Видимо, некогда пришедшие сюда русские восприняли слово Капчаг как топоним, но в настоящее время и он известен уже далеко не всем местным жителям, его вытесняет название Большой лог.

Часть исследованных слов зафиксирована и в сельских говорах, и в речи горожан (*лог*, *овраг*, *буерак*, *падун* и др.), но ряд географических терминов отмечается только в говорах. Это либо устаревшие апеллятивы (*враг*), либо постепенно исчезающие из русских говоров Прикамья и записанные в единичных случаях слова (*вертеп*, *корба*), либо дериваты с суффиксами субъективной оценки (*вражек*, *вражина*, *вражочек*, *ложботинка*, *ляжбовина* и др.).

Классифицировать пермские говоры по территории распространения в них названий оврагов и ям не представляется возможным. Частотные слова

лог, овраг, буерак, балка, ложбина, ляга, падун и их дериваты употребляются в речи жителей всех районов края, а отдельные единичные названия (*вертеп, корба, корбишка*) требуют дальнейшего поиска их в говорах и просторечии.

Сопоставление пермских современных материалов с данными памятников письменности XVI–XVIII вв., непермских говоров и русского литературного языка позволяет говорить о динамике анализируемых апеллятивов. Некоторые из областных в прошлом слов (*лог, буерак, балка*) определяются в настоящее время как общерусские. Вместе с тем апеллятив *лог* существенно преобладает в живой речи над термином *овраг*, нередко воспринимаемым носителями пермских говоров и просторечия как слово литературного языка. С его помощью они определяли семантику слов *лог, буерак, балка*. Но нет случаев, когда бы информанты эти слова использовали для объяснения апеллятива *овраг*.

Итак, часть исследованных географических терминов развивается в направлении к литературному языку, другая часть (*враг, западина, корба, курган*) выходит или уже вышла из употребления. В результате в настоящее время происходит сокращение числа диалектных слов в пермских говорах и просторечии.

В то же время в говорах отмечается много дериватов, ср. от слова *лог* – *ложок, ложочек, логотина, логотинка, логотиночка*, от слова *ложбина* – *ложбинка, ложбиночка, ложбень, ложботина, ложботинка, ложготиночка* и т. д. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами называют, как правило, относительно небольшие объекты: «*Ложок – маленький, переходит в большой лог*» (с. Кишерть, Киш.); «*Тут много маленьких вражочков*» (г. Верещагино); «*Овражки попадаются небольшие*» (д. Паинцы, Лыс.).

Происходит движение внутри лексико-семантических групп и изменение семантики отдельных слов, а также переход их в топонимы. Так, слово *падун*, связанное с глаголом *падать* в разных значениях (‘впадать, втекать в реку, озеро, море’ и ‘низвергаться с высоты’), развивается в двух направлениях, каждое из которых связано с одним семантическим центром: 1) ‘приток реки’ > ‘овраг, впадающий в другой овраг или реку’, 2) ‘ключ, стекающий с высоты’ > ‘место резкого падения воды в реке (с порога)’ > ‘порог в русле реки’. Развитие семантики в географических апеллятивах осуществляется в результате метонимии – перехода названия объекта на его часть или на соседний объект, ср. *буерак / байрак* (‘холм’ > ‘склон холма’ > ‘склон оврага’ > ‘овраг’).

Развитие семантики обусловлено не только языковыми закономерностями, но и экстралингвистическими факторами. Например, общерусские словари не фиксируют слово *буерак* в значении ‘непроходимое место в лесу, заваленное упавшими деревьями, валежником’, а «Словарь русских народных говоров» отмечает его только как калужское. В Пермском крае, богатом лесами, этот апеллятив в значении ‘непроходимое место’ отмечается

в полтора раза чаще, чем в значении ‘овраг’. Другой пример: географические апеллятивы *воронка*, *байрак*, *провал*, *провалина*, *провалиха*, обозначающие природные ямы, фиксируются главным образом в южных и юго-восточных районах Пермского края (Кун., Сук., Бер., Орд.), где много карстовых провалов и воронок.

Таким образом, изучение даже не очень большой тематической группы названий углублений на земной поверхности (оврагов и ям) дает убедительные результаты, необходимые для характеристики лексики пермских говоров и просторечия в историческом и функциональном аспектах.

4.2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ С КОРНЕМ *НИЗ-* В РУССКОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ[26]

Пермский край расположен на самом востоке Европы: его восточный рубеж со Свердловской областью проходит по Уральским горам. На севере он граничит с Республикой Коми, на юге – с Башкортостаном, на западе – с Удмуртией и Кировской областью. Русские (новгородцы) проникали сюда еще в XI–XII вв., но оседлое русское население появляется лишь в XIV–XV вв. В XV в. закладываются первые русские города Прикамья – Чердынь и Соль Камская (ныне Соликамск). В XVI–XVII вв. идет активное переселение крестьян Русского Севера (с территории современных Вологодской и Архангельской областей) в Верхнее Прикамье, то есть на север Пермского края: с притоков Вычегды по волокам они попадали на притоки Камы и саму Каму, заселяли чердынские и соликамские земли. В этот период здесь сложились русские говоры (на основе говоров Русского Севера) и была заложена база городского просторечия.

Обширная территория Пермского края (160,2 тысяч кв. км.) представлена разным рельефом: лесостепными равнинами (нередко с оврагами и карстовыми провалами), холмами в предгорье, высокими горами и кряжами Урала. Знание местности было необходимо жителям Прикамья, занимавшимся расчисткой таежных урочищ для земледелия и скотоводства, солеварением и сплавом леса для солеварен, охотой, освоением речных и сухопутных путей, извозом за Урал, на Верхотурье и т. д. В связи с этим в речи жителей Прикамья складывается географическая терминология, подробно отражающая особенности рельефа края, о чем свидетельствуют как пермские памятники письменности XVI–XVII вв., так и современные говоры и просторечие.

Исследованию названий рельефа в живой речи посвящен ряд работ пермских лингвистов и географов [Богачева 2004; Бутырина 1964; Вылежнев 1965; Полякова 1977 б; Полякова 1988 и др.]. Результаты анализа гео-

---

[26] *Полякова Е. Н.* Географические термины с корнем *низ-* в русской речи Пермского края // Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. тр.; Перм. ун-т. Пермь; Скопье; Братислава, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 254–262.

графических апеллятивов оказываются актуальными для этимологии, диалектологии, русской исторической лексикологии и ономастики. Вместе с тем, несмотря на то, что в изучении пермских географических апеллятивов сделано немало, есть и лакуны в этой области, в частности в исследовании терминов с корнем *низ-*, рассмотрению которых и посвящена данная статья.

Источником изучения этой лексики послужили материалы картотеки «Словаря географических терминов в русской речи жителей Пермского края» [СГТ], а также данные пермских диалектных и исторического словарей [Акчим. сл., СГСРПО, СПГ, СПП].

В пермской речи второй половины XX – начала XXI в. зафиксировано около 30 апеллятивов с корнем *низ-* (*нижс-*). Бóльшая часть их называет низину, низкое место на земной поверхности. Приведем примеры диалектных текстов, характеризующих эту семантику апеллятивов:

нижинá – «Это там такая нижина, низко там, не помню, березник там есть или нет»;

нúжнецы – «По нижнецам ходили телята, овечки, а деревня находилась на пригорке»;

нúз – «А раньше был ещё вот низ, это на самом конце Усолья, туда вот к лугам, это местное название»;

низбúна – «Низбина – низкое место»;

нúзедь – «Низбина – низкое место, низедь – то же самое»;

низéнь – «Здесь была низень, болото, мы тоже ходили за ягодами»;

низинá – «Там очень сырое место в низине, и черника растёт»;

низúна – «Вся Кишерть в низине построена, а кругом возвышенность»;

низúнка – «Сделали плотину, запруду, и в низинке теперь новый пруд»;

низмедúна – «Там, за деревней, на низмедине, подле болота, путики росли»;

нúзмедь – «Низмедь там – низкое место, там всё плохо растёт»;

нúзменка – «Низменка за угором – низменное место»;

нúзменница – «Ораина – низменница, или топистая местность»;

нúзменность – «Знать надо, где и какую травку сорвать. Одна любит бугорок, другая – низменность»;

нúзмень – «Низкое место есть не так далеко, низмень зовётся»;

низмéтина – «Тут под Пекаркой-то низметина, сырое место. Кругом каравашка низметина, это лошшына»;

нúзметь – «Вот там повыше, а тут низметь, косить нельзя, пахать нельзя»;

низмúна – «Зуевка в низмине стоит, а Богородск на уклонах»;

низмя'тка – «Дом-то раньше у нас в низмятке стоял»;

низóчек – «Колды в низочек съехали, он лошадей-то придержал малость»;

низы'нь – «У нас покос ровный, на низыне, косить хорошо»;

понúзье – «В понизье у нас кочкарник есть, скотина там ходит».

Часть апеллятивов с корнем *низ-* связана с обозначением места в нижнем течении реки:

низа́ – «В низа ходили по Каме мы прямо до Царицына»;

низы' – «Завтра, говорит, в низы поедут по реке»;

низо́вье – «На охоту ходили и к верховью и к низовью реки».

Апеллятивы с *низ-* (*нижс-*) характеризовали и нижнюю по течению реки часть какого-либо участка: острова, поселения.

ни́жник – «К нижнику лодки сносит, на низ острова, значит»;

низови́цы – «Тамока верховицы – верхний конец [деревни Акчим] называется, а этот опять – низовицы».

Только шесть из этих географических апеллятивов (*ни́з*, *низи́на*, *низи́нка*, *ни́зменность*, *низо́вье*, *низо́к*) отмечены как слова русского литературного языка [ССРЛЯ 7: 1289–1307], остальные относятся к лексике говоров и просторечия.

В пермских памятниках письменности зафиксированы лишь существительные *низ* 'низовье реки' («Межа...с низу Усолки-реки с кузнишным местом Семеновского Назукина», 1691 г.; «А от них де пошел на низ в вотчину Пыскорского монастыря», 1648 г.; «И съехав де он, Андрей, с Москвы на низ и купил де для бедности в Уфимском уезде на реке Тулве у башкирцов пустошь», 1623 г.) и *низь* 'низкое место' («А с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место камнем закласти», 1563 г.). Кроме того, отмечается словосочетание *низкое место* 'низина': «На Каме-реке, на низком месте на Орле при наволоке россол нашли и варницы ставят», 1563 г. [СПП 3: 119–120]. Слова живой речи, особенно диалектные, нередко воспринимались составителями деловых документов XVI–XVII вв. как сниженные и в результате редактирования [Полякова 1983] обычно заменялись общерусскими, нейтральными, принятыми в деловом письме, а также нередко словосочетаниями со словом *место*: *наволочное место* (*наволок* 'низменный берег реки, на который в половодье наносит (наволакивает) песок, мусор'), *подморинное место* (*подморина* 'низкое сырое место на лугу, в поле, в лесу'), *присадное место* (*присада* 'низкий берег реки, образованный наносом земли, песка в половодье') и т. д. [СПП 3: 56].

Этимологи отмечают, что русское слово *низ* восходит к праславянскому **nizъ*, в основе которого индоевропейский корень **ni* 'вниз', что подтверждается многочисленными параллелями из различных индоевропейских языков [ЭССЯ 25: 147]. Происхождение и функции расширителя *-z-* в слове **nizъ* окончательно не установлены, хотя и существует ряд гипотез по этому поводу [там же: 147–148]. Вместе с тем наличие его в праславянском слове очевидно, о чем свидетельствуют многочисленные данные лексики с корнем *низ-* всех славянских языков.

Помимо географического термина *низ* 'низина, низкое место', восходящего к праславянскому слову **nizъ* с этим же значением, весьма древним является апеллятив *низина* из праславянского **nizina* – производного от **nizъ* с распространенным в географической терминологии суффиксом *-ina*

[ЭССЯ 25: 142]. Слово *низина* отмечается практически во всех славянских языках (ср. болгарское *низинá*, македонское *низина*, словенское *nizína*, чешское *nizina*, словацкое *nížina*, польское *nizina*, украинское *низинá*, белорусское *нізіна*), оно является общерусским и самым частотным среди синонимов с корнем *низ-* в пермской речи. От него образован дериват *низинка* (< **nizinъka*) и фонетический вариант *низынь*, зафиксированные в пермской речи.

Вместе с тем древний корень **niz-* обрастал в русском языке различными суффиксами. Так, апеллятив *низок* является производным с суффиксом *-ок* < *-ъkъ*, *низень* – с суффиксом *-ень* < *-ьnь*, *низедь* – с суффиксом *-едь* / *-'адь* < *-'adь*. Существительным с суффиксом *-'адь* / *-едь* посвящены исследования как общерусской, так и диалектной, в частности, пермской лексики [Азарх 1961; Мошева 1976], свидетельствующей о том, что он является малопродуктивным. Суффикс *-'адь* / *-едь* отмечается лишь в нескольких географических терминах пермских говоров: *быстредь* 'место быстрого течения на реке' («Ребятишки-то летом одинова заплыли в быстредь, едва их спасли»), *мокрядь* / *мокредь* 'низкое, сырое, болотистое место' («Мокрядь там – мокрое место, сапоги надо надевать – по ней идти, вроде болота»), *площадь* 'поляна, окруженная деревьями' («Там площадь – место свободное между лесами, деревьями, леса на ей нет. Косить ходят на площадя»), *ровнядь* 'равнина' («На покосе у нас место хорошее больно: ровно, гладко – ровнядь и зовём»), *узедь* 'узкое место' («По узеде поеду, там лог от Селянки идёт, сыро там, болото, лес растёт»), *чистедь* 'участок, расчищенный от леса под пашню или покос' («Чистедь – раньше лес навалят и жгут, вот чистедь и называется»).

В живой речи Прикамья апеллятивы на *-'адь* /*-едь* обрастали новыми суффиксами, например от *мокредь*: *мокредина*, *мокредица*, *мокретина* (последнее из *мокреть* < *мокредь*). Казалось бы, аналогичный процесс мог происходить и в словах от апеллятива *низедь*, но в пермской речи зафиксированы термины *низмедь*, *низметь*, *низмедина*, *низметина*, *низмятка*, в которых между корнем *низ-* и суффиксом *-едь* обнаруживается часть *-м-*, считающаяся в современной грамматике интерфиксом [Мошева 1976: 92]. Такая же лексика отмечается и в соседних с пермскими свердловских (среднеуральских) говорах: *низмедь*, *низмедина*, *низмятина* [СРГСУ-Д: 346], *низметь*, *низметина* [СРГСУ 2: 209].

Какова причина появления этого *-м-*?

Для ответа на этот вопрос обратимся сначала к рассмотрению других пермских географических терминов, в которых после корня *низ-* также обнаруживается *-м-*: *низмень*, *низменка*, *низменность*. Ср. в свердловских говорах: *низмень*, *низменка*, *низмянка* [СРГСУ-Д: 346]. Складывается впечатление, что в этих апеллятивах присутствует древний суффикс *-men*, существовавший в таких словах, как *бремя* (из праславянского **bermę* < **bermen*), *время* (из **vermę* < **vertmen*) и т. д. – известных словах на *-мя*, в которых он проявляется полностью в косвенных падежах. Так, в слове *низ-*

менность, если анализировать его с конца, отмечаются суффикс отвлеченного существительного *-ость*, пред которым находятся суффикс прилагательного *-н-* (ср. *низмен-н-ый*), древний суффикс *-мен-* (из *-men*) и корень *низ-*. Само отвлеченное существительное *низменность* появилось относительно поздно, впервые в русских памятниках отмечается только в XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 15: 143], но прилагательное *низменный*, от которого оно образовано, зафиксировано в памятниках XV в. и предположительно пришло в них из XIII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 373].

Известно, что в праславянском языке сочетания *tm*, *dm* редуцировались в *m*, в результате перед суффиксом *-men* согласные *t* и *d* исчезали (**vertmen* > * *vermę*, **pledmen* > **plemę*), но свистящие *s* и *z* сохранялись [Мейе 1951: 112–113]. Таким образом, корень *niz-* оставался перед суффиксом *-men* без изменений.

Видимо, употребление слов с основой *низмен-* было продолжительным и восходит к глубокой древности, хотя могло происходить не на всей славянской территории, а лишь в отдельных диалектах. Но что именно явилось причиной употребления слов с *низмен-*, точно установить не представляется возможным: слово с *низмен-* могло изначально входить в праславянский ряд лексики на *мя-*, но оно могло появиться и позднее по аналогии. Так, предок пермского (и в других русских говорах) географического термина *низмень* мог возникнуть по аналогии со словами на *-мя* (ср.: *пламень* и *низмень*).

Но если в словах *низмень*, *низменка*, *низменница*, *низменность* сохраняется часть *-мен-*, которая могла восходить к древнему суффиксу *-men-*, то в географических терминах *низмина*, *низмедь*, *низмедина*, *низметь*, *низметина* между корнем *низ-* и суффиксами (*-ина*, *-едь*, *-едь+ина*) присутствует только *-м-*. Объяснять наличие его в словах с корнем *низ-* можно по-разному. Так, его употребление могло быть вызвано действием аналогии, например: слово *низмень* повлияло на близкий по звучанию географический термин *низина*, в котором развивается *-м-*, и возникает апеллятив *низмина*.

Однако допустимо и другое объяснение. Предполагая существование наряду с праславянским **bermę* слова **berma*, составители «Этимологического словаря славянских языков» допускают, что последнее может быть результатом раннего процесса. «В таком случае **berma* относится к **bermę* (индоевропейскому **bherəmn*), как праславянское **zima* к индоевропейскому **ĝheimn*» [ЭССЯ 1: 195][27]. И, возможно, слова с **nizm-* могли оказаться в древности в таких же отношениях со словами с **nizmen-*, как **berm-* с **bermę*.

Так или иначе, но слова с *низм-* и *низмен-* существуют в пермских говорах как свидетельство сохранения древней лексики, а иногда и дальнейше-

---

[27] Кстати, в русских говорах сохранилось слово *берéмо* 'охапка, вязанка, ноша, тяжесть' [СРНГ 2: 254]. Возможно, это результат развития *беремя* > *береме* > *беремё* > *беремо*, но нельзя исключить и того, что здесь остатки древнего **berma*.

го ее развития. Например, из термина *низмина* в результате мены губных согласных *-м-* и *-б-*, отмечаемой в пермских говорах, возник апеллятив *низбина* («Там болото, низбина-от сырая»). Более того: наиболее распространенные в русской речи слова проникли в коми языки, ср.: *низменность* [КПРС: 273], *низ* 'низовье реки' [ССКЗД: 241].

Часть русских географических терминов возникла от древнего прилагательного **nizovъjь*, образованного от **niz* с формантом *-ov-* [ЭССЯ 25: 144]. Но семантически они четко отграничены от рассмотренных выше слов без форманта *-ov-*. В пермских говорах это общерусское слово *низовье* 'река в нижнем ее течении' («В низовье реки осока») и 'местность, прилегающая к нижнему течению реки' («На охоту ходили в низовье»), а также диалектное *низовицы* 'нижний край какого-либо участка, поселения, считая по направлению течения реки' («Верховицы – верхний край [деревни], а этот опять – низовицы»).

Слово *низ* и формы множественного числа от него *низы* и *низа* называют в пермских говорах и низкое место, низину («А вот раньше был еще этот низ, это на самом конце Усолья, туда вот, к лугам»), и место в нижнем течении реки («Березник у нашего соседа с низов привезён»). Но географические термины, образованные от *низ* с различными суффиксами, резко различаются по семантике. Все образования от прилагательного с *-ов-* (из *-*ov*-) называют участки в нижнем течении реки, все производные от существительного с другими суффиксами – низкие, низменные участки.

Подводя итоги исследования географических терминов с корнем *низ* в современной русской речи Верхнего и Среднего Прикамья, отметим, что в говорах и просторечии XX–XXI вв. наряду с общерусскими словами сохранились однокоренные диалектные апеллятивы. Их количество значительно превосходит число общерусских апеллятивов, но частота употребления диалектных слов, фиксируемых в живой речи жителей Пермского края (1–4 случая фиксации каждого слова в картотеке словаря географических терминов), весьма уступает частоте использования в говорах и просторечии общерусских терминов (десятки примеров). Это естественно, так как в конце XX – начале XXI в. резко сокращается количество сельского населения края, в хозяйственной жизни теряется актуальность детализации названий участков и угодий, сменяются поколения и молодежь приобщается к литературному языку, к общерусской лексике, ощущая ненормированность диалектных терминов. В результате диалектные слова забываются, утрачиваются.

И вместе с тем изучение территориально ограниченной лексики говоров и просторечия, как видно из анализа слов с корнем *низ-*, продолжает быть актуальным и дает ценный материал для этимологии, исторической лексикологии и русской диалектологии.

4.3. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ, ИСЧЕЗНУВШИЕ ИЗ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ. Статья вторая. *КÉКУР* [28]

Исследование лексики русских говоров Пермского края актуально не только для рассмотрения лингвистических проблем (исторической диалектологии, русской исторической лексикологии, связей апеллятивной лексики и ономастики и др.), но и для изучения вопросов региональной истории, взаимодействия языков в многоязычном регионе и истории культуры края. Интересный в этом отношении материал представляют лексика говоров и ономастика Верхнего и Среднего Прикамья – Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, которые после объединения в 2006 г. составят единую административную единицу – Пермский край (в недалеком прошлом это тоже была единая административная единица – Пермская область). Во-первых, пермская лексика и ономастика обнаруживают тесные генетические связи Прикамья (особенно северного) с говорами Русского Севера (архангельскими, вологодскими, поморскими), во-вторых, они представляют интерес для изучения лексики говоров и ономастики всего Урала и Сибири, так как значительная часть русского старожильческого населения Сибири в прошлом приходила из Прикамья, о чем свидетельствуют исследования сибирских говоров в сравнении с пермскими [Полякова 1991: 132–134].

В связи с изучением лексики и ономастики Пермского края в сопоставлении с данными говоров других регионов предпринято исследование истории отдельных слов, представленных в географической терминологии и в топонимии Прикамья. Некоторые из них (например *кокуй*) исчезли из пермских говоров как слова нарицательные, но сохранились в топонимии [Полякова 2004 а: 51–56], в других (*степь*) развились диалектные значения, отраженные и в апеллятивах, и в топонимах [Полякова 2004: 251–260].

Интересна в этом отношении история слова *кекур*, которое в Прикамье в настоящее время отмечается только в топонимии. Сохранились названия пяти деревень Кекур в Усольском, Кудымкарском и Сивинском районах: 1) в бассейне реки Олыч – правого притока Иньвы, впадающей справа в Камское водохранилище; 2) в бассейне Нердвы – левого притока Обвы, впадающей справа в Камское водохранилище; 3) на правом берегу Обвы; 4) на левом берегу Гали – притока Северного Кондаса, образующего реку Кондас, впадающую справа в Камское водохранилище; 5) на левом берегу Уньвы – левого притока Полуденного Кондаса, впадающего в Кондас. Ранее существовала деревня Кекур в бассейне Яйвы, впадающей слева в Камское водохранилище, в последний раз она отмечена списках населенных мест в 1963 г. [Пермская область 1963: 27], а впервые была зафиксирована в писцовой книге Михаила Кайсарова 1623 г. по пермским вотчинам Строгановых: *деревня Кекур на роднике* [Дмитриев 1889: 158]. Это самое раннее упоминание слова Кекур в пермских памятниках письменности.

---

[28] *Полякова Е. Н.* Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья 2. // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 87–91.

Деревни с названием Кекур отмечались на Русском Севере, например в Вологодской области: в XX в. в Кичменгско-Городецком районе, в XVII в. на речке Маелге в Устюжском уезде, в XIX в. существовала деревня Березовый Кекур [Чайкина 1988: 110–111]. Такие названия зафиксированы и на территории Республики Коми в Помоздинском районе [ССКЗД: 152], в Усть-Куломском районе [Туркин: 44]. Именно из этих регионов активно шла крестьянская колонизация севера Пермского края (Перми Великой с главным городом Чердынь) в XV–XVII вв., о чем свидетельствуют не только исследования историков, но и лингвистические материалы, в частности, данные топонимии и антропонимии [Бординских 1983: 57–61].

Чем же вызвано появление деревень с названием Кекур, которое не было ни славянским, ни коми-зырянским или коми-пермяцким по происхождению? В основе ойконима лежит севернорусский апеллятив *кекур*, пришедший, по-видимому, из финских говоров (ср. финское *keko* 'копна' [Мурзаев: 268; Чайкина 1988: 111]) в поморские и архангельские русские говоры и употреблявшийся там в разных значениях: 1) 'столбообразный камень, утес, скала'; 2) 'всякая более значительная гора' 3) 'скалистый мыс'; 4) 'груда сложенных в виде пирамиды камней'; 5) 'торосы, торосистый лед' [СРНГ 13: 177]. Попадая в русские говоры на территориях, удаленных от моря, слово теряло значения, отражающие приморские реалии. В нем развивалась семантика, связанная с рекой, ср.: сибирское 'прибрежные гряды и валы из рыхлого материала, который выталкивается речными льдами, нагромождающимися во время ледяных зажоров или образуемых речными водами, выходящими из берегов' [там же; Мурзаев: 268].

В принесенном в Прикамье слове *кекур* стало актуальным значение 'гора, возвышающаяся на ровной поверхности'. По данным Пермского регионального атласа деревни с названием Кекур обычно расположены около возвышенностей: у деревни в бассейне Олыча возвышенность высотой 228 м, у деревни на Уньве – 168 м, у Кекура на Обве – 162 м [Атлас: 56, 63, 74]. Вместе с тем в слове утрачено значение 'столбообразный камень, утес, скала'. Скалистые столбообразные камни, которых достаточно много в Прикамье по рекам Чусовой, Вишере, Березовой и другим, называют обычно *столбами*: Столбы – камень на правом берегу Вишеры высотой до 50 м, Столбы – камень на правом берегу Березовой высотой до 120 м [Кривощеков: 695]. Таким образом, на территории Прикамья, где имеются высокие скалистые столбы, слово *кекур* ни как слово нарицательное, ни как топоним не было зафиксировано. Там функционируют орографические апеллятивы *гора, грива, камень, мыс, степь, столбы, чурок* и другие.

В качестве апеллятива слово *кекур* вообще не было зафиксировано в речи жителей Верхнего и Среднего Прикамья и отсутствует в пермских диалектных словарях, где собраны материалы говоров конца XIX – начала XXI в. Однако о том, что оно существовало некогда в пермских говорах как апеллятив и было понятно жителям Прикамья, свидетельствуют не только ойконимия, но и слова, мотивированные словом *кекур*, называющим высокое место. Это апеллятив *кéкерка* 'небольшое возвышение, бугорок' в Чер-

дынском районе: *Медведь-от недалеко на кекерке, на бугорочке стоит* [СПГ 1: 386], нарицательное слово *кéкорка* в значении ‘горный перевал’, зафиксированном в 1930 г. в Оханском районе [СРНГ 13: 177], и в значении ‘возвышенность’ [Мурзаев 1984: 268], географический термин *кекра* ‘холм, горка’ [там же], а также микротопонимы в Очерском районе: урочища Кекра около д. Ромаши (высота 240 м), Кекры у д. Казымово (237 м), Баранова Кекра у с. Дружба (231 м).

Поиски слова *кекур* в диалектных словарях, выходивших на протяжении последней четверти века в различных регионах России, свидетельствуют о его отсутствии в этот период в современных русских говорах (новгородских, карельских, тверских, вологодских, свердловских, шадринских, кузнецких, новосибирских, алтайских, томских, забайкальских, приамурских и других). Лишь в южных говорах Красноярского края отмечено слово *кекурь* ‘один камень на берегу или над водной поверхностью’: *Жил он как кекурь* [СРГЮРКК: 137]. На севере европейской части России и в северо-восточной Сибири употребляется слово *кекурий* ‘высокий скалистый камень на берегу моря; скалистый мыс’, ‘столбо- и столообразные скалы в вершинном поясе гор’ [СРНГ 13: 177], на Камчатке – *кекурник* ‘хаос лавового потока, пересеченного многочисленными трещинами и не покрытого растительностью. Например, Толбачинский кекурник у склонов вулкана Толбачин’ [Мурзаев: 268]. Вместе с тем с 1847 г. слово *кекур* отмечают словари русского литературного языка как областное, но попавшее в научные и художественные тексты [ССРЛЯ 5: 922].

Апеллятив *кекур* и образования от него дали топонимы, распространенные по северу России от Мурманской области до Берингова моря и даже Аляски, о чем пишет Э. М. Мурзаев: Кекурский мыс – северная оконечность полуострова Рыбачий в Мурманской области, гора Кокурная на полуострове Говена в Беринговом море, мыс Кекурский на острове Карагинском в том же море, мыс Кекурный на восточном побережье Камчатки, южнее Петропавловска, мыс Кекурный (Kekur) на Аляске [Мурзаев: 269].

Исследование пермских материалов и сопоставление с данными о слове *кекур* и образований от него в других регионах России позволили сделать некоторые выводы.

Изучать историю апеллятива *кекур* в русском языке сложно, так как он не попал в ранние памятники письменности, его не отмечают исторические словари: словарь И. И. Срезневского, СлРЯ XI–XVII вв., СлРЯ XVIII в., региональные словари [Цомакион 1971; Сибир. сл.; СПП и др.], его не исследуют авторы этимологических словарей русского языка, кроме М. Фасмера, отметившего неясное происхождение апеллятива [Фасмер 2: 221]. Как слово нарицательное *кекур* отмечается только с XIX в.

Тем не менее очевидно, что заимствованное из финских говоров в поморские и архангельские русские говоры слово *кекур* распространялось по территории России разными путями. Во-первых, оно прошло по северу со значением ‘скалистый камень на берегу моря или в море’ и закрепилось в топонимах, называющих скалы, утесы, скалистые мысы. В распростране-

нии этого значения сыграло роль освоение русскими мореплавателями северного пространства России.

Во-вторых, был и другой путь: слово *кекур* от европейского Поморья России, от морского побережья постепенно распространилось к югу (Республика Коми, Вологодская область), откуда и попало в Верхнее Прикамье. На этом пути происходили изменения в его семантике: оно теряло семы, связанные с морскими реалиями, с обозначением скалистых пород, и постепенно стало обозначать возвышенности, холмы, горы и горки, обычно находящиеся на ровной поверхности. Такие высокие места становились ориентирами, и это послужило основанием для возникновения топонимов Кекур. В Пермский край слово пришло, по-видимому, уже тогда, когда оно потеряло значение 'одинокая скала, скалистый столб на равнине', поэтому оно и не попало в оронимы, называющие столбообразные или какие-то другие по форме скалы. Оно не отмечается в уральских предгорьях или горах. Но там, где оно существовало, появились образованные от него топонимы: поле Кекурская перемена у деревни Комино в бассейне Северного Кондаса, река Кекурка – там же, Кекурка – поле у деревни Фадино на реке Вишерке, урочища с название Кекра.

По территории Пермского края проходили пути проникновения русских в Сибирь: по реке Вишере и ее притокам волоком в притоки Сосьвы, текущей по восточной стороне Уральского хребта, по Чусовой – единственной реке, пробившей Уральские горы, с конца XVI в. по сухопутной Бабиновской дороге из Соли Камской до Верхотурья. Этими путями шли в Сибирь осваивать новые земли и в поисках воли не только жители Перми Великой и Соли Камской – севера Прикамья, но и многие выходцы с Русского Севера. Они и принесли в Сибирь слово *кекур* как название холма, горы на равнине, которое там становилось топонимом, но утрачено в настоящее время как апеллятив.

4.4. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ, ИСЧЕЗНУВШИЕ ИЗ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ. Статья 3. *ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ*[29]

Поиски слов, существовавших в прошлом в говорах, но исчезнувших из живой речи в результате действия различных причин, актуальны для русской исторической лексикологии, этимологии и диалектологии, а также для исторической диалектологии отдельных регионов. Интересный материал для выявления ушедшей со временем лексики дает Пермский край, занимающий обширную территорию (160,2 тыс. кв. км.), в пределах которого русские говоры оседлого населения формировались начиная с XIV–XV вв., хотя посещение его русскими дружинами, приходившими сюда за пушным товаром – мехами, отмечается с XI–XII вв. За 5–6 столетий, прошедших с

---

[29] *Полякова Е. Н.* Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья 3. ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ // Вестник Перм. гос. пед. ун-та / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2006. Сер. филологическая. Вып. 1. С. 130–137.

начала становления русских говоров Прикамья, в речи его жителей, несомненно, происходили различные изменения, в частности в лексике: изменялась семантика многих слов, появлялись новые и уходили переставшие быть необходимыми старые слова. Об этом свидетельствует исследование истории ряда лексем, проведенное пермскими историками языка и ономатологами [ср.: Богачева 2004; Полякова 2004 а; Полякова 2006].

Источниками выявления утраченных русскими говорами Прикамья слов являются пермские памятники письменности, ономастика (преимущественно топонимы) и нерусские языки региона, заимствовавшие некогда русские апеллятивы и сохранившие их, тогда как в русских говорах они исчезли. Так, в деловых памятниках Прикамья функционировали такие забытые теперь слова, как *теремки* 'украшение перстня' или *пелькиши* 'серьги' (из коми *пель* 'ухо' и *кытш* 'кольцо'), в топонимах сохранились следы таких утраченных апеллятивов, как *кокуй* 'высокое место, гора' или *кекур*' одинокая скала, гора на равнине', в коми-пермяцком языке существует пришедшее из русских говоров слово *жир* 'комната, класс, аудитория', отмеченное в пермских текстах XVII–XVIII вв. со значением 'отдельное помещение в избе, в клети' (*«Продал избу сосновую о два жира»*; *«Клеть елевая о три жира»*), но отсутствующее в современной русской речи жителей Пермского края.

В данной статье исследуются утраченные русскими говорами и отсутствующие в других языках Прикамья (финно-угорских и тюркских), но сохранившиеся в топонимах или зафиксированные в памятниках XVII в. слова *гляде'н*, *про'сть* и *ре'дрый*.

В Пермском крае отмечается и отмечалось в прошлом несколько ойконимов и микротопонимов, образованных от слова *гляден*: деревня Гляден на правом берегу реки Усолки – притока Яйвы, впадающей в Камское водохранилище; деревня Гляденово на правом берегу Камы в Осинском районе; две исчезнувшие деревни Гляденово в Пермском районе; поле Гляден в деревне Ерзовка на Верхней Яйве; урочище Гляденово около села Острожка на реке Очере (в XVI в. здесь был основан Строгановыми Очерский острожек, от чего и возник ойконим Острожка) и др.

От ойконима Гляденово было образовано название археологической многовековой Гляденовской культуры предков коми-пермяков II в. до н. э. – IV в. н. э. Крупнейший памятник этой культуры – Гляденовское городище и находящееся на нем Гляденовское костище, расположенные на высоком мысу на берегу реки Нижней Мулянки, получили русское именование по находящейся в километре от них деревне Гляденово [САП: 55]. Дорусское название мыса и городища на нем не сохранилось.

Раскопки Гляденовского костища, проведенные впервые в 1896–1897 гг. Н. Н. Новокрещенных, и последующие исследования показали, что костище существовало с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до XVII в. н. э., на протяжении функционирования нескольких археологических культур. За столетия на жертвенном месте, которым оно являлось, накопилось ко-

лоссальное количество свидетельств духовной и материальной культуры прошлого. Найдено более 19 тысяч предметов, среди которых многочисленные изображения людей, животных, птиц и различных фантастических существ, изготовленные из меди [Поляков 1971: 26], представляющие «пермский звериный стиль».

В настоящее время в литературном языке и в живой речи жителей Пермского края (говорах и просторечии) апеллятив *гляден*, ставший основой всех рассмотренных выше имен собственных, не употребляется. К его изучению нечасто обращаются исследователи. Его нет в этимологических словарях русского языка, что понятно, так как происхождение его кажется прозрачным: апеллятив связывается с глаголом *глядеть* и не требует особых разысканий. Пишут о нем лишь топонимисты, анализирующие возникшие от него названия, например А. К. Матвеев [1987: 54] при характеристике названий поселка и деревни Глядены в Свердловской области, а также исследователи географической терминологии [Мурзаев: 145].

В русской ономастике слово Гляден отмечается с XII в. Так, известно, что владимиро-суздальцы, чтобы обеспечить себе позиции для проникновения на восток, в частности в Пермь Великую (север Пермского края), в 1173 г. в устье реки Юг построили городок Гляден, около которого с 1207 г. начинает расти Великий Устюг. Однако исторические словари нарицательной лексики [СДЯ, СлРЯ XI–XVII вв.; СлРЯ XVIII в.; СПП, Том. ист. сл. и др.] не фиксируют слово *гляден*. Нет его и в большинстве диалектных словарей XX в. (ср. словари говоров новгородских, смоленских, псковских, карельских, калининских, подмосковных, рязанских, кузбасских, красноярских, приамурских и др.).

Вместе с тем ряд источников позволил проследить историю этого слова в русском языке и его место в пермской лексике. Слово *гляде'н* имеет в русском языке фонетические варианты *гля'ден*, *гляде'нь* и *гля'день*, но семантика у них одна и та же: 'высокое место, холм, гора, с которой хорошо видны окрестности' [СРНГ 6: 227, 228]. Видимо, слово идет с Русского Севера – из Архангельской области и с Мурманского побережья, где им называли естественное удобное для наблюдений высокое место на берегу моря [Мурзаев: 145], а затем любую возвышенность, с которой хорошо просматривается округа. Слово проходит в топонимию, им начинают именовать отдельные горы, ср.: Глядень – гора против села Шарданемского, гора близ Кандалакши [СРНГ 6: 228]. С Русского Севера слово попадает в Пермь Великую, через которую шли пути за Урал, в Сибирь: по Вишере и ее притокам, по Чусовой водным путем, а также по сухопутной Бабиновской дороге от Соли Камской до Верхотурья. Термин попадает в среднеуральские говоры: *глядень* – 'высокое, открытое место' [СРГСУ 1: 107], на Алтай, с которым существовали связи уральских промышленников, и туда в прошлом шли переселенцы с Русского Севера и из Прикамья. В алтайских говорах отмечаются все варианты слова *гляден* – 'открытая высокая возвышенность, с которой хорошо обозреваются окрестности' [Алт. сл. 1: 218].

Этот географический термин прошел и во многие другие сибирские говоры, что было отмечено В. И. Далем [1: 360] и некоторыми сибирскими словарями XX в. [Новосиб. сл.: 94; Элиасов: 90]. И всюду он употреблялся не только как апеллятив, но входил и в топонимию, в частности в ойконимию. Так, на Алтае в 1909 г. возникло 4 поселка с названием Глядень 1, Глядень 2 и т. д., причем жители отмечают, что в прошлом слово произносили как Гляден [Дмитриева 2001: 77–78]. Э. М. Мурзаев отмечает населенные пункты Глядино в Ленинградской и Брянской областях, Глядены в Свердловской, Глядень в Новосибирской, Гляденское в Курганской областях, Глядень в Красноярском крае [Мурзаев: 145].

В Пермском крае апеллятив *гляден* исчез из говоров, но сохраняются возникшие от него топонимы. Все деревни и урочища с названием Гляден и Гляденово находятся на высоких местах или рядом с горой. Это обычно подчеркивают местные жители, которых просят объяснить происхождение названия, ср. сведения о деревне Гляденово Осинского района, расположенной на высоком месте: «Название деревни произошло от слова *глядеть*. Из Гляденово видна Беляевка, горы над Чураном, вершины холмов в Осинском районе» [Ширинкин 2002: 66]. Самая высокая точка близ этой деревни – 180 м., чуть далее – 237 м. [Атлас: 97]. Судя по топонимам апеллятив *гляде'н* был представлен в пермской речи только в одной форме.

Вероятно, он функционировал не во всех русских говорах, возникающих в Пермском крае, о чем свидетельствуют образованные от него топонимы. Они найдены в настоящее время не на всей территории Прикамья, а лишь к югу от Соли Камской, от реки Яйвы, преимущественно на Очере, около города Перми и в Осинском районе.

Топонимы от апеллятива *гляден* не обнаружены пока на севере, где в бассейне Колвы и Вишеры в этом значении употреблялись слова *степь* (‘поросшая лесом возвышенность’) и *камень*, но эти географические термины обычно входили в сложные топонимы (Дресвяная степь, Золотой камень), в отличие от однословных топонимов Гляден, Гляденово, в которых нет никаких определений.

Другое слово – апеллятив *прость* в Пермском крае отмечается очень редко и только в микротопонимах одной территории, а именно: вблизи истока реки Вишерки, вытекающей из Чусовского озера. Вишерка является притоком Колвы, впадающей в Вишеру – левый приток Камы. Сложные микротопонимы со словом *прость* записаны в Чердынском районе во второй половине XX в. этнографом Г. Н. Чагиным, ныне профессором Пермского университета. Это названия озер на правобережье Вишерки *Нижняя Прость* и *Верхняя Прость*, лугов на правом берегу Вишерки *У Нижней Прости*, *У Верхней Прости* и лу́га на левом берегу Вишерки *Против Верхней Прости* [Чагин 2004: 68].

Очевидно, что слово *прость* было апеллятивом, так как обычно географические термины – имена нарицательные становились второй частью сложных микротопонимов. Казалось бы, значение его в чердынских говорах установить несложно – ‘озеро’. Однако название луга на левом берегу

Вишерки *Против Верхней Прости* вряд ли могло быть дано по названию озера на правобережье этой реки. Обычно в микротопонимах со словом *против* отражалось указание на расположенный непосредственно на противоположном берегу объект. Каким мог быть этот объект? Какое значение в данном случае имело слово *prosть*?

К сожалению, пермская лексика и ономастика не дают каких-либо материалов для изучения этого термина. Он не зафиксирован ни в современных пермских диалектных словарях [СПГ; Акчим. сл.], ни в картотеках создаваемых словарей[30], ни в материалах пермских памятников XVI–XVIII вв. [СПП]. Не отмечают его и многие диалектные словари, представляющие лексику различных говоров (подмосковных, тверских, свердловских, тобольских, новосибирских, красноярских, забайкальских, приамурских и др.).

Вместе с тем слово *просmь* представлено в некоторых словарях и исследованиях, что дает возможность понять пути его проникновения в Верхнее Прикамье и его семантику.

В «Словаре народных географических терминов» дается следующая справка о слове: «Просаь – прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом на Припяти; прямая дорога. Из древнерусского *простъ* – прямой… Значение ‘прямой’ сохранилось в польском, чешском, словацком *prosty*, болгарском *прост*» [Мурзаев: 464].

Именно в значении ‘прямой путь, необъездом’ апеллятив *просmь* отмечается А. Преображенским [2: 134], рассматривающим его этимологию, и вводится со ссылкой на него в качестве первого значения слова в «Словарь русских народных говоров» [СРНГ 32: 257]. Другие значения, отмеченные в этом словаре, зафиксированы в кировских, костромских (‘прямой мелководный проток’), вологодских (‘канал’, ‘старое, заросшее русло реки’) и новгородских (название пожни) говорах.

Географический апеллятив *просmь* показан в историко-лингвистическом словаре в значении ‘прямое направление, прямой путь, протока’ с XII в. в новгородских и псковских памятниках, с XVI в. в хлыновских (вятских) документах [СлРЯ XI–XVII вв. 20: 243–244], что свидетельствует о его древнем употреблении. Отмечая это слово в русских, белорусских и украинских (*пpicmь*) говорах, Н. И. Толстой выводит его из прилагательного *prost* ‘прямой’, рассматривает семантическое развитие апеллятива (‘прямой водный путь через болото’ > ‘глубокое место на болоте’ > ‘глубокое место в реке, ручье’) и высказывает предположение о проникновении его на Карпаты из Полесья [Толстой 1969: 211].

Апеллятив проник в гидронимию. Реконструируя праславянский гидронимный фонд, В. П. Шульгач приводит лимнонимы и гидронимы из разных восточнославянских языков, восстанавливает прагидроним **Prostь* и выводит его из праславянского апеллятива **prostь*.

---

[30] Картотеки «Чердынского словаря» и «Словаря географических терминов в пермских говорах и просторечии» хранятся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Итак, слово *прость*, фиксируемое в чердынских микротопонимах, является древним славянским географическим термином. В Прикамье он мог попасть при освоении русскими севера Пермского края, проходившего в XIV–XV вв. по Чусовскому озеру, Вишерке и Колве. Камско-Колвинское поречья осваивали в древности выходцы с Русского Севера (современные Архангельская и Вологодская области), которые принесли в Прикамье севернорусские говоры раннего периода. Слово *прость* в говоры Русского Севера попало из новгородских, где сохраняется до сих пор в значении ‘проток’, а также в гидронимах – приток реки Волхов [Новг. сл. 9: 50]. В этом значении оно попало в вологодские говоры, где позднее развивается значение ‘старое, заросшее русло реки’ [СРНГ 32: 257].

Видимо, в значении ‘проток; прямой проток’ оно пришло в Прикамье, на Вишерку, но закрепилось только на одной небольшой территории. Там, где Вишерка вытекает из Чусовского озера, особенно на правобережье, расположены низкие болотистые места, на которых во время половодья образуются озера. Из этих болот и из озер текут в Вишеру два протока – *Нижняя Прость* и *Верхняя Прость*. Их устья являлись ориентиром на реке Вишерке и поэтому топонимы сохраняются на протяжении веков. В результате метонимии названия были перенесены и на болотистую местность, и на озера (*Нижняя Прость* и *Верхняя Прость*), из которых они вытекают, и на луга, расположенные по берегам протоков (*У Нижней Прости, У Верхней Прости*). Луг же на левом берегу Вишерки получил название по устью одного из этих протоков, напротив которого он расположен, – *Против Верхней Прости*. Этот способ именования объекта по устью реки, расположенному на противоположном берегу, был распространен на севере Пермского края, ср.: д. Акчим на правом берегу Вишеры названа по устью реки Акчим, впадающей в Вишеру слева.

Таким образом, очевидно, что термин *прость* был принесен с Русского Севера, употреблялся в русских говорах Чердынского района, но исчез, сохранив следы только в исследованных микротопонимах.

Слово *прость* попало в XVII в. и в сибирские говоры, но отмечается в настоящее время в сибирских исторических словарях не как географический термин, а либо в словосочетании *дать прость* ‘позволить’: *В своем государстве дал нам прость ходить по торгам с караульщиками,* 1670 г. [Сибир. сл.: 33], либо в значении ‘освобождение; облегчение (о родах): *Как то ево питье пила и от тово в родах ребенком и прость учинилась*, 1635 г. [Том. сл.: 237]. Заселение Сибири в далеком прошлом шло через Пермский край, возможно, слово *прость* употреблялось в XVII в. и в Прикамье не только как географический термин, но и в других значениях, но пока не найдено в пермских памятниках письменности.

Как название протока из болота или озера оно зафиксировано в Прикамье только в одном месте, тогда как таких протоков в болотистом и изобилующем реками и речками Пермском крае было великое множество. Однако для называния их использовались обычно другие апеллятивы: *отнога* (*Озеро есть Красное, от его отходит отнога*; *Отнога – от реки ляга: во-*

да с реки шла и получилась промоина); исток (*Исток там соединяет озеро с рекой*; *Исток бывает только из озера: из Родникова озера исток впадает в речку Черёва*; *Из болота вода течёт в речку – это тоже исток*); источина (*Из озера-то и шла вода по источине*) [Карт. СГТ].

В отличие от исследованных географических апеллятивов слово *редрый* было зафиксировано в деловых документах Пермского края, но отсутствует в ономастике. Оно употреблялось как название масти крупного рогатого скота в первой половине – середине XVII в. Это цветообозначение отмечается довольно часто на севере края – в чердынских документах, посвященных разделу (в XVII в. – *делу*) имущества: «*Досталос з делу... мерин голуб да корова редра да бычек редрой... да бычек редрой у привеза*», 1635 г. [*ЧМ 2558: 4*]; «*Мне досталос...нетель белая да корова редрая. Да мне, Наталие, з делу и з жеребию з детми досталос корова редрая лыса да другая корова редрая да нетель редрая да бычок редрой с лысиной да другой бычек порозок редрой же*», 1645 г. [*Уд: 239*]; «*Да мне Онтипе досталас корова черная рогата а другая редрая рогата же*», 1645 г. [там же: 242]; «*А живота у него Никифорка двор в Ыскоре изба да клеть да хлевина да скота у него две коровы редры да бычек редрой же*», 1648 г. [*СПИИ РАН: 799*]. От этого цветообозначения было образовано и сложное название масти – *редро-пестрый*: «*Досталось з делу...лошадей мерин карь а другой бур да корова бела а другая редро-пестрая да бычек редрой*», 1623 г. [*ЧА: 141*]; *Досталас телушка редро-пестрая*, 1648 г. [*ЧМ 2558: 4*].

И лишь в одном документе обнаружено прилагательное *редрый* в многочисленных кунгурских актах, т. е. на южной территории Пермского края, заселенной русскими позднее, чем Чердынская земля: «*В нынешнем де во 184 году украли у него Афонки корову редрую да у брата ево у Федки быка редрого ж*», 1675 г. [*КА: 24*]. Однако в других документах, написанных по этому же уголовному делу, быка и корову называют *красными* или *рыжими*: «*Кусейка крал быка красного...украли быка у русских людей на Степанове Городище а тот де бык был рыж...украли они Любишка с товарыщи у меня сироты Степанова Городища из скотного выпуску две животины корову да быка красных*» [*КА: 25, 28*].

Употребление в качестве синонимов прилагательных *редрый*, *красный* и *рыжий* свидетельствует о том, что в Прикамье словом *редрый* в прошлом характеризовали крупный рогатый скот «красной» породы (рыжий, бурый). Причина же активного вытеснения прилагательного *редрый* синонимами в Кунгурском уезде, видимо, в том, что туда в XVII в. русское население шло не только с севера Пермского края и с Русского Севера, но и из Средней России, где процесс становления цветообозначения *красный* (из нецветообозначения 'красивый'), общий для всей России, был более бурным, чем на севере.

В современных пермских диалектных материалах, а именно, в «Словаре пермских говоров» и в картотеках Акчимского и Чердынского словарей слово *редрый* отсутствует. Такая же картина наблюдается и в других русских говорах XX – начала XXI в. Так, прилагательное *редрый* зафиксиро-

вано в томских памятниках XVII в.: «*Он купил две скотины, быки редры*», 1640 г. [Том. сл.: 245]. Но оно отсутствует в томских говорах XX в. [Том. диал. сл. 3: 107]. Этого слова нет и в других диалектных словарях, составлявшихся во второй половине XX в. (ср. словари говоров новгородских, московских, карельских, калининских, среднеуральских, новосибирских, томских, красноярских, забайкальских, приамурских и других).

Имеется большая литература об этимологии слова *редрый*, свидетельствующая о его древнем происхождении [Фасмер 3: 459]. Однокоренные с ним слова существуют или существовали в различных индоевропейских языках, ср.: литовское *rùdas* 'бурый', *rùdis* 'лошадь коричневой масти', латышское *ruds* 'рыжеватый, бурый', английское red 'красный', немецкое *rot* и древневерхненемецкое *rôt* 'красный', древнеисландское *rodra* 'кровь убитого животного', древнеиндийское *rudhirás* 'красный, кровавый' и т. д. Видимо, его основа имелась уже в праиндоевропейском языке.

Прилагательное *рьдръ* естественно вошло в древнерусский язык и отмечается в памятниках с XI в., например в «Изборнике Святослава» 1073 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 22: 132]. С семантикой 'красный, красноватый, красно-желтый, рыжий, бурый' прилагательное *редръ* / *редрый* зафиксировано во многих русских текстах XIV–XVII вв. [Бахилина 1975: 34, 44, 103]. Его функционирование в деловых документах XVII в. отмечается на разных территориях России.

Но постепенно оно выходит из употребления в связи с активным вхождением в систему цветообозначений нового синонима – *красный*. Пермские памятники XVII в. свидетельствуют о широком употреблении последнего не только при обозначении цвета предметов неживой природы («*Крест аспид*[31] *красной*»; «*Сарафан кумачной красной*»; «*Рукавицы сукна красного доброго*»), но и в характеристике явлений живой природы: масти животных («*Корова красная белохрептая однорогая*»; «*Кусейко крал быка красного*» [СПП 3: 13]), оттенка соснового леса, в котором у деревьев были красноватые стволы в отличие от елового леса, казавшегося издали темным, черным («*Через тое реку Шадейку прямо в гору на красной бор до черного лесу*» [СПП 1: 49]). Появилось и прилагательное *красно-пестрый* в соответствие со старым *редро-пестрый*: «*Корова белая да бык красно-пестрый*», 1704 г.; «*Три коровы красно-пестрых да черная*» [СПП 3: 13].

Прилагательное *редрый* (и *рёдрый*) отмечено в «Словаре русских народных говоров» в диалектах Русского Севера (архангельских и вологодских) XIX в. с семантикой: 1. 'рыжий (о рогатом скоте)', 2. 'некрасивый, с рыжими волосами (о человеке)'. Там зафиксировано также существительное *редра* (и *рёдра*) как название пестрой, белоголовой коровы (1819 г.), клички рыжей коровы (1902 г.) и прозвища некрасивого человека с рыжими волосами (1885 г.) [СРНГ 35: 22]. Но в других говорах (в частности в пермских) этот словарь слова *редрый* не фиксирует.

[31] Аспид – яшма.

Таким образом, оно значительное время сохранялось в части русской речи, но постепенно вышло из употребления. Этот процесс был общим для России, он проявился и в речи жителей Пермского края, где прилагательное *редрый*, актуальное в XVII в., исчезло окончательно. Но процесс его исчезновения по-разному отражался в пермских памятниках разных районов.

Проведенный анализ трех диалектных слов, отсутствующих в настоящее время в живой речи жителей Прикамья, свидетельствует о движении в лексике даже, казалось бы, весьма устойчивой части языка – говоров. Выявленные изменения были связаны и с общим движением в словаре русского языка (ср. *редрый*), и с особенностями его развития на отдельных территориях: в одних русских диалектах слова *гляден* и *прость* сохранялись довольно долго и зафиксированы в диалектных записях и словарях, в других, в частности в Прикамье, они исчезли как апеллятивы. Материалы исследования диалектных слов показывают резкое отличие диалектной лексики и ономастики севера (Вишерско-Колвинского поречья), с одной стороны, и центра и юга Пермского края, с другой. В связи с этим возникает проблема картографирования не только диалектизмов, наиболее употребительных в районах разных областей, что успешно осуществляется в работах по «Лексическому атласу русских народных говоров», но и редких слов и образованных от них имен собственных, что актуально для общерусской и региональной исторической лексикологии.

4.5. СЛОВА *СЛУДА, СЛУДКА* В ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ТОПОНИМИИ[32]

В центральной части города Перми с 1849 г. находится Свято-Троицкая церковь, являющаяся в настоящее время кафедральным собором. Однако в живой речи жителей она обычно называется Слудской церковью, причем люди, не связанные с религией, даже не знают ее официального именования. Вместе с тем подавляющее большинство современных горожан, как правило, не может объяснить происхождение определения Слудская. Был проведен опрос более 200 человек разного возраста и различных профессий (от профессоров и инженеров до уборщиц), и оказалось, что лишь несколько опрошенных могли связать его с названием горы Слудка. И это, несмотря на то, что в справочной литературе есть указание на место расположения этой церкви – Слудка или Слудская гора [Спешилова 1999: 505], что на многих сайтах в Интернете, например на сайте «Вид на Эспланаду с горы Слудка» [Вид], есть упоминание об этой пермской горе, что о ней пишут в научно-популярных статьях, ср.: «*...поднявшись от грохочущих трамвайных путей по круто уходящей вверх улице Осинской, мы стоим на высоком*

---

[32] *Полякова Е. Н.* Слова *слуда, слудка* в пермской лексике и топонимии // Слово и текст в культурном сознании эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф.; Волог. пед. ун-т. Вологда, 2008.

*камском берегу. Это гора **Слудка**. Справа виден автодорожный мост и подальше – стройные лазоревые объемы Свято-Троицкого кафедрального собора*» [Абашев 2002: 11]. Но и название горы практически мало известно современным жителям Перми, в своей речи они используют другие ориентиры (названия улиц, остановки транспорта). Более того, отдельные лица, все-таки знающие название горы, не могут объяснить, как оно появилось, а некоторые полагают, что ее именуют по церкви.

Как же и почему возникло определение Слудская? Какова его основа? Что дает его исследование лексикологии и ономастике?

В основе слова *слудский* лежит географический апеллятив *слуда*, изучению которого в разных аспектах посвящено немало страниц в работах лингвистов и географов.

В словарях литературного языка слово *слуда* фиксируется как областное в значении 'высокий гористый берег реки' [ССРЛЯ 13: 1268] или не отмечается совсем. Однако оно встречается в художественной литературе, ср.: у П. И. Мельникова-Печерского «*...высокая зеленая **слуда** нагорного берега, отражаясь в прибрежных струях, кажется нескончаемой, ровно смоль черною полосою*» [НКРЯ: 126], «***Слуда** – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки*» [ССРЛЯ 13: 1268] или у М. М. Пришвина «*Высокий берег северной реки иногда называется **слудой***» [там же]. Словом *слуда* пользуются в географической литературе, о чем свидетельствует, например, словарь Э. М. Мурзаева [509], в котором ему посвящена большая статья, где представлены разные значения народных географических терминов *слуда* и *слудка* и образованные от них топонимы, существующие на различной территории. Здесь рассматриваются также однокоренные к апеллятиву *слуда* слова *слуд*, *наслуд*, *подслуд*.

Большой материал по поводу слова *слуда* и территории его распространения отмечается в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 38: 306–307]. В нем фиксируются омонимы *слуда*, представленные тремя семантическими группами: 1) названиями чего-либо прозрачного, гладкого скользкого (слюды, стекала, тонкого слоя льда, гололедицы) в говорах новгородских, архангельских, вологодских, пермских; 2) географическими апеллятивами в разных значениях на широкой севернорусской территории – в говорах архангельских, вологодских, беломорских, вятских, ярославских, петербургских; настоящее исследование пополняет эту группу пермским словом *слуда*; 3) названием кушанья – 'густо приготовленное кушанье из кваса и толокна' в вятских говорах. Кроме того, словарь содержит ряд однокоренных слов. Среди них омонимы *слудка* двух семантических групп: 1) названия слюды и оконного стекла в архангельских, заонежских, карельских говорах и 2) географические термины в архангельских, вологодских, вятских, пермских и удмуртских говорах. С корнем *слуд-* образованы также другие названия слюды и стекла: *слуденка* (онежский фольклор), *слудинка* и *слудья* (олонецкое), *слудочка* (беломорский фольклор), а также прилагательные *слуденой*, *слуденый*, *слудний*, *слудяной* 'слюдяной'.

Эти данные дополняются сведениями из региональных диалектных словарей. Так, в новгородских говорах зафиксированы слова *слуд* 'крутой берег реки' и *слуда* в разных значениях: 1) спрессовавшийся светлый слой песка, 2) крутой берег из известняка, 3) штабель сложенного леса, 4) стопа блинов [НОС 10: 91]. В современных вологодских говорах употребляются слова *слуда* и *слудка*. Первое отмечается с семантикой 'высокий, обрывистый каменистый берег реки' и 'пористый камень красного цвета, используемый для полировки, чистки чего-либо'; второе – в значении 'возвышенное место, горка' [СВГ 10: 52].

Слова *слуда* и *слудка* зафиксированы и в сибирских словарях, но для рассмотрения вопросов их происхождения и функционирования в Пермском крае имеют значение данные русских европейских говоров, поэтому сибирские материалы в настоящей статье не приводятся.

Исторические данные свидетельствуют о появлении в севернорусских памятниках письменности слова *слуда* в XV в. с семантикой 'высокое место, гора; скала, утес' («*А к тому селу... пожна от оврашка до **слуды***», двинская грамота) [здесь и ниже СлРЯ XI–XVII вв. 25: 119], а также об употреблении его далее, в XVI в. («*Повелением великого князя... заложиша град на Немецком рубеже на Норове, на Девичии горе, на **слуде**, четвероуголен, и нарече ему имя Иванъградъ*»). Зафиксировано и образованное от него прилагательное *слудный* 'скалистый, утесистый' («*Взыди на верх горы **слудныя***»). В текстах церковно-книжного типа языка с XII–XIII вв. употреблялись слова *слудва* («*...в **слудвы** въбегнет и врьжет себе с высоты*») и *слудвеный* («*метины на **слудвеных** живуща горахъ*»), а также *слудьба* («*Устремися все стадо свиное по **слудьбам** в мори*»).

Как омонимы XVII в. к географическому апеллятиву *слуда* и прилагательному от него в историческом словаре рассматриваются слова *слуда* в значении 'слюда' («*Надобетъ на церковное и на городовое строение и на башни гвоздей и железа и на окончины **слуды***»), *слудный* («*Одиннатцет окончин **слудных***») и *слудяной* 'сделанный из слюды' («*Фонарь **слудяной** у келаря*»). Существительное *слудва* 'слюда' составителям СлРЯ XI–XVII вв. не встретилось, но отмечено прилагательное *слудвеный* 'сделанный из слюды' («*Четыре оконницы **слудвныя** да две стеколчетыя болшия*»).

Таким образом, те две семантические группы слов (географические апеллятивы и названия слюды), которые отмечаются в говорах XX в., имеют многовековую историю. Судя по лексикографическим данным можно предположить, что более ранними, нежели *слуда*, были слово *слудва* и прилагательное от него. Однако они фиксируются в церковных текстах, а их сохранилось значительно большее количество, чем деловых памятников, для которых характерно отражение не только официальной, но и живой речи и употребление в ней слова *слуда*. Так что не исключено, что и последнее было тоже древним, но по разным причинам не попало в древнерусские тексты.

Трудно сказать что-либо о более глубокой истории слова *слуда*.

Этимологи не раз обращались к исследованию его образования как географического названия. Так, М. Фасмер сообщает ряд гипотез различных ученых о происхождении слов *слуда, слудка*, в частности пишет об их связи со словами *слюда*, а также *слуд* 'наледь, наст' [Фасмер 3: 677]. П. Я. Черных полагал возможным возводить их к индоевропейской основе *k'leu-d- (: *k'lou-d-) 'делать чистым, прозрачным, промывать' [Черных 2: 178]. Слюда – чистый, прозрачный материал, который добывали в горах. Ср. текст XVII в.: «*В тех горах среди твердого камения лежат что поясы, зовома* ***слюда*** *предивная и чистая, ту слюду тамошние жители, на то искусници, добывают с великим трудом*» [СлРЯ XI–XVII вв. 25: 150]. Гора в результате метонимии могла получить то же название, что и находящийся в ней материал. А далее шло развитие семантики появившегося географического термина. Но если слово *слюда* как название материала и прилагательные от него были известны Московской Руси и затем России, то географический апеллятив формировался и употреблялся на относительно ограниченной, севернорусской территории, являлся диалектным и продолжает оставаться таковым.

О том, что слова *слуда* и *слюда* (а также *слудка* и *слюдка*) как географические термины в прошлом были абсолютными синонимами, свидетельствуют пермские памятники XVII в. Один и тот же объект иногда в них назван обоими словами: «*А межа тое деревни Красные Слудки с государственными крестьяны Косвинского погоста что была деревня Винигорт на реке Косве вверх ис-под Кормановы* ***слюды*** *а направе против Кормановы* ***слуды*** *починка Корманова дворища*», 1623 г. [*РГАДА 1278: 46*].

Однако слова *слюда* и *слюдка* отмечаются в первой четверти XVII в.: «*Деревня Пермская на* ***слюдке*** *на реке на Очере*», 1614 г. [*РГАДА 1278: 24*], тогда как *слуда* и *слудка* – на протяжении всего века. Их фиксировали в пермских памятниках гораздо чаще, чем термины *слюда* и *слюдка*: «*Каменье ломать под Абрамовым камнем да по Яйве-реке под* ***слудкою****... под Сергиевым камнем*» [*Ш 2: 299*], «*От Патрина городища подле материк и до* ***слудки*** *и с сограми что подле кряж*» [*Ш 2: 297*], «*Пожня Переволока а межа от конец* ***слудки*** *до устья Яйвинского*» [*Ш 2: 298*], «*Вверх по Кондасу до* ***слудки*** *до черного лесу*» [*Ш 2: 319*], «*Заложили они... вотчину свою... по Сылве-реке выше Барды-реки от перебору горы Мечина от Каменной* ***слуды*** *вверх по Сылве-реке*» [*Ш* 5_1*: 295*].

Географический аплеллятив *слудка* переходит в топонимы, которые отмечаются в пермских памятниках с XVII в. В переписных актах упоминаются ойконимы: в писцовых книгах 1623 г. – «*починок* ***Слудка*** *на речке на Усолке*» [притоке Яйвы], «*починок Коротаев* ***Слудка*** *тож на реке на Чусовой*», «*деревня* ***Слудка*** *на реке на Ин(ь)ве*», «*слободка* ***Слудка*** *на реке на Каме*», «*деревня Пермская* ***Слудка*** *тож на реке на Очере*», «*пуст[ошь] что была деревня* ***Слудка*** *на реке на Очере*», в переписных книгах 1647 г. – «*село* ***Слудка*** *на реке на Каме*», «*деревня Запольская от* ***Слудки***». В пермских документах отмечаются гидронимы *Слудка* – приток Сылвы [*Ш 2:*

259] и приток Северного Тылая, впадающего в Косьву [*Ш* 5_3*: 260*]. В ороним перешел географический апеллятив *слуда*: «*Нижний конец того лугу с наволоком и с истоком до тое ж горы до* ***Слуды***» [*Ш* 5_2*: 227*].

В Прикамье образуются топонимы-словосочетания, в которых определение характеризует особенности горы, называемой *слудой* или *слудкой*: *Каменная слудка, Красная слудка*. Последнее название отмечается в разных районах Пермского края, на берегах различных рек: на Колве – «*Пожня вверх по Колве-реке на Ныробской стороне против* ***Красные слуды***» [*ЧМ 2558: 19*], на Косьве – «*А от того починка вниз шесть верст пловучи по Кос(ь)ве-реке на левой стороне* ***Красная слудка***» [*РСС 2 а: 49*], на Каме – «*Вниз Камою-рекою до* ***Красной слудки***» [*Ш* 5_2*: 616*]. Глинистые обрывы береговых гор издали кажутся красными.

Источниками географических апеллятивов *слуда* и *слудка* в русских диалектах Пермского края, формирующихся с XIV–XVI вв., послужили говоры Русского Севера, в основном архангельские и вологодские, так как именно их носители осваивали первоначально север края (современные Гаинский, Чердынский, часть Красновишерского и Соликамский районы). Особенно активно проходила стихийная русская крестьянская колонизация Пермского региона в конце XVI–XVII в. В дошедших до нас пермских документах XVI в., например, в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 г., постоянно упоминались переселенцы, но называли их просто *приходцами,* без обозначения места, с которого они переселились: «*В городе Усолья Камского... Гаврилко* ***приходец***... *Андрюша* ***приходец***» [*Я: 4 об.*], «*Деревня Нижнее Поле на реке на Яйве... Фомка* ***приходец***» [*Я: 42 об.*]. В XVII в. уже обычно указывалось, с какой территории прибыл новый житель.

Это делалось разными способами. Иногда называлась территория (река или большой населенный пункт), на которой ранее проживал человек: «*Бондюжского стана...Ивашка* ***Вага***» [*РСЧ 4: 36*], «*Деревня Шайтанова... Калинка Иванов сын* ***Варзуга***» [*КЧ: 65 об.*], «*Орел-городок... Ивашко Карпов сын* ***Вологда***» [*Е: 95*], «В *Чердыни... Афонка Афонасьев сын* ***Вологжанин***» [*КЧ: 48*], «*Крестьянин деревни Новое сельцо на реке на Сылве Ивашко Терентьев сын* ***Луза***» [*К: 179*], «*В слободе Новое Усолье... Васка Мокеев сын прозвище* ***Сия***» [*Е: 106*]. Ср. названия северных рек Вага, Варзуга, Вологда, Луза, Сия и города Вологда. Топонимы в этих случаях без всяких изменений становились прозвищами.

Чаще использовались катойконимы, переходившие в индивидуальные прозвища людей по месту их проживания до переселения в Прикамье: «*Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын* ***Белозер***» [*Е: 140*], «*Чердынец Алешка Васильев сын* ***Важеня***» [*РСЧ 4: 27*], «*Сельцо Никольское на речке Муловке... Ивашко Васильев сын* ***Верхолалец***» [*К: 121*], «*В слободе Новое Усолье... Бориско Елизарьев сын* ***Виляженин***» [*Е: 106*], «*В Чусовском Нижнем городке... Павлик Парфенов сын* ***Вондокурец***» [*К: 140*], «*В Орле-городке... Марчко Мартемьянов сын Березин* ***Вондокырец*** [*Е: 107*], «*В Чердыни... Васка Васильев сын* ***Вычегжанин***» [*КЧ: 49*], «*В Новом*

*Усолье... Ивашка Иванов сын Потеряха **Двинянин***» [*Е: 87*], «*В слободе Новое Усолье... Анашка Иванов сын **Заонежанин**... Ивашко Мартемьянов сын мясник **Каргополец***» [*Е: 106*], «*В Пыскорской монастырской слободке...Васка Давыдов сын **Кокшар***» [*К: 187*], «*В Чердыни... Федотко Микитин сын **Колмогорец***» [*КЧ: 47 об.*], «*Крестьянин деревни выше реки Ус(ь)вы на реке на Чусовой Мосейко Иванов сын Мясников **Лалета***» [*Е: 118*], «*Погост Вильгорт на реке на Колве... Меншичко Степанов сын **Мезенец***» [*КЧ: 75 об.*], «*Деревня Сосновка... Никифор **Мезеня***» [*КСАУ: 114*], «*Деревня Чудское Городище на реке на Усолке... Гаврилко Денисов сын **Моржегорец***» [*К: 142*], «*Починок Коипт... Якушко Федоров сын **Новгородец***» [*КЧ: 105 об.*], «*В слободе Новое Усолье... Левка Андреев сын Кубасов **Пиняженин**... Самсон Дмитриев сын **Тотьмянин***» [*Е: 106*], «*В Чердыни... Юшка Титов сын **Устюжанин***» [*КЧ: 50*], «*В Новом Усолье... Мишка Юрьев сын **Южанин***» [*Е: 87*]. Далее от этих именований образовывали прозвищные отчества и затем фамилии (*Белозеров, Важенин, Верхолальцев и Верхоланцев* и т. д.).

В Пермский край переселялись не только жители Русского Севера, прозвища из катойконимов которого показаны выше в отрывках из текстов документов XVII в. Новые поселенцы приходили и с других территорий: с Вятки, с Волги, из центральных и даже южных районов России того времени, многим из них были знакомы слова *слуда* и *слудка*. Однако самым ранним и самым массовым было переселение с Русского Севера, где в говорах употреблялись эти слова. Так, слово *слуда* зафиксировано в двинских грамотах XVI в. (см. выше), *slu'da* (правда, без толкования, но с ударением на u) – в русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618–1619 гг. [Р. Джемс: 79], составленном по записям речи в Холмогорах [там же: 7]. Ряд топонимов от слова *слуда* отмечается в XVII в. на севере России, ср. название архангельской деревни Белая Слуда или деревни Слуда (ныне Большая Слуда) на территории Республики Коми, которая значится в переписи 1646 г.: «*Пустошь что была деревня того ж Зеленца, **Слуда** тож на реке на Вычегде*» [Туркин: 105].

В переписной книге 1647 г. Прокопия Елизарова по Великопермским вотчинам Строгановых отмечаются жители Орла-городка на реке Каме, переселившиеся в Прикамье из архангельской Белой Слуды: «*В Орлегородке... бобыль Лучка Дмитриев сын Кузнец – **Белослудец** с Двины... бобыль Степанко Игнатьев сын Рогатово, у него дети: Ивашка, да Андрюшка, да Кирилко, у него ж подворник шурин его Ромашко Лукин сын Шибан, у Ромашки сын Петрушка – все Двиняна с **Белыя Слуды***» [*Е: 90*]. Такие переселенцы, конечно, несли свою лексику и топонимию и переносили ее на местность в Прикамье. Были прибывшие из Белой Слуды и в других районах Прикамья, о чем свидетельствует фамилия Белослудцев, ср.: «*Крестьянин села Тазовское Федор **Белослутцов***» [*Кун: 162*]. Немало Белослудцевых проживает сейчас в Пермском крае и в городе Перми [*Список*: 55].

Указание на то, что все упомянутые в пермских документах XVII в. белослудцы прибыли именно с Двины, вероятно, было необходимо, так как

тогда были известны и другие Белые Слуды, например, берег на Печоре, ниже устья реки Цильмы. Оттуда также прибывали жители в Прикамье, о чем свидетельствует фамилия Устьцилемов: «*Чердынец Ивашко* ***Устьцилемов***» [*РСЧ 4: 70*].

Итак, исследуемая лексика и топонимия функционировала в Верхнем Прикамье со времени формирования здесь русских говоров и зафиксирована с начала XVII в.

За прошедшие с той поры четыре столетия в ней произошли некоторые изменения. Так, в записях диалектной речи, сделанных во второй половине XX в., в качестве географического апеллятива отмечается преимущественно слово *слуда*, редко – *слудка*, и совсем отсутствуют географические термины *слюда* и *слюдка*, записанные в Прикамье в XVII в.

Слудой здесь называют высокую гору с крутыми склонами, находящуюся на берегу реки между двумя ее притоками с одной стороны: «***Слудку*** (село на реке Каме) *так и зовут, на* ***слуде*** *потому что*» (деревня Новая Каменка), «*По Сылве-речке их,* ***слуд-то***» (рабочий поселок Сылва), «***Слуда*** *резко выделяется на местности, возвышенность такая с лесом, я на* ***слуду*** *по грибы часто хожу.* ***Слуда*** *– крупная гора, далеко видать» (рабочий поселок Ныроб*) [СГТ: 353]. Обычно слуда резко обрывается крутым берегом к реке, и этот берег в пермских говорах тоже получил название *слуда*: «*Крутой каменистый берег реки –* ***слуда****, не подлезешь, не зацепишься*» (село Буб), «*Песчаный крутой берег* ***слуда*** *называется, лес там растет небольшой*» (с. Романово) [СГТ: 353]. В чердынских говорах слово *слуда* отмечено в отличном от других значении – ‘низкая береговая полоса, заливаемая во время половодья’: *«****Слуду****-то топит всё, только борчик не топит, на бор-от ты с реки заедешь в курью»* (д. Усть-Уролка).

Следует отметить, что географический апеллятив *слуда* весьма редко отмечался в пермских диалектных записях. Он не попал в полный «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», что вполне объяснимо: на Вишере, где расположен Акчим, в ходу другие названия берегов: *камень*, *чурок* ‘береговая скала’, *степь* ‘возвышенность на водоразделе, поросшая глухим, непроходимым лесом’. Нет слова *слуда* (или *слудка*) и в «Словаре пермских говоров», при сборе материала в различных районах края он не попал в поле зрения диалектологов. Однако апеллятив *слуда* не раз встретился при специальном сборе материала для словаря географических терминов [СГТ].

Топонимы, возникшие из нарицательного слова *слуда,* зафиксированы в Прикамье преимущественно в первой половине XX в., ср.: «*бывший починок* ***Слуда*** *в Сивинском районе*» [*СНПУО 8: 324*], «*гора* ***Городищенская слуда*** *на правом берегу Язьвы*» [Кривощеков: 326], «***Медвежья слуда*** *– кру'ткое место*» [*КЧС*]. В основном же пермские топонимы образованы от апеллятива *слудка.*

На данный момент карта Пермского края очень изменилась по сравнению со старыми картами, на ней осталось лишь три официальных ойкони-

ма от слова *слудка* (Слудка – село в Ильинском и деревня в Чернушинском районе, Красная Слудка – село в Добрянском районе), тогда как полвека назад существовало 5 населенных пунктов Слудка, а также деревни Слудина, Слудино, Дворцовая Слудка, Красная Слудка [Пермская область 1963]. Но и к тому времени уже исчезли некоторые ойконимы, отмечаемые в «Списках населенных мест Пермской губернии» 1908–1909 гг.: село Краснослудское на Чусовой [СНМПГ, Перм.: 56], починок Слудский на реке Уньве [СНМПГ, Соликам.: 39], деревня Красная Слудка на Очере [СНМПГ, Охан.: 70].

Вместе с тем в микротопонимии обнаруживаются старые названия тянущегося вдоль реки высокого и крутого берега Слуда или Слудка, по которым были наименованы связанные с ними объекты. Так, именование протянувшейся по левому берегу Березовой (притоку Колвы) более чем на 100 м. Слуды с крутым обрывом высотой до 8 м мотивировало несколько микротопонимов: речки Слудинка – левого притока Березовой (ее устье выше Слуды), урочища Слудинский Луг, на левом берегу Березовой (выше устья Слудинки), переката Слудинский, начинающегося сразу за Слудой [По реке Березовой 2004: 161].

К сожалению, многие микротопонимы постепенно уходят из речи населения и забываются, как это происходит в Перми с апеллятивом *слуда* и микротопонимом *Слудка*, использовавшимися в прошлом жителями города. С топонимом связано название Слудской церкви, о котором мы писали в начале статьи. Этот храм расположен, можно сказать, на классической слуде – горе, тянущейся по левому берегу Камы на протяжении почти трех километров от устья небольшой речки Медведки (давно убрана в трубу под землей) до поймы реки Данилихи. Со стороны Камы склон очень крутой, подняться на гору от реки (или спуститься к ней) можно было только по специально построенным лестницам.

С противоположной от Камы стороны слуды также идет длинный спуск к речке Пермянке, текущей параллельно Каме (в трубе под землей). Такой спуск с прибрежной горы – тоже признак слуды. По ее верху параллельно Каме проходят три улицы, и ширина ее высокой и ровной части в разных местах – от одного до трех-четырех кварталов. Свято-Троицкая церковь находится по отношению к другим районам Перми высоко, в самой широкой части слуды, от которой и получила название Слудской. Сама гора же в старой, а иногда и в современной литературе называется Слудкой и реже Слудской горой.

Рассмотрение судьбы слов *слуда* и *слудка*, относительно редких в памятниках письменности и в современных говорах Пермского края, позволяет проследить основные источники формирования русской речи его жителей, особенности развития семантики, связи между географическими апеллятивами и топонимами, уточнить происхождение конкретного топонима, а также обратить внимание диалектологов на поиски во время экспедиций этих слов или их следов в современной диалектной речи.

5. Пермская ономастика и отражение в ней материальной и духовной культуры

5.1. ТОПОНИМИЯ УРАЛА В ПЕРВОМ РУССКОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ – «ЛЕКСИКОНЕ» В. Н. ТАТИЩЕВА[33]

На самой старой пермской площади стоит памятник, на пьедестале которого написано: «Основатель города Перми Татищев Василий Никитич». Не каждый город может гордиться тем, что знает своего основателя. Кем же был человек, положивший начало столице Западного Урала? За что чтят его жители Перми?

Живший в первой половине XVIII в., Татищев был ярким и деятельным сторонником политики Петра I по обновлению и укреплению России, участником войн в качестве артиллериста (побед у Нарвы и под Полтавой), горным инженером, открывшим на Урале 40 государственных медеплавильных и железоделательных заводов и поселений при них, математиком и экономистом, администратором и юристом, основателем на Урале цифирных школ для обучения «рудному делу». В 1723 г. на реке Егошихе, левом притоке Камы (основной реки Западного Урала), он определяет место для строительства медеплавильного завода. Сохранились чертежи Татищева, в частности план Егошихинского завода и поселения, из которого и вырастает главный город Пермской губернии, названный в 1781 г. Пермью. На памятнике Татищев изображен именно как строитель, создатель города – с планом постройки в руках. Впрочем, не забыто и его прошлое защитника отечества: внизу, по углам высокого постамента, расположены пушки и ядра.

Выясняя, какими были запасы руды и где возможно строительство государственных заводов, Татищев объехал Западный, Средний и Южный Урал и хорошо представлял природные, географические особенности многих мест, знакомился с их названиями и причинами появления топонимов. Знание уральской топонимии впоследствии нашло отражение в его лексикографической деятельности.

Однако Татищев был не только военным, энергичным организатором складывающейся уральской и сибирской промышленности, но и одним из родоначальников русской науки, в частности, истории, географии, этнографии и лексикографии. Во время образовательной поездки в Германию в 1712–1714 гг. и «для надобностей горного дела» в Швецию в 1724–1726 гг. он изучал сочинения античных авторов и труды современников по филосо-

[33] *Полякова Е. Н.* Топонимия Урала в первом русском энциклопедическом словаре – «Лексиконе» В. Н. Татищева // Philologikal studies, Филолошки студии, Filološke pripombe, Филологические заметки, Filološke studije. Загреб; Скопье; Пермь, Любляна: Ун-т «Св. Кирилл и Методиј», Makedonija, Пермский государственный университет, Россия, Univerza v Ljubljani, Slowenija, Sveuciliste, Hrvatska, 2008 // URL: http://www.philologicalstudies. org/ (дата обращения: 30.04.2009).

фии, истории, географии, этнографии, знакомился с различными словарями, привозил в Россию много книг. Его поражали очень скудные, а зачастую и ошибочные сведения о России в трудах иностранцев; он ощущал острую необходимость в разработке и описании российской истории и географии.

Еще в 1720 г. его определили «к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной географии с ландкартами», но из-за поездки на Урал для организации заводов эту работу пришлось отложить. Однако интерес к описанию мест и происхождению их названий позволил ему накопить большой географический материал, часть которого нашла отражение в созданном им первом российском энциклопедическом словаре – «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском». Он был написан Татищевым в 1744–1746 гг. (по алфавиту от названия реки Аа до слова ключник) и послан в Академию наук с надеждой на замечания и советы к этой очень трудной работе. Ответа он не получил, но продолжал работать над дальнейшими частями словаря. Так, по данным ямских, почтовых и своих собственных записей им была составлена «книжка расстоянием мест» и словник «Лексикона» от слова Клязьма до названия Яуза – около двух тысяч слов [Вдовина 1986: 54], которые предполагалось описать.

В «Лексиконе» представлена и охарактеризована лексика различных тематических групп: названия народов и языков, сословий, государственных учреждений, должностей, званий, чинов, лексики юридической, военного дела, морской, научной, транспортной, экономической, строительной, церковной, географические названия и многое из других групп слов. Он включает 1717 словарных статей, среди которых 231 характеризует географические наименования и включает историческую информацию о них.

До XVIII столетия в России появлялись отдельные лексические словари переводного типа, глоссарии [История 1998: 50–58], однако если в них и попадала топонимия, то это были обычно названия библейских мест. Характеристика топонимов (гидронимов, ойконимов, оронимов) территории России и тем более такой далекой от столицы и мало известной тогда части страны, как Урал, впервые представлена в «Лексиконе» Татищева.

В нем рассмотрены географические названия со всей обширной территории страны: с запада (Андома – «*река в Олонецком уезде*») до востока (Анадырь «*в провинции Камчадальской*», Камчатка), с севера (Вайгач «*ускость* [здесь и далее сохраняется авторская орфография XVIII в. – *Е. П.*] *в мори Северном между заливами Вайгацким и Мазовским. С севера к оному лежит остров Новая земля*») до юга (Арал «*Островистое озеро*», Бештау «*гора в Кабарде*»).

Для ономатологов большой интерес представляют уральские топонимы в «Лексиконе», прежде всего название Уральского хребта, именуемого Татищевым Великим поясом. Он определяет его местоположение: «Великий пояс, горы каменные, на севере граничащие Азию от Европы. Они начинаются на севере при Вайгаче меж рек Печоры и Оби и продолжаются гребнем или грядою до вершины Яика и по Яику до Оренбурга». Однако Великий пояс

для Татищева больше, чем современный Уральский хребет, так как от Оренбурга горы «поворотили к востоку от Китая.., Алтай.., Саян... и проч.». Татищев называет отдельные хребты, которые «разделяются на разные имяна, яко Павлинское и Верхотурия, Волчии против Катеринбурга».

Он вводит в научный оборот слово *Урал*: «*Далее в Башкирии разные имяна, но собственно все татарскии: Урал или Пояс*». Практически именно после Татищева в научной и технической литературе утверждается топоним *Урал*, тогда как в народной речи жителей Пермского края до конца XX в. Уральские горы назывались обычно словом *Камень*. Представленная Татищевым этимология топонима *Урал* «*из татарского слова пояс*» продолжает жить и в настоящее время наряду с другими гипотезами о тюркской основе названия: из слова *арал* «остров; гора как остров на ровной поверхности» [Матвеев: 178] или из корня *ӥr-* башкирских слов со значением 'подъем' [Валеев 1996: 193].

Татищев приводит и другие названия Урала из различных источников: «*Древние географы, не имея никоего обстоятельного известия, просто Гипербореи, или Северные горы, а к северу лежащие, мнится, Рифеи имяновали. Или Рифей, те, что от Печоры к Двине продолжаются*». Вместе с тем он помещает в словаре специальную статью на слово *Гиперборея*, в которой говорит, что «*греческие и латинские древние гисторики и географы, не имея достаточнаго о северных странах известия, токмо слыша от неискусных сказывателей, что к северу лежат горы великие, которые обходят Сибирь, яко Алтай, Китык, Саян и прочие, именовали Монтес Гипербореи, то есть Горы Северные; за оными именовали земля скрытая или неведомая. И во оных горах имяновали народ скифы гипербореи*». Таким образом, название *Гиперборея* (*Гиперборея*) имело в древности более широкое значение, чем современное слово *Урал*.

В «Лексиконе» описано 11 топонимов, относящихся к Пермскому краю: *Буй* 'река', *Бярмия* 'Пермь Вычегодская и Пермь Великая', *Великая Пермь* 'город Чердынь', *Веретья* 'соляной завод', *Вишера* 'река', *Гайнинская волость* 'на границе Осинской и Кунгурской', *Говорливая гора* 'скалистый камень', *Зырянское Усолье* 'соляной завод', *Иньва* 'река', *Ирень* 'река', *Кама* 'река'. Вместе с тем в словарных статьях встречаются пермские топонимы, которые предполагалось описать далее, в отрезке словаря после слова *ключник*. В части словарных статей с помощью слова *зри* 'смотри' даются отсылки к другим статьям, ср.: *Великая Пермь* – «*Зри Пермь*»; *Бярмия* – «*Зри Емь и Пермь*», Верхотурская провинция – «*Зри Угорска*». Другую часть составляют топонимы, которые должны были попасть в продолжение «Лексикона», они перечисляется в уже составленных словарных статьях в отрезке до слова *ключник* без указания *зри*: *Косьва*, *Кунгур*, *Новое Усолье*, *Писана*, *Соль Камская*, *Сылва*, *Чусовая*.

Описаны различные топонимы Среднего и Южного Урала (*Алапаиха* 'река', *Алапаевский завод*, *Аять* 'река', *Аятская* 'слобода', *Благодать* 'гора', *Верхотурье* 'город', *Белая* 'река', *Бисерть* 'река', *Екатеринбург* 'го-

род', *Ик* 'река'), а также названы такие, которые могли быть рассмотрены в последующей части «Лексикона» (*Кушва* 'река', *Сибирь*, *Тура* 'река').

К сожалению, в составленную часть «Лексикона» не попала статья на слова *Егошиха* или *Егошихинский завод* (начало города Перми), основанный Татищевым, так как в XVIII в. чаще писали *Ягошиха, Ягошихинский завод* и эти топонимы могли попасть лишь в конец словаря. Но в топонимии Среднего Урала (ныне Свердловская область) автор «Лексикона» отмечается как основатель города или завода, например, в статье *Екатеринбург*: «*зачат капитаном Татищевым в 1721 г. строить железный завод, и зделан город немалой*», а также в статье *Благодать, гора в Верхотурском уезде*: «*Оная старанием бывшего над заводами главного начальника Татищева в 1734 году обретена, и великие заводы построены*».

Топонимические словарные статьи «Лексикона» не одинаковы по объему и содержат различный материал. Но обязательно каждая статья начинается с заглавного слова (названия), указания на названный объект и его географическое положение относительно других объектов: «*Иньва, река в Перми, течет в Каму с правой стороны, ниже реки Косвы*»; «*Веретья, соленой Строгановых завод на левой стороне Камы, при речке Веретье, против Нового Усолья, от Соли Камской 30 верст*».

В «Лексиконе» отмечаются варианты топонимов: в названии статьи – *Екатерининск* и *Екатеринбург*, внутри словаря – *Катерининск*. Показаны варианты слова *идель* 'река' в тюркских (в том числе и уральских) топонимах: *Адиль*, *Едель*, *Идель*, *Итель*.

Для названий нерусского происхождения дается перевод: «*Ик, река, имя татарское, значит великая, и оных в Уфинской провинции 3*». В отдельных случаях соотносятся русские и нерусские названия одного и того же объекта: «*Белая, татарская Ак-Идель, река великая в Уфимской провинции, которой начало в горах Уральских, и впадает в реку Каму с левую сторону*». В других статьях «Лексикона» переводятся части этого тюркского топонима: *ак* – 'белый' («*Аксай, река в Кизлярском ведомстве...имя татарское Белотечение*») и *идель* – 'река' («*Идель, Едель, от татар Волга имянована...у татар Идель многим рекам знатным прикладывано, яко Чолман-Идель – Кама, Ак-Идель – Белая и пр.*»).

Что касается языков, в которых Татищев находит основу многих анализируемых топонимов, то следует учитывать, что в первой половине XVIII в. еще не существовало сравнительно-исторического языкознания, не была разработана генеалогическая классификация языков, не исследованы древние языки на территории России, т. е. еще не было оснований для научной этимологии. Все топонимы с тюркской основой (башкирские, казахские и др.) автор «Лексикона» называет *татарскими*. Сложнее с определением *сарматский*. К сарматским Татищев относит различные языки, но преимущественно финно-угорские: «*Ильмень, озеро близ Новгорода...Имя сие сарматское, у финнов значит полое или отверстие и незапертое*»; «*Вотяки, народ сарматский*», «*Зыряне, народ сарматский*». «*Весь...Нестор пре-*

подобный написал в веси Белое озеро, оное надлежит Виисуу, еже сарматски Белая вода, имя того же Бела озера», «*Вогуличи, народ сарматский*». Но к сарматским отнесены также названия из иранских (индо-европейских) и других языков, функционировавших на юге России.

Как человек, ведущий разведку на Урале с целью найти запасы полезных ископаемых и места для постройки металлургических заводов, Татищев внимателен к природным качествам географических объектов и нередко в словарных статьях на топонимы как очевидец описывает особенности рек или гор, например, горы *Благодать* («*Благодать, гора в Верхотурском уезде...исполненная преизрядной железной руды, которой во всей Сибири лучше нет, особливо то удивительно, что на самой оной горе верху великой столп чистой железной руды вышиною аршин в 5*») или реки Ирени, текущей в карстовом районе: «*Ирень, река в Перми, которой начало в Уфимском уезде, и продолжа течение до 200 верст, впадает в Сылву близ Кунгура. Сия река хотя очень немала и водою очень прозрачна, но столько в ней известн, что животные весьма мало могут пить и жители по оной более из малых речек и колодезей употребляют*».

Татищев показывает, что природные особенности географических объектов могут быть причиной их наименования, как, например, названия скалистого Говорливого Камня на реке Вишере, порождающего удивительное эхо: «*Гора Говорливая, в Чердынском уезде на реке Вишере, имеет преизрядное ехо, или отзыв, когда на другой стороне противо оной громко и чисто закричишь, то перво ясно тоже отзовется и 2 или 3 раза убавкою первого слога, а потом шум зделает. Из пистолета выстреля, услышишь 3 как пушечные выстрелы, а потом подобно залпу из велкаго ружья загремит и продолжается более полминуты*».

Исследуя географию России, Татищев постоянно сталкивался с необходимостью изучить историю объекта и его названия. Обращение к истории привело к тому, что ученый сосредоточил свое внимание на написании «Российской истории», материалами для которой послужили древнерусские летописи, деловые акты и другие русские тексты. Многие из них были найдены и подготовлены к публикации Татищевым. Однако занятие историей не могло не сказаться на работе над «Лексиконом». Исследователи XX в. отмечали, что «*задуманный как общественно-политическое издание, в ходе работы превратился в географический словарь, содержащий некоторые исторические данные*» [Лексикон: 535].

Действительно, многие географические (топонимические) словарные статьи в нем содержат исторические материалы и даже конкретные даты. Так, характеризуя Верхотурье, Татищев пишет: «*Верхотурье, город провинциальной в Угории, или в горах Великом Поясе, по правую сторону реки Туры построен, в 1584 году, и есть крепость пограничная*». Характеризуя пролив (*ускость*) Вайгач, он сообщает: «*Сию ускость проходить галанцы и а*[нг]*личане много раз покушались, ища прохода на восток, но с немалым*

потерянием оставили, а в 1736 году русское судно до Оби, в 1737 до Енисея прошло и возвратились благополучно, которыми те проходы описаны».

Многие исторические и этнографические сообщения Татищева, совпадают со сведениями пермских памятников письменности XVII – начала XVIII в. Так, о реке Вишере, он пишет: «*Сия река течет весьма быстро, некоторые реки, впадающие в нее, особливо река немалая Колва, впадшая слева, вершинами весьма блиско реки Печоры, куда без великого труда лотки, для рыбной ловли ездящие, перетаскивают*». Действительно, жители бассейна Колвы (Чердынский уезд) собирались в артели и вели рыбную ловлю на притоках реки Печеры, в бассейн которой попадали по Печерскому волоку. Кроме того, рыбу покупали у живущих там вогулов. Так, в чердынском акте XVII в. читаем: «*В 153* (1645) *году в* [г]*оспожино говейно* [заговенье] *ходили на Печору-реку, в Порыч и в Ылыч* [притоки Печеры] *Микифор Ларионов сын из Ыскора-погоста да Онцыфер Васильев сын Судницын... имали на артиль Сидора Яковлева сына Бушкова... в Ылыче покупали рыбу у вогулич...а пошедцы говорили так: сколько рыбы накупим в артиль класти*» [*Черд. акты: 799*].

Пермские памятники иллюстрируют и некоторые этнографические данные «Лексикона». Например, в статье *Громовая стрела* Татищев пишет о народной вере в целебную и защитную силу пальчатых сосулек из спекшегося песка, появившихся в результате удара молнии: «*Громовая стрела, каменья большие кремневые, подобно стрельному копию находятся, на оба концы остро. Простой народ верит оным из облак быть и якобы они в третий год при ударе являются, а обманщики оныя во многую пользу, особливо для окачивания младенцев за великое лекарство употребляют и от несмысленых за то деньги берут*». В кунгурском акте 1705 г. тоже говорится о вере в защитную силу громовой стрелы: «*Аника Детлев на той свадьбе у него Родиона был в вежливцах а для обороны де с собою на тое свадьбу чтоб ево Родиона и жену ево сторонние люди не испортили имал громовую стрелу да святую траву*» [*КЗСИ: 523*].

Большой интерес представляют собой этнографические материалы нерусских народностей России, например, сведения о Золотой бабе у манси (вогулов): «*Золотая и старая баба, идол сарматов, которой при Стефане Пермском у пермов был, потом явился у остяков, и сущее Станкевич в Гистории сибирской сказует у кондинских, а после того у [о]бдоров, против самого устья Иртыша*». Особенно важны в этом отношении словарные материалы на этнонимы, в которых нередко отмечается самоназвание народа, его занятия, вера, обычаи. Так, в статье *Вогуличи* о народе манси читаем: «*Вогуличи, сами зовутся манчи, народ сарматской, видом более подобны остекам и самоядам, ростом малы и более толсты, одежды из кож зверей. Обитают в горах Пояса и по всей провинции угорской по лесам. Многие же из них крещение восприняли и живут деревнями... Те, которые в идолопоклонничестве... говорят, что бог есть на небе и по смерти некоторое воздаяние будет... Вогуличи же имеют идолов, токмо их не*

токмо числа, ни имяни сказать не можно, ибо все, что ему видением полюбится за бога или вещество святое и умное почтет... Звериные кожи, а наипаче всех медведя почитают, и убив, кожу ростянут, оной, сошедшись множеством, молятся и о убийстве его извиняются, возлагая всю вину на руских, мясо же с благоговением едят. Их год начинается в новомесячие, как снег сойдет».

Приводя исторические материалы, относящиеся к топонимии, Татищев опирается на сообщения древних авторов (Птолемея, Геродота, Страбона, Плиния), на старых русских писателей (ср. упоминание о крещении зырян в Вычегодском уезде в XIY в. из «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого или ссылки на «Нестерово сказание», т. е. летопись). Он использовал сведения исторических, историко-географических словарей И.-Ф. Буддея, П. Бейля, А.-А. Мартинера и И. Гибнера [Вдовина 1986: 51] и на современных ему историков, например, Станкевича или шведского ученого Ф. Страленберга, попавшего в плен к русским во время Полтавской битвы и находившегося 13 лет в Сибири и на Урале. Трудно сказать, было ли непосредственное общение Татищева со Страленбергом, однако они знали работы друг друга: Татищев ссылается на Страленберга, но и Страленберг писал по поводу замечаний, сделанных русским исследователем к словарю И. Гибнера во время поездки в Швецию в 1725 г.: «В нем не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления» [Татищев 1950: 6].

Знание взглядов Страленберга сказалось на топонимической статье, посвященной так называемой Биармии (в «Лексиконе» – *Бярмия*). Упоминание Биармии как известной по скандинавским сагам земли где-то на востоке (по отношению к Скандинавии), где течет река Вина (Северная Двина) и куда в прошлом викинги отправлялись за мехами и серебром, периодически возникало в исторической науке, начиная с XVIII в. Одни исследователи вслед за Страленбергом полагали, что из скандинавского названия Биармия и возникло слово Пермь, которым первоначально называли территорию Русского Севера и бассейна реки Вычегды, а затем это название распространилось на Верхнее Прикамье, которое с XIV в. известно как Пермь Великая. Их противники считали, что, наоборот, из слова Пермь, известного у славян еще со времен «Повести временных лет» (в ней упоминаются соседи древнерусских племен, и среди них *пермь*) скандинавами образовано название этой земли – Биармия. Татищев писал об этой ситуации: «*Бярмия, у северных писателей древних Великая Россия со всею Помориею имянована, иногда токмо королевство Корельское тако имяновали, у русских писателей имяновано Пермь*». Он не рассматривает этимологию этих слов, но подчеркивает принадлежность их разным писателям, т. е. практически разным языкам.

В топонимических статьях есть сообщения об экономических предприятиях правительства, например о Верхотурской таможне: «*Верхотурье, город провинциальный в Угории...и есть крепость пограничная для пресечения тайных провозов драгих товаров безпошлинно, где наикрепчайшее*

досмотр чинится, ибо все протчие проезды под жестоким истязанием запрещены».

Таким образом, сведения о географических названиях Урала, как и всех других именованиях России и за ее пределами, оказываются в «Лексиконе» весьма содержательными. Татищев решает лексикографические вопросы описания топонимов, разрабатывает структуру географической словарной статьи для энциклопедического словаря. В ней может содержаться большая информация, она состоит из нескольких частей. Обязательными являются 1) заглавное слово – однословный топоним (Веретья; Ирень) или словосочетание (Говорливая Гора; Зырянское Усолье); отмечаются также фонетические (Идель, Едель) и словообразовательные варианты топонимов (Екатерининск, Екатеринбург); 2) указание на местоположение названного географического объекта. В зависимости от величины, известности и значения места указание на его расположение может быть лаконичным («Говорливая гора, в Чердынском уезде на реке Вишере») или подробным: «Кама, река великая, начало ей из болот в Перми или в Вятской провинции, Кайгородском уезде. Ее течения на юг более 1000 верст и, приняв в себя много немалых рек, впадает слева в Волгу против села Богородицкого, ниже Казани 60 верст».

Остальные сведения оказываются факультативными в зависимости от имеющихся материалов. К ним относятся 1) перевод на русский язык нерусского названия с указанием на язык, в котором оно возникло (*«Арима, на сарматском языке Вотская или вятская провинция, значит крайняя земля»*); 2) название объекта на нерусском языке, употребляемое одновременно с русским (*Белая – Ак-Идель*); 3) сведения о топониме или местности в каких-то источниках или у кого-либо из авторов; 4) исторические и этнографические сведения о месте.

Прошло почти три столетия с тех пор, как Татищев стал записывать географические названия, появилось множество различных энциклопедических и специальных словарей. Но и сейчас «Лексикон» не только памятник прошлому, он продолжает быть актуальным и давать материал для размышлений и исследования. Так, этимологи, изучающие название пермской реки *Вишеры*, используют другие аналогичные топонимы. Их немного: *Вишера* – приток Волхова в Новгородской области, приток Вычегды в Республике Коми, *Вишерка* – приток пермской Колвы. Обычно эти названия и рассматриваются этимологами. Но «Лексикон» дает еще два топонима: *Гороховая Вишера* и *Кашина Вишера* – пороги на Тунгуске. Итак, появляется новый материал для исследования.

Первая половина XVIII в. – это эпоха, когда русская наука лишь зарождалась и училась говорить на русском языке, когда появились исключительные личности, закладывавшие одновременно основы разных естественных и гуманитарных наук в России. И одним из первых здесь был Татищев. В 1755 г. появится первая нормативно-стилистическая «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, в 1789–1794 гг. выйдет из печати первый «Словарь Академии Российской», созданный по инициативе и под руково-

дством Е. Р. Воронцовой-Дашковой. Но еще до этого, в 1744–1746 гг., В. Н. Татищевым разрабатывалась первая русская энциклопедия – «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». К сожалению, автор не увидел его издание, оно состоялось только в 1793 г. Но потомки высоко оценили этот первый труд, определивший дальнейшие пути создания энциклопедических и специальных словарей, в частности словарей географических названий.

5.2. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ТОПОНИМОВ НА -ИХА. ГИДРОНИМ *ЕГОШИХА*[34]

Река Егошиха протекает по центральной части города Перми и впадает с левой стороны в Каму недалеко от Речного вокзала. Ее длина – всего около 9 км, на протяжении которых она принимает три притока. Один из них носит необычное для пермской топонимии имя – Стикс, появившееся как результат искусственной номинации. Дело в том, что на мысу между Егошихой и впадающим в нее Стиксом находилось самое старое кладбище русского поселения на Егошихе, попасть на которое можно было, только перейдя через этот приток. Он отделял мир живых от «царства ушедших», как в древнегреческой мифологии река Стикс (Στύξ), по которой мрачный старец в рубище Харон перевозил души умерших в Аид – подземное царство. В Перми название Стикс могло появиться в XVIII в., его дал просвещенный человек.

Егошиха течет по очень глубокому и в ее нижнем течении широкому оврагу, который в Перми называют Егошихинским логом. В настоящее время его пересекают несколько мостов и две широкие дамбы; по ним идут автобусы, троллейбусы, трамваи, машины; часть реки, заключенная в коллекторы и железобетонные трубы, течет под землей. Ближе к устью пойма застроена производственными корпусами, а выше северной дамбы она поднялась более чем на 2 м благодаря нанесенным отложениям ила. Все это скрадывает размеры Егошихинского лога, однако и сейчас он кажется очень глубоким, а его склоны (особенно правый) – крутыми и неприступными. Каким же неприступным он представлялся в древности! Тем не менее люди обитали здесь уже в далеком прошлом, о чем свидетельствуют раскопки археологов, обнаруживших на Егошихе следы палеолитической стоянки, насчитывающей 15 тысяч лет.

Однако современное название реки в русских памятниках письменности зафиксировано относительно поздно. Первые сведения о русских селениях на Егошихе отмечены в «Переписной книге воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) года» по вотчинам Строгановых, занимавшим

---

[34] *Полякова Е. Н.* Из истории пермских гидронимов на *-иха*. Гидроним *Егошиха* // Проблемы социо- и психолингвистики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. С. 14–30.

в Прикамье громадную территорию: в бассейне Камы и ее притоков от устья Яйвы и Орла-городка вниз до реки Ласьвы (а позднее и ниже по Каме). К ним относился и бассейн Егошихи. В переписной книге Елизарова есть две записи об этой реке, являющиеся самым ранним упоминанием о ней. Первая характеризует территорию и население вотчины Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых: «*Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем двор Власко Федотов сын Карнаухов*» [*Е*: *102*]. Вторая описывает часть Петра Федоровича Строганова: «*Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем крестьян: двор Сергейко Павлов сын Брюханов, у него дети: Климко да Ивашко*» [*Е: 124*].

Жители починка (т. е. начала селения, деревни) обычно были связаны с более крупным населенным пунктом, в котором находилась церковь. Для новых поселенцев таким центром был «*сельцо Верх-Мулинское*» (современное село Верхние Муллы), в нем жили братья переселившегося на Егошиху Власка Федотова сына Карнаухова: Елисейко Федотов сын Карнаухов, Сенька Федотов сын Карнаухов, Ивашко Федотов сын Карнаухов и Никитка Федотов сын Карнаухов [*Е: 99*]. У братьев были уже большие семьи: у Елисейка сыновья Сенька, Конашко, Васька да Мишка[35]; у Сеньки – Сысойко, Парфенко да Левка; у Никитки – Пронька, Филька, Климко да Ларка [там же]. Для таких семей необходимо было достаточно много земли, но при быстром росте населения ее, видимо, уже тогда не доставало. Поэтому младший брат Власко, у которого, судя по переписной книге, еще не было сыновей, ушел (или его отправили Строгановы) осваивать новый участок на Егошиху.

В более ранней «Писцовой книге Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых» сельцо Верх-Мулинское названо Никольским по находящемуся в нем храму: «*Сельцо Никольское на реке на Каме и на речке на Муловке, а в нем церковь деревяна клецки во имя Николы Чудотворца, а в церкве Божия милосердия образ местной Николы Чудотворца*» [*К: 119*]. Правда, в итогах переписи жителей этого населенного пункта сказано: «*И всего в сельце на Мулах 41 двор крестьянских, да двор пищальнич, да 4 двора бобыльских, а людей* (мужского пола. – *Е. П.*) *67 человек да 7 дворов пустых*» [*К: 121*]. Раз были пустые дворы, значит, возникло русское поселение «*на Мулах*» достаточно давно, возможно, еще в конце XVI в.: дворы были построены, земля освоена, но по каким-то причинам их основатели исчезли (скончались или ушли в другие места). В 1623 г. в Никольском упоминаются братья «*Сенька Федотов сын Корноухов с братьею с Микиткою да с Осипком да с Евсейком*», а Власко, видимо, еще не родился. В этой писцовой книге в том же сельце записан отец другого жителя починка на Егошихе – Сергейки Павлова сына Брюханова: «*пищальник Павлик Кузмин сын Брюхан*» [*К: 121*].

---

[35] Дочерей в переписных книгах не записывали, подати и повинности налагались на мужчин и мальчиков (будущих мужчин).

С таким же названием, как в 1647 г., починок «На реке Каме и на речке Егошихе» записан в переписной книге 1678 г. [Дмитриев 1890: 163]. В нем было уже 7 дворов, 4 из которых принадлежали Брюхановым: «Демка да Яранка Ивановы дети Брюхановы... Ларька Дементьев сын Брюханов... Ивашко Сергиев сын Брюханов». Из починка выросла деревня, которую по распространенной фамилии, возможно, называли Брюхановой (Брюхановкой), а с 80-х гг. XVII в. по основной реке – Егошихой. Совпадение названия реки с именованием расположенного на ней населенного пункта было обычным в Прикамье того времени. В 1723 г. на реке по инициативе и при участии В. Н. Татищева был открыт государственный Егошихинский медеплавильный завод, а рядом вырос заводской поселок, который стал основой города Перми, учрежденного указом Екатериной II в 1780 г. в качестве центра существовавшего Пермского наместничества (будущей Пермской губернии).

Все эти изменения в названии поселения никак не сказались на гидрониме, он сохранился в том виде, в каком был впервые зафиксирован в переписной книге 1647 г., – *Егошиха*. Но когда и как возник этот гидроним, памятники письменности не сообщают, и установить это (точно или гипотетически) можно только в результате его лингвистического анализа.

Изучение этимологии названия Егошиха целесообразно начать с конца слова, с суффикса -иха, что поможет, как увидим ниже, и в установлении времени происхождения гидронима. Этот суффикс в пермских текстах XVII в. встречается в различных видах имен собственных, а именно: в андронимах (т. е. именованиях женщин по имени или прозвищу мужа) и в топонимах (гидронимах, ойконимах и названиях хозяйственных угодий). Кроме того, отмечаются мужские некалендарные имена или прозвища на -иха. Рассмотрим каждый из видов онома.

В памятниках Прикамья встречаются лишь единичные мужские именования с этим суффиксом и только в текстах XVI в.: «*Жилец Пыскора Леонтей Клочиха*» [*Я: 3 об.*], «*Погост Анисимов на реке Кемзеле... беспашенный крестьянин Микитка Опалиха*» [*Я: 18*]. Они явились основой фамилий с формантом -ихин, ср.: «*Беспашенный крестьянин Камского Усолья Андрюшка Клочихин*» [*Я: 3 об.*], «*В Камском Усолье... Калинка Иванов сын Опалихин*» [*КС: 158*].

Именования женщин на -иха, а именно андронимы, в деловых документах были тоже достаточно редкими, но все-таки отмечаются в пермских текстах с XVII в. Андронимы в прошлом, как и в настоящее время, характерны для живой речи, и в деловых текстах, которые составители старались отредактировать, их заменяли официальными именованиями. Так, в кунгурских судебных актах, где писцы, записывая показания свидетелей, обычно передавали их подлинные слова, зафиксированы андронимы на -иха: «*Терешиха, сказывала ему, Калинке, что де она толкнула, Марьица, и она де вподлинник жеребенка затонула в воду*» [*КА: 84*]. Но в приговоре по делу использовали не андроним на -иха, характерный для устной речи, а полный официальный антропоним без прозвища: «*Марья Сергеева дочь*

Терентьева жена Исакова». В русской устной речи образовывали андронимы на -иха даже от нерусских имен: «*Будучи в Кунгурском уезде в деревне Баркине в татарах, у татарки у вдовы Апасихи, а имя ей опаметовал*» [*КА: 68*]. Но в официальной части документа записан принятый в русском деловом языке сложный антропоним: «*Апасевская жена Баташева вдова Алтынычка Тойгилдина дочь*».

Несмотря на обычное употребление андронимов на -иха в устной речи, они все-таки иногда «пробивались» даже в писцовые и переписные книги, в которых обычно хорошо выдержаны нормы делового языка: «В Чердыни... вдова Стефанидка Кузмичиха» [КЧ: 51 об.], «В Чердыни... вдова Марьица Корячиха» [ЕЧ: 10 об.], «Чердынского погоста Анисимова на речке Кемзеле вдова попадья Каптелиница Давыдиха» [ЕЧ: 92 об.], «В городе Чердыни... место пустое дворовое вдовы Ефросиньицы Киселихи» [ЕЧ: 23 об.]. В пермских говорах и городском просторечии андронимы на -иха употреблялись на протяжении четырех столетий и бытуют сейчас преимущественно в говорах.

Видимо, в Прикамье андронимы на -иха сменили употреблявшиеся ранее именования женщин, образованные из притяжательных прилагательных от имени или прозвища мужа, как это наблюдается в текстах других регионов. Изучая женские антропонимы в русских памятниках письменности при разработке книги для учащихся по истории русской антропонимии [Полякова 1975], мы обратили внимание на смену формы андронима при переходе от древнерусского к старорусскому языку. В написанных древнерусским литературным языком летописях и в бытовых текстах – новгородских берестяных грамотах – женщин называли андронимами – субстантиватами из притяжательных прилагательных, образованных от именования мужа.

В Ипатьевской летописи читаем: «*Умерла Яновая именем Марья*». Кто такая Яновая? Оказывается, есть текст, из которого ясно, что это «*Марья, жена Яна*». В Новгородской летописи упоминаются *Полюжая – жена Полюда, Завижая – жена Завида*. В новгородских берестяных грамотах: *Радоковая – жена Радка, Ярошковая* (*Ярошковея*) *– жена Ярошки, Якуновая – жена Якуна* и другие: «*У Ярошковеи 9, у Завида 7 векош*[36] *и резана*», «*У попадьи у Павловеи 7 гривен*», «*5 гривен 8 кун отдай Волотковеи*» [Полякова 1975: 99]. Значительное число таких адронимов новгородских берестяных грамот описано Ю. И. Чайкиной. Среди них есть образования от мужских имен, календарных (ср.: *Давыжая* < *Давыд, Гюрьгевая* < *Гюргий*) и некалендарных (*Надеиковая* < *Надейко, Путковая* < *Путко, Теховая* < *Тех*) [Чайкина 2006: 33].

Изучив лексику и ономастику с суффиксом -иха в историческом аспекте, Ю. С. Азарх [1979: 183] также отмечала смену андронимов типа *Гюргевая, Семеновая, Ярославляя* именованиями на -иха, появляющимися в деловом языке с конца XVI в., но еще довольно редкими даже в XVII в. [см. также: Азарх 1984: 121–123].

---

[36] *Векша, резана, гривна, куна* – названия денежных единиц.

Прямых указаний на то, что древнерусские андронимы употреблялись в русской речи Пермского края, пока не найдено, но некоторые косвенные данные существуют. Так, в документах разных лет упоминается один и тот же участок, который был «*черчен*[37] *Степаном Пихтовой бабы мужем*». Такое название попадает даже в писцовую книгу 1623–1624 гг.: «*Чертеж против Березова острова над Камою, а подчерчиван вязник и осинник и всякой лес, а черчен тот чертеж Степанком Пихтовой бабы мужем*» [*К: 191*]. В прошлом в Прикамье употреблялись мужские некалендарные имена и прозвища, образованные от названий деревьев: *Береза*, *Вольха*, *Ива*, *Липа*, *Ракита*, *Сосна*. Они реконструируются по пермским фамилиям, образованным от таких именований, ср.: «*В Усолье Камском Филька Иванов сын Березин*» [*КС: 158*], «*Беспашенный крестьянин погоста Янидор Офонка Дмитриев сын* ***Вольхин***» [*КЧ: 116 об.*] и т. д. Существовало и имя *Пихта*. Вероятно, в прошлом владел упоминаемым в документах участком *Пихта*, его жену называли *Пихтовой бабой*. Он исчез (скончался или ушел), участок остался за ней (*чертеж...Пихтовой бабы*), а чертил его второй муж *Пихтовой бабы* – Степан (Степанко). Название участка возникло задолго до того, как попало в исследуемые пермские тексты, скорее всего в XVI в., когда старые андронимы (*Пихтовая*) уже исчезают. О разрушении старого андронима в данном случае свидетельствует употребление в его составе термина *баба* 'жена', обычно отсутствовавшего в именовании жены по мужу.

Среди топонимов на -иха в памятниках письменности отмечались ойконимы и микротопонимы – названия небольших рек и хозяйственных участков: полей, покосов, лугов. Общая картина появления и развития в России географических названий на -иха представлена в исследовании Ю. С. Азарх [1979: 190–195]. Они появляются на территории Новгородской земли со второй половины XV в., бо'льшая часть ранних топонимов на -иха в Новгородских писцовых книгах XV–XVI вв. восходит к апеллятивам и к отапеллятивным прозвищам, но затем растет число образований от мужских календарных имен. Ойконимы отантропонимического происхождения обычно восходят к именам первопоселенцев, владельцев земли. Отмечается постепенное движение топонимов на -иха на восток. В XVII в. отдельные названия фиксируются в переписных книгах Нижегородской земли, в Прикамье, с XVIII в. – в бассейне Средней Оби.

Однако движение должно было идти от Новгорода и на Русский Север, о чем свидетельствует топонимический ареал названий на -иха XX в., охватывающий значительную территорию – бассейны Северной Двины, Сухоны, и Юга. В Прикамье модель топонимов на -иха могла быть принесена как с Русского Севера, так и с запада, в частности, в связи с переселением старообрядцев из Верхнего Поволжья и с Вятки, но это уже с конца XVII в.

---

[37] *Чертить лес* – сводить лес под пашню, подчерчивая деревья, т. е. подрубая кору, чтобы высушить и выжечь деревья на участке и удобрить почву пеплом.

При рассмотрении русской топонимии XVII вв. Пермского края в писцовых (1623 г.) и переписных (1647 г.) книгах историком В. А. Обориным было отмечено 8 названий на -иха: 4 гидронима (*Болотиха, Омельяниха, Обросиха, Шумиха*), 2 ойконима (деревни *Попчиха* и *Кропачиха*) и 2 названия сенокосных угодий (пожни *Корелиха* и *Савиха*). Они охарактеризованы как весьма редкие на фоне других топонимов [Оборин 1968: 69].

Проведенное нами исследование географических названий на -иха по материалам пермских памятников XVI–XVII вв. позволяет несколько дополнить данные В. А. Оборина, а сопоставление топонимии той эпохи с пермскими материалами XVIII–XX вв. дает возможность представить их источники и время появления в Прикамье, а также пути распространения в Пермском крае.

Первый пермский топоним на -иха – *Глотиха* – был зафиксирован в писцовой книге 1579 г. в районе Усолья Камского (ныне Соликамский район): «*Сена на реке на Каме и в Глотихе и в прорыве шестьдесят копен*» [*Я: 8 об.*], «*Сена на реке на Каме на Боровой да в Глотихе тритцеть семь копен... сена на речке на Глотихе да на Боровой пятдесят копен*» [*Я: 9*]. Он повторяется затем в XVII в., например, в писцовой книге 1623 г.: «*Сена по реке по Каме в Глотихе 60 копен*» [*КС: 162 об.*], «*С Медветкова болотца что за Глотихою*» [*КС: 171 об*]. Топоним синкретичен, он называет и речку, и сенокосный участок (урочище, луг), примыкающий к ней (сено «*в Глотихе*», конечно, на участке, а не в речке).

Топоним мог быть мотивирован разными источниками. Участок могли назвать по его владельцу, имевшему некалендарное имя или прозвище *Глот* из слова *глот*, характеризовавшего обжору или жадного, завистливого человека. Такое именование употреблялось в России XVI–XVII вв. [СДЛСИ: 162] и, в частности, в Прикамье, где дало фамилию *Глотов*, ср.: «*В Чердыни... вдова Дарьица Михайловская жена Глотова*» [*КЧ: 51 об.*]. По участку получила название и река. В таком случае мы имеем дело с отантропонимическим топонимом на -иха.

Однако в топонимию могли перенести диалектный апеллятив *глотиха* 'черемуха обыкновенная', зафиксированный в XIX–XX вв. в ярославских, тверских, владимирских говорах [СРНГ 6: 202] и, видимо, существовавший в севернорусских говорах ранее. Он характеризовал участок по растительности на нем (или около него) либо речку по зарослям черемухи (*глотихи*) на ее берегах. В этом случае в названии нет топонимообразующего суффикса -иха.

Топонимы на -иха, зафиксированные в Пермском крае в XVII в., образованы преимущественно от некалендарных имен или прозвищ первопоселенцев либо владельцев угодий, т. е. являются отантропонимическими.

В Чердынской земле и Соли Камской, где в XIV–XVI вв. формировались самые ранние русские говоры и русская часть топонимии Прикамья, даже в XVII в. топонимы на -иха в деловой письменности были очень редкими. Они отмечались как названия участков земли, ср.: «*А мне Наталие з*

детми досталась земля туто же на дуброве с полуденную сторону в межах с Коробихою» [*Уд: 240*].

В этот период топонимы на -иха совсем не зафиксированы в бассейне Средней и Верхней Вишеры, хотя русским издавна был хорошо известен путь по этой реке за Урал и многие береговые ориентиры – камни (скалистые береговые горы) на ней в XVII в. имели уже устойчивые русские названия (*гора Писаная, гора Сторожевая, гора Дироватая* и др.). Лишь с XVIII–XIX вв. в связи с освоением земель по Средней и Верхней Вишере там возникают русские гидронимы, а также отдельные ойконимы на -иха, ср.: реки *Долганиха, Дыроватиха, Верхняя Паниха, Нижняя Паниха, Кондратиха, Тундриха, Рониха, Петелиха, Верхняя Золотиха, Средняя Золотиха, Нижняя Золотиха, Северная Мутиха, Южная Мутиха, Акуниха (Якуниха), Мошиха, Петруниха, Вижаиха, Романиха, Большая Романиха, Малая Романиха*, деревня *Романиха*, поселок *Мутиха* [Чагин 2004: 88–90].

С XVIII в. появляются микротопонимы на -иха по всему Чердынскому району. В записях материалов для диалектного Чердынского словаря в XX в. зафиксированы названия полей, лугов, полян, гарей, логов, маленьких речек, небольших озер, обычно возникших на месте старого русла реки, и других объектов, например: «*Поле Зо'рчиха называтся*» (Еранино), «*У каждой бригады было урочище, и оно имело название. То – Дуброво, У'дничиха, Бакы'риха*» (Рябинино), «*Луга назывались Орли'ха, потом Су'слиха, Гага'риха*» (Вильгорт), «*У нас поле там на этом, на лугах-то, на Сафро'нихе*» (Бондюг), «*Потом еще луг Калети'ха*» (Чердынь), «*Гора'лиха, Песково, Прота'сиха – ето гари*» (Бигичи), «*Лога в деревне: была Па'лиха, Шуха'ниха*» (Бондюг), «*Мы жили на Сумыче, там Иванчи'ха есь, мы косить ходили, место называется Иванчи'ха*» (Рябинино), «*Песте'риха – речка. Хутора по ней*» (Керчевский), «*Каба'ниха, Ковы'риха – озера. Ето озеро – Ю'диха*» (Покча). Однако такие микротопонимы в чердынских памятниках XVI–XVII вв. еще отсутствуют.

Основная территория появления в Прикамье топонимов на -иха в XVII–XVIII вв. – бассейны Очера, Чусовой и территория современного города Перми и Пермского района, ср.: деревня *Кропачиха* на речке Поповке [*Е: 103*], починок *Попчиха* в бассейне Чусовой [*Е: 97*], река *Егошиха* – приток Камы [*Е: 102*]. В то время эти земли входили в состав вотчин именитых людей Строгановых, стремившихся заселять и укреплять свои владения. Постоянное переселение Строгановыми крестьян на новые места способствовало распространению топонимов на -иха. В конце XVI в. был основан Очерский острожек (ныне село Острожка), под защитой которого возникали новые земельные участки, обрабатываемые переселявшимися сюда русскими. Активно осваивались Строгановыми и земли по берегам рек Верхняя Мулянка и Нижняя Мулянка («*на Муллах*»), а также примыкающей к ним территории современного города Перми. В итоге, в XVII–XX вв. на этих территориях распространились топонимы на -иха ср.: в бассейне Очера – урочища *Билимбаиха, Гуриха, Мизгириха*, речки *Вороних, Горбатиха,*

Горюхалиха, Кропачиха, Лариха, Тулумбаиха, Чепурниха, Шавриха, речки и леса *Дубасиха, Самсониха*, лог *Русиха* и др., на территории Перми и Пермского района речки *Батуиха, Данилиха, Егошиха, Косотуриха, Мотовилиха, Сарабаиха, Шугуриха* и т. д.

Возникавшие в живой речи топонимы на -иха, называвшие участки земли по имени или прозвищу крестьян, за которыми они были закреплены, оказывались очень устойчивыми. Так, в 60-е гг. XVII в. на маленьком притоке Очера Горюхалихе в 2–3 км. от основанного Строгановыми Очерского острожка появилась деревня Горюхалиха, название которой исследователи [ср.: Шумилов 1991: 32] связывают с именованием человека Харюхало, записанного в писцовой книге Кайсарова 1623–1624 гг.: «*Городок деревянной рубленой, что был Очерский острожек на реке на Очере... двор Артюшка Иванов сын Харюхало*» [*К: 176–177*]. В документе 1629 г., возможно, он же записан как «*Ортюга*[38] *Горюхало, сольвычегодский крестьянин*» [СДЛСИ: 140], т. е. как пришедший из Соли Вычегодской. Известно, что Строгановы были владельцами земель и солеварен не только в Прикамье, но и в Соли Вычегодской и способствовали заселению земель на Очере переселенцами с Вычегды, ср.: на Очере «*Пантелейко Васильев сын Безсонов* ***Вычегжанин***» [*Е: 104*].

Территория, на которой хозяйствовал Горюхало, и протекавшая по ней речка в народе получили название Горюхалиха. В последующей переписной книге 1647 г. нет никаких следов этого человека или его детей, но народное название принадлежавшей ему там земли и речки на ней сохранялось. И когда здесь возникло поселение (починок, деревня), то топоним был перенесен на поселение, т. е. был образован ойконим Горюхалиха.

Итак, топонимы на -иха в XVII в. возникали как названия земли, используемой с хозяйственной целью, и отражали **принадлежность** ее определенному человеку, точно так же, как андронимы на -иха отражали **принадлежность** жены мужу. Именно значение **принадлежности** конкретному лицу привносил суффикс -иха в отантропонимический топоним. Гидронимы на -иха первоначально образовывали от названия земли (участка, урочища), и они совпадали с общим ее именованием.

Поселение на таком участке могло быть основано его владельцем, и тогда ойконим и название участка совпадали. Но нередко в названиях починков (т. е. «начинающихся», обычно однодворных поселений) отражаются не антропонимы основателей и хозяев починков, а имена прежних владельцев территории, использовавших ее для посева или как сенокосное угодье. Так, в 1623 г. существовал «починок Костариха а в нем Дружинка Филиппов с братьею с Пятункою да с Тимошкою» [КЧ: 99], но человек с некалендарным именем или прозвищем Костарь, с которым связано название починка, здесь не проживал. В таком случае ойконим является оттопонимическим, в его основе лежит название участка, некогда образованное от антропонима.

[38] Артюшко и Ортюга – дериваты от полного календарного имени Артемий.

Подобная ситуация отражается в происхождении исследуемого гидронима *Егошиха*. Основой географического названия является слова *Егоша*, причем ударение в топониме *Егоши'ха* могло возникнуть только в том случае, если ударение в основе падало на последний слог – *Егоша'*. Так ли это и можно ли найти в пермских памятниках письменности этого *Егошу*?

Следует отметить, что существует несколько гипотез образования основы гидронима. По одной из них он был образован из коми-пермяцких слов *яг* и *ош* (*яг* 'лес, бор' и *ош* 'медведь') и имел значение 'медвежий бор'. Автор этой гипотезы учитывал исторические данные: на территории Перми и окрестностей существуют памятники ананьинской (VIII–IV вв. до н. э.) и гляденовской (III в. до н. э. – V в. н. э.) культур, носители которых оставили следы в пермской топонимии.

Но он не учитывал данные памятников письменности и языкознания. Во-первых, в документах XVII–XVIII вв., написанных в Пермском крае, название реки зафиксировано только в форме Егошиха (не Ягошиха), а завода – Егошихинский завод, например, в текстах «*Контора Егошихинского медеплавильного завода. Список о мастеровых за майскую треть 1734 г.*» [*Ег 1*], «*Книга долговая состоящим разным казенным и исцовым долгам и доимкам 1745 года... Егошихинской казначейской конторы*» [*Ег 2*]. Правда, в текстах XVIII в. появляется и написание Ягошиха и Ягошихинский завод, возможно, не без влияния В. Н. Татищева, уроженца Псковской земли, в речи жителей которой существовало аканье, неразличение безударных гласных. В написанном им «Лексиконе» – первом русском энциклопедическом словаре – отмечены все открытые им уральские заводы и поселения и представлено упоминание о нем самом как их основателе. Туда не могли не попасть сведения о созданном им заводе на Егошихе. Но «Лексикон» не был окончен, он написан только на отрезок от «*А*» до слова «*ключник*». Если бы Татищев писал «*Егошиха*», то упоминание о реке и о заводе попало бы в словарь. Но, скорее всего, он воспринимал название как «*Ягошиха*», и словарная статья на это слово должна была оказаться в конце «Лексикона». В форме Ягошиха в XVIII в. топоним стал проникать и в собственно пермские тексты. Разнобой в его написании продолжается до настоящего времени, хотя исследователи топонимии, знающие старые пермские материалы, употребляют только форму Егошиха.

Во-вторых, не учитывалось, что в сложных словах коми-пермяцкого языка на первом месте стоит определение, на втором – определяемое слово, т. е. *ягош* должно бы значить не 'медвежий бор', а 'боровой медведь', но гидронимов такого типа в пермской топонимии нет. Таким образом, гипотеза об основе *ягош* несостоятельна.

Существовало и мнение о том, что в основе топонима лежит дериват (неполное имя) *Его'ша* от русского полного *Егор* из календарного имени *Георгий*. Неполное имя *Егоша* в России употреблялось на протяжении многих веков, отмечается в антропонимических словарях [Петровский: 284; Суперанская: 98] и дало фамилию *Егошин* [*Е: 100*]. Однако топоним от

Его'ша звучал бы как *Его'шиха*, чего в исследуемом слове не было и нет. Так что и это предположение не подтверждается.

Наиболее убедительной является гипотеза об образовании топонима от прозвища *Егоша'*, которое могло возникнуть из слова *егоша'*, видимо, звучавшего в прошлом в русской речи. Параллельно в разных русских говорах существовали слова *егози'ть*, *егоза'* и *егоши'ть*, *егоша'*. Глагол *егозить* и существительное *егоза* закрепились как общерусские просторечные слова [ССРЛЯ 3: 1228], а глагол *егошить* 'не сидеть спокойно на месте; вертеться, суетиться' остался словом диалектным, отмеченным на Русском Севере, *егошиться* – в архангельских и вятских говорах [СРНГ 8: 318]. В архангельских говорах употреблялось также существительное *егоши'ло*.

В говорах, диалектных словарях и других источниках изучения Пермского края слово *егоша'* не зафиксировано. Но есть некоторые следы его употребления в Прикамье в прошлом – слова *егорша'* 'беспокойный, слишком подвижный и непоседливый человек' и *егорши'ть* 'быть слишком подвижным, непоседливым; егозить' [СПГ 1: 243]. Они появились в результате новой, более понятной носителям говоров мотивации (связью с распространенным именем Егор), но при этом сохранили старое ударение.

Итак, существовало нарицательное слово *егоша'*, давшее прозвище *Егоша'*, записанное в деревне Нижние Муллы в писцовой книге 1623–1624 гг.: «*Крестьянин Васька Дмитриев сын Егоша с детьми с Бориском да с Ивашком да с Родивонком*» [*К: 122*]. Упоминание сыновей говорит о том, что это был уже не юный человек.

Исследование структуры сложных антропонимов показывает, что в XVII в. употреблявшееся в народной речи некалендарное имя или прозвище описываемого человека в пермские переписные документы вводилось словом *прозвище* после его календарного имени, ср.: «*Савка прозвище Пятко Никифоров сын Полыгалов... Фефилко прозвище Нечайко Никифоров сын Полыгалов»*» [*Е: 110*]. Однако оно фиксировалось не всегда, в большей части переписных текстов отмечается только календарное имя. После имени (или имен календарного и некалендарного) записывалось именование человека по отцу. Для крестьянина это были антропонимы в форме притяжательного прилагательного от имени отца со словом *сын* (*Никифоров сын*) и прозвища отца. Именование от прозвища отца (например *Рычко*) могло сохранятся без всяких изменений: «*Кирилко Гаврилов сын Рычко обвенец*» [*Е: 115*], но могло приобрести суффикс притяжательного прилагательного: «*Галахтионко Гаврилов сын Рычков с Обвы*» [там же]. Прозвище отца (*Рычко*) становилось семейным именованием, оформленное же суффиксом -ов (-ев, -ин) оно практически превращалось в фамилию (*Рычков*), хотя в XVII в. называли такие антропонимы с суффиксами тоже *прозвищами*.

Таким образом, трехчленный антропоним (их большинство в переписных текстах XVII в.) состоял из имени записываемого человека (например *Кирилко*), прилагательного от имени его отца со словом *сын* (*Гаврилов* сын)

и прозвища отца без изменений (*Рычко*) или оформленного суффиксом притяжательного прилагательного (*Рычков*). Опираясь на эту модель сложного антропонима, в записи жителя деревни Нижние Муллы «*Васька Дмитриев сын Егоша*» определяем именование *Егоша* как некалендарное имя или прозвище отца Васьки, как мы уже видели, человека взрослого; скорее всего ему было за 30 лет, т. е. он родился у Дмитрия по прозвищу *Егоша* еще в конце XVI в.

В писцовой книге 1623–1624 гг. есть относящийся к «*Муллам*» (территории от бассейна Нижней Мулянки до устья Чусовой) ойконим, который мог быть образован от слова *Егоша*: «*Починок Егошино на речке на Молебне... двор Микитка Дементьев сын Вологжанин*» [*К: 123*]. Как видим, название починка *Егошино* не связано с именованием проживавшего в нем крестьянина, т. е. он был основан ранее неким *Его'шей* (*Его'ша* от *Егор*) или *Егошо'й* (от *Егоша'*). Предполагается, что создал его именно *Егоша'*, так как людей по имени *Егор* и дериватов от него «на Муллах» в анализируемой писцовой книге вообще нет. В таком случае починок мог возникнуть в конце XVI – начале XVII в.

Остается выяснить, где был этот починок «*на речке Молебне*». К востоку от Камы, особенно в бассейне Сылвы, было и есть немало мест, названных словом *Молёбный* и связанных с религиозными обрядами древних жителей Прикамья: «*По Сылве-реке вверх до Молебного остяцкого камня*» [*Ш 2: 258*], «*Межа от Молебного (о)врагу от Шаквы-речки в гору*» [*АПМ: 285 об.*]. Есть несколько рек с названием *Молёбка*. Следует учесть, что исследователи имеют дело с публикацией писцовой книги 1623–1624 гг., а не с подлинной рукописью. Возможно, в записи «*на Молебне*» существовала описка (вместо «*на Молебке*») или она была неправильно расшифрована при подготовке к печати, так как в скорописи буквы Н и К очень похожи, и река называлась *Молебкой*. Однако мы располагаем гидронимом *Молебна*.

Не исключено, такой *Молебной* речкой могла быть Егошиха [ср.: Шумилов 2008: 21]. На ней и основал свой починок *Егоша'* в XVI или в начале XVII в. В деловой речи починок назван *Егошино*, но в народной речи урочище, где хозяйствовал *Егоша'*, речка, протекавшая по нему, и сам починок назывались *Егошихой*.

Вместе с тем, если учитывать название речки *Молебна*(*я*) и место пребывания сына *Егоши'* в Нижних Муллах, можно предположить существование починка не на современной Егошихе, а в другом месте. В нескольких километрах от деревни Нижние Муллы и места впадения в Каму реки Нижняя Мулянка, на высоком мысу левого берега, находится один из наиболее богатых памятников древней истории Прикамья – Гляденовское городище [Оборин 1976: 36]. Оно получило название по расположенной рядом деревне Гляденово. Городище возникло в VI в. до н. э. (в ананьинское время) как укрепленное поселение и культовый центр племен, говорящих на прапермском языке, и продолжало существовать на всем протяжении гляденовской культуры (до V в. н. э.), когда из прапермского постепенно

выделился коми язык. Позднее оно использовалось переселившимися в Прикамье угроязычными остяками вплоть до XVII в. На городище в течение многих столетий действовало культовое, обрядовое место – Гляденовское костище, раскопки которого, проводившиеся археологами с конца XIX в., принесли более 20 тысяч вещей (украшений, бронзовых фигурок людей, животных, фантастических существ и др.).

О городище есть запись в писцовой книге 1623–1624 гг., в которой описаны владения Андрея и Петра Строгановых: «*Деревня Нижние Мулы на реке на Каме... той Андрееве земле межа речкою межною пониже речки Нижних Мулов, что первая речка впала в реку в Каму подле Городища, что на том Городище стоит часовня... пашни паханые Петровы на мысу от речки от останошные, что едучи к Нижним Мулам по мулинской дороге, а та речка пала в Нижние Мулы, а от тое речки по кряжу до другие речки, что впала в Каму-реку, первая речка подле Городища, смежно с Ондреем, на которой часовня стоит*» [*К: 122*]. Эта цитата говорит о нескольких речках в районе Городища.

Часовня на нем была поставлена в память архимандрита Трифона Вятского, «Житие» которого сообщает о появлении его в начале 70-х гг. XVI в. на Нижней Мулянке. Будучи монахом Пыскорского монастыря (на Верхней Каме), он на лодке спустился вниз по Каме до устья Нижней Мулянки, «*поднялся по ней до устья другой реки и здесь устроил хижину*». В «Житии» говорится, что место то «*бяше кладбище остяцкое или паки рещи: жертвище идольское*», на городище росла исполинская ель, украшенная приношениями приходивших к ней на мольбище остяков и вогулов. Трифон проповедовал христианство, боролся с язычеством и срубил ель, ибо «*если кто из христиан, не твердый волею, смеялся под деревом, ломал его ветвь или брал что-либо из приношений, с тем случались несчастья, даже смерть*». Значит, в районе Гляденовского городища в это время жили христиане, обычно русские люди.

Сведения о городище для нас важны, так как говорят о нескольких реках около него и о мольбище, на которое «*от всех стран и рек – с Печоры, Сылвы, Обвы и Тулвы князи их остяцкий Амбалт, вогульский Бебек и инии мнози языци со всем своими улусы, остяки и вогуличи со всех ловель своих ту во едино место съезжахуся*». Одна из рек около городища и могла называться в XVII в. Молебной, исследователь религиозных представлений остяков И. Ю. Пастушенко считает ею реку ниже Гляденовского городища [Пастушенко 2001: 114]. В этом случае «*починок Егошино на речке Молебне*» следует искать поблизости от Нижних Муллов, он не имел отношения к современной Егошихе.

Однако, возможно, *Егоша'* первоначально жил в районе Нижних Муллов, обрабатывал там какой-то участок, основал на одной из речек у городища (*Молебной*) починок, а впоследствии мог переселиться (или быть переселенным Строгановыми) и начать осваивать земли на Егошихе, дав ей свое имя.

Итак, мы знаем именование человека (*Егоша'*), которое могло стать основой топонима *Егошиха*, и время, когда мог появиться гидроним (конец XVI – начало XVII в.). Конечно, это гипотеза, но это единственная гипотеза, для которой находим лингвистическое и историческое основание.

Исследование возникновения только одного гидронима современной Перми с учетом лингвистических и исторических материалов дает ряд результатов. Реконструировано пермское диалектное слово *егоша'* 'егоза', не зафиксированное ни в каких других русских источниках (дополняются данные исторической лексикологии), определены его истоки (говоры Русского Севера, архангельские), изучена структура сложных антропонимов переписных текстов XVII в., определены время начала употребления топонимов на -иха в Прикамье (конец XVI – начало XVII в.) и место их раннего распространения (владения Строгановых в бассейне Очера и на территории современной Перми), рассмотрен вопрос об общем значении принадлежности суффикса -иха. Все именования с этим суффиксом передавали принадлежность лица или объекта тому, от имени или прозвища кого они образованы: принадлежность мужу (андронимы на -иха), принадлежность хозяину участка, угодья (топонимы). Общее название угодья (пашни, сенокосного участка, леса) на -иха по принадлежности переходило на речку, текущую по нему (появлялся гидроним) и на поселение на нем (возникал ойконим). В XVII в. топонимы на -иха образованы обычно от некалендарных имен и отчеств, так как они возникали в живой речи, а не в официальном, деловом языке. Анализ происхождения топонимов на -иха затрагивает не только лингвистические, но и социальные проблемы: такие географические названия создавались от именований пашенных крестьян, за которыми были закреплена определенная земля и которые должны были в соответствии с этим платить подати.

5.3. К ИСТОКАМ НАЗВАНИЯ *ПЕРМЬ*[39]

В 1647 г., т. е. 360 лет тому назад, в «Переписной книге воеводы Прокопья Козмича Елизарова по вотчинам именитых людей Строгановых» впервые упомянут населенный пункт на территории современного города Перми – починок (вновь образованное, «початое» поселение) на реке Каме в устье реки Егошихи, в котором жили владельцы крестьянских дворов Власко Федотов сын Карнаухов и Сергейко Павлов сын Брюханов с сыновьями Климком и Ивашком. По антропонимам (именам, именованиям по отцу и фамилиям) нетрудно установить, откуда пришли сюда эти крестьяне. Так, в писцовой книге 1623 г. в сельце Никольском на речке Муловке (ныне село Верхние Муллы на речке Мулянке в пригороде Перми) записан крестьянин *Павлик Кузьмин сын Брюханов*, а в 1647 г., судя по переписной

[39] *Полякова Е. Н.* К истокам названия *Пермь* // Глаголъ: Перм. филол. журнал. № 1. 2007. С. 3–8.

книге, один из его сыновей (*Коземка Павлов сын Брюханов*) продолжал жить в Никольском, другой же (*Сергейко Павлов сын Брюханов*) переселился на Егошиху. У другого поселенца на Егошихе *Власка Федотова сына Карнаухова* в 1647 г. в Никольском тоже жили братья *Сенька, Никитка и Елисейко Федотовы дети Карнауховы*. Так что и *Власко Карноухов* был из того же села.

Какую культуру, какую речь, какие географические названия могли принести на Егошиху первые ее поселенцы? Понять это позволяют данные ономастики, т. е. имена собственные.

В Никольском (сельце Верх-Муллинском) и относящихся к нему деревнях, как свидетельствуют переписные документы, в начале XVII в. жили выходцы с Верхней Камы и ее притоков, а также с Русского Севера (ныне территория Архангельской и Вологодской областей). В переписных документах обычно указывалось, откуда пришли новые жители, и в писцовой книге 1623 г. отмечены выходцы из Прикамья – с Обвы, Иньвы, из Усолья, т. е. из поселений в вотчинах Строгановых (ср.: *Федька Захарьев сын Обвинец, Тараско Семенов сын Инвинец, Осипко Иванов сын Усольцов*), и с Русского Севера: *Микитка Семенов сын Вологжанин* (из Вологды), *Андрюшка Антонов сын Важенин* (с реки Ваги), *Ивашка Иванов сын Третьяков Пенежанин* (с реки Пинеги), *Артюшка Васильев сын Верхолалец* и *Аничка Васильев сын Верхоланцев* (с реки Лалы).

Процесс освоения русскими бассейнов Верхней и Нижней Мулянок в последующую четверть века шел очень активно. С севера Пермского края, из Чердыни и Соли Камской, в более теплый и удобный для хозяйствования район Прикамья переселяется большое число крестьян. В чердынской переписной книге Прокопия Елизарова 1647 г. встречаются постоянные отметки «двор пуст», так как крестьянин «сшол в Сибирь» или «сшол безвестно», т. е. неизвестно, куда именно. Но в его же переписной книге по вотчинам Строгановых некоторые имена и фамилии всплывают «на Муллах». Здесь вообще много переселенцев из Чердыни (например, *Захарко Иванов сын Сковородка Чердынец*), из чердынских погостов (сел) и деревень: Анбура (*Мишка Анферов сын Онтал Чердынского уезда из Анбора погоста*), Гайн (*Сергейко Ларионов сын прозвище Богдашка Чердынского уезда из Гаен*), Губдора (*Васька Федоров сын Чердынского уезда из Губдора погоста*), Долды (*Ивашко Дементьев сын Шебунин Чердынского уезда с Долды*), Зулы (*Савка Васильев сын Чердынского уезду из Зулы*), Койпта (*Гришка Максимов сын Бырылев Чердынского уезду из Койпта погоста*), Кольчуга (*Гришка Арефьев сын Орехов Чердынского уезду из Кулчуга*), Лимежа (*Никифорко Васильев Чердынского уезду из Лимеша*), Покчи *Кондрашка Иванов Чердынского уезда Покчинского погоста*), Ракина (*Левка Алексеев сын Ракинцов Чердынец*), Сумыча (*Матюшка Григорьев сын Лунцын Чердынского уезду из Сумыча*) и т. д. Есть здесь переселенцы и из Соли Камской (*Киприянко Назаров сын прозвище Жданко от Соли Камской, Федька Иванов сын Мерзлые Каши Соликамского уезду, Мосейко Козмин сын Черепа-*

новых Соликамского уезду с Косьвы, Данилко Федотов сын Соликамского уезду с Зырянки, Мишка Игнатьев сын Кыласов Соликамского уезда).

Продолжается приток выходцев и с Русского Севера, из бассейнов рек Северной Двины (*Никандрко прозвище Сидорко Софонов сын Двинянин*), Пинеги (*Ивашко Сергеев сын Пиняженин*), Мезени (*Сергейко Сергеев сын Красильник Мезенец*), Ваги (*Андрюшка Антонов сын Важенин*), Вологды (*Федька Никитин сын Вологжанин*), Выми (*Тимошка Селиверстов сын Селиванов с Усть-Выми*), Вычегды (*Ивашко Иванов сын Вычагжанин*), Лузы (*Ивашко Пахомов сын Лузянин*), Сысолы (*Семенко Лукоянов сын Ушаков с Сысоля*), Юга (с устья Юга *Матюшка Пахомов сын Устюжанин*). Прибывали сюда с Верхней Камы из Кайгородка (*Исачко Дмитриев сын Кайгородец*) и с Вятки (*Родионко Прокопьев сын Проторчин Вятчанин*).

Таким образом, первые переселенцы, отмеченные в устье реки Егошихи, скорее всего, были носителями северных пермских (севернорусских) говоров и общались с такими же людьми, что должно было сказаться на их речи, материальной и духовной культуре. И хотя дальнейшее развитие пермских северных и муллинских говоров шло разными путями и иноязычное окружение их было различным (на севере коми, «на Муллах» татары), но сохраняется много общих для Пермского края старых диалектных особенностей.

На Егошихе выросла деревня Брюханова (по фамилии Брюханов, которая существует в Перми и в настоящее время), а в 1723 г. на реке выше деревни по представлению В. Н. Татищева был основан государственный Егошихинский медеплавильный завод, который и принято считать основой города Перми. Итак, с появлением города связаны поселения, уже имевшие названия (река Егошиха, деревня Брюхановка, Егошихинский завод). Почему же при основании на месте заводского поселения губернского города указом Екатерины II ему было дано новое имя – Пермь? И почему именно Пермь?

Причина, по которой правительство дало новому городу название Пермь, понятна. В 1780 г. на Урале было образовано обширное наместничество, которое затем стало губернией. Она охватывала колоссальную территорию современного Пермского края, Свердловской области, части Тюменской, Курганской областей и Республики Коми. Жителям Центральной России и столицы земля на востоке (в бассейне Верхней Камы) была известна как территория, на которой с конца XIV в. до XVIII в. существовала Пермь Великая. И вся часть России в бассейне Верхней и Средней Камы считалась пермской. Естественно, и губернию называли Пермской по наиболее известной ее части.

Нужен был такой центр этой губернии, с которым было бы нетрудно связаться из столицы и который стоял бы на пути в Сибирь. Наиболее удобным оказалось место расположения Егошихинского завода: на большой реке Каме, близко от устья ее притока Чусовой – единственной реки, которая преодолела Уральские горы и непосредственно связывала европей-

скую и азиатскую часть обширной территории. Реки в ту пору были главными транспортными путями. Здесь и должен был разместиться главный город Пермской губернии, который логично было назвать Пермью, что и случилось в 1780 г.

Итак, город назвали Пермью, потому что край был Пермским, потому что тут существовала некогда Пермь Великая. А откуда слово Пермь в этом названии? Что оно значило? Почему так называли Верхнее Прикамье? Попробуем ответить на эти вопросы.

Спросите жителей Перми, почему так назван их город. Половина ответит, что просто не знает. А 80 % второй половины ответят: «Название города образовано от слова *парма*». Действительно, слово *пАрма* (с ударением на первом слоге) звучало и звучит в речи жителей Прикамья. Оно возникло в говорах коми-пермяцкого языка, где им обычно называют гору, возвышенность, покрытую девственным лесом, или густой лес на возвышенности. Известно оно и в коми-зырянских говорах как термин, называющий лесистый кряж, увал. Из коми языка оно проникло в русские говоры Пермского края, где тоже называет глухой лес обычно на возвышенности. Это слово не раз записывали во время диалектологических экспедиций в Чердынском, Красновишерском, Соликамском, Лысьвенском, Добрянском районах, в русских говорах Коми-Пермяцкого округа, ср.: *Пармой всегда лес густой зовут, непроходимый лес, тайга это; Раньше пармой называли дикий, дремучий лес; Темный лес – елка, пихта, сосна. Самый густой – там уже парма; Ето лес называтся парма – густой, нерубленой, он как стена стоит.* В некоторых русских говорах Прикамья слово произносится с ударением на последнем слоге (*пармА*) и с тем же значением: *В нашей пармЕ, таком густом лесу, заблудиться можно. ПармОй у нас зовут густой высокий лес. Там даже в солнечный день на землю не попадает солнце*. В говорах появилось и слово *пАрмица*: *Дочь с мужиком в парму уехали, её раньше пАрмицей звали – парму-то.*

Нарицательное слово *парма* прошло и в топонимию, т. е. стало употребляться и как имя собственное. *Пармой* называли населенные пункты, ср.: поселок и станция Парма на левом берегу Косьвы – притока Камы, бывшие деревни с таким же названием в бассейне Язьвы, впадающей в Вишеру, и на левом берегу Котыса – притока Иньвы, впадающей в Каму. Слово *парма* используется в названии многих урочищ, расположенных на возвышенности и поросших густым, обычно хвойным лесом: *Осиновая Парма* между рекой Южной Кельтмой, впадающей в Каму, и ее притоком Лопьей; *Ямжачная Парма* между Ямжачем и Кисурьей – левыми притоками Колвы. Несколько названий возвышенностей, покрытых густым лесом, отмечается в бассейне реки Молмыс – правого притока Язьвы, впадающей в Вишеру: *Быстрая Парма* (названа по реке Быстрой, текущей в Молмыс), *Былинская Парма, Веселая Парма*. Все эти *Пармы* находятся в северной части Пермского края. Однако слово отмечено и в Перми, его могли при-

нести сюда еще первые русские переселенцы. Так, в микрорайоне Вышка II записано: *Парма – здесь первая возвышенность, затем перевалило* [образовался перевал], *лес там.*

Ну, чем не подходит это слово как основа названия *Пермь*? Тем более, что Пермь стоит на горах, в прошлом покрытых густым хвойным лесом. И, тем не менее, не подходит! Не позволяют этого фонетические законы языка: в слове *парма* первый гласный звук А (заднего ряда) не мог перейти в звук Е (гласный переднего ряда). И заметьте: всюду в перечисленных и других топонимах сохранилось слово *парма*, но нигде из него не возникло название *пермь*. Так что **неправильным** является утверждение, что название нашего города восходит к слову *парма*. Представление об этом возникло как результат народной (или ложной) этимологии, когда близкие по звучанию слова рассматриваются как связанные родством.

И тем не менее это **неверное** утверждение оказывается в Перми очень стойким. Более того: в 70-е гг. прошлого века мне пришлось читать лекции о топонимах Перми, специально организованные Пермским туристическим бюро для экскурсоводов. Я очень старалась донести до слушателей реальную картину возникновения названия Пермь. Но когда с одним из них отправилась на экскурсию по городу, сопровождая своих коллег-лингвистов, приехавших в Пермь на научную конференцию, мы все вновь услышала от экскурсовода, что в основе названия нашего города лежит слово *парма*. Видимо, это поэтичное и простое объяснение, оказывается очень удобным, хотя уводит далеко от истины. А где она, истина?

Оказывается, слово *Пермь* живет в русском языке более тысячи лет, т. е. появилось задолго до возникновения нашего города, но в разные эпохи оно называло разные реалии и имело различные значения.

Впервые оно было зафиксировано в летописном памятнике – «Повести временных лет», дошедшей до нас в составе «Лаврентьевской летописи» XIV в., но содержащаяся в ней Начальная летопись, полагают, написана еще в XI в. В ней повествуется и о прошедших задолго до этого временах и событиях. Например, рассказывается (без датировки) об основании Киева, о трех братьях: «единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив…Седяше [жил] Кий на горе, где же ныне увоз [взвоз, подъем в гору] Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Хоревица. И створиша [построили] град во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киев». Очень близкие сведения – армянский вариант этой легенды находят в датированной VIII в. «Истории» Зеноба Глака: три брата Куар, Мелтей и Хореан выбрали хорошее место, обильное лесами и зверем, построили три города, и происходило это в земле палуни (ср. название славянского племени, обосновавшегося в районе Киева, – поляне). Видимо, и славянский текст мог возникнуть в тот же период.

Очень древней могла быть и запись в летописи о древних восточнославянских племенах (полянах, древлянах, кривичах, радимичах и др.) и их со-

седях, о которых читаем: «*Суть инии языци, иже дань дають Руси* [Есть другие племена, которые дань дают Руси]: *чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва,* ***пермь,*** *печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь. Си суть свой язык имуще...* [У каждого из них свой язык]». Так впервые среди названий различных племен было записано и слово *пермь*. Рядом со словом *пермь* находим другой этноним (название племени, народа) – *печера*. В древности нередко название земли, основной реки на ней и живущих там племен совпадали. Так и название народа *печера* совпадает с названием реки Печоры, протекающей по востоку современной Республики Коми (здесь и далее см. карту «Север европейской части России»).

Может быть, и *пермь* располагалась где-то рядом, по-соседству? Действительно, как показывают исследования историков и археологов, к западу от *Печеры*, в бассейне реки Вычегды и в верховьях Мезени, проживала *пермь* (*пермь вычегодская*) – предки современных коми-зырян. И первоначально *пермью* называли именно их и только их.

В конце XIV в. талантливым русским писателем Епифанием Премудрым было написано замечательное произведение «Житие Стефана Пермского», ставшее исключительно важным источником по истории севера европейской части России.

В нем описана подвижническая жизнь Стефана Пермского, причисленного к лику святых за подвиг в приобщении к христианству, в крещении пермян (*перми*) и установление тесной связи *Перми* (*Вычегодской*) с Москвой, за что и было дано ему такое прозвание – Пермский. Он составил пермскую грамоту и перевел на язык пермян священные тексты. В то же время он не только проповедовал православие и противостоял язычникам (их религиозному главе Паму), но и помогал пермянам в голодные годы, приводя из Вологды и Устюга обозы с хлебом. Епифаний Премудрый очень эмоционально в стиле плетения словес описывает подвиг Стефана в создании пермской азбуки, противопоставляя его создателям греческой азбуки, которую долгое время вырабатывали 70 мужей-мудрецов: «*Пермскую же грамоту един чернец сложил, един составил, един мних* [монах], *един калогер* [монах], *един инок, Стефан, глаголю.., един в едино время, а не по многи времена и лета, как они*».

В этом тексте Епифания Премудрого очерчены границы территории той Перми, где действовал Стефан, т. е. Перми XIV в.: «*А се имена местам, и странам, и землям, и язычникам, живущим около Перми: двиняне, устюжане, вилежане, выче(г)жане, пенежане, южане, сырьяне, гайяне, вятчане, лопь, корела, югра, печера, гогуличи* [вогуличи], *самоядь, пертасы,* ***пермь великая, глаголемая Чюсовая***». Здесь по рекам названы русские жители севера (двиняне, жившие по реке Северной Двине, пенежане – по Пинеге, устюжане – по Югу, вилежане – по Виледи и т. д.) и нерусские племена (лопь, корела, югра, печера и др.). *Пермь* (пермяне) жила по Вычегде и ее притокам (по Выми, Сысоле). Местом пребывания Стефана была Сысола (Усть-Сысольск, сейчас Сыктывкар – столица Республики Коми).

Именно по той Вычегодской Перми и получил свое именование Стефан, в Камской Перми (т. е. в современном Пермском крае) он никогда не был, но начатое им дело – крещение пермян – продолжалось впоследствии и в бассейне Камы.

Для исследователей очень важно первое в истории упоминание среди соседей Вычегодской Перми «*Перми Великой, глаголемой [называемой] Чусовою*». Это север современного Пермского края: Гаинский, Чердынский, Косинский районы, части Красновишерского, Соликамского, Усольского районов. Начиная с XIV в. именно Пермью Великой называли эту часть Руси.

Почему Пермью? – Потому что жители ее говорили почти на таком же языке, как уже известная *пермь* в Перми Вычегодской: коми-пермяцкий (в Прикамье) и коми-зырянский (на Вычегде) языки и сейчас очень близки, а в XIV в. воспринимались как один язык.

Почему Великой? – По этому поводу есть разные мнения. Историки в основном считают, что она воспринималась как очень большая (*великая*) земля, гораздо бОльшая по территории и плотности населения, чем Пермь Вычегодская. Но кто мерил в XIV в. земли и жителей на востоке? Выдающийся русский этимолог О. Н. Трубачев, инициатор и руководитель большой работы по исследованию истоков, происхождения славянских слов, главный редактор «Этимологического словаря славянских языков» (вышло уже 33 выпуска), изучив топонимы со словом *великий*, пришел к выводу, что им на Руси характеризовали первоначально далекую и неизведанную или малоизведанную территорию. Эта характеристика очень подходила к Перми Великой (с центром в Чердыни), которая только в 1472 г. официально вошла в состав Русского государства, хотя, как мы уже видели, еще в XIV в. есть первое упоминание о ней, и, возможно, на Руси знали об этой земле и гораздо раньше. Путь в Пермь Великую описан в «Житии Стефана Пермского»: «*Не знамо, како из единоя страны истекосте* [вытекли] *две реце, Вычегда и Кама, овы* [одной] *убо воды грядяху на полнощь* [текут на север], *овы ж на полдни* [другой – на юг]». Действительно, русские в древности попадали с Вычегды и ее притоков в близкие к ним притоки Камы, т. е. в Пермь Великую.

Итак, Пермь Великая унаследовала название *Пермь* от другой Перми – Вычегодской. Постепенно название последней в памятниках исчезает: ее стали называть Малой Пермью и Пермцей. А употребление названия Пермь Великая привело к тому, что тоже постепенно уже просто Пермью стали называть территорию севера современного Пермского края, откуда и пошло название всей Пермской губернии и ее центра – губернского города Перми.

Вместе с тем, выяснив, как попало название *Пермь* в Прикамье, мы еще не установили, а как возникло само слово *пермь*, какова его этимология (происхождение). Было множество попыток сделать это, различные гипотезы в разное время выдвигались историками, географами, лингвистами,

фольклористами, краеведами. Были решения, не выдерживающие критики, например географа Н. И. Шишкина. Он предполагал, что слово *пермь* явилось результатом сложения названий двух племен: одно из них (*емь*) шло на восток, другое (*пер*) с Печоры на запад. Они столкнулись и смешались в бассейне Вычегды, и от соединения их названий (*пер* и *емь*) возник этноним *пермь*. Исторически эта гипотеза недоказуема.

Фольклористы (например Л. С. Грибова) связывали название Пермь с именем фольклорного коми-пермяцкого богатыря Перы. Но другие фольклористы, изучавшие коми-пермяцкий эпос (М. Н. Ожегова), считали легенду о Пере-богатыре возникшей относительно поздно, когда слово *пермь* уже существовало.

В XVIII–XIX вв. весьма устойчивым оказалось предположение о связи Перми с некоей Биармией (Beormas), которая упоминается в древних скандинавских сагах как Биармланд, как земля на востоке, где течет река Вина (видимо, Северная Двина), и куда приходили викинги за мехами и серебром. Эта легенда даже оставила след в топонимии города Перми: современная улица имени В. Г. Плеханова называлась в прошлом Биармской.

Идею о Биармии как основе названия *пермь* предложил в начале XVIII в. шведский ученый Страленберг (по-немецки Штраленберг). Будучи офицером в армии Карла XII, Страленберг во время Полтавской битвы 1709 г. попал в плен к русским, был в ссылке, находился в Пермском крае, в Сибири. Узнав в России о Перми, он сопоставил это название с известной ему по сагам Биармией (Beormas). Полагают, что в основе сведений в сагах были такие сообщения, как записанный английским королем Альфредом Великим (IX в.) рассказ норвежца Отера о пути в страну Беормас, к устью одной из рек Севера (Вины). Обратите внимание на дату, она может быть косвенным доказательством существования уже в IX в. слова *пермь*. Страленберг предположил, что название Пермь явилось результатом заимствования из германских языков (ср. английское *berm, brim* ‘берег, край’). И эту гипотезу многие историки XVIII в. и позднее (в течение двух веков) рассматривали как наиболее реальную. Однако, скорее всего, не слово Пермь пришло из германского языка, а, наоборот, приходившие за мехами викинги познакомились на Руси с этим названием и изменили его, приспосабливая к своему языку, объясняя его семантику (значение), опираясь на свой язык.

Эта гипотеза периодически возрождалась. Воспоминание о Биармии возникало иногда и в конце XX в. Так, когда в Перми возник клуб книголюбов, то на первом заседании некоторые участники хотели дать ему название «Биармия» (видя в этом что-то из пермской древности, опирась на старую литературу, полагая его в основе названия края и города Перми и уж, конечно, улицы Биармской). Но стоило ли возрождать старую гипотезу, когда появилась новая, более убедительная? И книголюбы от названия клуба Биармией отказались.

Не стоит утомлять читателей перечислением многих предположений о возникновении слова Пермь, остановимся на той гипотезе, которая на дан-

ном этапе развития этимологии представляется наиболее убедительной: основа слова *пермь* восходит не к германским, а к какому-то из финских языков.

Она витала в воздухе еще в конце XIX в., но была научно обоснована и оформлена в 1947 г. выдающимся финно-угроведом, профессором Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета Д. В. Бубрихом. Эту гипотезу как наиболее доказуемую приняли многие ученые разных специальностей. В Пермском крае она излагалась в книгах и лекциях ученицей Д. В. Бубриха, подготовившей под его руководством и защитившей кандидатскую диссертацию о пермской топонимии, – А. С. Кривощековой-Гантман. Многие годы, работая доцентом Пермского педагогического института, она организовывала экспедиции по сбору топонимического материала в Коми-Пермяцком округе, в Кировской области на месте проживания зюздинских пермяков, продолжала изучать географические названия финно-угорского происхождения и оставила лучшие исследования по этой топонимии в Пермском крае.

Гипотеза же о происхождении слова *пермь* заключается в следующем. Поблизости от племени новгородских словен (см. в приложении на карте-схеме «Север европейской части России»: *Новгород*) жили племена финноязычной летописной *веси* (предков современных вепсов в Ленинградской области). По-видимому, они занимали территорию от Ладожского и Онежского озер на западе до Белозерья на востоке. Далее на востоке, «в Заволочье» (т. е. за волоком), на Вычегде, находилась, по их представлениям, 'задняя земля' (т. е. окраина) – *pera maa*, на которой жили племена, говорившие на другом (не вепсском) языке (предки коми-зырян). Название этой земли у вепсов распространилось и на живший там народ, который тоже называли *pera maa*.

Славяне постоянно соприкасались с жившими рядом финноязычными народами. В новгородских берестяных грамотах (первую из них обнаружили в 1951 г.) рядом с именами славян, русских, упоминаются нерусские имена, ср.: *В прошлом году у Гювиева сына...севилокшане 8 человек взяли товара на 5 рублей и лодку; На тех же Коневых водах у Мундуя Вармина взяли десять лендом* [мера веса] *рыбы*. Гювий, Мундуй, Иголаи, Леинуи, Мyномел и другие имена различных финских языков записаны в грамотах рядом с русскими. Жители древнего Новгорода могли слышать от носителей таких имен о дальней земле, на которой живет *pera maa*. Кроме того, новгородцы стали рано осваивать северные земли, на которых они тоже могли слышать о такой земле и народе, а затем и соприкоснуться с ним. Так что вепсский этноним *pera maa* рано попал к русским.

Но русский (древнерусский) язык, заимствовав его, изменил в соответствии со своими особенностями и превратил в русское слово. В древнерусском языке существовала модель этнонимов (названий народов), оканчивающихся на Ь: *чюдь*, *весь*, *водь*, *черемись*, *ямь*, *корсь*, *либь*. По аналогии с такими названиями из *pera maa* возник древнерусский этноним *пермь*, что

и отразилось в Начальной летописи. Впрочем, в живой речи мы слышим иногда и другое произношение: в русском языке *перемь*, а в коми языках, куда слово попало из русского, – *перым* и *перим*.

В русском языке развились на основе этнонима новые слова (*пермский, пермин – пермяне, пермяк – пермяки*), а от топонима *Пермь* (*Пермь Великая*) возникают другие слова: *пермитин – пермичи. Пермитин* не этноним, это название человека по месту прежнего проживания, ср. *москвитин – москвичи, тверитин – тверичи.* Впоследствии форма единственного числа изменилась под влиянием множественного (*москвичи – москвич, пермичи – пермич*). Пермитин в памятниках XVI–XVIII вв. – житель Перми Великой и ее главного города – Чердыни независимо от его национальности.

Именно из русского языка слова *пермь, пермяк* пришли в язык камских коми, которых русские стали называть *пермяками* или *коми-пермяками.* Самоназвание этого народа – *коми*, т. е. ‘люди’.

Таким образом, слово Пермь проделало долгий путь в русском языке: заимствованное от вепсов (*pera maa*), оно адаптировалось к русскому языку (*пермь*), называло сначала землю в бассейне Вычегды и проживавшие на ней племена предков современных коми-зырян (*пермь*; *Пермь Вычегодская*), а затем им стали именовать землю и родственные племена в бассейне Верхней Камы, т. е. место проживания коми-пермяков (*пермь*; *Пермь Великая*). Постепенно определение в топониме *Пермь Великая* вышло из употребления, но осталось название *Пермь* – бассейна Верхней и Средней Камы, давшее в конце XVIII в. название обширного *Пермского наместничества*, ставшего затем *Пермской губернией*, и центрального города этой территории – *Пермь.*

5.4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРМСКИХ ТОПОНИМОВ (ДИВИЙ КАМЕНЬ, ВЕТЛАН, ДОЛДЫ)[40]

Национально-культурная специфика проявляется в текстах разного рода, в частности, в топонимических. Учет этой специфики позволяет произвести различные исследования, в том числе и этимологические. Рассмотрим это на примерах топонимии Пермского края.

На севере края, на правом берегу Колвы, впадающей в Вишеру – левый приток Камы, находится одна из самых крупных пещер Приуралья – Ди'вья. В ней много гротов (залов), натечных образований, есть небольшие озерки. Начиная с XVIII в. появлялись научные описания пещеры [Кривощеков: 344–346], она посещается туристами, расположение ее указано на

---

[40] *Полякова Е. Н.* Национально-культурные особенности возникновения пермских топонимов (Дивий Камень, Ветлан, Долды) // Национально-культурная специфика текста: межвуз. сб. науч. тр.; Перм. ун-т. Пермь, 2007. С. 31–38.

картах [ср.: Атлас ПО: 24] и в различных справочниках. Вход в пещеру находится на высоком и скалистом Ди'вьем Камне, спускающемся к реке. О Дивьем Камне есть сведения в пермских деловых памятниках XVII в., где он упоминается как гора Девья: «*Есть, де, вверх Колвы-реки на пустых местех горы каменные, прозванья им: гора Девья, гора Боец...*» [*РР: 11*].

Название Дивий Камень русскими легко соотносилось с топонимом Девья (гора), так как в слове *дева* в древнерусском и старорусском языках был звук «ять» (*дѣва*). В результате фонетических изменений в северных русских говорах Пермского края «ять» перед твердыми согласными перешел в звук Е (*дева*), а перед мягкими – в звук И (*дивий*). Составители документов XVII в., обычно знающие нормы общерусского делового языка – функциональной разновидности русского литературного языка, услышав слово *дивий*, воспринимали звук И в нем как результат диалектного развития звука « five» и писали в соответствии с ним букву Е (*гора Девья*), как это было принято в центральных текстах.

Связи звука «ять» и звука И реализовались даже в языке пермского фольклора. Так, появилась трогательная легенда о красавице Деве, жившей на правом берегу Колвы, и богатыре Ветлане, который находился на левом берегу. Они полюбили друг друга, но коварная Колва не позволила им встретиться. И тогда Дева с горя бросилась с камня в Колву, и стали в память о ней называть его Девьим или Дивьим, а Ветлан от горя окаменел и остался стоять на левом берегу реки среди леса в виде высокой и длинной скалистой горы, которую назвали его именем. Однако эта легенда только напоминает нам о фонетических изменениях в речи, но не дает никаких оснований для этимологии топонимов Дивья (пещера) и Дивий Камень.

Как же возникли названия Дивий и Дивья?

Существуют разные гипотезы их происхождения, но по существу все их авторы связывают название Дивий с русским прилагательным *удивительный*, во-первых, потому что в этом слове есть корень *див-*; во-вторых, потому что Дивья пещера действительно удивительна своей красотой и загадочностью.

Однако можно предложить и другое решение проблемы, менее эмоциональное, но, на наш взгляд, более реальное. В русском языке на протяжении долгого периода (XI–XIX вв.) существовало слово *дивий*, имевшее древний корень **di* 'дикий' и получившее в праславянском языке расширитель (суффикс) -v- (**div*). Одно из значений пришедшего из праславянского в древнерусский язык слова *див* / *дивий* – 'дикий, не освоенный, не заселенный' [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 243]. С этим значением слова́ с корнем **div* отмечаются и в других славянских языках: болгарское *див*, македонское *див*, сербохорватское *дѝвљи̑*, словенское *dívji*, старочешское *diví*, словацкое *divý*, полабское *daivĕ*, старопольское *dzivy* [ЭССЯ 5: 35–36].

Вместе с тем параллельно со словами от **div* в древнерусском языке существовали и слова с основой **dik*, образованные от того же корня **di*, но с другим расширителем, -k-. Одним из значений этого слова было тоже

'дикий' [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 245]. Постепенно прилагательное *дивий* 'дикий' уступает свои позиции слову *дикий* и затем выходит из употребления в русском языке. Процесс его исчезновения был долгим: слово употреблялось в разных текстах XVII в., в современном словаре русского языка XVIII в. оно уже имеет помету «слав.», то есть отмечается как церковно-книжное [СлРЯ XVIII в. 6: 127], то же самое в словарях XIX в. – как церковное [ПЦСС 1: 143; Даль 1; 435]. Но когда русские появились в бассейне Колвы (с XII–XIV вв.), слово *дивий* еще звучало в их живой речи и могло попасть в топонимию: камень и пещера в нем казались дикими.

Однако русские могли назвать пещеру Дивьей и еще по одной причине. В эпоху Древней Руси существовало поверье о злом духе, имя которого – Див. Оно пришло в древнерусский язык из восточных языков: из персидского через тюркские языки – *dēv* 'демон, дьявол' [Фасмер 1: 512]. Слово Див встречается в тексте XII в. – «Слове о полку Игореве»: «*Свистъ звѣрин вста, збися Дивъ, кличетъ връху древа* или *Уже вержся Дивъ на землю*» [СлСОПИ 2: 29]. Неизвестно, кого так называли в «Слове»: некое мифологическое демоническое существо, наводящее ужас, или реальную хищную птицу, предвещавшую несчастье. Может быть, и пещеру в Дивьем Камне считали обиталищем злого духа – Дива? Да к тому же на Дивьем Камне находятся гнездовья филинов, их зловещее уханье по ночам тоже устрашает. Так что и Камень тоже Дивий.

Так или иначе, но во всех случаях название Дивий должны были дать пришедшие сюда русские. И тут перед топонимистами встает еще один вопрос: почему русское название носит такой большой объект, о котором люди знали уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют известный ученым с XVIII в. археологический памятник – городище родановской культуры, находившееся на Дивьем Камне? Ведь русские, судя по историческим данным, пришли сюда позднее финно-угров. А как до русских могли называть Дивий Камень? Ни устных, ни письменных сведений об этом нет.

Ближайшие к нему объекты носят топонимы, восходящие к говорам коми-пермяков или коми-зырян. Это и название Ветлан, попавшее в русскую легенду о Деве, и именование расположенного неподалеку от Ветлана хутора Маегов, образованное от коми прозвища Маег (Маэг) из слова *майог* 'кол' [КПРС: 241; ССКЗД: 216], и другие топонимы. Есть и названия, которые могли быть мансийскими, например, гидроним Ухтым – левый приток Колвы. Ср. название реки Ухта в Республике Коми, в основе которого видят элемент *ухт-* из мансийского *ахт* 'протока' или 'медведь', хотя есть и другое предположение о происхождении гидронима Ухта – из коми языка [Туркин: 124]. И Дивий Камень мог иметь в прошлом какое-то коми или мансийское название.

Если учитывать специфику древних географических названий Прикамья, то оказывается, что топонимы, называющие крупные объекты, были образованы либо от именований родов, либо от географических терминов, либо от слов, описывающих объект по каким-то особым, обычно внешним

признакам, либо от глаголов и глагольных образований, характеризующих связанные с ними различные действия (обряды, хозяйственные процессы, способы передвижения). Так, Камень Ветлан получил свое название от коми слова *ветлан* 'дорога', 'предназначенный для езды' [КПРЯ: 68], связанного со словами *ветлыны* 'ездить', *ветланін* 'место проезда' [там же].

Но какую дорогу могли назвать словом *ветлан* на Колве? Сам Камень Ветлан для дороги совсем не подходит. В словаре И. Я. Кривощекова [с. 258] сообщается: «*Камень Ветлан стоит среди леса отвесной стеной, едва доступной для исследователя*». Есть и другой Ветлан – возвышающийся на 70–80 м над рекой камень на левом берегу Вишеры. Он представляет собой «*стеноподобную скалу около версты длиной, отделенную от Вишеры небольшим перелеском*» [Кривощеков: 257]. И он тоже абсолютно не пригоден для езды. Наконец, есть и еще один Ветлан – скалистый берег реки Язьвы – притока Вишеры. Его название на коми-язьвинском диалекте звучит как Вит'л'áна и тоже связано с глаголом движения *витлинө* 'ходить' [КЯД: 99]. Однако все эти Ветланы неприступны, тогда о какой дороге может идти речь?

Вернемся к Ветлану на Колве и Камню Дивий. Их названия русские связывают между собой в легенде о Деве и богатыре. Но оказывается, эти топонимы могли быть связаны не только в русской легенде, но и в практической жизни древних обитателей края. В коми-зырянских диалектах сохранились слова с корнем *джив*: *джив*<u>*джив*</u>*гыны* 'плавно нестись (о лодке)', <u>*джив*</u>*ъялны* 'кататься (на лодке'), <u>*джив*</u>*гині* 'ехать медленно (по зимней дороге (на санях)' [ССКЗД: 100]. Скорее всего, эти или другие слова с корнем *джив* (со значением 'ехать по реке, плыть') существовали и в коми-пермяцких говорах. И словом *Джив* (или с корнем *джив*) коми назвали участок реки, удобный для плаванья на лодке или езды на санях по замерзшей реке, и основной ориентир этого участка – самый высокий, выделяющийся своими особенностями прибрежный объект, то есть камень. Действительно, между Ветланом и Дивьим Камнем находится удобный для сообщения по реке длинный плес, то есть 'прямое русло от поворота до поворота' (Ветланское / Ветлянское плесо). Слова *ветлан* 'дорога, место для проезда', *дживгыны* 'плавно нестись (о лодке)', *дживъялны* 'кататься (на лодке)' оказывались здесь связанными семантически ('дорога' и 'ехать, плыть на лодке') и были актуальны в хозяйственной жизни живших здесь рыбаков и охотников, так как называли места проезда, удобные для того, чтобы плыть на лодке от Ветлана до Дивьего Камня (*Джив-*). В исследуемых топонимах слово *ветлан* обозначало 'дорогу по реке', а скалистые высокие берега у таких «ветланов» (и на Вишере, и Язьве) получили метонимические названия по смежности – как самые существенные ориентиры удобного участка дороги на реке.

Подтверждением этого могут быть некоторые гидронимы Прикамья, например, левый приток Верхней Мулянки Ватлан [Шумилов 1991: 132]. Его название восходит к древнему Ветлан, но было тюркизировано в соот-

ветствии с фонетическими особенностями тюркских языков, в частности, с действием межслогового сингармонизма. Кроме того, в Прикамье есть названия нескольких рек Ветляна и Ветлянка (правый приток Чусовой, правый приток Язьвы – Ветлянка или Вит'л'ана шор), в основе которых коми слово *ветлан*, но русифицированное под влиянием севернорусского прилагательного *витляный* 'расторопный, бойкий', которым могли характеризовать реки с быстрым течением. Любопытно, что правыми притоками Чусовой являются расположенные поблизости друг от друга реки Дивья и Ветляна (ср. Дивий Камень и Ветлан на Колве). Складывается впечатление, что эти названия на Чусовую принесли выходцы с Колвы, и тогда подтверждается основа *ветлан* в чусовском гидрониме Ветляна.

Ветланский (Ветлянский) плес был важным в хозяйственной жизни населения бассейна Колвы. По устному сообщению профессора Г. Н. Чагина, много раз бывавшего в районе Дивьего Камня и Ветлана, Колва здесь долго не замерзает и рыбу ловят в открытой воде до самых крепких морозов. Причина этого в обилии источников (в том числе подземных), текущих в Колву. С Дивьего Камня, из одной из пещер с десятиметровой высоты в реку с шумом обрушивается водопад Алалай. Видимо, этот шум, особенно возрастающий весной, когда оживает природа, явился причиной появления его названия, образованного от русского диалектного слова *алала* 'болтовня' [СРНГ 1: 230], от которого возник и диалектный глагол *алалакать* 'говорить неразборчиво, непонятно' [там же]. Полагают, что слово *алала* в русском языке либо возникло как звукоподражание (по А. Петровскому), либо (по Бернекеру) преобразовано из *аллилуя* [Фасмер 1: 680]. Вместе с тем не исключено, что название водопада *Алалай* стали употреблять в результате переработки на русский лад дохристианского коми антропонима – имени с корнем Ал из общекоми слова *ал* 'ум, толк'. Такое имя отмечается А. С. Кривощековой-Гантман в составе названия поселения Алпигорт, упоминавшегося в переписных книгах XVI–XVII вв. В этом названии Ал – предположительно дохристанское имя, *пи-* 'сын', *горт* – 'деревня', то есть Алпигорт – 'деревня сына человека по имени Ал' [ГНВП: 65]. Возможно, имя Ал лежало и в основе давно забытого названия городища на Дивьем Камне.

Русское название Дивий явилось результатом переработки коми топонима с корнем *джив*. Аффриката ДЖ' коми языка отсутствовала в русском и усваивалась как звук Д': *див*. Семантика, характеризующая дорогу, езду на лодке, не была воспринята русскими (возможно, и не была им известна), они просто узнали слово (но не значение). В то же время в русском языке были слова *див* (краткое прилагательное) и *дивий* (полное прилагательное) 'дикий'. Слово *дивий* со значением 'дикий, не освоенный' или прилагательное от названия мифологического демонического существа Див и стало названием камня и пещеры. Однако со временем значение 'дикий' перестало быть актуальным, забылось, зато в результате изменения звука «ять»

обнаружилась связь со словом *дева* и прилагательным *девий /дивий*, что и вызвало к жизни легенду о Деве и Ветлане.

Таким образом, древние названия камней Дивий и Ветлан возникли как характеризующие определенную местность по деятельности на ней, в данном случае по передвижению. На скалистых и покрытых густой тайгой или болтами северной территории Верхнего Прикамья пешие и конные переходы были очень затруднены, и главными путями передвижения были реки, и топонимы на их берегах как ориентиры были очень важны. Эта специфика жизни в крае, материальной культуры вызывала появление в коми языке ряда названий, связанных с путями, с дорогой, с передвижением. Пришедшие в Прикамье русские знакомились с существующими названиями, но, не зная их семантики, создавали свою, опираясь на свои культуру и традиции.

Опора на культурную специфику текстов позволяет понять изначальную семантику не только проанализированных, но и других топонимов, например ойконима Большие Долды – названия деревни, расположенной на правом берегу старого русла (старицы) реки Камы. Впервые эта деревня отмечена в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой в 1579 г. как *деревня Долда на озере Долде*. А. С. Кривощекова-Гантман предполагала связь топонима Долда с коми-зырянским словом *далда* 'роща' [ГНВП: 86], которое сохранилось в коми-зырянских печерских говорах в значении 'небольшой лесок на сухом месте', 'лесное пастбище' [КЭСКЯ: 87], то есть Долда – 'деревня у рощи или у лесного пастбища'.

Однако если рассматривать ойконим с точки зрения национально-культурной специфики, то оказывается, что он связан с другим коми-зырянским словом – *долыд* 'ходкий, быстроходный (о лодке)' [ССКЗД: 110]. Известно, что на протяжении XIX – начала XX в. главным промыслом жителей деревни Большие Долды было баржестроение, около нее находились два плотбища для постройки судов [Кривощеков: 219]. Видимо, судостроение имело здесь очень давнюю традицию, еще в далеком прошлом жители умели делать хорошие быстроходные лодки, которые удобно было испытывать в спокойном старом русле Каме – озере Долде, имевшем выход в Каму. Судостроение в Долдах упоминается в текстах XVII в., например в царской грамоте 1669 г., и сооруженные там суда даже в московских деловых документах называли *долдинскими ладьями*.

Суда для передвижения по Каме и ее притокам нужны были и задолго до прихода русских, так как реки были основными дорогами в Верхнем Прикамье. Жившие здесь коми могли строить и испытывать 'быстроходные лодки', что и привело к возникновению ойконима от слова *долыд*. Заимствование *долыд* в русском языке пережило фонетические изменения (метатезу ыд > ды). Кстати, исход топонима -ды в прошлом (например, в ревизской сказке Чердынского уезда 1711 г.) – это не результат появления множественного числа ойконима (такие ойконимы, как Гари, Горбуны, Кирпичи, Ляды, Чертежи, появились в XIX в), а именно свидетельство метатезы. Писцы в XVI – начале XVII в. выравнивают название по модели

единственного числа, обычной для ойконимов официального языка того времени, – с окончанием -а (Долды > Долда). Но живой язык сохраняет старую форму Долды, которая присутствует в двух ойконимах: Большие Долды и Малые Долды.

Итак, исследованные пермские топонимы Дивья пещера, Дивий Камень, Ветлан, Большие Долды возникли в коми языке как реальное отражение хозяйственных, производственных интересов, особенностей транспортировки в гористых и лесных угодьях. В результате усвоения их русскими, топонимы переживали фонетическую и грамматическую адаптацию к русскому языку (Джив > Див, Долыд > Долды > Долда), теряли свою старую семантику, и если вырабатывалась новая, то уже в условиях иной культуры (Дивья > Девья), когда поиски значения топонима могли вызывать к жизни легенды. Таким образом, при исследовании этимологии географических названий учет особенностей национальных языков и культуры (в нашем случае – материальной: занятия населения, использование транспортных средств, характеристика путей сообщения) позволяет раскрыть первичный топонимический текст и предположительно установить истоки топонимов и причины их появления.

5.5. РОЛЬ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ XVII–XVIII ВЕКОВ[41]

Развитие русской ономастики, в частности антропонимии, тесно связано с историей различных разновидностей языка народности или нации. Особую роль в динамике русской антропонимии сыграл деловой язык начального этапа формирования русской нации, т. е. XVII–XVIII вв.

Деловой язык XVII в. являлся функциональной разновидностью литературного языка. С таким положением, как известно, согласны далеко не все историки русского литературного языка – особенно те, кто считает русским литературным языком XI–XVII вв. только церковнославянский (русской редакции), противопоставленный повседневной речи и языку деловой письменности.

Вместе с тем очевидно существование в XVII в. приказного (т. е. делового) языка, в котором были выработаны не только формулы и клише, организующие тексты разных жанров, но и определенные нормы употребления грамматических форм и лексики. Эти нормы складывались в столичных приказах и распространялись с помощью административных и юридических текстов по всей России, что способствовало сохранению единства русского языка на обширнейшей территории всего государства.

---

[41] *Полякова Е. Н.* Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII–XVIII вв. // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 66–68.

В XVI–XVII вв. деловой язык выходит за пределы документальной письменности и реализуется в различных текстах (ср. Домострой, статейные списки, Вести-куранты). Этот процесс усилился в середине XVII в. и продолжался в XVIII столетии. И хотя по форме деловой язык XVII в. во многом отличался от официального языка XVIII в., сложившегося после Петровских реформ, функции их в эти разные столетия были одинаковыми. Именно деловой язык сыграл значительную роль в дальнейшем развитии литературного языка. По существу в его недрах сформировались нормы того среднего стиля (если исходить из системы трех стилей), который затем, в XIX в., становится основой современного русского литературного языка.

Как же связан деловой язык с развитием антропонимии, какое он мог оказать на нее воздействие? Ведь, казалось бы, в деловых текстах просто фиксировались именования людей, сформировавшиеся в живой речи.

В деловом языке **складывались общие нормы официальной русской антропонимии**, вырабатывались принципы именования людей, имевших право наследовать имущество и вместе с ним обязанности по отношению к государству (уплата податей, выполнение определенных повинностей). На протяжении многих веков в России именно в деловом языке формировался современный официальный русский антропоним (имя, отчество, фамилия), оказывавший влияние и на развитие антропонимии живого языка (говоров, просторечия). Особенности делового языка XVII–XVIII вв. определили не только некоторые черты русской антропонимии этих столетий, но сказались и на будущем русских антропонимов.

Россия XVII в. была крестьянской страной. Чтобы учесть всех налогоплательщиков (и крестьян, и горожан) проводились переписи населения, составлялись писцовые, переписные, дозорные книги, в XVIII в. – ревизские сказки. В этих текстах, а также в многочисленных документах разных жанров и формировался официальный русский антропоним (имя, отчество, фамилия). Сопоставление именований в документах различных территорий и разных лет дает возможность проследить динамику именований и установить, как именно повлиял деловой язык изучаемого периода на всю русскую антропонимию.

В XVII в. структура официального сложного антропонима еще не была устойчивой, употреблялись двучленные, трехчленные и четырехчленные мужские именования. Примеры: 2-чл. антропоним – *Савва Белоус, Еремка Жижилев*; 3-чл. – *Якушко Иванов сын Калмаков, Коземка Андреев сын Марфин*; 4-чл. – *Максимко Иванов сын Порошин Гнилодуб*. Иногда прозвище вводилось в антропоним термином, ср.: *Корнилко Елисеев сын **прозвище** Борзуха Шалимов*. К концу XVII в. в переписных документах и других официальных актах уже существенно преобладают 3-чл. антропонимы: имя + именование по отцу + прозвище или фамилия. Причем именование по отцу традиционно обусловлено социальным положением человека: с формантом *вич* (*Иванович*) у представителей высшего социального слоя; со словом *сын* (*Иванов сын*) у основной массы населения. Постепенно проис-

ходят изменения и в употреблении прозвищ, которые либо исчезают из официального антропонима (особенно хорошо это проявилось в старых четырехчленных антропонимах, потерявших прозвище), либо писцы оформляют прозвище суффиксами притяжательных прилагательных -ов, -ев, -ин (*чей сын? – Петров*), что способствовало возникновению фамилий.

В идеале от прозвища отца (например *Ивашко **Шипица***) формировалось прозвищное отчество сына (*Демка Иванов сын **Шипицын***), передаваемое далее по наследству уже как фамилия. Но это в идеале. В XVII в. в документах разных жанров еще могли записать отца с фамилией (*Шипицын*), а его сына с семейным прозвищем (*Шипица*) [практически с прозвищем его деда], братьев могли записать – одного с прозвищем, другого практически с фамилией, оформленной суффиксом, т. е. еще очень большое влияние на официальную антропонимию оказывала живая речь, где сохранялись прозвища, тогда как суффиксы этим антропонимам придавались писцами в официальном языке. Однако к концу XVII в. эти колебания сокращаются, и в XVIII в. прозвища без антропонимических суффиксов в основном уходят из делового письма, остаются русские фамилии с суффиксами -ов, -ев, -ин, -ский, -ых и др. Так, если в XVII в. человек был записан с прозвищем (*Крестьянин деревни Коростелева Ивашко Михайлов сын Коростель*), то в XVIII в. оно уже оформлено суффиксом (*Ивашка Михайлов сын Коростелев*) и выглядит уже как современная фамилия.

В таких строгих в отношении норм делового языка текстах, как ревизские сказки XVIII в. (в Пермском крае с 1711 г.), сложный антропоним обычно состоит только из трех членов (имя, именование по отцу, фамилия), прозвища там употреблялись крайне редко, только при упоминании родных братьев с одним именем (*Ивашко Большой и Ивашко Меньшой*).

К концу XVII в. сходят на нет и некалендарные имена, постоянно отмечающиеся в начале века (*Бык Архипов*, *Башка Ильин*), весьма напоминающие прозвища (*Незнаха Ларионов*). В ревизских сказках и других деловых актах XVIII в. старались использовать только календарные имена. Крайне редко уже в текстах XVII в. встречаются именования по отцу, образованные от некалендарных имен: *Вакорь Вакорев сын Анофриев*. В XVIII в. они исчезают совсем.

Все это привело к **изменению статуса прозвищ (и некалендарных имен)** в русской антропонимии. Если до XVIII в. они не только были обычными в живой речи, но и входили в официальный антропоним и в большинстве случаев были **нейтральными**, то постепенно их (как недопустимые в официальном языке) начинают воспринимать как слова сниженные, бытовые, тем более что среди них были диалектные слова, которые составители документов обычно хорошо ощущали. Эти именования не только ушли из делового письма, но усиливалось их восприятие как неофициальных, сниженных и в живой речи. Таким образом, процессы происходившие в деловом языке, повлияли на развитие русской антропонимии, внесли в нее существенные изменения.

Вместе с тем это способствовало быстрому развитию фамилий у основной массы русского населения. Правда, специального термина для них в XVII – первой половине XVIII в. еще не было, их называли *прозвищами* даже в государевых указах («*Переписать* (жителей) *по именом, с отцы и с* ***прозвищи***»), но они оформлены суффиксами и выполняют ту же функцию, что и современные фамилии – называют человека по принадлежности к семье. Это было актуально прежде всего для деловых документов, особенно переписных, так как давало возможность соблюдать порядок в имущественных отношениях и не упустить налогоплательщиков. Так что именно **деловой язык способствовал формированию фамилий** на основе прозвищ для всего населения России.

Итак, в XVII в. основой фамилий были преимущественно прозвища. В XVIII в. основой появляющихся фамилий становятся не только прозвища, но и **календарные имена** (*Иван, Андрей*), причем нередко производные (*Иванко, Иваней, Ивантей, Иванец, Ивоха*). К концу XVIII в. отыменные образования составляют уже около четверти всех фамилий. Причины их появления различны: а) замена неблагозвучных или бранных именований; б) замена двойных именований (*Тихон Антонов сын* ***Волков и Давыдов***) при разделении больших семей, когда одно ответвление семьи продолжают называть старым отпрозвищным именованием (*Волков*), а другое – новым отыменным (*Давыдов*); в) стремление утаить старую фамилию и зафиксировать новую (обычно у беглых) и др.

Влияние официального языка на антропонимию обнаруживается и в других случаях. Так, в официальных текстах отражалось социальное положение лиц, участвующих в каком-либо действии или обращающихся по какому-то поводу к официальному лицу. Оно проявлялось в употреблении нарицательной лексики с уменьшительно-уничижительными суффиксами: «*Пограбив у нас* ***скотишка*** *и* ***борошнишка*** *моего*; *Мяхкие рухляди* ***исподишко*** *лапчатое собольe*». *Исподишко*, т. е. подкладка, было *дорогое, соболье*, а название уничижительное, но не потому что исподишко плохое, а потому что название его употребляется в обращении к власть имущему.

С такими суффиксами использовались и нарицательные названия людей при обращении к вышестоящему по положению: «*С нас, сирот ваших, с ныробских* ***крестьянишек*** *и* ***бобылишек***, *ваши, государевы, деньги*»; «*Приказали розделити нам,* ***людишкам*** *своим, все по третям*». В XVII в. в деловых документах именования мужчин при обращении к вышестоящим и в переписных книгах фиксировались с суффиксом –к(а) / -к(о): «*Бьет челом* ***крестьянишко Максимко*** *Кондратьев сын Можаев*»; «*Крестьянин погоста Янидор* ***Фомка*** *Худяк*». С таким суффиксом употреблялись и календарные, и некалендарные имена (***Дружинка*** *Васильев сын Кочебан*), которые в деловом письме нередко назывались прозвищами (*Осийко* ***прозвищем Нечко*** *Иванов сын Прокопьев*). Имена женщин записывали преимущественно с суффиксом -иц(а) (*Ксеньица, Марьица*), иногда с -к(а), девушек и девочек – с суффиксом -к(а) (*Иринка, Оленка*). Все эти антропонимы прак-

тически были нейтральными, но предназначенными для низшего сословия. И постепенно вырабатывается и усиливается отношение к ним как к уничижительным даже вне делового текста: степень уничижительности их усиливается. И толчок к этому тоже дал деловой язык.

В XVIII в. в деловом языке происходят изменения: написание таких именований прекращается, вырабатывается общая для всех сословий форма полных имен. Наиболее последовательно этот процесс отражается в переписных документах. Например, в ревизских сказках Чердынского уезда 1711 г., как и на других территориях России, все имена мужчин (глав семей, их детей, внуков и правнуков) и женщин, входивших в семью, записывались в нейтральной форме (*Иван, Андрей, Марья, Наталья*). В документах местных канцелярий еще какое-то время наблюдается колебание в написании имен с суффиксом -к(а) или без него, но и там в официальном антропониме совершается переход к нейтральной форме имени для всех сословий, что определяет общую дальнейшую судьбу официальных русских имен.

Для приказного языка XVII в. была характерна лексическая избыточность. Так, характеризовали прилагательными многие предметы, которые не нуждались в этой характеристике: «*Восмь очелей* ***кокошников_женских***»; «***Шубка женская*** *золотом шита*»; «*Девять аршин* ***кумачу_красного***». Но кокошники и шубка были только женскими, а кумач – красным, и определения были избыточными. При назывании людей с помощью местоимений, как правило, уточнялись их имена (*а он, Ивашко*), которые и так были понятны из предыдущего текста. Эта избыточность нередко ощущалась при употреблении именования по отцу (отчества), особенно для преобладающего населения России, для которого использовалось именование из притяжательного прилагательного от имени отца + слова *сын,* или *дочь,* или *дети* (*Ивашка Алексеев сын*). Эта особенность делового языка (обязательное называние по имени отца) перешла и в деловой язык XVIII в., в отличие от языка культуры (именования артистов, писателей без отчества), и повлияла на дальнейшее развитие и сохранение отчества в русской антропонимии.

Все то, о чем говорилось выше, касается мужских антропонимов. В живой речи XVII–XVIII вв. существовала своя специфика именований у женщин. Девушек называли по отцу, а замужних женщин – по мужу. Судебные документы, содержащие показания истцов, ответчиков, свидетелей, почти не редактировались, слова показаний записывали без изменений. В таких записях женщин нередко называли по прозвищу, образованному от имени или прозвища мужа: *Терешиха* (от имени *Терентий*), *Вoрониха* (от прозвища мужа *Ворон*). Причем в приговорах по делу такие прозвища отсутствовали. Так, в заключении кунгурского судебного дела Терешиха названа *Марьица Терентьева жена Исакова*, т. е. по имени *Марьица* и антропониму, образованному от именования мужа Терентия Исакова. Именования женщин с суффиксом -иха были распространены по всей России, их образовывали даже от именований нерусских (например, в другом кунгурском

деле упоминается татарка *Апасиха*, а в приговоре она названа Батыя Апасиевская жена Тойгилдина, т. е. по мужу Апасию Тойгилдину). Несмотря на распространенность женских именований на -иха, они не вошли в официальный женский антропоним делового языка и воспринимаются даже в говорах как сниженные, их употребляют обычно за глаза.

В XVII в. официальный полный женский антропоним мог содержать до семи членов: имя женщины, ее именование по отцу (т. е. его имя, отчество и фамилию), прилагательное от имени ее мужа, его отчество и фамилию, причем порядок всех этих членов сложного антропонима мог быть различным: *Ивановская жена Лаговникова Оксиньица Петрова дочь Окулова* или *Оксиньица Петрова дочь Окулова Ивановская Сергеева сына Лаговникова.* В XVIII в. женский антропоним замужней женщины сокращается: остаются имя, отчество женщины и именования от антропонима мужа, но этих именований может быть несколько: *Марьица Петрова дочь Андреева жена Колобова.* Далее официальный женский антропоним выстраивается по аналогии с мужским, но это происходит уже значительно позднее.

В результате изменений, происходивших в XVII–XVIII вв., в деловом языке XVIII в. утвердился трехчленный антропоним: для мужчин – имя в нейтральной форме, именование по отцу, фамилия; для женщин – имя в нейтральной форме, отчество, притяжательное прилагательное от имени мужа и его фамилия. Исчезло прозвище как именование официального языка, на основе прозвищ сформировались фамилии для всего населения России, появилось большое количество фамилий на основе календарных имен, сохранилось именование по отцу (отчество в двух видах: с *вичем* и со словами *сын, дочь*). И хотя антропонимия в дальнейшем претерпевала некоторые изменения (например, выбор одной из двух форм отчеств: *Иванович* и *Иванов сын*), но основа официального русского антропонима была отработана именно в деловом языке XVII–XVIII вв.

В заключение следует отметить, что не только деловой язык влиял на развитие антропонимии России, но антропонимия повлияла на деловой язык. Так, в XVII в. широко употреблялись образованные от имен нарицательных притяжательные прилагательные с суффиксами -ов, -ев, -ин: *ответчикова рука* (подпись), *баширкина изба, судиин человек.* Но когда в русскую антропонимию буквально ворвались тысячи и тысячи имен собственных с этими суффиксами (т. е. фамилии), стало заметно сокращаться количество притяжательных прилагательных от слов нарицательных. Видимо, именно антропонимия повлияла на судьбу этой нарицательной лексики.

Таким образом, развитие русской антропонимии теснейшим образом связано с историей русского литературного языка, и эти связи необходимо учитывать как при исследовании именований, так и при изучении грамматики и лексики русского языка.

6. Связи русских и коми-пермяцких говоров Пермского региона

6.1. КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ МАТЕРИАЛЫ В РУКОПИСНЫХ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI–XVIII ВЕКОВ[42]

Пермский край, как другие территории России, в разные эпохи был местом соприкосновения и взаимодействия различных народов и разных генетически не связанных языков: финно-угорских, тюркских, индоевропейских и других. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок и лингвистические данные: лексика и ономастика. Они говорят о том, что прародина коми-пермяцкой народности находилась в Среднем и Верхнем Прикамье, здесь формировались ее язык и культура. Сложившаяся здесь топонимия с коми формантами (*-ва, -шор, -дор, -кар, -горт* и др.) позволяет очертить эту территорию, хотя ее границы несколько размыты в результате воздействия угорских, тюркских и других языков.

Письменные свидетельства об этой территории появляются относительно поздно. В самых ранних материалах, а именно на картах XV–XVII вв., Верхнее и Среднее Прикамье практически вообще не представлено. Белым пятном показана эта территория на карте Московии Антония Вида – И. В. Ляцкого 1542–1555 г., на которой отмечено лишь нижнее течение Камы от Волги до Вятки и немного выше Вятки [Рыбаков 1974: 12–13]. На карте Антония Дженкинсона 1562 г. также прорисовано только нижнее течение Камы, а Пермь Великая (т. е. Чердынская земля в Верхнем Прикамье) показана вообще на Вычегде [там же, с. 27]. Больше сведений о Прикамье на карте Московии Гесселя Герритса 1613 г. (чертеж царевича Федора Годунова), где даны притоки Нижней Камы и поселения Вятка и Уфа, но к северу до Вычегды тоже нет сведений о Верхней и Средней Каме [там же: 58–59]. И только на карте Московии Гийома Делиля 1706 г. показаны многие притоки Камы и населенные пункты Слудка, Орел, Кайгород на Верхней Каме, а также Пермь Великая. Вместе с тем карта очень условна многое на ней весьма смещено [там же: 90].

Более подробные сведения о Прикамье содержат русские деловые памятники разных видов (жанров) с XVI в.: первоначально это документы именитых людей Строгановых (с 1558 г.) и писцовая книга по Перми Великой Ивана Яхонтова 1579 г. Изучены сотни больших и малых рукописных деловых текстов, составленных в Пермском крае в XVI – начале XVIII в. В писцовых и переписных книгах, административно-юридических и имущественных актах содержатся ценные сведения о языке, материальной и духовной культуре жителей края, о связях их с другими территориями Рос-

[42] *Полякова Е. Н.* Коми-пермяцкие материалы в рукописных пермских памятниках XVI–XVIII вв. // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегион. науч. конференции, посв. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2008. С. 27–37.

сии, об истории и географии бассейна Верхней и Средней Камы. Из них можно получить данные о местах проживания коми-пермяков, об употреблении ими только своего языка. В актах отмечается деятельность толмачей (переводчиков) и фиксируются такие тексты, как «*по-руски мы не розумеем, а толмач у нас был*» [СПП 5: 24] или «*к государеву медному и рудному делу дают людей бедных и худых деревенских пашенных крестьян пермяков, иныя мало и по-русски говорят*» [СПП 4: 32].

Есть сложности в выявлении в русских деловых памятниках национальности и родного языка человека, о котором идет речь. Коми-пермяки рано приняли православие, получили календарные христианские имена (обычно по русскому образцу), и только по прозвищу или фамилии из прозвища можно определить, что они или их предки являются коми-пермяками. В документах, которые дошли до нас от XVI – начала XVIII в., при записи пашенных и беспашенных (т. е. занимающихся каким-либо ремеслом) крестьян обычно не указывалась, к какой народности они относятся. Но когда писали о мусульманах (татарах, башкирах) или приверженцах еще какой-либо религии, плативших ясак, то в деловых документах отмечалась их национальность: «*Шаквинский татарин Багиш Яргин*» [СИ: 453], «*Вишерский вогул Айдар Сангилков*» [там же: 452].

Следует отметить, что взаимодействие русской и коми-пермяцкой культуры и языка шло более активно, чем взаимодействие русской и тюркской культуры и языков, обусловленное существенными различиями в укладе жизни и в религии. Тюркские слова проникали в русскую письменность обычно тогда, когда описывались предметы, принадлежавшие татарам или башкирам, ср. употребление названия татарского женского головного убора *кашпол*: «*Грабежом взяли у жены ево з головы кашпол, на том* ***кашполе*** *денег старых было шесть рублев с полтиной да 4 пуговицы серебряны*» [СПП 2: 150].

Коми лексика активно проникала в складывавшиеся русские говоры Верхнего Прикамья, где подвергалась фонетической и морфологической адаптации к русскому языку. Это связано с особой исторической обстановкой на Верхней Каме. Проникновение русских в Пермский край шло с Русского Севера (современные Архангельская и Вологодская области) через территорию проживания коми-зырян (ныне Республика Коми). Особенно бурно этот процесс шел в XVII в. Коми-пермяцкий и коми-зырянский языки и сейчас очень близки, а в тот период сходство их было еще большим. Многие русские, пришедшие на Верхнюю Каму, могли познакомиться с коми языком еще в бассейне Вычегды, через которую шел путь в Прикамье. На Каме и ее притоках они оказывались близкими соседями коми-пермяков, нередко брали жен из коми-пермяцких семей (а дети усваивали фонетику материнской речи), что привело к сильному коми воздействию на русский язык. У многих носителей русских чердынских говоров до сих пор сохраняется произношение среднего l (*быla Molomовская облacть, celo, kolxoз*) и других коми-пермяцких особенностей.

Русские памятники письменности XVI–XVII вв. относительно слабо отражают особенности коми-пермяцкой фонетики того времени, но в них попадала бытовая местная коми лексика, ср. «Несла **челпан** хлеба… Взял два **челпана** хлеба» [СПП 6: 106]. Заимствованные русскими в ту эпоху слова обычно отмечаются и в коми-пермяцком, и в коми-зырянском языках и, как правило, имеют прапермскую основу, ср.: *чӧлпан* 'ломтик, кружок (овощей, плода)' [КЭСКЯ, 311], *човпан* 'каравай' [КПРС, 540], *чӧлпан* 'коврига, каравай' [ССКЗД, 417].

Данные коми-пермяцкого и коми-зырянского языков позволяют уточнить происхождение значений некоторых слов русских документов Прикамья XVII в. Например, в русских говорах XIX в. (пермских и сибирских) отмечалось слово *шоромы* 'козлы из жердей для сушки гороха' [Даль 4: 642]. Слова *шером* и *шором* зафиксированы и в пермских памятниках XVII в., но употреблялись в них в ином значении: «*Тот хлеб своим небрежением скотом не стравить и в суслонах и в шоромах не згноить и около шоромов огородить накрепко*», «*О досмотре на закладной ево Васькине земле хлеба в шероме*» [СПП 6: 125]. В современных коми-пермяцких говорах *шӧрӧм* – 'ломоть' [КПРС, 568], в коми-зырянских – 'отрезанный ломоть, кусок (хлеба)' [ССКЗД, 435]. Полагают, что слово *шӧрӧм* образовано от глагола *шӧравны* 'нарезать хлеб', 'кроить, выкроить' и восходит к общепермской основе **šör* 'резать, кроить' [КЭСКЯ, 322]. Таким образом, значение коми и русского слова *шором* / *шоромы* изначально было связано с представлением о хлебе, о его хранении, оно отражается в раннем значении слова в русских говорах, сохранившемся на Урале в настоящее время: в соликамских, свердловских говорах одно из значений – 'большая укладка снопов хлеба; долгая кладь хлеба' [СПГ 2: 558; СРГСУ, 7, 46]. Отмечаемое же в XIX–XX вв. значение 'козлы из жердей для просушки гороха' является более поздним, вторичным.

Коми лексика содержится только в отдельных русских документах и нередко употребляется одновременно с русскими синонимами. Так, наряду со словом *серьги* в чердынских расписных списках XVII в. встречается его синоним *пелькиши* (из коми-пермяцких слов *пель* – 'ухо', *кытш* – 'кольцо'): «*Судное дело... за украденные* ***пелькиши*** *и за котел*» [СПП 4: 16]. Однако составители документов по-разному передавали сочетание звуков Т и Ш, которые в русском языке образовывали аффрикату Ч. В другом деле это слово выглядит уже иначе – *пелькищи*: «***Пелькищи*** *серебряные в дватцати алтынех*» [там же].

Коми заимствованием в русском языке является слово *бус*. В пермских памятниках оно фиксируется в значении 'мучная пыль': «*Привели в чердынскую приказную избу...с поличным з* ***бусом*** *хлебным Офонку до Пантелейка Розепиных*», «*Привод...с покраденным хлебным* ***бусом*** *чердынца Петрушки Игумнова*» [СПП 1: 59]. Исследование судьбы этого слова в русском языке [Архипенкова 2007] свидетельствует о заимствовании его из пермских языков. Вместе с тем общепермское **bus-* восходит к тюркским

языкам [КЭСКЯ: 43], далее в нем развилась семантика ‘пыль, копоть’ в коми языках [Рогов: 16; КПРС: 47; КЯД: 92; ССКЗД: 31] и ‘туман, дымка, пар’ в удмуртском языке [УРС: 35]. Из коми и удмуртского языков слово *бус* в разных значениях пришло в русские говоры [ФУЗС: 43], в частности в чердынские.

В документах чердынского погоста Цидвы 1644–1645 гг. в качестве названия меры сыпучих тел, меры зерна употребляется слово *позмог*: «*Пшеницы семенные шесть позмог... взяти муки пшеничные позмог... ржи три позмоги, да хмелю полбезмена, да ячменю позмог*» [СПП 4: 82]. Это слово не встретилось в словарях и исследованиях пермских языков и русских говоров, но отмечено в русских деловых текстах 1605 г.: «*Собрали крупы и толокна...обоего пополам в вес в государев в железной позмог...Муки и крупы и толокна в вес в государев железной позмог в пять пуд*» [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 118]. В словаре нет указания на место, где сделана эта запись. Полагаем, скорее всего – в документах Прикамья или Русского Севера, говоры жителей которого взаимодействовали с коми диалектами.

Слово *позмог* можно считать пришедшим из коми языка. Для него не найдено никаких параллелей, однокоренных слов в русском или в других славянских языках, но отмечено однокоренное слово в удорском говоре коми-зырянского языка – *позмӧгасьсьыны* ‘застрять, задержаться где-либо’ [ССКЗД: 290]. Начало этого слова связано с коми корнем *поз-* ‘гнездо’. Таким образом, *позмогом* называли деревянный или железный сосуд или ящик, в котором при насыпании задержалась (застряла, угнездилась) определённая мера зерна, а потом и саму эту меру.

Вместе с тем в соликамском памятнике XVII в. зафиксировано слово Позмог, которым называли какой-то географический объект: «*Пожня на усть речки Усолки, а межа от Усолки-речки, от Лиханкины пожни, с нижную сторону от* ***Позмога*** *да с нижную ж сторону от Панкратовские пожни*». Текстов, которые помогли бы уточнить, что именно в данном случае называли словом Позмог, пока не найдено. Но его значение ‘то, в чем остается (застревает) при измерении определенное количество сыпучих тел’ позволяет предположить и близкое к нему географическое значение: ‘то, в чем застревает (утопает, увязает) кто-либо, т. е. топкое, болотистое место’.

В русских памятниках Прикамья лучше других тематических групп представлена группа географических терминов коми происхождения. Среди них слово *ласта*, ср.: «*Подписал пожню свою...в межах по черной* ***ласте****, с полдни по озеру*», «*Над* ***ластою*** *на монастырской меже на увале...камень положен*» [СПП 3: 29]. *Ластой* называют ‘равнинный, низинный луг’ [КПРС: 219; ССКЗД: 194]. По мнению А. С. Кривощековой-Гантман [1967: 149], корень *лас* является общепермским или общекоми.

Географическим термином в пермских памятниках являлось и слово *сорд*, например: «*Пожни присадные места на Бадьякиче над Велвою-рекою опричь* ***сорда****, далее Степаново и Нечаево место – новоросчисть*» [СПП 5:

137]. Оно связано с коми-зырянским словом *śord* 'большой лес' [Fokos-Fuchs 2: 969], *сёрд* 'еловый лес в низменной местности' [ССКЗД: 334], 'лес позади полей' [КЭСКЯ: 253]. В пермских (соликамских) актах XVII в. это слово отмечается еще как географический термин. Но вместе с тем оно выступает в памятниках того времени и как топоним (деревня *Сорд*) или в составе сложного топонима (деревни *Октынсорд, Самсорд*). Впоследствии и в русских, и в коми говорах Прикамья оно вне топонимии не отмечается.

Народные географические термины нередко легко переходили в микротопонимы, и иногда невозможно точно установить, является слово в тексте XVII в. географическим термином или топонимом. Такими являются гидронимы Пермского края Бадья и название участка Бадьякич из апеллятива *бадьякытш* 'поросший ивой (*бадья*) изогнутый, округлой формы (*кытш*) участок'.

В памятниках Пермского края лучше, чем лексика, представлена ономастика коми происхождения. Более устойчивой оказалась коми топонимия, особенно гидронимия и ойконимия с коми формантами. Это естественно, так как фиксация названий угодий (особенно в завещаниях, в актах купли-продажи, в установлении границ участков) требовала точности. Пермские топонимы, хорошо исследованные и описанные в статьях и книгах А. С. Кривощековой-Гантман [Кривощекова-Гантман 1973 б; она же 1983], свидетельствуют о хорошей сохранности их на протяжении столетий.

Иначе обстоит дело с антропонимами (некалендарными именами, прозвищами и фамилиями от них), которые могли быть переведены на русский язык или заменены другими. Замечательным примером этого является ономастика поселка Ныроб в Чердынском районе. Это название восходит к коми-пермяцким апеллятивам *ныр* 'нос' и *ыб* (*об*) 'поле', оно переводится как 'поле человека по некалендарному имени или прозвищу Нос'. Действительно, в 1579 г. в писцовой книге Ивана Яхонтова записан житель деревни Нырыб Иванко Нос, основатель фамилии Носовых, существующей там до сих пор. В записи XVI в. сохраняется без перевода коми топоним (Нырыб), но коми антропоним (Ныр) переведен на русский язык (Нос), возможно, под влиянием русского православного имени.

Аналогичная ситуация отмечалась в 1623 г. в другом населенном пункте: «*Чердынского погоста Косы,* ***Ныров*** *тож, на реке Косе крестьянин* ***Носко*** *Федоров*» [СИ: 296]. Коми корень (Ныр-) сохранен в топониме, но переведен в имени (Нос-).

Тем не менее в пермских памятниках зафиксированы многие некалендарные (дохристианские) коми имена, полностью совпадавшие со словами нарицательными: «*Крестьянин погоста Янидор* ***Зиб*** *Крутцов*» – имя от слова *зиб* 'шест' [КЭСКЯ: 105; Fokos-Fuchs 2: 1281]; «*Крестьянин деревни Усть-Уролка* ***Вилес*** *Агафонов*» – от *viliš* 'шаловливый, резвый человек' [Fokos-Fuchs 2: 1213]; «*Крестьянин деревни Ужвинская* ***Кычан*** *Иванов*» – от *кычан* 'щенок' [КПРС: 216].

От коми апеллятивов образованы и многочисленные прозвища: «*Крестьянин починка Губдор Левка **Куш***» – от *куш* 'голый, лысый' [КЭСКЯ: 148; КПРС: 206], «*Житель слободки Яйва Ивашка Захаров сын **Кушпель***» – от *куш* 'голый, лысый' и *пель* 'ухо' [КПРС: 206, 329], «*Крестьянин деревни Новое Сельцо Ивашка Яковлев сын **Ляб***» – от *ляб* 'слабосильный, невыносливый' [КЭСКЯ: 165], 'чувствительный, слезливый' [ССКЗД: 212], «*Житель деревни Сергиев Камень Тимошка Алексеев сын **Туйс***» – от *туйис* 'береста' [КЭСКЯ: 285], 'туес, бурак' [ССКЗД: 380].

Еще больше в пермских памятниках фамилий от коми-пермяцкой лексики, например: Бугуев (*бугуй* 'филин'), Варышев (*варыш* 'ястреб'), Гачев (*гач* 'бобр'), Гудырев (*гудыр* 'пасмурный'), Жебов (*жеб* 'дряхлый'), Жулимов (*жулим* 'вялый'), Жунев (*жунь* 'снегирь'), Зеров (*дзер* 'сердитый'), Кокташев (*кокташ* 'хромой') и многие другие [см. СПФ].

В ранний период фиксации антропонимы, образованные от коми апеллятивов, обычно отмечались в тех населенный пунктах, которые имели коми названия: погост *Янидор* (*Зиб* Крутцов), погост *Губдор* (Левка *Куш*, Михалко *Ратегов*), погост *Цыдва* (Гаврило *Чукреев*), погост *Кольчуг* (Омелько *Жунегов*), деревня *Искор* (Игнашка *Кыров*), деревня *Верхний Шакшер* (Бориско *Кучев*) [Теплоухов 1925; Кривощекова-Гантман 1973: 76–86]. Но постепенно в связи с миграцией населения внутри пермской территории фамилии с коми основами распространились по всему Прикамью и вышли за его пределы. В настоящее время они составляют значительную часть фамилий людей разных национальностей, особенно русских, живущих в Пермской области.

Следы не только коми-пермяцкой, но и коми-зырянской лексики в Верхнем Прикамье позволяют говорить и о связях русских с коми-зырянами вне Прикамья, и об очень большой близости этих двух пермских языков в исследуемый период. Возможно, лексемы, отмечаемые в современных исследованиях, словарях, картотеках лишь как коми-зырянские, существовали в XVI–XVIII вв. и в коми-пермяцких говорах, а затем или исчезли в процессе развития языка, или еще употребляются где-либо в живой речи, но не попали в материалы ученых. Для обнаружения их целесообразно параллельно искать такую лексику в современной живой коми-пермяцкой речи и расширять круг русских памятников письменности Прикамья, в которых, безусловно, окажутся слова нарицательные и имена собственные коми происхождения.

В настоящее время рассмотрена коми лексика и ономастика только части пермских рукописей XVI – начала XVII вв. (до 1710 г.) разных жанров. Материал многих русских текстов Пермского края этого периода еще не попал в поле зрения лингвистов, так как необходимые для анализа рукописи хранятся преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (в Москве) и исследовать весь материал (например, фонд Строгановых, № 1278) можно практически только там.

Однако большое количество пермских рукописных материалов XVIII–XX вв., которые могут содержать коми-пермяцкую лексику и ономастику, находится Государственном архиве Пермской области и в городах Прикамья, изучена же лингвистами пока лишь часть этих фондов – преимущественно ревизские сказки разных лет. И одна из задач, стоящих перед специалистами по языку, культуре и истории коми, а также по проблемам взаимодействия языков, – выявление новых материалов в памятниках прошлых эпох и анализ лексики и ономастики. Но для этого нужна подготовка кадров – специалистов, знающих палеографию, умеющих читать скоропись старых текстов и владеющих методиками анализа лексики и ономастики.

6.2. КОМИ НАСЛЕДИЕ В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ[43]

Русские говоры Пермского края начинают формироваться в конце XIV–XV столетии в Верхнем Прикамье. Историки отмечают, что первоначально здесь появлялись новгородцы, о чем свидетельствуют археологические данные и этнографические материалы. Так, на городище вблизи села Искор в бассейне Колвы более 50 % керамики, выявленной в результате раскопок, имеют общие черты с новгородскими сосудами того времени [Оборин 1990: 59]. В Прикамье сохранялась вера в защиту от порчи и сглаза с помощью громовых стрел (пальчатых сосулек, образовавшихся от удара молнии в песок), что также связывают с новгородской культурой. Есть и ономастические следы пребывания в бассейне Верхней Камы новгородцев (ср. новгородский и пермский гидроним Вишера; Камень Полюд на Вишере – притоке Камы и новгородское древнерусское имя Полюд).

Однако сопоставление лексики русских говоров Прикамья и новгородских свидетельствует и о значительных различиях в употреблении старых слов, например, географических терминов. В Прикамье отсутствуют такие новгородские слова, как *грём* ‘небольшое возвышение, кочка на болоте’, ‘кочковатое место’, ‘мелкий кустарник’, ‘непроходимый лес’, а также однокоренные *гремок, грёмушек, грёмышек, гремочек, грёмочка, гремьё* [Васильев 2001: 138–143; НОС 2: 58], *дрябь* ‘топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте’ и однокоренные *дряб, дрябина, дрябля, дрябель, дрябище, дрябьё, дряблина, дребь* [Васильев 2001: 144–148; НОС 2: 106], *буклина, букловина* ‘небольшой залив на озере, заводь’ [Васильев 2001: 115], *вир, вирь, вирка* ‘водоворот’ [там же: 123], *жерло, жёрло, жерело, жерловина, журало* ‘место истока реки из озера’, ‘русло ручья’ [там же: 149], семантические диалектизмы *бёрдо* ‘небольшой холм, возвышение’, *вертун* ‘водоворот’ и многие другие. Вместе с тем в новгородских ис-

---

[43] *Полякова Е. Н.* Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (Материалы и исследования); Перм. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 2.

точниках не встретились апеллятивы, употребляющиеся в Прикамье и известные в говорах Русского Севера: *боготь, бузун, быган, выморина, гляден, исада* и т. д. [Полякова 1988]. Русские говоры Пермского края складывались преимущественно на основе севернорусских.

С конца XV в. и особенно активно в XVI–XVII вв. идет крестьянская колонизация Верхнего Прикамья с Русского Севера. Об этом свидетельствуют многочисленные работы историков, этнографов и лингвистов. Основными путями проникновения на Верхнюю Каму (современные Гайнский и Косинский районы), в междуречье Камы, Колвы и Вишеры (Чердынский район), на Вишеру (Красновишерский район) были реки, а также волоки с притоков Вычегды в притоки Камы (с Северной Кельтмы в Южную Кельтму; с реки Нем в бассейн Чусовского озера и Колвы), а также с Печеры в Колву (Печорский волок). Выходцы с Русского Севера – с вологодской и архангельской территории – на Вычегде и Печоре общались с носителями финно-угорских диалектов, с предками современных коми-зырян и коми-пермяков, о чем свидетельствуют заимствования в русских говорах [ФУСЗ]. Иногда это общение было весьма длительным и русские усваивали какую-то коми лексику. Они были в определенной мере подготовлены к встрече в Прикамье с носителями коми-пермяцких говоров, в прошлом очень близких коми-зырянским. До XIV–XV вв. зыряне и коми-пермяки говорили практически на одном языке, представленном разными говорами [Лыткин 1962: 26].

На северной пермской территории – в Перми Великой и Соли Камской – русские были в постоянном общении с проживавшими здесь коми-пермяками. Нередко возникали смешанные браки, приводившие к двуязычию в таких семьях и появлению билингвов, к взаимодействию русских и коми говоров. В результате в Верхнем Прикамье функционирует множество финно-угорских по происхождению топонимов, русские говоры здесь сохраняют некоторые особенности коми фонетики, и в их лексике немало заимствований из коми диалектов.

Формирование русских говоров в южной части пермской территории – Среднем Прикамье – шло в результате переселения крестьян с севера края вниз по Каме. Они несли на новые места свою речь, содержащую и коми заимствования. Кроме того, русское население запада края (в бассейнах рек Обва, Нытва, Очер) соприкасалось с коми-пермяками так же, как в Перми Великой и Соли Камской. В результате в лексике русских говоров заимствования распространились по всему Пермскому краю, что отражают материалы, собранные диалектологическими экспедициями.

Изучению лексики и фразеологии коми происхождения посвящено немало исследований пермских ученых. Особое внимание этому уделяла А. С. Кривощекова-Гантман, анализировавшая не только топонимы и антропонимы Прикамья, возникшие из коми слов, но и заимствования в лексике [1981]. Анализу такой лексики и фразеологии с коми лексемами посвящали свои работы Р. М. Баталова [1967], К. Н. Прокошева [1974],

Е. Н. Полякова [2002] и другие исследователи. При изучении коми топонимии рассматривались и коми географические термины, вошедшие в лексику русских говоров Прикамья [Нешатаев 1968; Полякова 1988]. В ряде работ специально проанализированы особенности адаптации коми лексики и топонимии в русском языке [Кривощекова-Гантман 1966; Аксенова 1997]. Лексика коми происхождения в различных севернорусских, уральских и сибирских русских говорах рассматривалась в многочисленных трудах ученых Уральского государственного университета, в котором выросла крупная ономастическая школа А. К. Матвеева [ср.: Матвеев 1959; Востриков 1981; Гусева 2002; Мищенко 2002; Теуш 2000 и т. д.]. Рассмотренные в этих работах заимствования из коми языков нередко присутствуют и в пермских говорах.

Вместе с тем, несмотря на проведенные исследования, за их пределами остаются еще многие диалектные слова коми происхождения в русских говорах Пермского края. Выявление их, специальные поиски их в русских источниках Прикамья [ср.: Матвеев 2000] приводят к пополнению списка таких слов, а их анализ дает интересные результаты для решения различных проблем языкознания (лексикологии, истории русского языка и др.), этнографии, культурологии.

Современные пермские диалектные словари [Акчим. сл.; СГТ; СПГ; СПП] и картотеки этих и будущих словарей, разрабатываемых в настоящее время (ср. Чердынский словарь, охватывающий территорию Северного Прикамья), содержат немало заимствований, к изучению которых целесообразно обратиться лексикологам. Некоторые из них, а именно лексика с аффрикатами *дж* и *дз'* в начале слов, анализируются в данной статье.

В разных районах Прикамья в русских говорах зафиксированы заимствования из коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, связанные происхождением и семантикой: 1) *джиргать*, *джиргуша*, *дзиргать*, *зазиргать*; 2) *жургать*, *джургать*, *зургать*, *зуркать*, *зюргать*, *дзю-дзю*, *дю-дю-дю*, *дюдькать*, *дзуток*; 3) *зазяркать*, *джарскать*, *дзярскать*, *додзярскать*. Рассмотрим каждую из этих трех групп слов.

1-я группа.

Джи́ргать – 'беспрестанно говорить': «*Она **джиргат**, слово некуда воткнуть*» [СПГ 1: 214].

Джиргуша – 'болтливый человек': «*Подите вон к Анне, она така **джиргуша**, нахлопат вам*» [СПГ 1: 215].

Дзи́ргать – 'чиркать' [СРНГ 8: 46].

Зи́ргать – 'смеяться' (?): «*Я на него смотрю, а он всё **зиргает** и **зиргает***» [СПГ 1: 328].

Зази́ргать – значение неясно (возможно, 'заболтаться, заговориться'): *Дотоль досидит, **зазиргат*** [КЧС].

Основа их (*джирг-*, *дзирг-*, *зирг-*) обнаруживается в коми словах *джиргыны* 'скрипеть, поскрипывать' [ССКЗД: 100], *дзир* 'петля, шарнир, навеска' [КПРС: 120; КРС: 192] и восходит к общепермскому **dž'ira* (*dž'* – аф-

фриката) 'приспособление, на котором вертится растворяемый предмет' [КЭСКЯ: 91]. Развитие семантики слов с общепермским корнем могло идти по следующему пути: 'дверная петля' > 'дверная петля, которая скрипит' > 'скрипеть'. Но, скорее всего, было иначе: предмет получил название по качеству (он скрипит), и в основе оказывается сема 'скрип'.

В заимствованных русскими словах развиваются новые значения: 'скрипеть' > 'чиркать' ('издавать звук, похожий на скрипение'); 'скрипеть' > 'говорить, болтать'; 'скрипеть' > 'смеяться'. Утрачивается начальная аффриката, вместо которой в русских словах фиксируются либо два звука (*дж*, *дз*), либо один (*з*, *ж*). Слова оформлены русскими аффиксами.

2-я группа.

Джу́ргать и *жу́ргать* – 'шипеть' [КЧС].

Джюргать – 'пить': «*Че они-то квас по одному глоточку* ***джюргают****, ещё ведь есть*» [СПГ 1: 215].

Дзюргнуть – 'выпить; сделать глоток': «*Нет, я уж не пила на поминках, маленько только* ***дзюргнула*** *и поставила, не могу*» [СПГ 1: 215].

Зу́ргать – значение неясно (возможно, 'постучать'): «*Я слышала, он* ***зургал****, я вышла, никого нету*» [Акчим. сл. 1: 347].

Зу́ркать, зуркаться – 'стучать', 'стучаться' [СРНГ 12: 25].

Зюргать – 'пить брагу' [СРНГ 12: 44].

Дзю-дзю и *дю-дю-дю* – 'возгласы, которыми подзывают свиней' [КЧС].

Дюдькать – 'подзывать свиней': «*У нас свиней* ***дюдькали****, звали*» [КЧС].

Дзу́ток – 'поросенок': «***Дзуток*** *– это поросёнок маленькой*» [КЧС].

Ударение во всех словах на первом слоге. Их основа (*джург-*, *жург-*, *зург- / зюрг-*, *дзюрг-*) отмечается в коми словах: *d'źurk* – 'хруст, треск, скрип' [Fokos-Fuchs 1: 182], *d'źurkedni* – 'хрустеть, трещать, скрипеть, звенеть' [там же: 182], *дзурк* – 'подражание скрипу' [КПРС: 122], *дзурк* – 'старинное приспособление в виде лучка, служащее для добывания огня путем трения' [КЭСКЯ: 93; КРС: 196], *дзуркби* – 'огонь, добытый трением' [КПРС: 122], *дзуркакывны* 'скрипеть' [КРС: 196], *дзуркйӧдлыны* – 'скрипеть, поскрипывать' [КРС: 196], *дзуркнитны* – 'скрипнуть' [КПРС: 122; КРС: 196], *дзурскакывны* – 'стрекотать' [КРС: 196], *дзуркӧтны* – 'скрипеть' [КПРС: 122], *дзуркӧтӧм* – 'скрип, посрипывание' [КПРС: 122], *дзурс-дзурс* – 'пить крупными глотками' [КПРС: 122], *дзуртӧм* – 'скрип, хрюканье' [КПРС: 123], *дзуртыштлӧм* – '(частое) поскрипывание; (частое) похрюкивание' [КПРС: 123], *дзуту-дзуту* – 'возглас, которым подзывают поросят' [КПРС: 123], *дзуту* и *дзуток* – 'поросенок' [КПРС: 123] и др.

Корень этих слов восходит к общепермскому **dž'ur-* (*dž'* – аффриката) – 'скрип' [КЭСКЯ: 93] и связан с корнем **dž'ir* (см. выше). Оба они присутствуют в словах, которые обозначали поворачивающиеся (дверная петля) или вращающиеся (лучок для добывания огня) предметы, и оба называли звук (скрип), издаваемый во время действия этих предметов. После обоих корней в представленных словах присутствует заднеязычный (*g* или *k*).

Видимо, корень возник в результате звукоподражания, основная его сема – ‘скрип’.

В русских говорах Прикамья в исследуемых заимствованных словах на основе семантики ‘скрип, скрипеть’ разными путями развивается значение ‘издавать звук вообще’ (ср. *зургать*), которое постепенно по-разному дифференцируется: ‘издавать звук’ > ‘шипеть’ (*джургать*, *жургать*); ‘издавать звук’ > ‘стучать, стучаться’ (*зуркать*, *зуркаться*); ‘издавать звук’ > ‘издавать звук при питье (большими глотками)’ > ‘пить’ (*джюргать, дзюргнуть*, *зюргать*).

В коми-пермяцких и русских говорах употребляются различные подзывные слова (*дзуту-дзуту*, *дзю-дзю*, *дю-дю-дю*), возникшие на основе коми корня *джурк-* / *дзурк-* и давшие в обоих языках название поросенка (*дзуток*), связанное с подзывными словами. В коми говорах развилось название звуков, издаваемых поросятами (*дзуртыштлӧм*), а в русских говорах – глагол, обозначавший подзывание свиней (*дюдькать* из *дю-дю-дю*). В коми заимствованиях аффриката заменена русскими звуками, используются русские аффиксы.

Поиски заимствований с основой *джург-* / *дзюрг-* на других (непермских) территориях дали ряд слов. В вологодских говорах *дзюргать* – ‘молиться’: «*Надо **дзюргать** перед началом каждой работы*» [СРНГ 8: 46]. В вятских и сарапульских *зуркать* и *зуркаться* – ‘стучать, стучаться’ [СРНГ 12: 25]. В томских *жу́рга* [СРНГ 9: 230] и в свердловских *журовка* – ‘жук’: «*Ноне жуком зовут, а ране **журовкой***» [СРГСУ Д: 159], в «Словаре русских народных говоров» без указания места со ссылкой «Сл. Акад. 1898» зафиксировано слово *жу́ржа* ‘ворчун, ворчунья, брюзга’ [СРНГ 9: 230]. Их объединяет ударение на первом слоге и сема ‘издавать звуки’ (‘говорить’, ‘стучать’, ‘жужжать’).

3-я группа представлена несколькими словами только на севере Пермского края (в чердынских и красновишерских говорах).

Джарскать – ‘резко, неприятно кричать (о птицах, животных)’: «*Кошки собрались, ревут на разные голоса, **джарскают***» [Акчим. сл. 1: 237]; ‘грубо, крича, говорить что-либо, бранить кого-либо’: «*Ругаться – так **джарскать***» [там же].

Дзярскать – ‘издавать крик (о сороке)’: «***Дзярскат** сорока – дож будет*» [там же]; ‘крича, бранить кого-либо, грубить кому-либо’: «*Начнет ругаться – с визгом **дзярскат**; У нас она постоянно дзярскает отцу*» [там же].

Додзярскать – ‘криком довести кого-либо до раздражения’: «*Додзярскашь там*! *Даст он тебе*! *Будешь знать*!» [там же].

Зазяркать – ‘заикаться’: «*Зазяркать – заякиваться, неправильно говорить*» [КЧС].

В этих словах ударение падает на слог *джар-*, *дзяр-*, *зяр-*, в каждом слове есть основная сема ‘издавать звуки’. Несомненно, они развились на основе коми корней *джург-*, *дзург-*, *дзурк-*, но в них проявились особенности русского словообразования (приставки и суффиксы), произошли утрата

коми аффрикаты *дж* (*дз*), замена ее двумя согласными, а также изменение гласного звука в корне.

В пермских говорах отмечаются и другие коми заимствования, в которых представлены результаты изменения начальной звонкой аффрикаты *дж*, например: *жуверки* и *жуверить*.

Жуверки – в Добрянском районе в 1870 г. 'балки, которыми зимой подмащивают ухабы на дорогах' [СРНГ 9: 220]; в Соликамском районе в 70-е гг. XX в. – 'обрубки дерева, кряжи, подкладываемые при ремонте дорог для устранения ям, выбоин': «*Чтобы не было нырков, кладут жуверки, кряжи метра по два*; *А жуверки нарубят, чтобы ровна дорога была*; *Мостили дорогу жуверками*»; 'деревья, подкладываемые подо что-либо для опоры': «*Череньяделают всплошную, накладут нижние жуверки, связывают вицами, три ряда в челено, больше не кладут*» [СПГ 1: 266].

Жуверить – 'устранять ямы, выбоины на дорогах путем подкладывания обрубков дерева, кряжей': «*Если есть на дороге нырки, сразу жуверят, кладут жуверки*» [там же].

В коми-зырянских говорах отмечается слово *джу* – 'ухаб, выбоина на дороге' [ССКЗД: 101] и ряд слов с этим корнем, восходящим к общепермскому языку [КЭСКЯ: 88–89]: *джуджыд* – 'глубокий', *джуджддöдны* 'углублять, сделать более глубоким' [ССКЗД: 101], *джум* – 'омут, яма на дне реки' [КЭСКЯ: 89], *джумдор* – 'обрыв, крутой берег' [КПРС: 118] и др. С ними связаны и слова с корнем *дзу* [КЭСКЯ: 93]: *дзу* – 'лунка'; *дзув* – 'узкая щель' *дзуввидзны* 'проникать (свету)' [ССКЗД: 106], *дзумгысьны* – 'погрузиться (в какую-либо жидкость), провалиться' [ССКЗД: 107] и др. Во всех представлена сема 'глубокий, глубина'.

Какие-то из слов с корнем *джу* 'яма' были усвоены носителями русских говоров, и на их основе развились новые, адаптированные к русской фонетике и грамматике слова, которые стали обозначать то, что приходилось закладывать в ямы на дорогах (обрубки деревьев, кряжи), чтобы выровнять дорогу, и сам процесс ремонта дороги с их помощью.

Заимствования с корнем *джу* отмечались и в других севернорусских говорах: в архангельских и вологодских *жуверка*, а в последних еще и *жувёртка* – 'рычаг' [СРНГ 9: 220], то есть 'дубина, которую подкладывают (опускают) под предмет для поднятия его', в архангельских *журов* 'кряж, используемый в качестве рычага при корчевании пней' [СГРС 3: 386]. Эта семантика в итоге отлична от пермской, хотя в основе лежит общая сема 'опустить в глубину (в яму или под предмет)'. В вологодских говорах развилось и еще одно отсутствующее в Прикамье значение слова *жуверка* – 'средство, умение крепко сжимать что-либо', а также отмечен глагол *жуверкать* – 1) 'сжимать', 2) 'говорить тихо, невнятно' [там же]. Таким образом, результаты развития семантики коми заимствований с корнем *джу* в говорах Русского Севера и Прикамья оказываются различными.

В некоторых случаях обращение к анализу коми слов с начальными аффрикатами *дж*, *дз'* позволяет предположить основание для появления

некоторых русских топонимов Прикамья. Так, в Пермском крае есть несколько объектов с топонимами Дивий, Дивья: Дивий Камень – высокая скалистая гора на правом берегу Колвы, Дивья Пещера в этом камне – пещера с большим количеством гротов, Дивья – два правых притока реки Чусовой, населенные пункты Дивья на Колве и в бассейне Чусовой.

Обычно появление этих названий связывают со словом *удивительный*: Дивья Пещера отличается удивительной красотой [ГНВП: 86]; Дивья – приток Чусовой, текущая по карстовой местности, **удивляет** тем, что в некоторых местах уходит под землю [КТСПК: 17] и т. д. В ряде источников скалистую гору называют Девьим Камнем или Девьей горою [Николаев:128], причем такое название отмечено уже в XVII в.: *Есть, де, вверх Колвы-реки на пустых местех горы каменные, прозванья им: гора Девья, гора Боец*... [*РР: 11*].

Название Дивий Камень русскими легко соотносилось с топонимом Девий Камень / Девья (гора), так как в слове *дева* в древнерусском и старорусском языках был звук «ять» (*дѣва*). В результате фонетических изменений в северных русских говорах Пермского края «ять» перед твердыми согласными перешел в звук *е* (*дева*), а перед мягкими – в звук *и* (*дивий*). Составители документов XVII в., обычно знающие нормы общерусского делового языка (функциональной разновидности русского литературного языка того времени), услышав слово *дивий*, воспринимали звук *и* в нем как результат диалектного развития звука «ять» и писали в соответствии с ним букву «е» (*гора Девья*), как это было принято в центральных текстах.

Связи звуков «ять» и *и* реализовались даже в языке пермского фольклора. Так, появилась трогательная легенда о красавице Деве, жившей на правом берегу Колвы, и богатыре Ветлане, который находился на левом берегу. Они полюбили друг друга, но коварная Колва не позволила им встретиться. Тогда Дева с горя бросилась с камня в Колву (в другом варианте – окаменела), и стали в память о ней называть его Девьим или Дивьим. Ветлан тоже от горя окаменел и остался стоять на левом берегу реки среди леса в виде высокой и длинной скалистой горы, которую назвали его именем. В другой легенде рассказывается о Деве, которая управляла всей чудью и жила в неприступной крепости на вершине горы. Дева была умна и красива, чудской народ под ее управлением был богат и счастлив и вел торговлю с чудью, обитавшей в Искоре. В солнечные дни Дева сидела на вершине горы и сучила шелк для тенет, которыми ловили пушных зверей. Потому и прозвали гору Девьей / Дивьей.

Однако эти и другие легенды напоминают только о фонетических изменениях в речи, но не дают никаких оснований для этимологии топонимов Дивья и Дивий Камень.

Вместе с тем можно предложить другое решение вопроса о происхождении названия Дивий, менее эмоциональное, но, на наш взгляд, более реальное. В русском языке на протяжении долгого периода (XI–XIX вв.) существовало слово *дивий*, имевшее древний корень **di* ‘дикий’ и получив-

шее в праславянском языке расширитель (суффикс) -v- (*div). Одно из значений пришедшего из праславянского в древнерусский язык слова *див* / *дивий* – 'дикий, не освоенный, не заселенный' [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 243]. Слова́ с корнем *div в этом значении отмечаются и в других славянских языках: болгарское *див*, македонское *див*, сербохорватское *ди̏вљӣ*, словенское *dívji*, старочешское *diví*, словацкое *divý*, полабское *daivě*, старопольское *dzivy* [ЭССЯ 5: 35–36].

Вместе с тем параллельно со словами от *div в древнерусском языке существовали и слова с основой *dik, образованные от того же корня *di, но с другим расширителем, -k-. Одним из значений этого слова было тоже 'дикий' [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 245]. Постепенно прилагательное *дивий* 'дикий' уступает свои позиции слову *дикий* и затем выходит из употребления в русском языке. Процесс его исчезновения был долгим: слово употреблялось в разных текстах XVII в., но в современном словаре, описывающем русскую лексику XVIII в., оно уже имеет помету «слав.», то есть отмечается как церковно-книжное [СлРЯ XVIII в. 6: 127], то же самое в словарях XIX в. – как церковное [ПЦСС 1: 143; Даль 1: 435]. Однако когда русские появились в бассейне Колвы (XII–XIV вв.), слово *дивий* еще звучало в их живой речи и попало в топонимию: береговой камень и пещера в нем казались дикими и получили соответствующее название.

Русские могли назвать пещеру Дивьей и еще по одной причине. В эпоху Древней Руси существовало поверье о злом духе, имя которого – Див. Оно пришло в древнерусский язык из восточных языков: из персидского через тюркские языки – *dēv* 'демон, дьявол' [Фасмер 1: 512]. Слово Див встречается в тексте XII в. «Слове о полку Игореве»: «*Свистъ звѣрин веста, збися Дивъ, кличетъ връху древа*» или «*Уже вержся Дивъ на землю*» [СлСОПИ 2: 29]. Неизвестно, кого так называли в «Слове»: некое мифологическое демоническое существо, наводящее ужас, или реальную хищную птицу, предвещавшую несчастье. Может быть, и пещеру в Дивьем Камне считали обиталищем злого духа – Дива? Да к тому же на Дивьем Камне находятся гнездовья филинов, их зловещее уханье по ночам тоже устрашает. Так что и Камень тоже Дивий.

Так или иначе, но во всех случаях название Дивий должны были дать пришедшие сюда русские. Однако такой большой объект, как Дивий Камень, не мог не иметь какого-то дорусского, финно-угорского названия. Об этой каменистой горе люди знали уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют известный ученым с XVIII в. археологический памятник – городище родановской культуры, находящееся на Дивьем Камне. Ближайшие к нему объекты носят топонимы, восходящие к коми говорам. Это и название Ветлан, попавшее в русскую легенду о Деве, и именование расположенного неподалеку от Ветлана хутора Маегов, образованное от коми прозвища Маег (Маэг) из слова *майог* 'кол' [КПРС: 241; ССКЗД: 216], и другие топонимы.

Есть и названия, которые могли быть мансийскими, например, гидроним Ухтым – левый приток Колвы. Ср. название реки Ухта в Республике Коми, в основе которого видят элемент *ухт-* из мансийского *ахт* 'протока' или 'медведь', хотя есть и другое предположение о происхождении гидронима Ухта – из коми языка [Туркин: 124]. И Дивий Камень мог иметь в прошлом какое-то коми или мансийское название, но ни в памятниках письменности, ни в устной передаче оно до нас не дошло.

Древние названия нередко были связаны с глаголами или глагольными образованиями, характеризующими различные действия (обряды, хозяйственные процессы, способы передвижения). Так, Камень Ветлан получил свое название от коми слова *ветлан* 'дорога', 'предназначенный для езды' [КПРС: 68], связанного со словами *ветлыны* 'ездить', *ветланін* 'место проезда' [там же].

Но какую дорогу могли назвать словом *ветлан* на Колве? Сам Камень Ветлан для дороги совсем не подходит. В словаре И. Я. Кривощекова [с. 258] сообщается: «*Камень Ветлан стоит среди леса отвесной стеной, едва доступной для исследователя*». Неприступными представляются и другие береговые скалы с таким же названием: «стеноподобная скала около версты длиной» [там же: 257] на берегу Вишеры и скалистый высокий берег реки Язьвы. Название последнего на коми-язьвинском диалекте звучит как Вит'л'а́на и тоже связано с глаголом движения *витлинө* 'ходить' [КЯД: 99]. Однако все эти Ветланы неприступны, тогда о какой же дороге может идти речь? – О дороге по реке. У каждого из Ветланов начинается удобный плес, то есть 'прямое русло от поворота до поворота'– дорога по реке, которая особенно важна там, где невозможно пройти или проехать по суше. И между Ветланом и Дивьим Камнем на Колве находится удобный для сообщения по реке длинный плес (Ветланское / Ветлянское плесо).

В коми-зырянском языке сохранились слова с корнем *джив* / *дзив*: *дживгыны* 'плавно нестись (о лодке)', *дживъялны* 'кататься (на лодке'), *дживгині* 'ехать медленно (по зимней дороге на санях)' [ССКЗД: 100], *дзивгыны* 'плестись' [КРС: 187]. Семантически с ними связаны глаголы с корнем *дзӧв*: *дзӧвкъявны* 'плавать на поверхности' [ССКЗД: 105; КРС: 194; РКС: 434], 'носиться' [ССКЗД: 105]; *дзӧкйӧдны* 'быстро нестись (например, о лодке)' [ССКЗД: 105], *дзӧвкнитны* 'пронестись, быстро пробежать, проехать, проплыть' [там же]. В говорах отмечаются также слова с корнем *дзув*: *дзувкъявны* 'носиться' [ССКЗД: 106], *дзувкӧс* 'ходкий, легкий и быстрый на ходу (о лодке)' (там же).

Семантически оказываются связанными существительное *ветлан* 'дорога' (причем в данном случае 'дорога по реке') и слова с корнем *дзив-* (*джив-* / *дзӧв-* / *дзув-*) со значениями 'плыть (плавно или быстро) на лодке', 'ехать медленно по зимней дороге (возможно, по замерзшей реке)'. Все они были актуальны в хозяйственной жизни живших здесь рыбаков и охотников, так как называли места проезда, удобные для того, чтобы плыть от

Ветлана до Дивьего Камня. Видимо, последний и получил название с корнем *дзив*.

Таким образом, древние названия камней Дивий и Ветлан возникли у коми как характеризующие определенную местность по деятельности на ней, в данном случае по передвижению. Пришедшие в Прикамье русские знакомились с существующими названиями, но, не зная их семантики, создавали свои, опираясь на свою культуру и традиции. Русские усвоили коми название с корнем *дзив-*, приспособили его к своей фонетике (аффриката *дз'*, отсутствующая в русском языке, заменена звуком *д'*) и реализовали в названии *див* знакомую им семантику 'дикий'. Впоследствии с постепенным исчезновением прилагательного *див* / *дивий* из нарицательной лексики его значение 'дикий' в топониме перестало быть актуальным и забылось, зато в результате изменения звука «ять» обнаружилась связь со словом *дева* и прилагательным *девий* /*дивий*, что и вызвало к жизни легенды о Деве и Ветлане.

Топонимы Дивья и Ветлан на Чусовой (названия притоков реки и селений в ее бассейне), скорее всего, были принесены русскими с Колвы, из Перми Великой. Об этом могут свидетельствовать два обстоятельства. Во-первых, одна из рек с названием Дивья впадает в Чусовую неподалеку от устья другого притока – Ветлана. Вряд ли связь топонимов Дивья и Ветлан здесь были случайными, скорее всего их принесли с Колвы, где они связаны Ветланским плесом.

Во-вторых, писцовая книга 1623 г. и переписная книга 1647 г., а также более поздние документы по Чусовским землям вотчины именитых людей Строгановых содержат немало прямых указаний на то, что сюда переселялись крестьяне, жившие ранее на Колве: *Мартынко да Юдко, чердынцы*; *Матюшко Петров сын Казаков, чердынец*; *Петрушка Нифонтов сын Люгсов, Чердынского уезда с Покчи; Кондрашка Иванов сын Чердынского уезда Покчинского погоста* [*Е: 100, 117*]. Кроме того, на Чусовой было много переселенцев с Русского Севера: *Федька Прокофьев сын Вагин*; *Павлик Парфеньев сын Вондокурец*; *Васька Иванов сын Вологженин*; *Ивашко Андреев сын Вычегжанин*; *Гаврилко Денисов сын Моржегорец* [*К: 140–143*]; *Игнашка Тимофеев сын Тараниных, колмогорец*; *Марко прозвищем Дружинка Афанасьев сын, мезенец*; *Васька Власов сын Важенин*, *Сенька Васильев сын Кошечкин, каргополец*; *Гришка Степанов сын с Сухоны* и др. [*Е: 116–118*]. Эти люди с притоков Вычегды приходили в Прикамье на притоки Колвы, возможно, проживали там какое-то время, знали топонимы бассейна Колвы, привыкли к ним и принесли их на новые места – на Чусовую.

Представленный в статье анализ ряда слов коми происхождения (с начальными аффрикатами *дж* и *дз'*) в русских говорах и топонимии Пермского края свидетельствует об усвоении актуальной для жителей Прикамья заимствованной лексики и ономастики, о фонетической и грамматической адаптации их к русскому языку, о появлении в говорах новых русских слов с коми основами и о развитии в усвоенных коми словах новой семантики.

7. Пермская лексикография

7.1. О ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ [44]

Обширный Пермский край (современные Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ; территория – 160,2 тыс. кв. км.) представляет собой единое географическое, историческое, экономическое, культурное и языковое (русские говоры) пространство (Верхнее и Среднее Прикамье). Вместе с тем его отдельные части имеют свои особенности, обусловленные историей их заселения и развития, что отражено в различных исследованиях живой речи Прикамья и в пермской лексикографии [Этнический мир 2003: 164–183]. Лингвистическое исследование Прикамья начинается в 20-е гг. XX в., но активно с целью создать диалектные словари пермские говоры изучаются с 50-х гг. прошлого века [Грузберг 1993]. В результате появились лексикографические труды, подготовленные коллективами ученых Пермского классического и педагогического университетов: «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (составитель – О. П. Беляева) [СГСРПО], недифференциальный («полный») «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» в 5 выпусках (6-й – последний – выпуск готовится к печати; редактор – Ф. Л. Скитова) [Акчим. сл.], «Словарь пермских говоров» в 2 томах (редакторы – А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева) [СПГ], «Фразеологический словарь пермских говоров» (автор – К. Н. Прокошева) [Прокошева]. Пермская лексика части восточных и юго-восточных районов области вошла в подготовленный учеными Екатеринбурга «Словарь русских говоров Среднего Урала» (редактор – А. К. Матвеев) [СРГСУ; СРГСУ-Д].

Диалектизмы, употреблявшиеся в Прикамье в прошлом наряду с просторечной лексикой, зафиксированы в 6 выпусках исторического «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII в.» (составитель – Е. Н. Полякова) [СПП]. Он разработан по принципу полного словаря, преобладает здесь безусловно общерусская лексика, но около 2 % составляют диалектизмы и семантические диалектизмы: *барма* ‘отделка по вороту сарафана’, *пелькиши* ‘серьги’, *редрый* ‘красный (о масти крупного рогатого скота)’, *срыжа* ‘рыжеватый’, *счунуть* ‘унять, уговорить’, *теремок* ‘украшение на перстне’, *уледи* ‘зимняя меховая обувь’, *чертеж* ‘приготовленный под пашню участок в лесу, на котором убраны деревья’.

Диалектные слова отмечаются в тематическом «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья» (авторы – И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов) [Подюков]. В этой книге практически два словаря. Один посвящен свадебной лексике, зафиксированной в

---

[44] *Полякова Е. Н.* О пермской диалектной и ономастической лексикографии // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: Сб. статей к юбилею профессора Лидии Андреевны Глинкиной. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2005. С. 267–275.

пермских говорах XIX–XX вв. на обширной территории (от Печоры на севере до Чусовой на юге): проанализировано 700 слов и более 400 устойчивых словосочетаний, отмечаются значения диалектных слов, зафиксированных другими пермскими словарями, но с иными значениями (ср.: *Пестерь* 'название корильной песни на свадьбе'). Вторая часть книги – «Справочник свадебной символики Северного Прикамья». В словарных статьях рассмотрены свадебные символы, связанные с предметами, признаками и исполнением определенных обрядовых акций: *брызгать, веник, кислое, кра́сота, медведь, обмениваться, распряжка.* Словарь представляет большую ценность для этнографов и лингвистов, он свидетельствует о произошедших с XVII по XIX в. изменениях даже в устойчивой обрядовой лексике: многие слова XVII в. (*вежливец* 'колдун на свадьбе', *громовая стрела* 'оберег молодых на свадьбе', *приборяны* 'участники свадебной процессии') исчезли или заменились новыми, поэтому старая лексика в словарь не попала.

Это все, что представлено в настоящее время в опубликованных словарях Пермского края. Вместе с тем лексика – ценнейший материал для изучения истории языка, диалектологии, современного состояния живой пермской речи и различных языковых процессов в прошлом и настоящем. Поэтому активно продолжается сбор новых материалов в диалектологических и других экспедициях, а также изучение пермских памятников письменности для выявления территориально ограниченной лексики XVI–XVIII вв. Развернута подготовка новых словарей.

Более полувека исследовалась лексика говоров Чердынской земли – бывшей Перми Великой (современные Гайнский, Косинский, Красновишерский, Чердынский районы). Она заселялась русскими с XIV в., сюда приходили в древности новгородцы, о чем свидетельствуют данные археологических раскопок. Но активно регион осваивался позднее, в XVI–XVII вв., выходцами с Русского Севера, и сложившиеся на севернорусской основе чердынские говоры стали базой многих пермских диалектов, формировавшихся в этот период.

В настоящее время в классическом университете разрабатывается Чердынский словарь (руководители – Н. П. Потапова, И. И. Русинова), в котором фиксируется множество слов, не попавших в существующие пермские диалектные словари, ср.: *анта́пка* 'скобка, дужка ремня для переноски ружья', *баба́стя, баба́ся* 'наседка', *ба́бленье* 'принятие родов', *бавахры́шник* 'бездельник', *бала́нсы* 'весы', *барлужи́на* 'небольшая яма в реке', *ба́рснуть* 'ударить', *бары́шиться* 'поднимать цены', *бахтарма́* 'нижний, пористый слой шляпки гриба'. В нем будут представлены фонетические и фонематические варианты уже известных пермских диалектных и общерусских слов (*баки́лы* 'бахилы', *барло́г* 'берлога'), слова, фиксируемые в существующих словарях, но имеющие в чердынских говорах другие значения (*багла́н* 'ленивый человек', *бакла́нить* 'болтать').

По существу это будет словарь обиходного языка Чердынской земли, в него вводятся и общерусские слова в диалектном контексте (*ба́бник,*

бала́кать, барахло́, башкови́тый, баламу́т), просторечная и сниженная общерусская лексика (*базла́н*, *база́н*), употребляющаяся в говорах. Словарь не только существенно дополнит свод уже лексикографированных пермских диалектизмов, но и предоставит данные для различных лексикологических и этимологических исследований. Он актуален для изучения генетических связей пермских с другими русскими говорами и с нерусскими языками края, для выявления процессов, которые шли в лексике живой речи в далеком прошлом и особенно на протяжении второй половины XX в. Он необходим для анализа адаптации к русскому языку коми заимствований. Например, слово *бо́рда* 'канава, размытая дождем' («*Дожжом вон какую бо́рду вывело*») имеет коми основу, ср. коми-пермяцкое *борган* 'место падения ручья, потока; журчащий ручей' [КПРС: 37], в русском языке оно претерпело изменения: *борг* > *борд*, появилось окончание -а.

Диалектная лексика включается и в другие словари, разрабатываемые на кафедре общего и славянского языкознания Пермского университета, в частности, в словарь локальных элементов городской речи. В XX в. произошли существенные социальные изменения, приведшие к тому, что значительная часть сельского населения переселилась в города. По данным 1998 г. городское население края составляло 2277,4 тыс. человек, а сельское только 709,2 тыс., тогда как в 20–30-х гг. XX в. сельское существенно преобладало над городским. В городах оказались жители, знакомые с диалектной лексикой и в определнных случаях употребляющие ее. Причем многие из них имеют среднее и высшее образование и владеют литературным языком, но в обиходной речи могут использовать диалектные слова.

Они будут описаны в готовящемся к печати глоссарии пермских локальных элементов (составитель – Т. И. Ерофеева), в котором наряду с диалектными рассматриваются городские по происхождению территориально ограниченные единицы (*проездной* 'месячный билет на право проезда в городском транспорте' в Перми, ср. *карточка* в Санкт-Петербурге) и широко использующиеся в городской речи просторечные или устаревшие литературные слова (*враз* 'сразу'). Для глоссария отобрана 1000 единиц, основную часть его составляют слова, функционирующие сейчас или бывшие актуальными в прошлом в сельских говорах.

Пермские лексикографы обращаются к составлению словарей отдельных тематических групп лексики. Так, ранее выходили небольшие словари пермских географических терминов (ГТ), зафиксированных в живой речи и в памятниках письменности [Материалы; Полякова, 1988]. В настоящее время в результате обследования более 250 населенных пунктов разных районов региона накоплен обширный материал для составления «Словаря географических терминов Пермского края» [СГТ], в который включены данные русских говоров, живой речи жителей городов и материалы памятников письменности. В словарных статьях даются толкование значения (или значений) ГТ, тексты живой речи (с указанием места записи) и тексты памяников письменности, иллюстрирующие значения ГТ, этимологическая

справка (если возможно установить этимологию слова) о ГТ и пермские онома (топонимы и антропонимы), возникшие на основе ГТ. Обращение к тематической группе позволяет рассмотреть системные связи в лексике, выявить происходившие в ней изменения, обозначить территорию употребления ГТ, если термин или отдельное его значение присутствует только на части Пермского края. По данным топонимии и памятников письменности восстанавливаются ГТ, утраченные в настоящее время (ср.: *кокуй* 'высокое место, гора', *кекур* 'одинокая скала, гора на равнине'). В этот словарь попадает лексика, отсутствующая в современных пермских диалектных словарях: *ара́й* 'топкое, сырое место в лесу, на лугу', *бака́лда* 'глухой залив реки', *бичева́я* 'низкий песчаный или покрытый галькой берег реки', *бо́готь* 'омут', *бока́ра* 'участок, на котором растет молодой лес', *бу́хало* 'место в реке, где вода падает с шумом', *бы́ган* 'северный склон горы', *бырь* '1) перекат, мелкая часть реки с быстрым течением; 2) водоворот в реке' и т. д. Таким образом, словарь тематической группы слов существенно расширяет наше представление о диалектной лексике.

С изучением диалектной лексики тесно связано исследование онома, так как основой топонимов и антропонимов Прикамья были преимущественно нарицательные имена русского или других языков региона. Поэтому обращение диалектологов к ономастике закономерно, но ею специально занимаются и ономатологи. Тем не менее пермской ономастике со словарями пока повезло меньше, чем диалектологии. В прошлом топонимы фиксировали в географическо-статистических словарях, но обычно без лингвистического комментария (Н. К. Чупин, И. Я. Кривощеков). И только в 80-е гг. XX в. появляется первый пермский топонимический словарь А. С. Кривощековой-Гантман «Географические названия Верхнего Прикамья» [ГНВП], в котором анализируются преимущественно пермские топонимы севера и центра региона, возникшие в коми или тюркских языках. Часть географических названий Пермского края (особенно оронимы и гидронимы) наряду с топонимами всего Урала проанализирована в словарях профессора Уральского университета А. К. Матвеева. В научно-популярной книге Е. Н. Шумилова «Тимошка Пермитин из деревни Пермяки» опубликованы словари отдельных пермских ойконимов, гидронимов, оронимов, а также фамилий. Результаты исследования 2,5 тысяч фамилий региона XVI – начала XVIII в. представлены в книге Е. Н. Поляковой «К истокам пермских фамилий: Словарь» [КИПФ].

Ономастических словарей мало, и изданы они небольшими тиражами. Вместе с тем они вызывают очень большой интерес не только у специалистов, но и у читателей самых разных возрастов и занятий и, как и диалектные словари, используются в школах не только на уроках и во внеклассной работе, но и в исследовательской работе школьников.

Учитывая это, Департамент образования Пермской области рекомендовал к печати и использованию в школах «Словарь пермских фамилий» Е. Н. Поляковой [СПФ], находящийся сейчас в работе в издательстве «Книжный мир». Его основой явилась книга «К истокам пермских фами-

лий», существенно дополненная данными памятников письменности XVII–XVIII вв., хранящихся в Государственном архиве Пермской области. Это переписные книги 1678 г. Ф. Бельского и И. Дашкова, ревизские сказки города Перми 1791–1800 гг., владений Строгановых 1762 и 1782 гг., Чердынского уезда 1711 г., города Соликамска 1751 г., книги Егошихинского медеплавильного завода 1734 и 1745 гг. и многие другие акты. В новом словаре характеризуются не только фамилии, образованные от прозвищ в XVI–XVII вв. (как в старом словаре), но и отыменные фамилии, большое количество которых возникает в Прикамье в XVIII в. В результате проанализировано около 5,5 тысяч фамилий и к большей части их даны этимологические справки.

Так как весьма востребываемыми являются в настоящее время топонимические работы, разрабатыватся и топонимический словарь Пермского края (составитель Е. Н. Полякова), первоначальный вариант которого предназначается прежде всего школьникам и студентам, которые должны представлять свой регион. В словаре рассматриваются названия основных притоков Камы и их притоков, городов и районных центров края, значительной части сел и деревень, гор, горных хребтов, пещер, озер, болот. В словарных статьях указывается расположение объекта, названного анализируемым словом, и рассматривается его этимология. В этимологических справках в случае необходимости представлены имеющиеся в научной литературе сведения о происхождении топонима (обычно со ссылками на публикацию), вместе с тем значительную этимологическую часть словаря составляют исследования его составителя.

Особой частью лексики языка являются этнонимы, которые иногда включаются в словари нарицательной лексики (ср. в «Словаре современного русского литературного языка»: *башкиры, вогулы*), но бóльшая часть их там отсутствует, и ономатологи считают их объектом своих исследований. Исследуются этнонимы и пермского региона: в педагогическом университете издано учебное пособие «Этнонимия Прикамья», в котором представлены «Материалы к словарю пермских этнонимов» [Сироткина 2004: 68–160]. Здесь описаны в разных аспектах названия народов, племен, родовые (воршудные) именования, зафиксированные в пермской живой речи и в памятниках письменности, а также новые значения этих слов, развившиеся в говорах, и лексика, образованная от этнонимов. Показана связь этнонимов с пермскими топонимами и антропонимами. Эти «Материалы» – первый шаг к разработке этнонимического словаря Пермского края.

Там же под руководством профессора И. А. Подюкова разрабатываются новые тематические словари, связанные с фольклором и этнографией, в которых будут представлены календарная терминология, терминология и символика похоронной традиции, демонологическая лексика.

Реализация всех лексикографических проектов расширит наше представление о пермской диалектной лексике и ономастике Верхнего и Среднего Прикамья и сохранит для потомков сведения о значительной части русского языка.

7.2. ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ БАЗОВОГО СЛОВАРЯ ТОПОНИМОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ[45]

Возможны различные виды словарей географических названий. Их содержание и особенности зависят обычно от профессиональных интересов составителя (лингвиста, историка, географа), от решаемых им задач и от аудитории, которой предназначен словарь. Русская ономастика уже накопила большой опыт топонимической лексикографии, ср. словари М. С. Боднарского, В. М. Воробьева, А. К. Матвеева, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова, Г. П. Смолицкой, А. И. Туркина, Ю. И. Чайкиной и др.

В настоящее время существует несколько словарей, в которых рассматриваются пермские географические названия. Однако в каждом из них в зависимости от задач, стоящих перед автором, представлена только часть топонимов Пермского края, и они показаны в разных аспектах. Так, в прошлом создавались словари, в которых в каждой словарной статье называли объект и отмечали его географические и социально-экономические особенности. Иногда здесь даны легенды о географических объектах и их названиях или (к сожалению, редко) представлены некоторые этимологии топонимов. Таковы работы Н. К. Чупина «Географический и статистический словарь Пермской губернии» (1873–1880 гг.) [Чупин] и И. Я. Кривощекова «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии» (1914) [Кривощеков], весьма важные для топонимики, ибо фиксируют многие уже исчезнувшие топонимы и сведения о них, важные для этимологии.

Лишь два пермских словаря географических названий можно назвать собственно топонимическими. В работе А. С. Кривощековой-Гантман «Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем» (1983) [ГВНП] представлены словарные статьи, в каждой из которых указан топоним, дана характеристика называемого объекта (вид населенного пункта, река, гора и т. д.) и этимология названия. Как в любом топонимическом словаре, многие этимологии являются гипотетическими, но в большинстве случаев они имеют надежное основание и нередко подтверждаются полученными впоследствии новыми данными. Научно-популярная работа историка Е. Н. Шумилова «Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края» (1991) [Шумилов] характеризует ойконимы, а также некоторые гидронимы и микротопонимы Прикамья, как и составленный в соответствии с нею его же «Краткий топонимический словарь Пермского края» (2005) [КТСПК].

Значительная часть пермских географических названий попадает в уральские топонимические словари, составленные в разные годы чл.- корр. Российской академии наук, профессорм А. К. Матвеевым: «От Пай-Хоя до

---

[45] *Полякова Е. Н.* Об электронной версии базового словаря топонимов Пермского края // Вестник Пермского университета. Филология; Перм. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 3(19). С. 61–71.

Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор» (1984 г.); «Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь» (1987 г.) [Матвеев]; «Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала (1990 г.).

Однако названные лексикографические издания, как и любой топонимический словарь, не могли охватить всей топонимии Пермского края, охарактеризовать этимологию названия каждого географического объекта. Вместе с тем необходимо собрать, зафиксировать в картотеке и (в идеале) представить в многотомном словаре по возможности все топонимы, существующие и существовавшие в прошлом в Пермском крае. Географические названия Прикамья, с одной стороны, связаны с ономастикой Русского Севера, Республики Коми (оттуда приходила на Урал часть населения), с другой, – с топонимами Зауралья и Сибири (куда переселялись многие жители Пермского края. В результате изучение топонимии края важно не только для лингвистической характеристики Прикамья, но и для изучения топонимических и языковых связей очень большой территории России. Таким образом, исследование пермских географических названий актуально для науки и для практического использования топонимических материалов при составлении отдельных тематических лексикографических изданий, учебных пособий, лекционных курсов для университетов и других учебных заведений.

Основная электронная картотека топонимического словаря (ОЭК)

Решение такой серьезной задачи, как лексикография топонимии, начинается с рассмотрения основных проблем составления словаря на конкретном материале, в нашем случае – на материале Пермского края. Необходимо определить состав и характер картотеки как базы словаря, разработать структуру топонимической карточки и решить основные вопросы составления самого Словаря топонимов.

Лексикографическая работа с пермскими названиями очень динамична: картотека, которая должна содержать топонимы и их характеристику, будет неизменно расти, так как исследователи (ономатологи, диалектологи, историки, этнографы, географы) в различных источниках постоянно обнаруживают новые сведения об употреблении топонимов, их этимологии, и другие важные для топонимической статьи материалы.

Современное состояние технических средств позволяет создавать электронные версии картотеки словаря и самого словаря, удобные для поэтапного пополнения. Включать сведения о вновь найденных топонимах с указанием на их источники, географическую характеристику, датировку и этимологию целесообразно сразу в «Основную электронную картотеку словаря топонимов Пермского края» (далее ОЭК), которая очень подвижна. На ее основе можно создавать любые частные картотеки топонимов для исследования и описания каких-либо определенных групп названий. Вместе с тем динамичной должна быть не только электронная версия картотеки, но

и составляемая на ее основе «Электронная версия базового словаря топонимов Пермского края» (электронный базовый словарь – ЭБС). Из электронных картотеки и словаря на любом этапе можно получить необходимые печатные варианты.

Картотека в принципе должна включать весь топонимический материал, независимо от величины, социально-экономического значения и времени существования называемых объектов. В нее попадают названия и крупных рек, городов, хребтов, озер, и небольших, известных на ограниченной территории (например в одной деревне) полей, лесов, болот, гор, оврагов и т. д. В этом случае в составе картотеки окажутся и микротопонимы, которые чаще всего не попадают в доступные читателям и исследователям лексикографические публикации, но актуальны для решения различных вопросов ономатологии, этимологии, исторической лексикологии и других лингвистических дисциплин.

Каждая карточка ОЭК должна содержать всю возможную информацию о топониме. В ней необходимо зафиксировать топоним, если возможно, с обозначением ударения, однако ударение не следует восстанавливать по материалам письменных источников, если оно там не проставлено. Далее следует назвать варианты топонима, дать географическую характеристику названного им объекта (село, гора, река и др.) и указание на его расположение в Пермском крае. Важно отметить источник, из которого взят топоним, и дату фиксации названия в живой речи или написания в рукописи либо в публикации печатного текста источника. В случае, когда карточка составляется по записи сообщения диалектоносителя, рекомендуется дать зафиксированный текст, если он каким-либо образом характеризует топоним или названный им объект.

Карточка может быть дополнена каким-либо комментарием информанта, сообщившего топоним, и любыми другими сведениями лингвистического, исторического и географического характера. На один и тот же топоним может быть несколько (много; очень много) карточек, основанных на разных источниках, так как в каждой из них появляются какие-либо новые данные, необходимые для составления словарной статьи к ЭБС.

Картотека должна быть хорошо организована, удобна для пользования исследователем. При работе в Word'е, который в настоящее время используется большей частью ономатологов, в папке «Основная электронная картотека словаря топонимов Пермского края» помещаются отдельные папки с топонимами на буквы алфавита (папка «А», папка «Б» и т. д.), которые далее включают в себя отдельные файлы: в папке «А» содержатся файл «Аб», файл «Ав», файл «Аг» и др. Далее в связи с ростом картотеки такое деление по принципу матрешки будет продолжаться, а именно: файл Аб переводится в ранг папки, в которую включаются файлы Аба, Абе и т. д.

Чтобы попытаться найти оптимальный вариант описания топонимов в ЭБС, было предпринято решение вопросов лексикографии в процессе разработки структуры словарной статьи по данным конкретных географических названий 1,5 тысяч объектов Пермского края, имеющих либо одиночный, изолированный топоним (**КА'МА**, река), либо топоним, совпадающий с названием другого или других объектов (**ДАНИ'ЛИХА**, река, **ДАНИ'ЛИХА**, бывшая деревня; **ЕРА'НКА**, река, **ЕРА'НКА**, пещера).

В каждой развернутой словарной статье должно быть обязательно дано заглавное слово или словосочетание (если возможно, то с ударением; однако, как и в ОЭК, это нельзя сделать по письменным источникам), указан вид названного им объекта, кратко описано его расположение в Пермском крае, представлена этимология топонима (описание происхождения названия). В статье предлагаются разные гипотезы этимологии, если они имеются, и комментарий к ним, а также актуальные для топонимии другие сведения. Обязательны ссылки на научную и другую литературу, из которой взяты топоним, этимологические и другие материалы. Источники этих данных указываются в «Списке использованной литературы с условными сокращениями». Вместе с тем в словаре содержатся отсылочные и рабочие статьи.

Многие пермские топонимы этимологически связаны с географическими апеллятивами местных говоров и с антропонимами жителей Прикамья. Поэтому при составлении словарных статей могут быть использованы результаты лексикографии пермских географических апеллятивов и антропонимов в словарях: «Словарь русских народных говоров» [СРНГ] (слова с пометой «пермское»); «Словарь пермских говоров» [СПГ]; Е. Н. Полякова «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» [СГТ]; она же «Словарь пермских фамилий» [СПФ]; она же «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» [СИ].

Рекомендуется привлекать к толкованию пермских топонимов данные других лингвистических, а также географических, исторических, энциклопедических исследований и словарей. Такие сведения могут характеризовать не только сам топоним, но и интерес к его этимологии в разное время. Так, в первой русской энциклопедии – «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском», написанном В. Н. Татищевым в 1744–1745 гг. [Татищев], читаем о камне Говорливом, получившем название по создаваемому им эху: «*Говорливая гора, в Чердынском уезде на реке Вишере, имеет преизрядное ехо, или отзыв, когда на другой стороне противо оной громко и чисто закричишь, то перво ясно тоже отзовется и 2 или 3 раза убавкою первого слога, а потом шум зделает. Из пистолета выстреля, услышишь 3 как пушечные выстрелы, а потом подобно залпу из велкаго ружья загремит и продолжается более полминуты*» (http://www.encyclopedia.ru/enc/lexicon/detail/1378/). А в указанном выше словаре И. Я. Кривощекова о том же объекте говорится: «*Говорливый камень обращает на себя особое внимание по удивительному эху,*

благодаря которому слышны не только сказанные на реке слова, но и различные оттенки звука. Есть и такие пункты на реке, откуда эхо повторяется несколько раз, постепенно ослабевающими и удаляющимися звуками. Эхо в своем роде единственное» [Кривощеков: 321].

К сожалению, не всегда представленные в этих словарях этимологии топонимов лингвистически обоснованы. Например, название горы **ПОЛЮ'Д** на Вишере (Полюдов Камень, Полюд-Парма), восходящее либо к древнерусскому имени Полюд (оно отмечается в новгородских памятниках письменности), либо к древнерусскому нарицательному существительному *полюд* 'место сбора дани', объясняется И. Я. Кривощековым как результат заимствования коми-пермяцких слов *пель* 'ухо' и *удом* 'поднести', т. е. Полюд – 'ухо, поднесенное к реке' [там же: 630]. Конечно, следует учесть время, когда создавались словари, и состояние этимологии в прошлом. Вместе с тем сведения, которые оставили авторы ранних словарей будущим поколениям, бесценны.

Кроме указанных словарей, в последней четверти XX столетия появляется большой количество различных работ (статей и монографий), в которых рассматриваются отдельные пермские топонимы. Они написаны лингвистами (О. В. Гордеева, А. С. Кривощекова-Гантман, В. А. Малышева, Е. Н. Полякова), историками (В. А. Оборин, Г. Н. Чагин, А. В. Черных), географами (К. Г. Бутырина, Ю. Г. Вылежнев, Н. И. Нешатаев) и многими краеведами. В пермских университетах написаны многочисленные студенческие курсовые и дипломные работы по материалам, собранным в различных населенных пунктах Пермского края. В них обычно помещены небольшие словари изученных авторами топонимов и микротопонимов.

Выходят различные ономастические материалы, которые не являются словарями, но в них по-разному систематизирован большой топонимический материал и представлены многие этимологии географических названий. К ним относятся научные публикации, например книга Г. Н. Чагина «Пермь Великая в топонимических доказательствах» [Чагин 2004], и интересные, нередко содержащие сведения о происхождении названий топонимические справочники и путеводители, сопровождаемые картами-схемами.

Таким образом, накоплен достаточно большой изученный в том или ином аспекте топонимический материал, отработаны разные подходы к его изложению. Пришло время систематизировать уже имеющийся и тот материал, который еще предстоит собрать, и представить все это в ЭБС Пермского края.

Источниками картотеки и словаря могут служить практически все материалы, содержащие географические названия – имена собственные: 1) полевые записи топонимических, диалектологических, фольклорных, археологических и других экспедиций по Пермскому краю; 2) письменные и печатные источники разного рода, в том числе и названные выше уже существующие пермские словари, каждый из которых охватывает только часть пермской топонимии.

Экспедиционные записи, сделанные «вручную» или на диктофоне, отражают фонетические и другие черты топонима (например, ударение в нем), а также его употребление в тексте, что далеко не всегда зафиксировано в материалах письменных источников. Особенно ценны данные, записанные в экспедициях преподавателями и студентами филологических факультетов пермских университетов, так как они владеют навыками транскрипции текстов. Кроме того, они работают по специальным программам сбора топонимии, и в их записи попадает такой материал, какой не встречается в обычной записи спонтанной речи информантов.

Однако значительная часть топонимов содержится в рукописных и печатных источниках разного времени и пермских памятниках письменности XVI–XX вв. Особенно ценны для исследователей разного рода рукописные переписные документы. К ним относятся писцовые, переписные и дозорные книги XVI–XVII вв., например: Писцовая книга Перми Великой Ивана Яхонтова 1579 г., Писцовая книга Перми Великой Михаила Кайсарова 1623 г., Переписная книга по вотчинам Строгановых Прокопия Елизарова 1647 г., Переписные книги Федора Бельского 1678 г. и др. Большой топонимический материал содержат ревизские сказки XVIII–XIX вв., так как в них при записи людей обычно указывались названия населенных пунктов, в которых они проживают или проживали в прошлом, а также нередко и рек около них. Эти данные позволяют уточнять время возникновения и существования описываемого объекта, этимологию его названия. Вместе с тем важны и другие дошедшие до нас тексты делового письма разных жанров (видов), прежде всего судебных документов, в которых отражаются не только принятые официальные именования географических объектов, но топонимы живой речи, сохранившиеся в записях показаний истцов, ответчиков, свидетелей.

Последовательно отражены ойконимы Пермской губернии (она в XVIII–XIX вв. включала и территорию современной Свердловской, и части Курганской областей) в официальных списках населенных мест начиная с 1869 г. В книгах, посвященных фиксации ойконимов разных уездов под общим названием «Список населенных мест Пермской губернии» (1904–1911 гг.), указаны еще и реки, на которых стоят селения. Последним большим источником ойконимии этой обширной территории является «Список населенных пунктов Уральской области» (1928 г.). В этом издании представлены в отдельных книгах данные по округам Пермского края. После выделения из него в 1938 г. возникла Пермская (с 1941 по 1957 г. Молотовская) область (ныне Пермский край), состав населенных пунктов которой описан в новых справочниках «Пермская область: Административно-территориальное деление». Самым подробным из них является справочник 1963 г. В последующих изданиях (1969, 1981 и далее) идет постоянное сокращение ойконимов в связи с политикой закрытия так называемых «неперспективных» деревень. Так как в справочниках обычно указано количество населения, то при сопоставлении их за разные годы хорошо виден процесс сокращения, а затем и исчезновения многих населенных пунктов.

И у собирателей топонимии сохранилась только одна возможность зафиксировать топонимические материалы по этим деревням успеть опросить тех, кто выехал из них в другие (обычно соседние) населенные пункты.

Большую роль в накоплении топонимов для разработки картотеки и описания в словаре играют разного рода карты и планы изучаемой территории. Значительную помощь в поисках источников дореволюционного времени оказывает составленный Ю. А. Власовым в 1966 г. аннотированный сводный каталог «Карты и планы Пермской губернии (в пределах современных границ Пермской области)». Он начинается с описания «Чертежной книги Сибири», составленной С. Ремезовым в 1701 г. и показывающей некоторые реки (Кама, Чусовая, Сылва, Косьва и др.) и города (Соль Камская, Чердынь, Оса) пермской территории. На более ранних картах, собранных по московским и западно-европейским источникам и описанных академиком Б. А. Рыбаковым в книге «Русские карты Московии XV – начала XVI века», отмечены только реки Кама и Вишера.

По картам Пермской области, выходившим в разные годы, так же, как по справочникам, виден процесс сокращения населенных пунктов. В работе над современным словарем целесообразно использовать атласы «Пермская область. Коми-Пермяцкий автономный округ» (2000 г.) [Атлас] и «Пермский край» (2007 г.) [АПК], в которых многие исчезнувшие ойконимы показаны уже как названия урочищ, а в атласе 2000 г. названия исчезающих деревень подчеркнуты пунктиром. Эти атласы содержат очень большой топонимический материал, хорошо изданы и удобны в пользовании. Правда, и они не лишены некоторых ошибок, ср.: левый приток Вишеры Морчанка назван в них Молчанкой. Но в связи с тем, что работа над топонимом обычно ведется на базе разных источников, такие ошибки нетрудно увидеть и устранить.

Большую роль в выявлении топонимов играют различные планы – землеустроительные, геодезические и многие другие. Их данные нередко привлекаются к выполнению курсовых и дипломных работ. Обычно студенты, собирающие географические названия населенного пункта и относящейся к нему территории, находят эти планы и обнаруживают в них не учтенные в других источниках материалы. Топонимы присутствуют при описании различных объектов в географических, археологических, геологических и других отчетах, которые также рекомендуется использовать топонимистам.

Интересные данные обнаруживаются в туристических путеводителях, где нередко не только фиксируются топонимы, но и указывается причина их возникновения. Такими являются путеводители С. А. Торопова «По голубым дорогам Прикамья: Туристские маршруты» [Торопов], С. В. Котельникова и А. А. Чернышева «По реке Березовой: От истока до устья: Туристско-краеведческий путеводитель» [По реке Березовой 2004], А. Иванова «Вниз по реке теснин: Чусовая» [Иванов 2004], книги «Туризм в Пермской области» [ТПО], «По Пермскому краю: Туризм в Пермской области-2» [По Пермскому краю], «Рыбалка в Пермском крае» [Рыбалка 2007] и др. В них нередко более четко, чем на картах, просматривается рас-

положение географического объекта относительно соседних объектов, обнаруживаются гнезда однокоренных топонимов, источником которых является одно название, ср.: **АГАФОНИХА**[46] (приток реки Березовой – притока Колвы), **АГАФОНИЕВСКИЙ ПЕРЕКАТ** (на реке Березовой), **АГАФОНИХИНСКИЙ ОСТРОВ** (на реке Березовой), **АГАФОНОВСКИЕ ДОЛГУШИ** (прибрежные луга на реке Березовой).

Наконец, интересный материал содержится в исторических исследованиях ученых Пермского края и в краеведческих изысканиях. Так, в книгах А. Ширинкина «Россия, которую мы потеряли», «Сива – матушка-река», «Закат над Усольем» и других не только рассказывается о людях, живших в исчезнувших деревнях, но автор сохраняет и многие топонимы. Словарные топонимические статьи на географические названия бассейна Очера и другой территории Пермского края с историческими справками присутствуют в книге А. Дубровина «Очер – млечная река». Краеведческая литература является ценным источником для топонимического словаря.

ОЭК и ЭБС в идеале должны включать все топонимы Пермского края независимо от величины, значения и известности объекта. Только в этом случае в словарь может попасть вся топонимия территории Верхнего и Среднего Прикамья. Из электронного собрания статей ЭБС при необходимости нетрудно выделить материал для публикации топонимических словарей и справочников, описывающих в зависимости от цели и задач издания лишь часть топонимов: учебные словари названий известных географических объектов (для школ и вузов), словари ойконимов для разного рода административных справочников, словари гидронимов (в Пермском крае насчитывается 30 тысяч больших и малых рек), словари оронимов – названий гор и оврагов, словари топонимов XVI–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг и т. д. В электронном словаре может содержаться база для разного рода историко-лингвистических исследований, позволяющих изучать проблемы этимологии, взаимодействия языков разных народов, исторических изменений географических названий, причин этих изменений и многие другие.

В разрабатываемом ЭБС возможны три вида словарных статей: основные, отсылочные и рабочие. Охарактеризуем предполагаемую структуру статей каждого вида.

Структура основных словарных статей

Каждая основная словарная статья состоит из нескольких частей.

1. Первая часть – **заглавное слово** (топоним). Оно дается полужирным шрифтом прописными буквами, зафиксировано в форме им. падежа ед. числа (**ГОВОРУ'ХА, КЕ'КУР**) или мн. числа (**БАСЕ'ГИ, ЖАБРЕИ', ЖУРАВЛИ'**). В скобках помещается вариант топонима, если он отмечается в источниках: **А'БОГ (А'БАГ, А'БУГ); ВЕТЛА'НКА (ВЕТЛА'НИХА).**

[46] В истонике ударение не отмечено.

Двухсловные топонимы (словосочетания) состоят обычно из прилагательного и существительного (**ДИ'ВИЙ КА'МЕНЬ; ПЕЧО'РСКИЙ ВО'ЛОК**). В этом случае второй компонент обычно образован от географического термина-апеллятива: **АГАФО'НОВСКИЕ ДОЛГУ'ШИ, АНЮ'ШИНСКАЯ ГРИ'ВА, БЫСТРАЯ ПА'РМА, КО'ЛЬЧУГСКОЕ (КО'ЛЬЧУЖСКОЕ) О'ЗЕРО**. Однако в случаях, когда характеризуется величина объекта (*большой, малый*) или его расположение относительно других объектов (*средний; южный* (*полуденный*), *северный; верхний, нижний*), прилагательное присоединяется к топониму – имени существительному: **БОЛЬША'Я ГОНДЫРКА, МА'ЛАЯ ГО'НДЫРКА, СРЕ'ДНИЙ БАСЕ'Г, Ю'ЖНАЯ КЕ'ЛЬТМА, ПОЛУ'ДЕННЫЙ КОН'ДАС, СЕ'ВЕРНЫЙ КО'НДАС, ВЕ'РХНИЕ МУЛЛЫ', НИ'ЖНИЕ МУЛЛЫ'.**

В части сложных топонимов первое слово было редуцировано (*верх*- из *верхний, усть* из *устье*), в результате возникли составные названия: **ВЕРХ-ГО'НДЫР, ВЕРХ-КО'СЬВА, УСТЬ-КО'ЛВА, УСТЬ-Я'ЗЬВА**.

Каждая словарная статья характеризует один топоним (**КА'МА; ПЕРМЬ**) или топонимы, называющие географические объекты одного вида: **ИСА'ДЫ,** деревни: 1) в Чердынском районе; 2) в Березовском районе; **ПА'РМА** – населенные пункты: 1) поселок в Красновишерском районе, 2) бывшая деревня в Кудымкарском районе. Если одинаковые названия носят объекты разного вида, то на название каждого из них составляется отдельная словарная статья, а заглавные слова нумеруются: **ВЕТЛА'Н** [1] – каменистые скалы: 1) на реке Вишере, 2) на реке Колве; **ВЕТЛА'Н** [2] – два бывших населенных пункта в Чердынском районе: выселок и деревня; **ВЕТЛА'Н** [3] – пристань на берегу Колвы.

Сложным является вопрос о постановке ударения в топониме. Ни в одном из пермских словарей географических названий ударение не отмечается. И это понятно. Во-первых, ударение в топониме может быть разным в литературном и местном (диалектном) произношении. Во-вторых, составители словарных статей часто не располагают сведениями об ударении, особенно в случаях, когда топоним извлечен из памятников и других письменных текстов. В результате, чтобы сохранить единство в подаче заглавных слов, ударение не отмечают нигде. Однако в ЭБС возможен разнобой в подаче топонимов (с ударением или без него), который можно ликвидировать при публикации конкретного топонимического словаря. И в тексте топонимической статьи можно найти место для отражения известного составителю ударения. Во всяком случае, вопрос об ударении в электронном словаре требует в дальнейшем специального изучения.

2. Вторая часть – **определение расположения топонима на карте.** Наиболее удобной является привязка любого топонима к ближайшему гидрониму и характеристика гидронима по отношению к Каме – главной реке Пермского края. Если гидроним употребляется рядом с термином *приток, река, речка*, то он стоит в форме им. падежа, если без термина, то склоняется в соответствии с нормами русского синтаксиса. Дополнительно в скобках дается сокращенное указание на район (см. «Список условных сокра-

щений названий районов и территорий управления городов»), где находится названный географический объект. Ср.:

ВИЗЯ'ХА, правый приток реки *Весляна*, впадающей слева в Каму (Гайн.).

ВИ'ЛЬВА [1], реки: 1) левый приток *Камы* (Черд.); 2) правый приток Камы (Сол.); 3) левый приток реки *Говоруха* – правого притока *Вишеры*, впадающей слева в *Каму* (Красновиш.); 4) левый приток реки *Яйва* – левого притока Камского водохранилища (Алекс., Горнозав., Сол.), 5) левый приток реки Усьва – правого притока реки *Чусовая*, впадающей слева в Камское водохранилище (Чус.); 6) левый приток реки *Косьва* – левого притока Камского водохранилища (Доб.); 7) правый приток реки *Язьва* – левого приока Вишеры (Красновиш.). Подчеркнуты и выделены курсивом названия рек, представленные в основных статьях ЭБС:

МОЛЁ'БКА [1], реки: 1) правый приток *Сылвы*, впадающей в *Чусовую*, образованный при слиянии *Большой Молёбки* и *Малой Молёбки* (Киш.); 2) правый приток реки Асовка – левого притока реки *Барда*, впадающей в *Сылву* (Бер.); 3) речка в бассейне *Мойвы* – левого притока *Вишеры* (Красновиш.).

Населенные пункты показаны по отношению к реке, на которой или в бассейне которой расположены:

МОЛЁ'БКА [2], деревни: 1) на правом берегу реки *Сылва* – левого притока *Чусовой*, в устье реки *Молёбка* (Киш.); 2) на правом берегу реки Асовка – левого притока реки *Барда*, впадающей справа в *Сылву* – левый приток *Чусовой* (Бер.); 3) Верх-Молёбка на левом берегу реки Асовка – левого притока *Барды* (Бер.).

ПОЛЮ'ДОВО, деревни: 1) на правом берегу реки *Обва* – правом притоке Камского водохранилища (Кар.); 2) в бассейне реки Хмелевка – левом притоке реки *Лысьва*, впадающей в *Обву* (Вер.); 3) в бассейне реки Усолка – притоке реки *Верхняя Мулянка*, впадающей слева в Каму (Перм.).

В том случае, если населенный пункт существовал в прошлом, но в настоящее время его уже нет, он отмечается как *бывший*:

ВИЖА'ИХА [2], населенные пункты: 1) поселок на правом берегу реки *Колва*, в устье реки *Вижаиха* – левого притока *Вишеры* (Черд.); 2) бывшая деревня на левом берегу реки *Вижаиха*, впадающей справа в *Колву* (Черд.).

КЕ'КУРКА [2], бывший выселок из поселка *Юг* (Перм.).

Топонимы крупных притоков Камы или Камского водохранилища (Коса, Вишера, Обва, Иньва, Чусовая и др.) могут помещаться в ЭБС без указаний на Каму. Однако это указание сохраняется для одинаковых названий разных рек:

ЛЫ'СЬВА [1], реки: 1) правый приток Камского водохранилища (Ус., Сол.); 2) левый приток реки *Чусовая*, впадающей в *Каму* (Чус., Лыс.); 3) правый приток реки *Обва*, впадающей в Камское водохранилище (Кар).

Микротопонимы ориентированы по отношению либо к гидронимам, либо к близлежащим населенным пунктам:

АЛЁ'ШКИН НОСО'К, мыс на крутой излучине реки Березовая, впадающей слева в Колву – правый приток Вишеры (Черд.).

ЖУ'ЧИП, поле у деревни Слобода на левобережье реки Слобожанка – левого притока реки Пильва, впадающей слева в Каму (Черд.).

КЕ'РАС, поле, относящееся к деревне Большие Долды на реке Кама (Черд.).

ОЖЖЫТВОЛ, поле, относящееся к деревне Большие Долды на реке Кама (Черд.).

3. Третья часть словарной статьи посвящена описанию этимологии или истории названия. Она дается в свободной форме:

АБРО'СОВО, бывшая деревня на правом притоке реки Сепыч, впадающей слева в Лысьву – правый приток Обвы (Вер.). В основе названия имя Аброс – разговорная форма полного календарного имени Амвросий (из греч. слова в значении ‘принадлежащий бессмертным, божественный’). В Пермском крае чаще фиксировалась форма Оброс, ср.: *Деревни Елова крестьянин Оброс Сергеев сын Кузьмин*, 1678 г. Название деревни могло быть образовано как от имени Аброс, так и от фамилии Абросов.

В словаре стоит представить и прокомментировать различные гипотезы происхождения названия или основы (корня) слова, давшего топоним, отметить наиболее обоснованные, а также предложить новое, если оно разработано и аргументировано составителями словаря:

АЛЫ'М, левый приток реки Тимшер – правого притока реки Южная Кельтма, впадающей слева в Каму (Гайн.). Есть разные гипотезы происхождения названия реки: 1) от рус. прозвища простака, разини Алым; 2) от тюрк. имени Алым из Алим, возникшего из араб. слова со значением ‘знающий, осведомленный, ученый’. Не исключено, что оно стоит в ряду названий рек на -им (Акчим, Висим и др.), которые могли быть угорскими.

В этой части словарной статьи возможны указание на раннюю фиксацию топонима в памятниках письменности, указание на возникновение его на месте другого топонима (например, при изменении названия населенных пунктов) и другие актуальные для топонимики сведения о названии географического объекта.

4. Четвертая часть – ссылки на источники и исследования. Постоянные ссылки на источники и литературу, которые обычно даются в тексте научной статьи или монографии в скобках сразу после цитаты или ее изложения, в словаре затрудняют восприятие текста. Вместе с тем их нельзя избегнуть, так как они обосновывают и материал словарной статьи, и его комментирование. Поэтому в конце каждой словарной статьи с помощью условных сокращений названий источников или исследований (см. ниже «Список использованной литературы и источников с условными сокращениями») даются ссылки после знака ||. Ср.:

ВА'ДЬЯ, озеро на левом берегу Колвы – правого притока Вишеры, к югу от поселка Ныроб (Черд.), образовано на месте старого русла Колвы. В говорах *вадья* – ‘небольшое бессточное озеро’ (архангельское), ‘небольшое озеро или окно в трясине’ (вологодское). Скорее всего, слово могли при-

нести в Прикамье переселенцы с Русского Севера, а в их говоры оно могло попасть из прибалт.-фин. языков, ср. финское *vataja* ‘место с медленным течением или без течения’. Вместе с тем есть и другое предположение: слово *вадья* возникло в Прикамье из коми слова *вад* ‘лесное озеро с топкими берегами’ (коми-перм.), ‘луговое непроточное озеро с топкими берегами’ (коми-зыр.).|| ГНВП; КПРС; СГРС; СРНГ; ССКЗД; ФУСЗ.

КОКУ'Й... || Атлас 1; Иванов 2004 (с. 83); МРС; Муллонен 1985 (с. 102); Муллонен 1994 (с. 32, 67); Мурзаев; Полякова 2004; Смирнов (с. 139), СРНГ; Шумилов 1991.

В том случае, если ссылка дана на атлас или словарь, где слово легко отыскать по алфавиту, или на другие издания, в которых слова определенным образом систематизированы, то тома, выпуски, страницы издания не указываются. Если же ссылка дана на статью или книгу, то в скобках помещаются ссылки на том, выпуск, страницы.

В результате описания всех частей словарной статьи она может выглядеть следующим образом:

КО'ЛВА [1], правый приток *<u>Вишеры</u>*, впадающей слева в *<u>Каму</u>* (Черд.), одна из крупных рек Камского бассейна. Начинается с *<u>Колвинского Камня</u>*. Полагают, что основой названия могло быть слово *кол* – общий финно-угорский древний корень со значением ‘рыба’, следы которого есть в современных языках, ср.: фин., вепс., эст. *кала*, морд. *кал*, мар. *кол*, венг. *хал*, манс. *хул*. Гидронимы с ним отмечаются на территории, где живут сейчас или жили в прошлом носители фин.-угор. языков: река Колва – приток Усы, впадающей в Печору (Республика Коми; Ненецкий автономный округ); река Ковъю (коми Коойу), в документе 1608 г. отмечена как река Колва – приток Вишеры, впадающей в Вычегду; река Колвица и Колвицкое озеро в Мурманской области. Видимо, из языков коми древнее нарицательное слово (*кол*) было вытеснено новым (*чери* ‘рыба’), но сохранилось в топонимии. Вторая часть гидронима – *ва* ‘река’ – могла попасть в гидроним Колва позднее, чем его основа, а именно тогда, когда на территории коми распространяются названия рек на *-ва* (*<u>Иньва</u>*, *<u>Косьва</u>* и др.).

На появлении названия пермской реки Колва могли сказаться связи с Вычегдой, существовавшие на протяжении веков. Вряд ли случайным является совпадение пермских гидронимов Вишера и ее притока Колва с вычегодскими названиями Вишера и ее притоком Ковъю (русское в XVII в. Колва). Независимо от того, возникло ли название Колва непосредственно в Прикамье или было принесено с Вычегды, оно могло значить ‘рыбная река’ (как и Ковъю из *ков* < *кол* и *ю* < *юг* ‘река’).

А. С. Кривощекова-Гантман полагала, что более убедительной является другая гипотеза о происхождении названия: в основе лежит древний термин *кол* ‘русло, лог, река’, отмечаемый в тюрк. языках Сибири. В прошлом он был распостранен в урало-алт. языках гораздо шире, вплоть до Кольского полуосторова. В коми языках к древнему названию Кол ‘река’, которое как термин было забыто и стало восприниматься просто как имя собственное, присоединился вновь географический термин *ва* ‘река’. Таким обра-

зом, по ее мнению, Колва – в переводе ‘река-река’. Однако в этом случае трудно объяснить распространение названия на фин.-угор. севере и отсутствие его на территориях тюрк. топонимов. Несостоятельна и гипотеза Е. Н. Шумилова о древнебашкирском происхождении гидронима Колва.

От гидронима Колва образованы названия связанных с этой рекой объектов, ср.: поселки Верхняя Колва на левом берегу; Колва на правом берегу; Колвинец на речке Ныробка – притоке Колвы; деревни Усть-Колва (бывш.) в устье Колвы, Колвинский Ракшер на правом притоке Колвы; урочище Колвинский Байдач на правом берегу реки Байдач – притоке Низьвы, впадающей в Колву; Колвинский Камень – возвышенность на северо-востоке Пермского края. || Атлас 1, Атлас 2; ВКП; ГНВП; ГНУ; ГЭС; Кривощеков; Туркин; Чагин 2004; Шумилов 2005.

Структура отсылочных словарных статей

В словаре статьи, посвященные отдельным топонимам, обычно связаны с другими его статьями, в которых рассматривается происхождение топонимов. Поэтому, чтобы не перегружать ЭБС, в нем указываются статьи, в которых уже проанализирован тот или иной топоним. Ср. отсылочную статью:

КО'ЛВИНСКИЙ РА'КШЕР. См. *Ракшер*[2].

Характеристику объекта и происхождение топонима находим в основной статье:

РА'КШЕР [2] (КО'ЛВИНСКИЙ РА'КШЕР), деревня на левом берегу реки *Колва*, впадающей справа в *Вишеру* (Черд.). Названа по речке *Ракшер*. || Атлас; Чагин 2004.

Этимология гидронима, от которого образован ойконим Ракшер, дана в другой основной статье:

РА'КШЕР [1], приток *Колвы*, впадающей справа в *Вишеру* (Черд.). Топоним коми происхождения, он образован от прозвища человека Рака из слова *рака* ‘ворона’ и географического термина *шер* из *шор* ‘ручей’, т. е. Ракшер – ручей Вороны (или человека по имени либо прозвищу Ворона). || Атлас 1; ГНВП

Подобных случаев в ЭБС будет довольно много:

БОЛЬШИ'Е ВО'РЦЕВА. См. *Верхняя Ворцева*.

ЖУ'КЛИНО. См. *Жукла*.

ЖУ'КОВКА. См. *Жуково*.

КУКА'Й. См. *Кокуй*.

КУКУ'Й. См. *Кокуй*.

В связи с тем, что ЭБС должен находиться постоянно в рабочем состоянии и в него вводятся дополнения разного рода, в ряде случаев отсылочные статьи целесообразно развить, уточнить происхождение названия, которое не связано с корнем топонима в основной статье, на которую сделана ссылка.

Рабочие статьи

Название «рабочая статья» весьма условно, оно определяет необходимость составления словарной статьи на указанный в заглавном слове топоним. Работая над словарем, постоянно сталкиваешься с тем, что в привязке названия к определенному географическому месту необходимо назвать реки или населенные пункты, с которыми он связан. Вместе с тем названия этих рек и населенных пунктов еще не исследованы и описание их отсутствует в словаре. Чтобы не потерять в словаре будущую словарную статью на еще не исследованный топоним, целесообразно 1) указывать его в ЭБС на положенном ему по алфавиту месте и 2) называть топонимы, в описании которых он упоминается, ср.:

БА'БКА. (Юг). Необходимо составить словарную статью на топоним **БАБКА**, так он упоминается в статье на слово Юг. Ср. также:

ВА'Я. (Волимская степь).

И'НЬВА. (Кыласово).

ЛА'СЬВА. (Абакшата).

СТОЛБЫ'. (Кекур).

У'СЬВА. (Вижай, Ломовка).

В итоге, часть отсылочных и все рабочие статьи посвящены топонимам, которые предстоит описать, чтобы упоминание их в основных статьях не затрудняло восприятие в словаре топонимии Пермского края.

Надеемся, что полученные нами результаты исследования вопросов лексикографии географических названий в сопоставлении с материалами ономастики и нарицательной лексики и разработка примерных словарных статей (основных, отсылочных и рабочих) послужат топонимистам и позволят начать составление электронного «Словаря пермских топонимов».

7.3. ЗАМЕТКИ О МАТЕРИАЛАХ СЛОВАРЯ ПЕРМСКИХ ФАМИЛИЙ XVI–XVIII вв.[47]

Пермскими считают фамилии, сформировавшиеся и функционирующие на территории современной Пермской области. Процесс их формирования хорошо отражен в памятниках письменности, составленных на территории Перми Великой (Чердынской земли), Соли Камской, вотчин Строгановых, Кунгурского и Осинского уездов. В настоящее время эти рукописные памятники хранятся в Российском государственном архиве древних актов, архиве Санкт-Петербургского филиала Института истории Российской академии наук, Государственном архиве Пермской области,

[47] *Полякова Е. Н.* Заметки о материалах словаря пермских фамилий XVI–XVIII вв. // Филологические заметки: сб. статей; Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 129–135.

Российской государственной библиотеке, Пермской областной библиотеке имени А. М. Горького, в Пермском краевом, Кунгурском и Чердынском краеведческих музеях.

Изучение материалов переписей населения (писцовых книг XVI – первой четверти XVII в., переписных книг XVII в. и ревизских сказок XVIII в.), а также административно-юридических документов XVI – начала XVIII в. позволило выявить более 5 тысяч фамилий (40 тысяч карточек употребления), т. е. семейных антропонимов, передающихся из поколения в поколение, оформленных суффиксами -ов, -ев, -ин, -ых, -ский. Бóльшая часть таких антропонимов – фамилий – сохранялась на протяжении веков и отмечается в настоящее время в Перми и Пермском крае.

В 1997 г. опубликован первый опыт словаря – книга «К истокам пермских фамилий». В ней представлено около 2,5 тысяч словарных статей, в каждой из которых дана одна фиксация фамилии в тексте какого-либо переписного или иного документа XVI – начала XVIII в. (обычно самая ранняя) и этимологическая справка, т. е. указано некалендарное имя или прозвище, явившееся основой фамилии, а также семантика прозвища и его язык-источник, если оно возникло не в русском языке. К сожалению, возможный объем публикации не позволил включить в словарь многочисленные фамилии от календарных имен, представить в большем объеме иллюстративный материал из памятников и сделать более пространными этимологические справки.

В настоящее время идет работа над словарем, включающим все выявленные нами из текстов вплоть до 1800 г. фамилии Верхнего и Среднего Прикамья, в том числе и образованные от полных и неполных календарных имен. В качестве иллюстраций в каждой словарной статье представлены отрывки не из одного, а из нескольких памятников разных лет и различных пермских территорий, что позволяет по материалам словаря решать проблемы образования фамилий (времени их становления, источников и способов формирования) и их распространения в Прикамье.

Писцовые, переписные книги и ревизские сказки традиционно учитывали в каждом населенном пункте все мужское население (податных людей), включая младенцев. В писцовых и переписных книгах XVII в. женщины записывались лишь в исключительных случаях, когда оставались вдовами – главами семейств, отвечающими за уплату податей. В ревизских сказках XVIII в. учитывалось все женское население Прикамья.

В результате изучения антропонимии отдельного населенного пункта за разные годы появилась возможность установить родственные связи многих людей – носителей одного и того же семейного антропонима, увидеть этапы возникновения, официального закрепления его и, таким образом, решить проблему времени и путей рождения конкретных пермских фамилий.

Во многих случаях в ранних памятниках находим индивидуальные прозвища, не оформленные антропонимическими суффиксами (*Житель Соли Камской Левонтей* ***Задаток***, 1573 г.; *Крестьянин сельца Никольского*

*Ларька Гаврилов сын **Оскалка**,* 1647 г.). Затем на их основе образуются семейные прозвища, уже оформленные суффиксами притяжательных прилагательных, ставших формантами фамилий (*Житель Соли Камской Карп Леонтьев сын **Задатков**,* 1616 г.; *Крестьянин сельца Никольского Фомка Ларионов сын **Оскалкин**,* 1678 г.). В приведенных примерах, судя по отчествам, фамилии сыновей возникли из прозвищ отцов.

По памятникам разных лет видно, что со временем запись прозвища с фамильным суффиксом становится требованием делового языка, и даже одного и того же человека в текстах разных лет могли записать с прозвищем без суффикса (*Крестьянин деревни Подволочек на реке Сылве Степанко Кондратьев сын **Пахолок**,* 1647 г.), а позднее антропонимом с суффиксом (*Крестьянин деревни Подволочек на реке Сылве Степанко Кондратьев сын **Пахолков**,* 1678 г.). В живой речи, судя по судебным документам, в которых записывались показания истцов, ответчиков, свидетелей без редактирования, такое семейное прозвище оставалось долгие годы и десятилетия в форме без антропонимического суффикса.

Семейное именование – фамилия – закреплялась за всеми сыновьями, поэтому в переписных книгах и особенно в ревизских сказках находим длинные списки сыновей, а далее их сыновей – всех с одной фамилией. Ср., например, записи 1678 г.: *Крестьянин деревни Порошина Ивашко Гаврилов сын **Бастрыгин**; Крестьянин деревни Порошина Федька Гаврилов сын **Бастрыгин**; Крестьянин деревни Порошина Фомка Гаврилов сын **Бастрыгин**.*

Наблюдения над семейными антропонимами (отчествами и фамилиями) позволяют решать некоторые вопросы не только ономастки, но и истории края. Так, губернский город Пермь был основан в 1780 г. на месте Егошихинского медеплавильного завода, выросшего в 1723 г. из небольшой деревни. Сопоставляя антропонимию писцовой книги 1623 г. и переписной книги 1647 г. по вотчинам Строгановых, можно установить, откуда пришли первые жители, основавшие эту деревню. В 1623 г. в сельце Никольском на речке Муловке (ныне это находящееся рядом с городом Пермью село Верхние Муллы на речке Мулянке) проживал крестьянин *Павлик Кузьмин сын **Брюханов**,* а в 1647 г. один его сын *Коземка Павлов сын **Брюханов*** числился в сельце Никольском, а его брат *Сергейко Павлов сын **Брюханов*** записан в деревне *на реке Каме и на речке Егошихе*. Таким образом, один из первых жителей Егошихи пришел из сельца Никольского. Оттуда же прибыл и другой первопоселенец Егошихи *Власко Федотов сын **Карнаухов**,* брат которого *Елисейко Федотов сын **Карнаухов*** остался на старом месте.

В XVII в. фиксируется обычно одна фамилия человека, передаваемая по наследству. В XVIII в., особенно в текстах 60-х гг., нередко записывали две фамилии одного и того же человека. Обе они могли быть образованы от прозвищ (*Житель починка Бычемьюг Парфен Филипов сын **Парусов** и **Быков**; Житель Орла-городка Иван Петров сын **Котовских** и **Секалкин***), от календарных имен, полных и неполных (*Житель деревни Ошмарина Ефим*

Иванов сын ***Ипатов*** *и* ***Якимов****; Житель Таманского завода Петр Максимов сын Якушов и* ***Макаров****)*, от заимствованных имен или прозвищ (*Житель Таманского завода Иван Аврамов сын* ***Батуев*** *и* ***Шарапов****)*, одна фамилия могла быть образована от имени, другая – от прозвища (*Крестьянин д. Рагозинская Тихон Антонов сын* ***Волков*** *и* ***Давыдов****; Крестьянин деревни Усть-Иньвы-реки Степан Иванов сын* ***Харин*** [неполное имя Харя от Харитон] *и* ***Бородин****)*.

Обе фамилии одновременно передавались сыновьям и внукам. Однако впоследствии одна из фамилий (обычно старая) утрачивалась, а оставалась более поздняя. Этот процесс вызван тем, что в одном населенном пункте нередко оказывалась всего одна фамилия, а семьи разрастались, дробились, необходимо было в именовании отделить одну от другой. И тот антропоним, который развивался в живой речи и который принято называть уличной фамилией, фиксировали в документах, он становился постепенно постоянным, официальным именованием. В результате возникали многие новые фамилии.

Однако появление новых фамилий могло быть обусловлено и другими обстоятельствами. Так, в Кунгурском уезде в XVII в. на речке Бабке выходцами с реки Иньвы (в бассейне Верхней Камы) *Кыласовыми* (*Крестьянин починка на речке Бабке Кирилко Степанов сын* ***Кыласов****, иньвенец*, 1647 г.) основан починок, ставший затем селом, получившим название Кыласово, образованное от фамилии первопоселенцев. Постепенно количество жителей с фамилией *Кыласов* увеличивалось и на Верхней Каме (в бассейне реки Иньвы), и в Кунгурском уезде, и на базе старой развиваются новые фамилии. В бассейне Верхней Камы наряду с фамилией *Кыласов* (*Крестьянин деревни Купрос на реке Иньве Петрушка Кондратьев сын* ***Кыласов***, 1623 г.) появляется форма *Кыласовых* (*Крестьянин деревни на речке Кырдыме Володимерко Семенов сын* ***Кыласовых***, 1647 г.), в XVIII в., одновременно с антропонимом *Кыласов* употребляется еще и вторая фамилия (*Житель Таманского завода Иван Михайлов сын* ***Леонтьев*** и ***Кыласов***, 1762 г.), затем вытесняющая старую фамилию. Кроме того, антропоним иногда записывается в форме *Киласов*, так как для русского языка нехарактерно сочетание звуков К и Ы, поэтому иноязычное КЫ в живой речи переходило в КИ (*Крестьянин деревни Анюшкар на реке Иньве Спирька Пантелеев сын* ***Килосов***, 1623 г.). В ряде случаев между начальным согласным К и последующим гласным Ы развивался согласный Р, в результате появились фамилии *Крыласов* и *Крилосов* (*Крестьянин села Новое Усолье Козьма Алексеев сын* ***Крыласов***, 1762; *Крестьянин села Новое Усолье Михей Еремеев сын* ***Криласов***, 1762). В Кунгурском же уезде переписные тексты отражают только фонетические изменения и появление фамилии *Крыласов.* В современном просторечии и кунгурских говорах и ойконим нередко отмечется в форме Крыласово (вместо Кыласово).

В связи с тем что в Прикамье в исследуемый период в документах фиксировались большие семьи, в которых кроме главы – отца числились все

сыновья (женатые и неженатые) и внуки, а иногда и правнуки, в деловых текстах, как и в живой речи, человека характеризуют как относящегося к такой большой семье (чей? – *Кыласовых*), а не к одному человеку – ее главе (*Кыласов*). С середины XVII в. и особенно в XVIII в. становится обычным употребление фамилий на -ых: *Гилков* и *Гилковых, Гогарин* и *Гогариных, Грибанов* и *Грибановых, Гусельников* и *Гусельниковых, Дымков* и *Дымковых, Ершов* и *Ершовых*. Они образуются как от прозвищ, так и от календарных имен: *Григорьев* и *Григорьевых, Гурьев* и *Гурьевых, Давыдов* и *Давыдовых, Евдокимов* и *Евдокимовых, Ермолин* и *Ермолиных, Васюков* и *Васюковых*. Фамилии на -ых образовывали обычно от прозвищ – имен прилагательных: *Долгих* (ср.: *Крестьянин деревни Ошап Иванко Сергиев сын Долгой*), *Заболотных* (*Крестьянин погоста Покча на реке Колве Лучка Заболотной*), *Загородских* (*Крестьянин погоста Кульчуг Якушко Загородской*). Четкой закономерности в употреблении фамилий от одной основы на -ых и без этого суффикса не было, одного и того же человека в одном документе записывали в форме на -ых, а в другом без этого суффикса (*Чердынец Ивашка Лахтионов*, 1682 г.; *Чердынец Ивашка Лахтионовых*, 1683 г.). В разрабатываемом словаре учитываются все формы таких фамилий, но помещаются они в одной словарной статье.

Адаптация к русскому языку заимствованных календарных имен и образование от них большого количества различных вторичных имен приводили к созданию многочисленных фамилий, восходящих к одному полному имени: от имени Константин – *Костантинов, Костентинов, Костентиновых, Костянтинов, Костин, Костюкин*; от имени Патрикий – *Патракеев, Патракиев, Патраков, Патрекеев, Патрикеев, Патрикиев, Патриков, Патрушев*. На такие фамилии составляются различные словарные статьи, так как смешения в их употреблении в пределах одной семьи (как в фамилиях на -ых и без этого суффикса) не наблюдается и причины образования разных форм от одного календарного имени различны. Многие из них сохраняются до настоящего времени, ср., например: в Перми в настоящее время функционируют фамилии *Патракеев, Патраков, Патрикеев, Патрушев*.

Хорошо сохранившиеся многочисленные пермские памятники XVI–XVIII вв. и наличие в настоящее время большого количества этимологических, ономастических, исторических, диалектных, двуязычных и других словарей и исследований по лексикологии, данные которых используются для установления семантики основ семейных антропонимов, позволяют разработать словарь пермских фамилий, содержащий значительный материал для истории русского языка и для ономастики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашев В. Берегом Камы от дома Люверс…/ В. Абашев, А. Фирсова // Филолог: научно-методический журнал. – 2002. – № 1. – С. 62–69.

Азарх Ю. С. Существительные женского рода с суффиксом -ядь в русском языке / Ю. С. Азарх // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Новая серия. – М.: Наука, 1961. – Вып. 2.

Азарх Ю. С. Слова на -иха в русском языке / Ю. С. Азарх // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования, 1977. – М.: Наука, 1979.

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М.: Наука, 1984.

Аксенова О. П. Семантическая адаптация коми-пермяцких топонимов в русском языке О. П. Аксенова // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. – Кудымкар, 1997. – С. 496–500.

Архипенкова И. С. Группа слов с корнем *бус* ‘мучная пыль’ в русских диалектах XIX–XX вв. / И. С. Архипенкова // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Ч. 1. – С. 71–74.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период / Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1967.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII начала XIX вв.) / Р. М. Баталова // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 69–75.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. / В. Н. Белицер. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.

Богачева М. В. Земледельческая терминология, отраженная в ойконимии Пермской области // Проблемы лингвистического краеведения: материалы межвуз. науч.-практ. конференции / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2004. – С. 27–33.

Бординских Г. А. Русская топонимия как источник по истории колонизации Урала / Г. А. Бординских, В. А. Оборин // Методы топонимических исследований: сб. научю трудов / Урал. ун-т. – Свердловск, 1983. – С. 57–61.

Браткова А. В. Начальный лингвистический анализ памятников Пыскорского медеплавильного завода XVIII в. / А. В. Браткова // Проблемы лингвистического краеведения: материалы межвуз. науч.-практ. конференции / Перм. пед. ун-т. – Пермь 2004. – С. 33–37.

Бутырина К. Г. Гурганы / К. Г. Бутырина // География Пермской области / Перм. ун-т. – Пермь, 1964. – Вып. 2. – С. 174–175.

Валеев Г. К. Сингармонический параллелизм башкирского языка и некоторые проблемы уральской топонимии / Г. К. Валеев // Этимологические исследования / Урал ун-т. – Екатеринбург, 1996. – С. 188–194.

Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки) / В. Л. Васильев / Новгород. ун-т. – Великий Новгород. 2001.

Вдовина Л. Н. «Лексикон российской...» В. Н. Татищева как источник по истории и культуре XVIIIв. / Л. Н. Вдовина // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1986. – № 5. – С. 51–62.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975.

Вид – Вид на Эспланаду с горы Слудка. URL: http://www.panoramio.com/photo/9537884 (дата обращения: 6.04.2009)

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья / О. В. Востриков // Этимологические исследования / Урал. ун-т. – Свердловск, 1981. – С. 3–45.

Вылежнев Ю. Г. Гидрографические термины юга Пермской области и прилегающих территорий как источник изучения местной гидронимии / Ю. Г. Вылежнев, Л. Г. Двинянинова, М. В. Митягина, Т. А. Рябова // III республіканьска ономастична (гідронімічна) конференція: Тезисы. – Київ, 1965. – С. 151–158.

Гайдамашко Р. В. Финно-угро-самодийские заимствования в системе охотничей терминологии Северного Прикамья / Р. В. Гайдамашко // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / Перм. ун-т. Пермь, 2007. – Ч. 2. – С. 216–223.

Горбунова А. А. Соликамская грамота XVII века / А. А. Горбунова // На Западном Урале: Сб. статей. – Молотов: Молот. книж. изд-во, 1956. – С. 102–119.

Грузберг Л. А. Пермская лексикография и Борис Александрович Ларин / Л. А. Грузберг, Е. Н. Полякова, Н. П. Потапова, Ф. Л. Скитова // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1993. – С. 6–20.

Гусева Л. Г. Географическая терминология Каргопольского края и его отражение в топонимике / Л. Г. Гусева // Вопросы топономастики / Урал. ун-т. – Свердловск, 1971. – № 5. – С. 128–132.

Гусева Л. Г. Географические термины, обозначающие болото и его части, в апеллятивной лексике и топонимике Каргопольского края / Л. Г. Гусева // Вопросы топономастики / Урал. ун-т. – Свердловск, 1972. – № 6– С. 122–127.

Гусева Л. Г. К вопросу о судьбе заимствованной лексики в уральских говорах / Л. Г. Гусева // Русская диалектная этимология / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – С. 36–38.

Дмитриев А. Пермская старина: Сб. истор. статей и материалов о Пермском крае / А. Дмитриев. – Пермь, 1889. – Вып. 4. – С. 110–194.

Дмитриев А. Пермь Великая в XVII веке // Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1890.

Дмитриева Т. Н. Лексика обско-угорского происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья / Т. Н. Дмитриева // Этимологические исследования: Сб. науч. трудов / Урал. ун-т. – Свердловск, 1988. – С. 28–43.

Добродомов И. Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство / И. Г. Добродомов // Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 255–262.

Ерофеева Е. В. Локализмы в литературной речи горожан: Учеб. пособие: / Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова / Перм. ун-т. Изд. 2-е испр. и доп. – Пермь, 2002.

Иванов А. Вниз по реке теснин: Чусовая: в 3 т. / А. Иванов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004.

Истомина А. Загадка чуди или о чем рассказывают коми-пермяцкие предания и лексика, фамилии и географические названия Урала / А. Истомина. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005.

История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1998.

Калинина Т. А. Народное образование в Чердынском крае (80-е годы XVIII – первой половины XIX в.) / Т. А. Калинина // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конференции, посв. 100-летию Чердын. Краевед. музея им. А. С. Пушкина / Чердын. музей. – Пермь, 1999. – С. 217–222.

Калинина Т. А. К истории просвещения крепостного населения (с. Ильинское Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.) / Т. А. Калинина // Исследования по истории Урала: Сб. статей / Перм. ун-т. – Пермь, 2005. – С. 191–211.

Кирьянов И. И. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена / И. К. Кирьянов, С. Н. Коренюк, Г. Н. Чагин. – Пермь: Книжный мир, 2007.

Климов В. Заметки к преданиям о чуди / В. Климов // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1974. – Вып. – С. 121–123.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – М.: Наука, 1979.

Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Коми-пермяцкого округа // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания / Перм. ун-т. – Пермь, 1964. – С. 133–140.

Кривощекова-Гантман А. С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов / А. С. Кривощекова-Гантман // Вопросы русского языка и методики его преподавания. – Пермь, 1966. – С. 87–107. – (Учен. зап. Перм. пед. ин-та. – Вып. 34).

Кривощекова-Гантман А. С. Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья / А. С. Кривощекова-Гантман // Русский язык и методика его преподавания / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1967. – С. 141–157.

Кривощекова-Гантман А. С. Фамилии как источник истории языка и его носителя / А. С. Кривощекова-Гантман // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии / Перм. ун-т. – Пермь, 1972. – С. 248–253.

Кривощекова-Гантман А. С. Ономастика на службе истории края / А. С. Кривощекова-Гантман // Языки и ономастика Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1973 а. – С. 20–37.

Кривощекова-Гантман А. Откуда эти названия? / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1973 б.

Кривощекова-Гантман А. С. Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения / А. С. Кривощекова-Гантман // Языки и ономастика Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь 1973 в. – С. 76–86.

Кривощекова-Гантман А. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка / А. С. Кривощекова-Гантман // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1974 а. – Вып. I. – С. 19–43.

Кривощекова-Гантман А. С. К проблеме пермской чуди / А. С. Кривощекова-Гантман // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1974 б. – Вып. 1. – С. 132–141.

Кривощекова-Гантман А. С. Фамилии от имен на -ог, -ег / А. С. Кривощекова-Гантман // Ономастика Поволжья 4 / Мордов. ун-т. – Саранск, 1976. – С. 91–94.

Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие имена и их использование в художественной литературе (На коми-пермяцком языке) / А. С. Кривощекова-Гантман // Лингвистическое краеведение Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1977. – С. 33–41.

Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья / А. С. Кривощекова-Гантман // Этимологические исследования / Урал. ун-т. – Свердловск, 1981. – С. 46–62.

Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1983.

Кривощекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 томах. – Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка / А. С. Кривощекова-Гантман // Тр. Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 3

Кривощекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 т. – Т. 2. Ономастика / А. С. Кривощекова-Гантман // Тр. Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2006 б. – Вып. 4

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953.

Лексикон российской // Советская историческая энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. – Т. 8. – С. 539.

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. – Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / под ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 2000.

Лыткин В. И. Происхождение коми-пермяцкого языка / В. И. Лыткин // Коми-пермяцкий язык: учебник для высш. Учеб. заведений. – Кудымкар: Коми-Перм. книж. изд-во, 1962. – С. 18–27.

Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимики Урала / Л. М. Майданова // Вопросы топономастики / Урал. ун-т. – Свердловск, 1962. – Вып. 1. – С. 22–32.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Зимовье на Студеной / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1978.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / А. К. Матвеев. – Свердловск, 1959. – 123 с. – (Учен. зап. Урал. ун-та. – Вып. 32).

Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор / А. К. Матвеев. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1984.

Матвеев А. К. Топонимия Урала: Учебное пособие / А. К. Матвеев. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1985.

Матвеев А. К. Северные этюды / А. К. Матвеев // Этимологические исследования: Сборник научных трудов / Урал. ун-т. – Свердловск, 1988. – С. 8–17.

Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала / А. К. Матвеев. – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 1990.

Матвеев А. К. Целенаправленный поиск лексических заимствований и некоторые вопросы их интерпретации / А. К. Матвеев // Русская диалектная этимология / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – С. 41–43.

Матвеев А. К. Ономатология. – М.: Наука, 2006.

Мельниченко Г. Г. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов / Г. Г. Мельниченко // Докл. на науч. конференциях 1962. – Ярославль, 1962. – Т. 1, Вып. 2.

Мищенко О. В. Названия внешних новообразований в говорах Русского Севера II / О. В. Мищенко // Финно-угорское наследие в русском языке: Сборник научных трудов / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 1. – С. 120–134.

Мошева А. А. Отадъективные имена существительные типа быстрядь, чернядь в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т – Пермь, 1976. – С. 91–102.

Муллонен И. И. Некоторые наблюдения над вепсской географической терминологией / И. И. Муллонен // Топонимия Урала и Севера европейской части СССР / Урал. ун-т. – Свердловск, 1985. – С. 98–106.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии И. И. Муллонен. – СПб.: Наука, 1994.

Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века: Учеб. пособие по спецкурсу / В. В. Мухин / Перм. ун-т. – Пермь, 1978.

На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. – М.: Наука, 1989.

Нешатаев Н. И. Распространение коми-пермяцких географических названий в Пермской области / Н. И. Нешатаев // Географические названия Прикамья / Перм. ун-т. – Пермь, 1968. – С. 52–58.

Николаев С. Ф. География Пермской области: пособие для учащихся восьмилетней и средней школы / С. Ф. Николаев, М. Н. Степанов, П. Н. Чепкасов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1973.

Оборин В. А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья / В. А. Оборин, Л. А. Балашенко // Тр. Камской археологической экспедиции / Перм. ун-т. – Пермь, 1968.

Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI–XVII вв. // Географические названия Прикамья / Перм. ун-т. – Пермь, 1968а. – С. 63–79.

Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа / В. А. Оборин // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1974. – Вып. 1. – С. 107–120.

Оборин В. А., Вечтомов А. Д., Голдина Р. Д., Поляков Ю. А. Археологические памятники Пермской области / В. А. Оборин, А. Д. Вечтомов, Р. Д. Голдина, Ю. А. Поляков // Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1976. – С. 11–22.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века / В. А. Оборин. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – М.: Наука, 1982.

Павлов В. Рассказы об уральских книгах / В. Павлов, А. Блюм. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1980.

Памятники тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: Из фондов Государственного архива Тюменской области / сост. О. В. Трофимова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2002.

Пастушенко И. Ю. Религиозные представления остяков Сылвенско-Иренского поречья в XVI–XVII вв. / И. Ю. Пастушенко // Археология и этнография Среднего Приуралья / Перм. ун-т. – Березники, 2001. – Вып. 1. – С. 107–116.

Подюков И. А. Лингвистическое краеведение в школе: учеб. пособие / И. А. Подюков / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 1998.

Подюков И. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004.

Поляков Ю. А. К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа / Ю. А. Поляков // Языки и ономастика Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1973. – С. 105–112.

Поляков Ю. А. Археологические памятники // Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь: Перм. книж изд-во, 1971. – С. 26–40.

Полякова Е. Н. Краткий обзор коллекции свитков XVII–XVIII вв. Пермского краеведческого музея / Е. Н. Полякова // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания / Перм. ун-т. – Пермь, 1964. – С. 161–166;

Полякова Е. Н. «Новые соликамские свитки XVII–XVIII веков / Е. Н. Полякова // Вопросы русского и славянского языкознания. – Пермь, 1965. – С. 107–115. (Учен. зап. Перм. ун-та. – Т. 137, вып. 1).

Полякова Е. Н. К изучению лексики пермских памятников XVII века (на материале географических терминов) / Е. Н. Полякова // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала / Перм. ун-т. – Пермь, 1972. – С. 390–394.

Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий: книга для учащихся / Е. Н. Полякова. – М.: Просвещение, 1975.

Полякова Е. Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII века / Е. Н. Полякова // Лингвистическое краеведение Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1977. – С. 42–52.

Полякова Е. Н. К изучению синонимов в пермских памятниках XVII в. / Е. Н. Полякова // Русская историческая лексикология и лексикография. 2. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977 а. – С. 141–147.

Полякова Е. Н. Географические термины в пермских деловых памятниках XVII – начала XVIII века / Е. Н. Полякова // Вопросы ономастики / Урал. ун-т. – Свердловск, 1977 б. – Вып. 12: Русская топонимия и географическая терминология. – С. 148–156.

Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения: Учеб. пособие по спецкурсу / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т. – Пермь, 1979.

Полякова Е. Н. О редактировании пермских деловых документов XVII – начала XVIII в. / Е. Н. Полякова // Русская историческая лексикология и лексикография: межвузовский сб. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – Вып. 3. – С. 89–97.

Полякова Е. Н. Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка: дис...док-ра. филол. наук / Е. Н. Полякова / ЛГУ. – Л., 1983 а.

Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области / Е. Н. Полякова. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1988.

Полякова Е. Н. Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI – начала XVIII века): Учеб. пособие к спецсеминару и спецкурсу / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т. – Пермь, 1990.

Полякова Е. Н. Диалектная лексика шадринских и пермских документов XVIII в. в сопоставлении / Е. Н. Полякова // Координационное совещание

по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: тез. докл. / Краснояр. пед. ин-т. – Красноярск, 1991. – С. 132–134.

Полякова Е. Н. Языковая ситуация в Прикамье в XVII веке / Е. Н. Полякова // Вопросы теории и истории языка. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 110–115.

Полякова Е. Н. Формирование пермских говоров / Е. Н. Полякова // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие / Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – С. 4–30.

Полякова Е. Н. Коми лексика в пермских памятниках XV_ – начала XVIII века // Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: избр. труды / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т и др. – Пермь, 2002. – С. 241–248.

Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: Избр. труды / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т и др. – Пермь, 2002 а.

Полякова Е. Н. Отражение в пермской топонимии связи разных культур (вишерский диалектный географический апеллятив *степь*) / Е. Н. Полякова // Языковое сознание и текст: Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 2004. – С. 251–260.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья первая. *КОКУЙ* / Е. Н. Полякова // Проблемы лингвистического краеведения: материалы межвуз. науч.-практ. конференции / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 2004 а. С. 160–165.

Полякова Е. Н. Речевой портрет пермского писаря XVII века / Е. Н. Полякова // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. статей – Вып. 7: Динамика языковых ситуаций / Перм. ун-т. – Пермь, 2005. – С. 85–95.

Полякова Е. Н. Особенности отражения разговорно-бытовой речи в пермских деловых памятниках конца XVI начала XVIII века // Стереотипность и творчество в тексте: по материалам Междунар. науч. конференции: межвуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 2005 а. – С. 209–213.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья 2. / Е. Н. Полякова // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы науч.-практ. конференции. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2006. – Ч. 2. – С. 87–91.

Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т. – Пермь, 2006 а.

Полякова Е. Н. Коми-пермяцкие материалы в рукописных пермских памятниках XVI–XVIII вв. / Е. Н. Полякова // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегион. науч. конференции / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 27–37.

Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края / Е. Н. Полякова // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (материалы и исследования) / Перм. ун-т.– Пермь, 2009. – Вып. 2.

По Пермскому краю: Туризм в Пермской области-2. – Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2005.

По реке Березовой от истока до устья: Туристско-краеведческий путеводитель / мост. С. В. Котельников, А. А. Чернышов. – Пермь: Мобиле, 2004.

Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. / А. А. Преображенский. – М.: АН СССР, 1956.

Прокошева К. Н. Коми заимствования в составе глагольных фразеологических единиц говоров Северного Прикамья / К. Н. Прокошева // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1974. – Вып. 1. – С. 59–67.

Прокошева К. Н. Очерк афористики Прикамья / К. Н. Прокошева // Лингвистическое краеведение Прикамья / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1988.

Русинова И. И. Всматриваюсь в прошлое с любовью / И. И. Русинова // Глагол: Перм. филол. журнал. – 2007. – № 1. – С. 36–39.

Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение: Учеб. пособие для школьников / сост. В. И. Шенкман, науч. ред. Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2004.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1974.

Рыбалка в Пермском крае. 3-е изд.– Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2007.

Сафронова А. М. Арифметическая школа Пыскорского завода (1738–1742 гг.) / А. М. Сафронова // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конференции, посв. 100-летию Чердын. Краевед. музея им. А. С. Пушкина / Чердын. музей. – Пермь, 1999. – С. 214–217.

Семыкин Д. В. Сравнительный анализ крестьянских именников Чердынского и Вологодского уездов первой четверти XVIII века / Д. В. Семыкин // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: тез. Докл. на межвуз. науч. конференции / Волог. пед. ун-т. – Вологда, 1998. – С. 74–76.

Семыкин Д. В. Чердынская ревизская сказка XVIII века как источник изучения ономастики / Д. В. Семыкин // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конференции, посв. 100-летию Чердын. Краевед. музея им. А. С. Пушкина / Чердын. музей. – Пермь, 1999. – С. 15–21.

Сироткина Т. А. Этнонимия Прикамья: Учеб. пособие по спецкурсу / Т. А. Сироткина / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2004.

Скитова Ф. Л. Об одной фонетической особенности верхневишерских говоров Пермской области / Ф. Л. Скитова // Учен. зап. Перм. ун-та. – Пермь, 1962. – Т. 22, вып. 1. – С. 45–50.

Скитова Ф. Л. Проблема взаимодействия литературного языка и народных говоров в обобщающих работах по диалектной лексикологии / Ф. Л. Скитова // Литературный язык и народная речь / Перм. ун-т. – Пермь, 1981.

Смирнов О. В. Мансийская топонимия бассейна реки Чусовой в записях Г. В. Миллера / О. В. Смирнов // Этимологические исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 121–141.

Смолицкая Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. – М.: Наука, 1982.

Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди / Е. А. Спешилова. – Пермь: Курсив, 1999.

Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – М.: Географгиз, 1950.

Теплоухов А. Ф. Фамилии и геогрфические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях / А. Ф. Теплоухов // Коми му. – Сыктывкар, 1925. – № 9 (19), 10–11 (20–21).

Теуш О. А. Ненецко-коми-русские лексические параллели / О. А. Теуш // Финно-угорское наследие в русском языке: Сборник научных трудов / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 1. – С. 95–120.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1969.

Федорова К. А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли / К. А. Федорова. // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: Тр. 4-й зон. конференции кафедр рус. яз. вузов Урала / Перм. ун-т. – Пермь, 1964. – Вып. 1. – С. 85–92.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1981.

Филин Ф. П. Диалектное слово и его границы // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982.

Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология / Г. А. Хабургаев // Изучение русского языка и источниковедение. – М.: Наука, 1969. – С. 104–126.

Хабургаев, Г. А. Старославянский язык / Г. А. Хабургаев. – М.: Просвещение, 1974.

Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX начале XX века: Учеб. пособие по спецкурсу / Г. Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Том. ун-та. Перм. отд., 1991.

Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учеб. пособие по спецкурсу / Г. Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / Г. Н. Чагин. – Екатеринбург: Сократ, 2002 а.

Чагин Г. Н. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин, А. В. Черных; Администр. Перм. обл. – Пермь, 2002 б.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах / Г. Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004.

Чайкина Ю. И. Из истории топонимии Вологодского края / Ю. И. Чайкина, Л. Н. Монзикова, Е. Н. Варинкова / Волог. пед. ун-т. – Вологда, 2004.

Чайкина Ю. И. Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв. / Ю. И. Чайкина // Вопросы ономастики, 2006. – № 3. – С. 33–37.

Чиркова С. В. К истокам уральского солеварения (историческое наследие Прикамья сквозь призму лингвистических исследований) / С. В. Чиркова // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конференции, посв. 100-летию Чердын. краевед. музея им. А. С. Пушкина / Чердын. музей. – Пермь, 1999. – С. 35–39.

Ширинкин Александр. Россия, которую мы потеряли / Александр Ширинкин. – Пермь, 2002. – Т. 1.

Шитова С. Н. Народная одежда башкир / С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии III. – Уфа: АН СССР (Башкир. отделение), 1968. – С. 125–228.

Шумилов Е. Н. Деревня Егошиха, поселок Егошихинского завода, город Пермь: проблема преемственности / Е. Н. Шумилов // Вестник Смышляевских чтений / Перм. краев. биб-ка им. Горького. – Пермь, 2008. – Вып. 5. – С. 21–24.

Этнический мир Прикамья: Библиографический указатель / Сост. Т. И. Быстрых. – Пермь: Реал, 2003 (Разделы: Этническая история Прикамья. – С. 70–96; Русский язык. Говоры русских Прикамья. – С. 164–183).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СЛОВНИКОВ, СПРАВОЧНИКОВ И КАРТОТЕК С СОКРАЩЕНИЯМИ

Акчим. сл. – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф. Л. Скитовой. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2003. – Вып. 1–5. – Продолжающееся издание.

Алт. сл. – *Словарь* русских говоров Алтая / ред. И. А. Воробьева, А. И. Иванова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Т. 1.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – Вып. 2.

АПК – *Пермский* край: Атлас. – Екатеринбург: ФГУП «Уралаэрогеогдезия», 2007.

Атлас – *Пермская* область. Коми-Пермяцкий автономный округ: Региональный атлас. – М., 2000.

Атлас ПО – *Атлас* Пермской области: География. История. – М.: ДИК, 2000.

Бер – *По реке* Березовой: От истока до устья: Туристско-краеведческий путеводитель / сост. С. В. Котельников и А. А. Чернышев. – Пермь: Мобиле, 2004.

Боднарский – *Боднарский М. С.* Словарь географических названий / М. С. Боднарский. – М.: Госучпедгиз, 1958.

БППК – *Большое* путешествие: Пермский край. Путеводитель: Пермская область, Пермь, Коми-Пермяцкий АО. – Пермь: Стиль-МГ, 2004.

Власов – *Карты* и планы Пермской губернии (в пределах современных границ Пермской области): аннотированный сводный каталог / сост. Ю. А. Власов / Перм. ун-т. – Пермь, 1966.

Воробьев – *Воробев В. М.* Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест / В. М. Воробьев. – М.: Русский путь, 2005.

ГНВП – *Кривощекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1983.

ГЭС – Географический энциклопедический словарь: Географические названия. – М.: Советская энциклопедия, 1989.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1955.

Доп. – *Дополнение* к «Опыту областного великорусского словаря». – СПб., 1858.

Дмитриева Л. М. Ойконимический словарь Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001.

Карт. СГТ – Картотека «Словаря географических терминов в пермских говорах и просторечии», хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

КИПФ – *Полякова Е. Н.* К истокам пермских фамилий: словарь. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1997.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985.

Кривощеков – *Кривощеков И. Я.* Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии / И. Я. Кривощеков. – Пермь, 1914.

КРС – *Коми-русский* словарь / под ред. В. И. Лыткина. – М.: Госиздат иностр. и нац. Словарей, 1961.

КТСПК – *Краткий* топонимический словарь Пермского края / сост. Е. Н. Шумилов; ред. Т. И. Быстрых / Перм. обл. биб-ка. – Пермь, 2005.

КЧС – Картотека Чердынского словаря. Хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

КЭСКЯ – *Краткий* этимологический словарь коми языка / сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970.

КЯД – *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Лексикон – *Лексикон* российской исторической, географической, политической и гражданской. // URL: http://www.encyclopedia.ru/ cat/online/detail / 2332/ (дата обращения: 20.04.2009)

Матвеев – *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь / А. К. Матвеев. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1987.

Материалы – *Полякова Е. Н.* Материалы к словарь географических терминов пермских памятников XVII века / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т. – Пермь, 1972.

МРС – *Марийско-русский* словарь. – Йошкар-Ола: Марий книга, 1991.

Мурзаев – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984.

Никонов – *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: «Мысль», 1966.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: http:// www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 12.04.2009)

НОС – *Новгородский* областной словарь: в 13 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород: Изд-во НГПИ. 1992–2000.

Новосиб. сл. – *Словарь* русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979.

Ономастикон – *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974.

Оп. – *Опыт* областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

ОСВГ – *Областной* словарь вятских говоров / отв. ред. В. А. Бердинских / Вят. пед. ун-т. – Киров, 1996–1998. – Вып. 1–2. – Продолжающееся издание.

ПК – *По Пермскому* краю: Туризм в Пермской области-2. – Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2005.

Подвысоцкий – *Словарь* областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. А. Подвысоцкий. – СПб., 1885.

Подюков – *Подюков И. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004.

Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. / А. Преображенский. – М., 1910–1914. – Т. 2.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2002.

ПЦСС – *Полный* церковно-славянский словарь: в 2 т. / сост. Григорий Дьяченко. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

Радлов – *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – СПб., 1911. Т. 4.

Р. Джемс – *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / Б. А. Ларин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

Региональный атлас – *Пермская* область. Коми-Пермяцкий автономный округ: Региональный атлас. – М., 2000.

РКС – *Русско-коми* словарь. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1966.

Рогов Н. А. – *Пермяцко-русский* и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. – СПб., 1869. – Изд. 2-е, стереотип. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое книж. изд-во, 2006.

САП – *Список* археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР); Управ. культ. Перм. облисполкома. – Пермь, 1986.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вологда: Русь, 1983–2005. – Вып. 1–10.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2001–2005. – Вып. 1–3.

СГСРПО – *Словарь* говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1973.

СГТ – *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т. – Пермь, 2007.

СДЛСИ – *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – М.: Языки славянских культур, 2005.

СДЯ – *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.); РАН. Ин-т рус. яз. – М: Рус. яз, 1988–2004. – Т. 1–7. – Продолжающееся издание.

СИ – *Полякова Е. Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков / Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007.

Сибир. сл. – *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1991.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

СлПЛ – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю. И. Чайкина / Волог. пед. ун-т. – СПб., 2003. – Продолжающееся издание.

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28. – Продолжающееся издание.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. – СПб.: Наука, 1984–2005. – Вып. 1–15. – Продолжающееся издание.

СлСОПИ – *Словарь*-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 вып. / сост. В. Л. Виноградова. – Л.: Наука, 1965–1984.

Смолицкая – *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер) / Г. П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976.

СНМПГ – *Список* населенных мест Пермской губернии. – Пермь. 1905.

СОРЯМР – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. – СПб.: Наука, 2004. – Вып. 1.

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 вып. / под. ред. А. Н. Борисовой и К. Н. Прокошевой. – Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СПИИ РАН – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив Филиала Института российской истории Российской Академии наук. Фонд 122.

СПП – *Словарь* пермских памятников XVI начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

СПФ – *Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И. А. Подюков. – Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: в 7 вып. / под ред. А. К. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1964–1988.

СРГСУ-Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнение / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1966.

Срезневский – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М., 1956.

СРГЮРКК – *Словарь* русских говоров южных районов Красноярского края. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – СПб., 1966–2008. – Вып. 1–41. – Продолжающееся издание.

ССКЗД – *Сравнительный* словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачевой. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ССРЛЯ 2 – *Словарь* современного русского литературного языка. – М., 1991. – Т. 1.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. – М.: Русские словари, Астрель, 2000.

СЦРЯ – *Словарь* церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб., 1847–1848.

Татищев – *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / В. Н. Татищев. URL: http://www.encyclopedia.ru/enc/lexicon/detail/1378/ (дата обращения: 10.04.2009).

Том. диал. сл. – *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / ред. В. В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. – Т. 3.

Том. сл. – *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

Торопов – *Торопов С. А.* По голубым дорогам Прикамья: Туристские маршруты / С. А. Торопов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991.

ТПО – Туризм в Пермской области. Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2002.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

Туркин А. А. Топонимический словарь Коми АССР / А. А. Туркин. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1986.

УРС – *Краткий* удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964–1973.

ФУСЗ – *Материалы* для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – Вып. 1.

Цомакин 1971 – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Н. А. Цомакион / Краснояр. пед. ин-т. – Красноярск, 1971.

Чайкина – *Чайкина Ю. И.* Географические названия Вологодской области: топонимический словарь / Ю. И. Чайкина. – Архангельск: Сев.-Зап. книж. изд-во, 1988.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 2002.

Чупин – *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии: в 2 т. / Н. К. Чупин. – Пермь, 1873–1887.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края / Е. Н. Шумилов. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991.

Элиасов – *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. – М.: Наука, 1980.

ЭСРЯШ – *Этимологический* словарь русского языка для школьников / автор-сост. М. Э. Рут. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1974–2005. – Вып. 1–31.

Fokos-Fuchs – *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch: in 1–2 / D. R. Fokos-Fuchs. – Budapest, 1959.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ С СОКРАЩЕНИЯМИ

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПИИ РАН. Коллекция 115. № 388.

А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / Сост. Л. А. Белова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова. – Усолье: Усольск. ист.-архитек. музей «Палаты Строгановых», 2006.

Ар. к. – *Пермские* документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Короб. №.

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Федора Бельского 187 (1678) году. Копия. Рукопись. Государственный архив Пермского края. Фонд 597. Опись 1. Дело 22.

Вести – Вести Куранты. 1648–1650 гг. / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1983.

Владимир. пам. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1984.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Ф. 281. Оп. №.

Грамотки – Грамотки XVII – начала XVIII века / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1969.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1893. – Вып. 2. – С. 87–146.

Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизарова 7155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. № 18.

Ег 1 – Контора Егошихинского медеплавильного завода. Список о мастеровых за майскую треть 1734 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 218, оп. 1, д. 109.

Ег 2 – Книга долговая состоящим разным казенным и исцовым долгам и доимкам 1745 года Пермского горного начальства Егошихинской казначейской конторы. Рукопись. ГАПК. Ф. 218, оп. 1, д. 183.

ЕЧ – Пермь Великая, Чердынь. Книга переписная переписи Прокофья Елизарова 155 (1647) году. Рукопись. РГАДА. Ф. 1209, оп. «Поместный фонд», ед. хр. 351.

К – Писцовая книга Кайсарова 1623–1624 гг по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина: Сб. исторических статей и материалов о Пермском крае. – Пермь, 1889. С. 110–194.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.). – СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукописи. Российский государственный архив древних актов. Фонд 687. Опись 1.1702–1705 гг.

КМ – Соликамские столбцы XVII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей. Док. №.

КМ т. – Соликамские тетради XVIII века. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей. № 1–4.

КС – Писцовая книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623–1624 гг. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256, д. 308, л. 153–187.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII–XVIII вв. Рукописи. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1015. Опись 1.1706–1710 гг.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI–XVIII вв. Рукопись. Пермская краевя библиотека имени А. М. Горького. Ф. редкой книги. № 61539.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. Государственный архив Пермского края. Фонд 111. Опись 3. № 374.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623–1624 гг. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Оп. 3. Д. 308. С. 46–186.

Моск. письм. – Памятники московской деловой письменности XVIII века / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1981. – 318 с.

Пермская область: Административно-территориальное деление. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1963.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

ПКМ – Свитки XVII в. Рукопись. Пермский краевой музей. Фонд 11101. Ед. хр. №.

ПП – Перепись стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского на Кунгуре на посаде и в Кунгурском уезде в розных деревнях 7158 декабря в 1 день (1649 г.). Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Новгородский приказ. Лист 583.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. – М.;Л., 1949. Т. 1.

РГАДА 829 – Кунгурская таможня. Рукопись. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. №.

РГАДА, 1278 – Фонд Строгановых. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1278. Опись 1. Единицы хранения 24, 46.

РР – Расспросные речи чердынцев и пермян по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и о проч. на северо-восток от Перми 1667 сентября. Рукопись. СПИИ РАН. Ф. 122, пер. 7. III, № 939.

РС – Расписные списки. Российский государственный архив древних актов. Рукопись. Фонд 137.

РСС – Расписные списки. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 137. Опись «г. Соликамск».

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 1–5.

РСЧ а – Расписной список г. Чердыни, 1686 г. Рукопись. Российский государственный архив древних актов. Фонд 137. Опись 8. Единица хранения 4.

СНМПГ, Охан. – Список населенных мест Пермской губернии. Оханский уезд. – Пермь, 1909.

СНМПГ, Перм. – Список населенных мест Пермской губернии. Пермский уезд. – Пермь, 1908.

СНМПГ, Соликам. – Список населенных мест Пермской губернии. Соликамский уезд. – Пермь, 1909.

СНПУО – Список населенных пунктов Уральской области. Т. 8. Пермский округ. – Свердловск, 1928.

Список – Список абонентов Пермской городской телефонной сети. Квартирные телефоны. – Пермь: Звезда, 1980. – Ч. 2.

Список археол. пам. – Список археологических памятников Пермской области (К своду памятников истории и культуры РСФСР). – Пермь, 1986.

СЧ – Подушный список жителей мужского пола сел деревень и починков Соликамской провинции первой половины XVIII в.: Книга Чердынского уезду. Рукопись. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Уд – *Удинцев В.* История займа / В. Удинцев. – Киев, 1908. С. 233–252.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1, № 2357.

ЧА – Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1857. – Кн. 25.

Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / сост. Е. Н. Сухотина (Воронкова); Челяб. пед. ун-т. – Челябинск, 2005. Ч. 4.

Черд. акты – *Чердынские* акты. Рукопись // Архив СПИИ РАН. Ф. 122. Короб. III. № 799.

ЧМ – Чердынские свитки XVII–XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Рукопись. Ф. № 2558, 2561.

Ш – Шишонко *В.* Пермская летопись. Периоды 1–5. – Пермь, 1880–1889.

Ш 1 – Шишонко В. Пермская летопись. Первый период / В. Шишонко. – Пермь, 1881.

Ш 2 – Шишонко В. Н. Пермская летопись. Второй период / В. Шишонко. – Пермь, 1882.

Ш 3 – Шишонко В. Н. Пермская летопись. Третий период / В. Шишонко. – Пермь, 1884.

Ш, 5_1 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1. – Пермь, 1885.

Ш, 5_2 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 2. – Пермь, 1887.

Ш, 5_3 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 3. – Пермь, 1889.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. С. 1–46.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

араб. – арабский
венг. – венгерский
вепс. – вепсский
греч. – греческий
коми-зыр. – коми-зырянский
коми-перм. – коми-пермяцкий
манс. – мансийский
мар. – марийский
морд. – мордовский
прибалт.-фин. – прибалтийско-финский
рус. – русский
тюрк. – тюркский
урал.-алт. – урало-алтайский
фин. – финский
фин.-угор. – финно-угорский
эст. – эстонский

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ И ТЕРРИТОРИЙ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Алекс – гор. Александровск
Бар. – Бардымский район
Бер. – Березовский район
Больш. – Большесосновский район
Вер. – Верещагинский район
Гайн. – Гаинский район
Горнозав. – Горнозаводский район

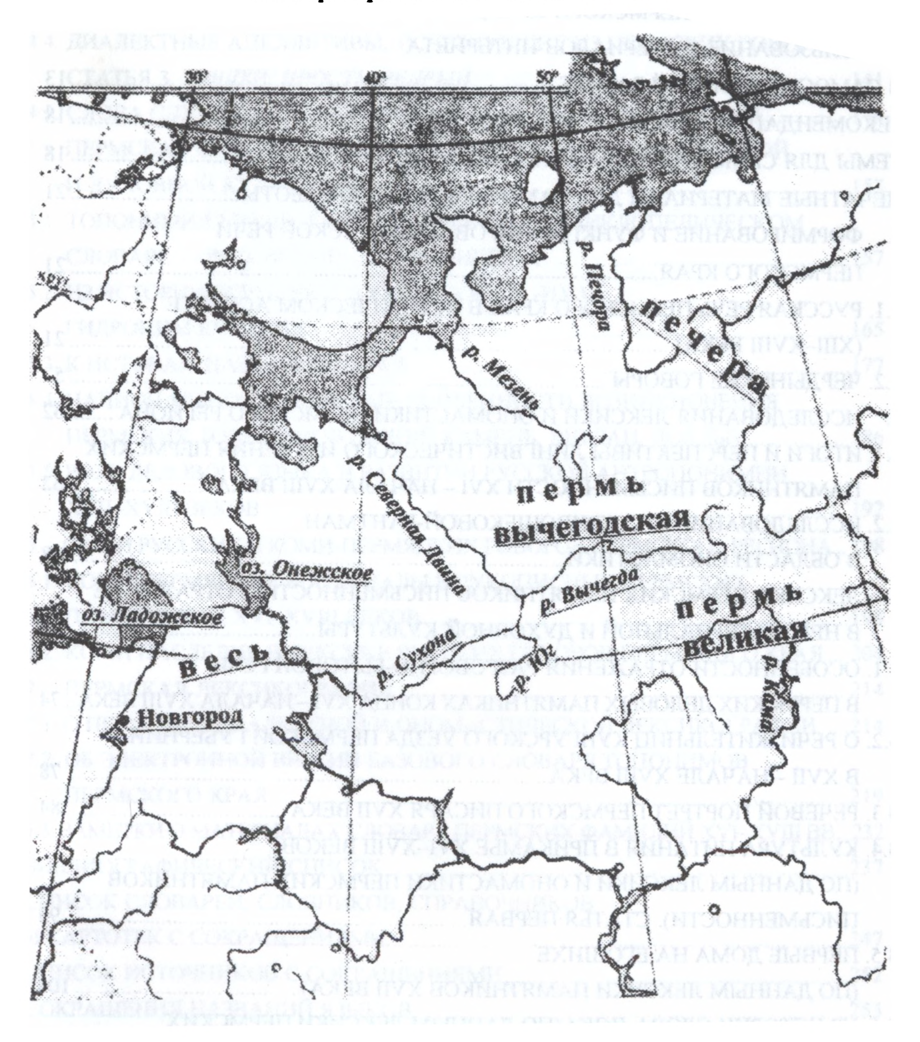
Губ. – Губахинский район
Доб. – Добрянский район
Ил. – Ильинский район
Кар – Карагайский район
Киш. – Кишертский район
Красновиш. – Красновишерский район
Краснокам. – г. Краснокамск
Куд. – Кудымкарский район
Кун. – Кунгурский район
Лыс. – Лысьвенский район
Ныт. – Нытвенский район
Орд. – Ординский район
Ос. – Осинский район
Перм. – Пермский район
Сив. – Сивинский район
Сол. – Соликамский район
Сук. – Суксунский район
Уин. – Уинский район
Ус. – Усольский район
Чайк. – Чайковский район
Час. – Частинский район
Черд. – Чердынский район
Черн. – Чернушинский район
Чус. – Чусовской
Юс. – Юсьвинский район

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАПК – Государственный архив Пермского края
Д. – дело
Док. – документ
Ед. хр. – единица хранения
Кол. – коллекция
Короб. – коробка
Л. – лист
об. – оборот
Оп. – опись
Пер. – переплет
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
СПИИ РАН – архив Санкт-Петербургского Института российской истории Российской академии наук
Ф. – фонд

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта-схема «Север европейской части России»



ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 3
ПРОГРАММА КУРСА «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОГО КРАЯ)» ... 6
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИНТЕРНЕТА В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ... 13
РЕКОМЕНДАЦИИ К НАПИСАНИЮ РЕФЕРАТА ... 18
ТЕМЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ... 18
ПЕЧАТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ... 21
1. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ ... 21
1.1. РУССКАЯ РЕЧЬ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (XIII–XVIII ВЕКА) ... 21
1.2. ЧЕРДЫНСКИЕ ГОВОРЫ ... 52
2. ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА ... 62
2.1. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА ... 62
2.2. ИССЛЕДОВАНИЯ А. С. КРИВОЩЕКОВОЙ-ГАНТМАН В ОБЛАСТИ ОНОМАСТИКИ ... 68
3. ЛЕКСИКА ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ... 74
3.1. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ РАЗГОВОРНО-БЫТОВОЙ РЕЧИ В ПЕРМСКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА .. 74
3.2. О РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦ КУНГУРСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА ... 78
3.3. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПЕРМСКОГО ПИСАРЯ XVII ВЕКА ... 84
3.4. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI–XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ ... 93
3.5. ПЕРВЫЕ ДОМА НА ЕГОШИХЕ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ ПАМЯТНИКОВ XVII ВЕКА) ... 108
3.6. ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *ПОКА* (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ ПЕРМСКИХ И ДРУГИХ РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ) ... 113
4. ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ... 117
4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ И ПРОСТОРЕЧИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ (НАЗВАНИЯ ОВРАГОВ И ПРИРОДНЫХ ЯМ) ... 117

4.2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ С КОРНЕМ *НИЗ-*
В РУССКОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ 132
4.3. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ, ИСЧЕЗНУВШИЕ ИЗ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ.
СТАТЬЯ 2. *КЕ́КУР* 138
4.4. ДИАЛЕКТНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ, ИСЧЕЗНУВШИЕ ИЗ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ.
СТАТЬЯ 3. *ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ* 141
4.5. СЛОВА *СЛУДА, СЛУДКА* В ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ТОПОНИМИИ 149
5. ПЕРМСКАЯ ОНОМАСТИКА И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ 157
5.1. ТОПОНИМИЯ УРАЛА В ПЕРВОМ РУССКОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ
СЛОВАРЕ – «ЛЕКСИКОНЕ» В. Н. ТАТИЩЕВА 157
5.2. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ТОПОНИМОВ НА -ИХА.
ГИДРОНИМ *ЕГОШИХА* 165
5.3. К ИСТОКАМ НАЗВАНИЯ *ПЕРМЬ* 177
5.4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПЕРМСКИХ ТОПОНИМОВ (ДИВИЙ КАМЕНЬ, ВЕТЛАН, ДОЛДЫ) 186
5.5. РОЛЬ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ
XVII–XVIII ВЕКОВ 192
6. СВЯЗИ РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА 198
6.1. КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ МАТЕРИАЛЫ В РУКОПИСНЫХ ПЕРМСКИХ
ПАМЯТНИКАХ XVI–XVIII ВЕКОВ 198
6.2. КОМИ НАСЛЕДИЕ В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ 204
7. ПЕРМСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ 214
7.1. О ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ 214
7.2. ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ БАЗОВОГО СЛОВАРЯ ТОПОНИМОВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ 219
7.3. ЗАМЕТКИ О МАТЕРИАЛАХ СЛОВАРЯ ПЕРМСКИХ ФАМИЛИЙ XVI–XVIII ВВ. 232
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 237
СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СЛОВНИКОВ, СПРАВОЧНИКОВ
И КАРТОТЕК С СОКРАЩЕНИЯМИ 247
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ С СОКРАЩЕНИЯМИ 252
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ 255
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ И ТЕРРИТОРИЙ УПРАВЛЕНИЯ
ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ 255
ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ 256
ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТА-СХЕМА «СЕВЕР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ» 257

Учебное издание

Полякова Елена Николаевна

Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья

Материалы для самостоятельной работы

Редактор *Сидорова Л. П.*
Корректор *Северова Л. П.*
Компьютерная верстка *Селивановой Е. А.*

Подписано в печать 10.06.2009. Формат 60 х 84/16.
Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 15,11. Тираж 250 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П. Г. ОГРН 304590427400071

Адрес: 614068, г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 121.
Тел. 236–53–43, тел./факс 236–53–53.
E-mail: ld36@yandex.ru

Верх. Старица
Касимовка
Пятигоры
Нятяино
Панино
Кривцы
Ниж. Ворцева
Нов. Светлица
Усть-Коса
Сумыч
Бараново
Порошево
Мыс
Несоли
Солым
Маскали
Одань
Коса
Нагорная
Ниж. Коса
Лолог
Сосновка
Верх-Лель
Кордон
Почь-Сай
Коса
Селище
Нов. Гущино
Стар. Гущино
Коса
Ульва
Сред. Бачманово
Пыдосово
Чирково
Андроново
Сенино
Быково
Горки
Левичи
Краснобай
Бурена
Войвыл
Кругляшка
Уролка
Пуксиб
Крутики
Басим
Новожилово
Гришкино
Демидовка
Мараты
Абрамовка
Пузым
Буждым
Денино
Шалам
Бол. Коча
Мара-Пальник
Демидово
Киршино
Дзельгорт
Лямпино
Чураки
Петухи
Усть-Онолва
Зинково
Высокова
Вильыб
Киев
Коса
Комино
Гунина
Трезубы
Сороковая
Загижга
Красная Курья
Ефремова
Усть-Пышья
Федотова
Пож
Тимина
Сергеева
Каменка
Сюрол
Чугайнов Хутор
Эрна
Велва
Шарволь
Киршина
Архипова
Сизева
Мелехина
Галюкова
Савина
Егорова
Баранова
Патрукова
Нов. Шляпина
Стар. Шляпина